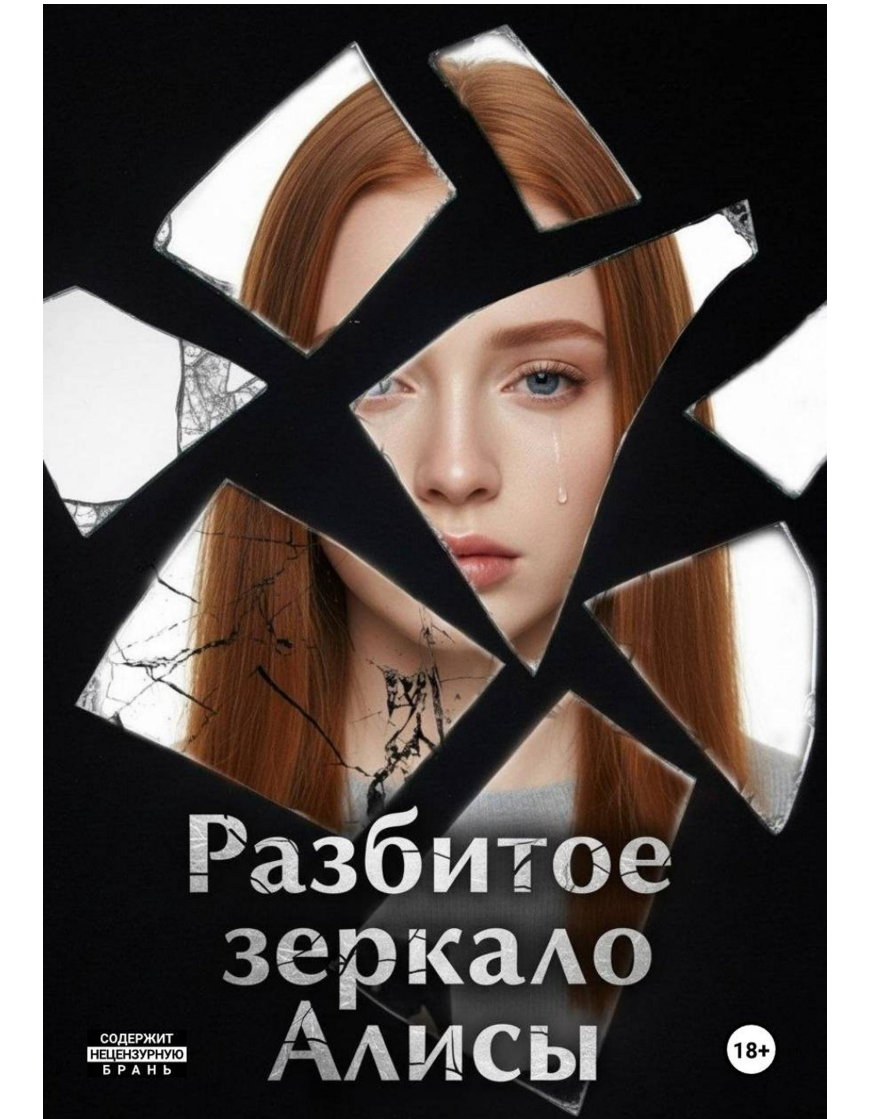

A close-up portrait of a young woman with long, straight, light brown hair and blue eyes. She has a single tear on her right cheek and a somber expression. The image is framed as if looking through a shattered mirror, with several jagged, irregular pieces of glass visible. A large, thick black 'X' is superimposed over the entire image, crossing from corner to corner.

Разбитое зеркало Алисы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Маримар Рейн

Разбитое зеркало Алисы

<https://litres.ru/74451237>

SelfPub; 2026

Аннотация

Переезд должен был стать временным решением, но для Алисы он обернулся настоящей битвой. В новой школе её фамилия становится поводом для войны: здесь не прощают чужого происхождения и не терпят тех, кто не вписывается в привычные рамки. А когда к этой вражде добавляется внимание парня из «вражеского лагеря» — сына главного конкурента её отца — ситуация становится по-настоящему опасной. Свидания превращаются в тайные операции, а любое проявление доверия может обернуться ударом в спину. Алисе предстоит не только выжить в этой игре без правил, но и решить: стоят ли эти чувства того, чтобы остаться здесь, или лучше вернуться в Москву?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	30
Глава 3	59
Глава 4	86
Глава 5	112
Глава 6	143
Глава 7	166
Глава 8	188
Глава 9	217
Глава 10	243
Глава 11	271
Глава 12	297
Глава 13	330
Глава 14	348
Глава 15	384
Глава 16	417
Глава 17	439
Глава 18	471
Глава 19	496
Глава 20	522
Глава 21	556
Конец ознакомительного фрагмента.	572

Разбитое зеркало Алисы

Пролог

Алиса, дрожащими руками, нащупала ручку, потянула на себя. Тяжёлая дверь поддалась. Она выскочила на крыльцо в одних носках, схватив кроссовки в руки, не помня себя, и побежала по дорожке, не оглядываясь. За спиной донеслись сдавленные крики, гневный голос Сергея и молящий голос Максима: «Алиса, подожди!». Но она не ждала. Она бежала, чувствуя, как слёзы, наконец, прорываются наружу, смешиваясь с холодным ветром. Он знал. Он всё знал. И этот роскошный, холодный дом, и этот ужасный человек — это его мир. А она была всего лишь глупой пешкой в их игре, которая по ошибке поверила, что рыцарь на мотоцикле — не часть тёмной стороны.

Она бежала не останавливаясь, её сердце колотилось так, будто пыталось вырваться через горло, а в ушах стоял оглушительный звон, заглушающий все другие звуки. Мелкие камешки и острые края плитки болезненно впились в подошвы тонких носков, оставляя на коже ссадины и царапины, но Алиса не чувствовала этой боли — её перекрывал всепоглощающий ужас, леденящий и плотный, как туман. Слёзы жгли глаза, застилая мир мутной, дрожащей пеленой, и она даже не разбирала дороги, просто неслась вперёд, подго-

няемая инстинктом загнанного зверя, боясь оглянуться, боясь, что из-за угла вот-вот появится чёрный лексус или чьи-то цепкие руки.

Вдруг – резкий рывок.

Мужские руки, сильные и неумолимые, обхватили её сзади, одна ладонь грубо прижалась к её губам, заглушая начавшийся вырываться крик, а другая, обвив талию, подхватила и потащила в сторону. Испуганно замычав, девушка инстинктивно затрепыхалась, пытаясь ударить локтями, вырваться, но её буквально оторвали от земли и затащили в густые, колючие кусты сирени, что росли вдоль высокого кирпичного забора ближайшего участка. Они упали на сырую, холодную землю, перемешанную с прошлогодней листвой, и парень, не отпуская её, отполз глубже, к самому забору, прижимаясь спиной к шершавому кирпичу.

– Тихо, – скомандовал знакомый голос прямо у её уха, и она снова попыталась вырваться, оттолкнуть его, но его хватка была стальной. – Если ты сейчас не замолчишь, они поймут тебя! Поняла?

Глава 1

За стеклом иллюминатора раскинулась причудливая паутина узких улиц и извилистая лента реки, сверкающая под последним августовским солнцем. Алиса прижала лоб к прохладному пластику, следя, как городок медленно приближается, словно вырастая из зеленого ковра полей и лесов. Она радостно улыбнулась, поймав себя на мысли, что это место с высоты птичьего полёта выглядело уютно и безмятежно, как игрушечный макет из её детства.

Девушка повернулась к красивой женщине с каштановыми волосами, которая отложила глянцевый журнал о бизнесе. Ирина Лисицына улыбнулась в ответ, но в её голубых глазах, на миг тронутых усталостью, плавала тень беспокойства.

– Да, похоже, – мягко согласилась она, – Лисёнок, ты не злишься на нас с папой?

Ирина коснулась руки дочери, заглядывая в её голубые глаза – точную копию отцовских, только обрамлённых длинными густыми ресницами. Алиса унаследовала от Егора не только цвет радужки, но и его упрямый характер, который сейчас проявлялся в спокойной уверенности.

– За что?

– Мы переехали из Москвы в небольшой город прямо перед выпускным классом... Тебе пришлось оставить друзей, свои интересы, танцевальную и художественную студию... –

голос матери дрогнул.

Алиса покачала головой, и её прямые рыжие волосы скользнули по плечам. Она действительно не злилась. Да, в Москве остались знакомые, совместные походы в кино и бессмысленные прогулки по торговым центрам, но это не вызвало острой привязанности. Она с детства росла в кругу детей обеспеченных родителей, где дружба часто была тонко завуалированной формой конкуренции или взаимовыгодного обмена связями. Никто не знал соседей по лестничной клетке, и сама Алиса давно привыкла к этому защитному отчуждению. Поэтому новость о переезде в начале лета не стала для неё трагедией.

– Всё нормально, – она уверенно кивнула, – Не переживай, мам. Я не злюсь. Здесь будет... тихо. А тишину я люблю. И рисовать можно где угодно.

Она не ждала ничего особенного от этого городка. Ирина вздохнула с облегчением и потянулась, чтобы поправить дочери воротник блузки.

– Папа очень надеется, что здесь всё получится. Новый завод... это большой шаг для компании.

– Я знаю. – Алиса снова посмотрела в окно. Самолёт начал плавно снижаться, и теперь можно было разглядеть крошечные машины на дорогах и квадратики огородов. – А школа здесь какая?

– Школа 69. Директор – Лидия Петровна – очень рекомендована. Говорят, сильная программа. Завтра я сама тебя

отведу, познакомлюсь.

Самолёт коснулся взлётной полосы небольшого, но ухоженного аэродрома с лёгкой вибрацией. Через полчаса, спустившись по трапу из личного лайнера семьи Лисицыных, они ступили на асфальт, пахнувший нагретой хвоей и машинным маслом. Воздух был густым, и Алиса невольно глубоко вдохнула, чувствуя, как лёгкие наполняются непривычной свежестью.

– Ну, вот, прибыли, – раздался спокойный баритон сзади.

Егор Лисицын, высокий, подтянутый мужчина с рыжими волосами, тронутыми благородной сединой на висках, положил руки на плечи жены и дочери. Его лицо, с аккуратной бородой и усами, выражало уверенность и деловую сосредоточенность, но в уголках глаз светилась тёплая усталость.

– Такси ждёт. Поехали смотреть наше новое гнездо.

Машина уже стояла рядом. Водитель, немолодой мужчина в строгой форме, молча кивнул и принялся грузить чемоданы в багажник. Семья устроилась на просторном заднем сиденье.

Узкие улочки городка проплывали за окном, как кадры замедленного кино. Деревянные дома с резными наличниками соседствовали с новыми кирпичными коттеджами. На центральной площади, которую они проехали, виднелась старинная церковь с покосившимся крестом и несколько магазинчиков с вывесками. Алиса заметила, как пара пожилых женщин на скамейке проводили машину оценивающи-

ми взглядами, потом склонились друг к другу, явно обсуждая новоприбывших.

– Местные, видимо, сразу вычисляют чужаков, – тихо сказала она.

– В маленьких городах так всегда, – отозвался Егор, не отрываясь от планшета с графиками. – Все всех знают, но это и хорошо. Своя атмосфера.

– Только бы не слишком «своя», – пробормотала Ирина, глядя на покосившийся забор у одного из домов.

Жилой комплекс «Серебряный Капитан» возник внезапно, как белый корабль, выброшенный на берег реки. Он был выполнен в светлых, почти молочных оттенках, ограждён кованым забором с витиеватым узором и окружён аккуратным садиком с туями и розами. Современная архитектура резко контрастировала с окружающей патриархальной застройкой, и Алиса почувствовала лёгкий укол отчуждения. Они будто привезли с собой кусочек чужого, большого мира.

– Ну, вот мы и дома, девочки, – сказал Егор, когда они поднялись на третий этаж на лифте с зеркалами в позолоченных рамах.

Он обнял свою семью, оставив на лбах женщин по нежному, чуть шершавому от щетины поцелую, и первым переступил порог квартиры. Алиса замерла на секунду, вдыхая воздух, насыщенный запахом новой краски и свежего лака от паркета.

– Ого, – выдохнула она, заходя внутрь.

Просторная гостиная с панорамными окнами, выходящими на реку, была залита послеобеденным солнцем. Интерьер выглядел стильно, безлично и временно, словно номер в дорогом отеле. В углу комнаты аккуратными стопками стояли картонные коробки с их московскими вещами, напоминая, что жизнь здесь только начинается.

– Ремонт только закончили, – пояснил Егор, скидывая пиджак на спинку кресла. – Вся техника новая, мебель тоже. Если что-то не нравится – скажите, заменим.

– Всё прекрасно, – улыбнулась Ирина, уже осматривая кухню. – А где наши чемоданы?

– Их в спальни отнесли. Давайте разбираться.

Разбор вещей начался неспешно, с лёгкой неразберихой. Алиса тащила свою коробку с книгами и альбомами для рисования в отведённую ей комнату. Она была меньше московской, но светлее, с балкончиком, и вид из окна открывался на ту самую реку и дальний лес.

– Поможешь, пап? – крикнула она отцу, который, засучив рукава рубашки, пытался собрать из плоских упаковок книжную полку.

– Давай, только инструкцию найди, а то тут эти штуки... – он с досадой тряхнул пластиковым креплением.

Ирина, распаковывая на кухне фарфоровый сервиз, доставшийся от бабушки, позвала их пить чай. За большим кухонным столом, ещё пахнущим деревом, семья устроила первый привал.

– Так, – Егор отхлебнул из кружки. – Завтра у меня встреча с местной администрацией по поводу участка под завод. Ирина, ты свяжешься со школой, да?

– Уже договорилась. Завтра в десять мы там будем. Алиса, тебе форма нужна?

– Не знаю. В описании школы сказано – деловой стиль. Наверное, подойдёт то, что есть.

Девушка достала из сумки блокнот и карандаш и набросала быстрый скетч – вид из окна её комнаты. Река, отражение заката, силуэты деревьев. Она чувствовала странное спокойствие, смешанное с лёгкой тревогой. Завтра новая школа, новые лица. В Москве она могла раствориться в толпе. Здесь, судя по всему, каждый на виду.

– Мам, а что за люди здесь? – спросила она, не отрывая карандаша от бумаги.

– Местный бизнес, в основном. Есть несколько семей, которые держат всё в своих руках. Папа изучил. – Ирина переглянулась с мужем. – Главное – не наживать врагов в первый же день. Мы здесь новые, и к нам будут присматриваться.

– Особенно к тебе, дочка, – добавил Егор, серьёзно глядя на Алису. – Школа элитная, дети из семей... с амбициями. Будь осторожна в выборе друзей.

– Я всегда осторожна, – парировала Алиса, дорисовывая облако. – Я же Лисицына.

Отец усмехнулся, гордясь её напором.

Вечер пролетел в хлопотах. Алиса разложила одежду в

гардеробе, поставила на полку любимые книги и фотографию с московскими подругами, на которой все улыбались слишком широко, словно по команде. Она поймала себя на том, что не испытывает ностальгии по этому снимку. Возможно, здесь, в тишине, у неё появится шанс найти что-то настоящее, или, по крайней мере, спокойно закончить школу и поступить в институт.

Ночь прошла беспокойно. Незнакомые звуки за окном будили её. Алиса ворочалась, думая о завтрашнем дне.

Утро началось с суеты. Ирина, уже собранная и элегантная в светлом костюме, торопила дочь завтракать. Алиса надела простую белую блузку и тёмно-синюю юбку-карандаш – строго и нейтрально. В зеркале на неё смотрела высокая рыжая девушка с прямым, чуть надменным взглядом, который она переняла у отца для защиты от чужих оценок.

– Готова?

– Готова.

Дорога до школы заняла не больше пятнадцати минут. Школа 69 оказалась внушительным трёхэтажным зданием из красного кирпича, с колоннами у входа и ухоженной территорией. Она больше походила на частный колледж, чем на обычное учебное заведение. У ворот уже толпились ученики в дорогой, но выдержанной в деловом стиле одежде. Многие приехали на машинах с водителями. На Алису и Ирину обернулись несколько пар любопытных глаз.

– Ничего, всё будет хорошо, – прошептала мама, беря дочь

под руку.

В холле пахло свежим воском и кофе из учительской. Секретарь, молодая женщина с напряжённой улыбкой, проводила их в кабинет директора.

Лидия Петровна оказалась сухощавой женщиной лет пятидесяти с седыми, туго убранными волосами и пронзительным взглядом серых глаз. Она поднялась из-за массивного дубового стола, заваленного бумагами, и пожала Ирине руку.

– Рада вас видеть, Ирина Викторовна. А это, я полагаю, Алиса? Проходите, присаживайтесь.

Алиса села на краешек кожаного кресла, положив руки на колени. За стеной доносился глухой гул урока – голос учителя, редкие реплики учеников.

– Мы очень рады, что ваша семья выбрала наше учебное заведение, – начала директор, складывая перед собой пальцы. – У нас сильный педагогический состав, углублённое изучение ряда предметов, множество факультативов. Но главное – особый дух. Наши ученики – будущая элита. Здесь ценят не только знания, но и репутацию, умение держать себя в обществе, уважение к традициям и... к семьям друг друга.

Она сделала паузу, глядя на Алису так, словно пыталась прочесть что-то на её лице.

– У нас свои порядки, Алиса. Сплетни распространяются быстро. Советую быть осмотрительной в словах и поступках. Ваша фамилия теперь на слуху, и за ней будут внимательно

наблюдать.

– Я понимаю, – тихо сказала Алиса, чувствуя, как под взглядом директора её защитная маска надменности становится только прочнее.

– Отлично. – Лидия Петровна протянула ей тонкую папку. – Здесь расписание, правила внутреннего распорядка, кодекс одежды. Изучите. Сейчас у вашего класса второй урок – история. Я провожу вас.

Ирина обняла дочь на прощание, прошептав: «Звони, если что». Её взгляд был полон тревоги, но Алиса лишь уверенно кивнула. Она была готова. Или так ей казалось.

Директор повела её по длинному, светлому коридору. Из-за закрытых дверей доносились обрывки лекций и звук мела по доске. Алиса шла, глядя прямо перед собой, сжимая в руке лямку нового рюкзака. Её сердце учащённо билось, но лицо оставалось спокойным.

– Вот здесь, 11-«А», – остановилась Лидия Петровна перед массивной дверью с табличкой. Она приоткрыла её, жестом приглашая Алису войти первой.

В классе на мгновение воцарилась тишина. Тридцать пар глаз устремились на новенькую, стоявшую на пороге. Алиса сделала шаг вперёд, ощущая, как её привычная уверенность начинает таять под этим коллективным, оценивающим взглядом. Где-то с задних парт послышался сдавленный смешок.

«Всё нормально, – сказала она себе мысленно. – Просто

ещё один урок». Но где-то в глубине души уже зарождалось понимание, что этот год не будет тихим. Он только начинался.

Девушка стояла перед классом, крепче сжимая в руках лямку рюкзака. Её рыжие волосы, яркие как осенние листья, спадали на плечи, а голубые глаза бегали по рядам незнакомых лиц. Новый город, новая школа — всё это пугало её, но Алиса старалась держаться уверенно.

Сердце колотилось.

– Ребята, это ваша новая одноклассница, её зовут Алиса Лисицына, – произнесла учительница истории и по совместительству классная руководительница, Ирина Игоревна, поправляя очки на носу. Её голос был строгим, но добрым, как у тёти, которая всё равно поможет.

Класс зашумел. С задних парт раздался ехидный голос:

– О нет, Колобок, у тебя проблемы!

Класс дружно засмеялся. Алиса заметила, как тучный парень с тёмными волосами, сидевший в углу, лишь весело хмыкнул, не отрываясь от телефона.

– Тихо! – Ирина Игоревна грозно сверкнула глазами через очки, стуча указкой по доске. – Алиса, расскажи что-нибудь о себе, не стесняйся.

Парень с третьей парты, пухлый блондин с озорной ухмылкой, тут же поднял руку.

– Это твои родители фармацевтической компанией владеют? «ЛиФарм»?

Алиса кивнула, стараясь улыбнуться. Ей было приятно, что кто-то знает о семье, но и неловко.

– Да, верно. Всем привет, приятно познакомиться. Я из Москвы, люблю рисовать и петь. Надеюсь, подружимся.

С разных сторон зазвучали приветствия, кто-то даже зааплодировал. Атмосфера разрядилась, и урок истории полетел быстро — Ирина Игоревна увлечённо рассказывала о Второй мировой, размахивая старыми картами. Алиса украдкой записывала, чувствуя, как напряжение уходит.

Как только прозвенел звонок на перемену, её парту обступили одноклассники. Вопросы посыпались градом: «Почему переехала?», «Есть ли парень?», «В каком районе живёшь?». Девушки хихикали, парни толкались локтями. Алиса отвечала, улыбаясь, но внутри радовалась знакомствам — школа казалась дружной.

– Дайте же ей вздохнуть! – раздался звонкий голос. Распихивая одноклассников плечами, к парте подошла светловолосая девушка с длинной косой, перекинутой через плечо, и серыми глазами, полными задора, – Привет. Меня Стеша зовут, это мой брат Илья.

Позади неё появился парень среднего роста, худощавый, с короткой светлой стрижкой и такими же серыми глазами, как у сестры. Илья ухмылялся нахально, в руках вертел тяжёлый браслет. Он был типичным сорванцом — энергичный, с вечной искрой в глазах.

– Здравов! – он махнул рукой и запрыгнул на соседнюю

парту, болтая ногами. – Новенькая, да? Держись нас, а то эти здесь — сплошные прилипалы.

Алиса рассмеялась, чувствуя симпатию к этой паре.

– Привет. Я Алиса. Рада знакомству.

Стеша улыбнулась тепло, её глаза светились искренностью. Она хотела подружиться сразу — такая уж натура: всегда тянулась к новичкам, особенно к девушкам вроде Алисы, которые казались интересными.

– Да ты прям соответствуешь фамилии, Лисицына! Рыжие волосы — огонь. Это натуральный цвет? Не краска?

Алиса немного сконфузилась, потянувшись к чёлке, чтобы заправить её за ухо.

– Натуральный. У папы такие же.

– Не подумай, я не хотела обидеть! – Стеша вытянула руки, будто сдаваясь, её коса качнулась. – Просто классно выглядит. У меня подруги все блондинки, как я, скучно. Расскажи о себе побольше? Чем увлекаешься?

Они болтали, когда внезапно в открытое окно, лихо перепрыгнув подоконник, запрыгнул ещё один юноша. Высокий, с широкими плечами и атлетичным телом. Тёмные волосы взъерошены, голубые глаза искрятся авантюризмом. Прогулял первый урок — типичная манера хулиганов. Эдакий принц из романов, но с бунтарским уклоном: в потрёпанной куртке, джинсах и с ухмылкой победителя.

Алиса нахмурилась. Почему-то он вызвал в ней раздражение — слишком самоуверенный.

– О, Максимка! – Стеша улыбнулась широко, махнув рукой. – Иди сюда, знакомиться будем. Это Алиса, новенькая. Алиса, это Максим Костровский или, как зовут все, Костёр, наш классный акробат. Первый урок прогулял, как всегда?

Максим спрыгнул на пол грациозно, отряхивая руки. Его взгляд задержался на Алисе дольше, чем нужно, оценивая.

– Прогулял? Работа важнее уроков, Стеш. Привет, рыжая. Добро пожаловать в мой цирк.

– Что, дверью так и не научился пользоваться? – Стеша поддразнила, толкая Илью локтем. – Вечно через окно, как вор.

– А ты всё Илюху на поводке таскаешь за собой? – парировал Максим, его голубые глаза блеснули. – Брательник, не слушай сеструху, она просто завидует моей ловкости.

Илья спрыгнул с парты, хмыкнув. Между парнями повисло лёгкое напряжение — старая дружба с подколками.

– Слышь, ты чо рыпаешься? Я сам по себе хожу, без поводков. Максим усмехнулся, шагнул ближе.

– Рыпаюсь? Да ладно, Аксёнов, ты же знаешь, я шучу. – Они пожали руки крепко, хлопнув друг друга по плечам. Напряжение спало мгновенно.

Алиса наблюдала, улыбаясь. Стеша тем временем под села ближе, шепнув:

– Не обращай внимания на их понты. Они лучшие друзья, хоть и грызутся. Максим — парень с золотыми руками, всё чинит, мотоциклы тюнингует. А Илья — наш комик. Хо-

чешь, покажу школу? Перемена длинная.

– Конечно, давай! – Алиса оживилась. Ей нравилась Стеша — открытая, заботливая, с чувством юмора. Они встали, обходя парты. Илья запрыгнул обратно на парту, болтая ногами.

– Не слушай Стешку! Она тебя на свои диеты посадит. «Только йогурт и салат» — её девиз.

– Заткнись, Илюха! – Стеша шутливо шлёпнула брата по плечу. – Алиса, он завидует, что я ем меньше и выгляжу лучше.

Максим рассмеялся, подходя ближе к Алисе. Его присутствие раздражало её — слишком близко стоял, слишком уверенно смотрел.

– Игнорь их. А ты откуда такая?

Алиса подняла бровь, скрестив руки.

– А ты всегда так в окна лазаешь?

– Только когда новенькие приходят, – подмигнул он. – Добро пожаловать.

Стеша закатила глаза.

– Ой, герой-любовник проснулся. Алиса, пошли, покажу буфет. Там пирожки вкусные.

Они двинулись к двери, парни за спиной. Илья толкнул Максима:

– Смотри, Костёр, новенькая не клюнула на твой шарм.

– Она его ещё не видела, – буркнул Максим, но в глазах мелькнуло интерес.

Стеша, не переставая болтать, повела Алису дальше по длинному школьному коридору, выложенному светло-бежевой плиткой. За ними неспешно плелись Илья с Максимом, перебрасываясь тихими репликами о чём-то своём. Энергия Стеши казалась неиссякаемой: она жестикулировала, показывая на двери кабинетов, её голос звенел, перекрывая общий гул перемены.

– А вот здесь кабинет географички, она у нас... – девушка не успела закончить, как её окликнули.

– Стеня, привет!

Алиса и Стеша одновременно перевели взгляд на группу парней, столпившихся у широкого подоконника в конце коридора. Осеннее солнце, пробивавшееся сквозь пыльные стекла, освещало их спины, но одного было видно отчётливо: высокий, стройный, с пышными каштановыми кудрями, которые, казалось, не поддавались никакой расчёске. У него была открытая, широкая улыбка, и он, заметив Стешу, мило, почти по-детски помахал ей рукой.

И произошло удивительное.

Вся неугомонная энергия, весь этот заряженный поток слов и движений, исходивший от Стеши, мгновенно испарился. Она замерла на месте, будто её ударили током. Щёки покрылись нежным румянцем, губы сами собой растянулись в смущённую, но бесконечно радостную улыбку. Она неуверенно, совсем не так размашисто, как обычно, помахала в ответ, и её рука внезапно показалась Алисе хрупкой и безза-

щитной. Вся её осанка изменилась – плечи опустились, спина выпрямилась, она даже как будто стала чуть меньше ростом. Вокруг неё возник невидимый, но явный романтичный флёр, от которого сама Стеша, казалось, светилась изнутри.

– Ого, – прошептала Алиса себе под нос, впечатлённая метаморфозой. Позади них раздался сдержанный, но довольный хихик.

– Ты посмотри, – прошипел Илья, толкая Максима локтем в бок так, что тот чуть не выронил телефон. – Кажется, у кого-то слюни потекли. Наш командир впал в ступор. Прямо как в тех японских мультиках, когда у персонажа глаза сердечками становятся.

– Здорова, Кактус! – крикнули парни кучерявому.

– Йоу, пацаны! Не проспали?

– Это кто? – наклонилась Алиса к Стеше, снизив голос до доверительного шёпота.

Стеша, словно очнувшись от лёгкого транса, вздрогнула. Она обернулась к Алисе, и её серые глаза, обычно такие ясные и насмешливые, были немного затуманены смущением.

– Это... Рома, – пролепетала она, и имя прозвучало как-то особенно нежно, почти благоговейно. – Рома Горячев. Он из параллельного класса.

– Ага, объект всепоглощающей любви нашей Стефании, – понизив голос, но всё же так, чтобы Алиса и Максим хорошо слышали, сообщил Илья, наклоняясь к ним. Его лицо расплылось в озорной гримасе. – Если бы не мои героические

усилия по срыванию фотографий со стен, думаю, весь наш дом был бы заклеен его портретами. У неё там целый тайный алтарь, наверное, в шкафу. Со свечами и фигурками.

Видимо, он всё же берег хрупкие чувства сестры, поэтому не орал на весь коридор, как это бывало, когда он хотел кого-то особенно едко подколоть. Но шутка прозвучала достаточно громко, чтобы Стеша её уловила. Она резко обернулась, и румянец на её щеках стал ещё ярче, теперь уже от возмущения.

– Илюха! Я тебя сейчас при всех...

– Что? Что сделаешь? – подбоченился Илья, изображая полную безнаказанность. – Пожалуешься Ромочке? Да он только и горазд здороваться с тобой, не больше. Не нужен мне такой зять трусливый.

Это было жестоко, но сказано беззлобно, по-братски. Стеша надула губы и отвернулась, делая вид, что её это не задело, но Алиса заметила, как блеснули её глаза – от обиды или от правды этих слов.

– А почему «Кактус»? – быстро спросила Алиса, желая сменить тему и немного защитить новую подругу от братских нападок.

Стеша недовольно закатила глаза, будто эта тема была ей уже изрядно надоевшей.

Максим, до этого молча наблюдавший за всей сценой, усмехнулся. Он прислонился плечом к шкафчикам, выстроенным вдоль стены, и его голубые глаза весело сощурились.

– Потому что Стеша его Ромашкой называла, когда только влюбилась, – начал он объяснять, его голос звучал спокойно, с лёгкой издёвкой. – Ну, там, «мой цветочек», «ромашка полевая». А мы с Илюхой посмотрели на этого Горячева – парень-то ростом под метр девяносто, плечистый, в баскетбол играет – и решили, что на ромашку он не сильно похож. Больше на кактус. Колючий, большой и... ну, кактус.

– Гениально, – съязвила Стеша, скрестив руки на груди. – Просто гениальное сравнение. Поэты, блин.

– Зато правдивое, – фыркнул Илья. – Он же с тобой двумя словами не свяжет, кроме «привет» и «пока». Колючий кактус. Всё логично.

В этот момент Рома, помахав ещё раз и что-то сказав своим друзьям, развернулся и скрылся в потоке учеников, направляющихся к лестнице. Стеша проводила его взглядом, и её лицо снова на мгновение стало задумчивым и мягким.

– Ладно, хватит уже травмировать психику нашей Стеши, – сказал Максим, отталкиваясь от шкафчиков. – Я голодный как волк. Идёмте в столовую, а то все пирожки разберут.

Предложение было встречено единодушным одобрением. Четвёрка двинулась дальше по коридору, теперь уже в сторону, откуда доносился аппетитный запах свежей выпечки и компота. Стеша, немного отойдя от смущения, снова заговорила, но уже менее темпераментно, рассказывая Алисе про школьную столовую и её главное сокровище – повара тётю Галину, которая делала, по её словам, лучшие в городе сыр-

ники. Школьная столовая оказалась просторным светлым залом с длинными рядами белых пластиковых столов и такими же стульями. Окна большие, выходили во двор. На стенах – детские рисунки на тему здорового питания, уже порядком выцветшие. Возле раздачи толпилась очередь, но она двигалась быстро. Воздух был густой и тёплый, пахло супом и тушёной капустой.

– Смотри, Алиса, вот наша царская ложа, – Илья указал на стол у окна, который был пока пуст. – Туда обычно наши тусуются. Застолбили ещё в прошлом году.

Они встали в очередь. Алиса, оглядываясь, чувствовала на себе любопытные взгляды других учеников и слышала шёпотки. Она старалась не обращать внимания.

– Итак, – Илья, получив свой поднос с тарелкой супа и компотом, повернулся к сестре. – Продолжаем экскурсию. Тема: «Безнадёжная любовь Стефании Аксёновой». Глава первая: «Кактус, который не поливают».

– Илья, я тебя серьёзно убью, – сквозь зубы процедила Стеша, но глаза её смеялись. Она уже отходила от минутной слабости.

– Не избегай темы! Надо же новенькой всё объяснить, чтобы она в курсе была наших внутренних драм. Алиса, представляешь, она уже полгода вздыхает, а подойти боится. Я ей предлагал план: споткнуться рядом с ним в коридоре, чтобы он поймал. Она отказалась. Говорит, не естественно.

– Потому что это идиотский план! – возмутилась Стеша,

расставляя на подносе столовые приборы. – Я тогда буду выглядеть как полная неуклюжая дура.

– А сейчас ты выглядишь как полная... – начал Илья, но получил лёгкий шлепок по затылку от Максима, который как раз проходил мимо с собственным подносом.

– Дай сестре поесть, – сказал Максим, и его тон был скорее дружески-снисходительным, чем строгим. Он поймал взгляд Алисы и едва заметно подмигнул, будто говоря: «Не обращай внимания, они всегда так».

Это маленькое, почти незаметное действие почему-то заставило Алису улыбнуться. Она всё ещё помнила своё первое раздражение по поводу его самоуверенности, но сейчас, наблюдая за ним в этой компании, он казался иным – не лидером, но своим в доску парнем, который может и подшутить, и защитить.

Они уселись за свой «застолбленный» стол у окна. За окном копошились воробьи, сражаясь за крошки на асфальте школьного двора.

– Ну, и что в нём такого особенного, в твоём Роме? – спросила Алиса, пробуя сырник. Он и правда был восхитительным: нежный, с хрустящей корочкой. Стеша задумалась, откладывая вилку.

– Не знаю, – честно призналась она. – Он просто... Он не такой, как все. Не кривляется, не строит из себя крутого. В баскетбол круто играет, но не задирает нос. Улыбка у него... добрая. И когда он смеётся, у него глаза такие, будто искрят-

ся. — Она говорила тихо, снова погружаясь в свои мысли, и было видно, что это не просто детская влюблённость, а что-то более глубокое и настоящее.

— И он ни разу не обратил на это внимание? — поинтересовалась Алиса.

— Обратил бы, если бы она хоть раз рот открыла в его присутствии, — вставил Илья, заливая суп глотком компота, что вызвало неодобрительный взгляд Стеши. — Она превращается в столб. Буквально. Стоит, молчит и делает вид, что изучает узоры на потолке. Или машет как сегодня, словно кукла.

— Может, он просто не знает как подступиться из-за тебя, Илюха? — предположил Максим, неожиданно вступая в разговор. Он отодвинул пустую тарелку и облокотился на стол. — Здоровается, но ты ж как зверь никого к сестре не пускаешь.

— А вдруг обидают? — возмутился Аксёнов, — А мне ноги потом ходи ломай. Пускай ссыкло лучше сразу не подходит. А он, видимо, ссыкло.

— Да ты просто смотришь на него волчонком постоянно. Он к ней только подступиться пытается, а ты тут же как пёс из под забора: «Гав-Гав».

— О, эксперт по пацанской психологии заговорил, — съязвил Илья.

Максим проигнорировал его реплику и обратился к Алисе:

— А у тебя в Москве был кто-то... такой? Объект для вздохов?

Вопрос прозвучал неожиданно прямо. Алиса почувствовала, как её уши начинают гореть. Все взгляды были на ней.

– Нет, – ответила она честно, пожимая плечами. – Не до того было. Учёба, переезды... Да и в Москве всё как-то по-другому. Там не так... не так всё близко.

Она не стала развивать мысль, но все поняли: в большом городе не было этой тесной, почти семейной атмосферы, где все друг друга знают и каждый твой шаг обсуждается.

– Ну, значит, тут наверстаешь, – весело сказала Стеша, снова возвращаясь к своему обычному состоянию. – У нас тут выбор большой. Хочешь спортсмена, хочешь ботаника, хочешь хулигана... – Она бросила быстрый взгляд на Максима, который только хмыкнул.

– Спасибо, исчерпывающе, – сухо парировал он.

– Не за что, – Стеша сияла. Потом её взгляд упал на часы. – Ой, у нас ещё пол-перемены. Хочешь, я покажу тебе наш двор? Там есть лавочки, где мы после уроков иногда сидим. И... – она понизила голос, – Оттуда иногда видно спортивную площадку, где они тренируются.

«Они» – это, очевидно, баскетболисты, и Рома в их числе.

– Давайте, – согласилась Алиса, чувствуя, как втягивается в этот новый мир с его маленькими тайнами и большими чувствами.

Они собрали подносы и понесли их к конвейеру для грязной посуды. Илья швырнул остаток хлеба в сторону воробьёв за окном, но промахнулся, и хлеб упал на внутренний под-

окопник.

– Ну, ты и снайпер, – усмехнулся Максим.

Когда они выходили из столовой, в дверях им навстречу как раз входила группа старшеклассников. Впереди шёл тот самый Рома Горячев, уже без куртки, в простой серой футболке, обтягивающей его спортивное телосложение. Он что-то оживлённо рассказывал товарищу и, проходя мимо, случайно встретился взглядом со Стешей.

Она снова замерла, но на этот раз успела кивнуть. Рома, на секунду прервав свой рассказ, улыбнулся ей той самой широкой, открытой улыбкой и тоже кивнул в ответ.

– Милая косичка, – сказал он просто и прошёл дальше.

Для Стеши этого, казалось, было ударом. Весь остаток пути до школьного двора она шла, слегка улыбаясь, и на все подколки Ильи отвечала лишь снисходительным покачиванием головы, будто она была посвящена в какую-то великую тайну, недоступную простым смертным.

Алиса наблюдала за ней и думала, как странно и прекрасно может быть это чувство – влюблённость в маленьком городке, где каждый взгляд, каждое случайное слово приобретает такой вес. И она невольно задалась вопросом, а сможет ли она когда-нибудь почувствовать что-то подобное здесь, среди этих людей, которые уже, кажется, поделили её на свою и чужую.

Её взгляд сам собой скользнул на Максима, который шёл чуть позади, перебрасываясь с Ильёй какими-то технически-

ми терминами про мотоциклы. Он поймал её взгляд и поднял бровь, словно спрашивая: «Что?». Алиса быстро отвернулась, чувствуя, как по щекам разливается тепло. Нет, это точно было не то. Он её раздражал.

Глава 2

Алиса, сидя за партой, наблюдала, как одноклассники, будто выпущенные на волю муравьи, мгновенно оживились после звонка, начали собирать вещи и строить планы на вечер.

– Алиска, ну, так что? – Стеша, уже накинув куртку, подскочила к её парте. Её серые глаза светились азартом. – В субботу мы на площади собираемся. Там осенняя ярмарка будет! Всей толпой, и с нашими. Пойдёшь?

– Да, конечно, хочу, – искренне ответила Алиса, но в голосе прозвучала неуверенность. – Только вот... нужно у родителей спросить. Первый раз в новом городе, они могут быть против.

– Да ладно, какие могут быть против? – фыркнул Илья, появившийся из-за спины сестры. Он ловко поймал свой портфель, который Максим бросил ему через две парты. – Ты же не на ночь глядя одна, мы все будем. Я думаю, твои поймут.

Максим, неспешно подходя к их группе, молча улыбался.

– Папа подъехал? – спросил он просто, и Алиса кивнула, увидев в окно знакомый силуэт машины у школьных ворот.

– О, у Лисёнка личный водитель! – запел Илья, заигрывая. – Прямо как у принцессы. Может, подбросишь меня? А то у меня ножка заболела.

– Илюха, перестань, – Стеша легонько шлёпнула брата по руке. – Не смущай её. Иди, Алис, не заставляй папу ждать. Только не забудь, насчёт субботы! Спроси обязательно! Я тебе в телегу всё напишу, как будет свободная минутка.

– Хорошо, – улыбнулась Алиса, чувствуя прилив тёплой благодарности к этой шумной, но такой живой компании. Она попрощалась с друзьями, поймала на прощание короткий кивок Максима, и направилась к выходу. Его последний взгляд всё ещё колот её где-то внутри – зачем он так смотрит? Как будто знает о ней что-то, чего она сама не знает.

Егор Лисицын стоял возле дорогого тёмно-серого внедорожника, зажимая в зубах тонкую сигарету. Рыжие волосы, уже тронутые благородной сединой у висков, были аккуратно зачёсаны назад. Окружающая его осенняя серость будто отступала перед чётким силуэтом дорогой машины и человека в стильном пальто. Алиса знала этот образ – образ успеха, который отец носил как доспехи.

И этот образ не остался незамеченным.

У ворот школы, не спеша расходились ученики. И среди них были те, кто явно принадлежал к «золотой молодёжи» города. Алиса мельком узнала несколько лиц из старших классов, сыновей и дочерей местных бизнесменов. Они не шумно собирались в кучки, а стояли небольшими группами, разговаривая, но их взгляды были прикованы к машине и к её отцу. Не было враждебности, нет. Было оценивающее любопытство. Шёпот, похожий на лёгкий ветерок, пронёсся

в воздухе. Все обсуждали её отца.

Алиса почувствовала, как спина непроизвольно выпрямилась, а плечи расправились. Она не опустила взгляд, а прямо пошла к папе, стараясь не обращать внимания на эти тяжёлые, изучающие взгляды.

– Пап! – позвала она, подходя ближе.

Егор бросил окурок в мусорку и распахнул объятия. Его лицо, обычно сосредоточенное и строгое, озарилось тёплой, открытой улыбкой.

– Дочка! Ну, как ты? Как первый день? – он обнял её, крепко прижал к себе, и в его объятиях пахло дорогим одеколоном и осенним холодом.

– Нормально, – выдохнула она, погружаясь в это привычное ощущение безопасности.

Он открыл ей дверь, галантно придерживая её, и Алиса скользнула на мягкое кожаное сиденье. Когда Егор сел за руль и тронулся с места, Алиса увидела в боковое зеркало, как группа старшеклассников провожала их взглядами. Один парень что-то сказал другому, и оба усмехнулись.

– Привыкай, солнышко, – тихо сказал отец, словно уловив её мысли, – Здесь все всех знают. И статус семьи виден сразу. Это как ярлык на лбу.

Машина покинула школьный двор. Алиса обернулась, увидела, как Стеша с Ильёй вышли на крыльцо и что-то оживлённо обсуждали. Максима среди них не было.

– Ну, рассказывай, – предложил Егор, включив тихую му-

зыку. – Не томи. Классный руководитель? Дети? Подружилась с кем-нибудь?

Алиса вздохнула, откинувшись на спинку кресла. Городок за окном медленно проплывал – невысокие домики и облепившие деревья сливались в одно сплошное полотно.

– Классный руководитель – Ирина Игоревна, историчка. Строгая, но, кажется, справедливая. А дети... – она задумалась, подбирая слова. – Ну, знаешь, как и везде. Кто-то сразу начал прикалываться из-за фамилии. Колобок там, лиса... Но в целом нормально.

– А друзья? – настаивал отец, искоса поглядывая на неё.

– Да, есть. Сразу подошла девочка, Стеша. И её брат-двойняшка Илья. Они очень шумные, но хорошие. Познакомили меня со всеми, по школе провели, в столовой вместе сидели.

Она замолчала, глядя в окно. Вспомнился момент в столовой, когда Максим подмигнул ей.

– И ещё один парень там, с ними, – осторожно добавила она, чувствуя, как на щеках появляется лёгкий румянец, который она надеялась скрыть в полумраке салона.

– И? – Егор поднял бровь, и в уголке его глаза заблестела отеческая заинтересованность.

– И всё. Максим Костровский. – Она произнесла это имя быстро, будто оно было горячим. – Он раздражает меня жутко.

– Раздражает? Чем же? – спросил отец, и в его голосе зазвучал смешок.

– Ну, такой... самоуверенный. Нагловатый. Вечно всё знает лучше всех. И в глаза смотрит как-то... будто дразнит. – Алиса скрестила руки на груди, вновь ощущая то самое знакомое раздражение. – Сегодня на урок через окно залез, будто дверь для него не существует. И с Ильёй они постоянно дурачатся. Я таких не очень понимаю.

Егор рассмеялся, коротко и мягко. Они ехали через весь городок, мимо центральной площади, где Алиса мельком увидела знакомую вывеску «Сладкий дом» – семейную кондитерскую, которую мама с таким трудом пыталась запустить. Окна были тёмными. Через несколько минут они свернули на тихую улочку, где стоял их новый дом. Отец припарковался на подъезде, и они вышли.

В квартире пахло свежей краской, деревом и чем-то вкусным, что доносилось из кухни. Сбросив обувь в прихожей, Алиса прошла в гостиную, где стояли не до конца распакованные коробки с книгами.

– Мам, мы дома! – крикнула она.

Из кухни показалась Ирина Лисицына. В отличие от мужа, её энергия была не спокойной, а живой и динамичной. На ней был фартук, в руках – половник. Несмотря на усталость, написанную на лице, её глаза загорелись, увидев дочь.

– Лисёнок! Наконец-то! – Она бросила половник в раковину и, вытирая руки о фартук, пошла к ней. – Ну, как? Как первый день? Умираю от любопытства!

Она обняла Алису, и от неё пахло ванилью и корицей –

запахами кондитерской, которые въелись в кожу.

– Всё хорошо, мам, – ответила Алиса, утонув в этом знакомом, уютном запахе.

– Рассказывай всё по порядку! Идём на кухню, я суп довариваю. Поешь и расскажешь.

Через пятнадцать минут они сидели за большим кухонным столом. Суп был горячим и вкусным, а атмосфера – тёплой и безопасной, в полной противоположности той насто-роженности, что витала в воздухе у школы. Алиса, наконец, могла расслабиться.

– Так кто же эти новые друзья? – спросила Ирина, пододвигая к дочери тарелку с хлебом. – Знакомь нас.

Алиса улыбнулась, отложив ложку.

– Ну, первая – Стеша. Стефания Аксёнова. У неё длинная светлая коса, серые глаза, и энергии в ней – на десятерых. Она сразу взяла меня под своё крыло, всё показывала, рассказывала. Прямо как лучшая подруга из фильмов.

– А брат-близнец? Илья? – включился в разговор Егор, доедая суп.

– Да, Илья. Он тот ещё шутник. Вечно подкалывает всех, особенно сестру. Но видно, что они очень близки. Он её защищает, хоть и дразнит. Сегодня у них был небольшой спор из-за одного парня, в которого Стеша влюблена. – Алиса хихикнула, вспомнив сцену в коридоре. – Она при виде него в ступор впадает, а Илья над ней смеётся. Но по-доброму.

– Мило, – улыбнулась Ирина. – А ещё кто?

Алиса взяла в руки стакан с водой, покрутила его, глядя на пузырьки.

– Ещё один парень с ними ходит. Максим Костров.

Произнеся это имя, она почувствовала, как напряжение вернулось в её плечи.

– И что он за человек? – спросила мать, пристально глядя на дочь. Материнский радар, казалось, уже уловил необычную нотку в её голосе.

– Он... – Алиса нахмурилась. – Сложно объяснить. Высокий, темноволосый, глаза голубые. Вроде бы внешне... ну, как из журнала. Но характер! Самоуверенный до невозможности. Постоянно шутит, флиртует... – она запнулась, осознав, что сказала. – В смысле, не флиртует, а... подкатывает ко всем. Сегодня на урок через окно влез, будто так и надо. И смотрит так будто он всех вокруг насквозь видит, и ему просто смешно. Меня бесит.

Она выпалила это почти с жаром, и родители переглянулись. В их взгляде мелькнуло нечто – не тревога, а скорее понимание и лёгкая ирония, которую они как взрослые сразу разгадали, а для младшей Лисицыной это было ещё не понять.

– Сильные чувства с первого дня, – заметил Егор, отхлёбывая чай. – Обычно либо так, либо полное равнодушие.

– Это не «чувства»! – Алиса даже руками всплеснула. – Это раздражение! Он как заноза. Я даже не знаю, зачем он всё время рядом болтается. Ну, с Ильёй они друзья, понятно. Но ко мне-то он чего пристаёт?

– Может, пытается подружиться, но не знает как, – мягко предположила Ирина. – А может, ты ему интересна. И это его способ обратить на себя внимание. Не самый, конечно, утончённый. Но, это же мальчишки.

– Да какой там интерес! – Алиса закатила глаза, но в памяти чётко всплыл его подмигивающий взгляд в столовой. – Он просто бабник, наверное. Такие любят покрасоваться.

– Время покажет, – философски заметил отец, вставая, чтобы унести тарелки. – Главное, чтобы не обижал. А если что – говори. Мы разберёмся.

В его последних словах прозвучала твёрдая нота, напомнившая Алисе, что за спокойным фасадом скрывается человек, способный на многое. Она кивнула.

– Спасибо. В субботу они звали на ярмарку на площадь. Можно?

– Конечно, можно, – сразу согласилась Ирина. – Только чтобы все вместе, и домой не поздно. И телефон всегда на связи.

Алиса не сдержала улыбки. После ужина она помыла посуду, а потом ушла в свою комнату. Комната ещё не была полностью обустроена – коробки с книгами и красками стояли у стены, но кровать была застелена её любимым покрывалом, а на столе уже стояла лампа и лежал альбом для рисования.

Она вздохнула и потянулась к альбому. Карандаш в её руке почти сам вывел несколько нервных линий.

Последний урок перед большой переменной тянулся невыносимо долго, и, как только учительница физики, уставшая от собственных формул, отпустила их, класс взорвался шумом. Не было никого, кто хотел бы сидеть за партой. Парни, как по негласному уговору, сразу же сместились к задним рядам, освободив стол от учебников и разложив колоду карт с потрёпанными уголками. Здесь царила своя, мужская атмосфера.

Илья уже тасовал карты с видом заправского шулера, его светлые волосы падали на лоб, а в серых глазах искрилась ожидаемая азартная искорка. Максим придвинул стул, его спортивное телосложение казалось неуместным в этой тесноте, но он сидел расслабленно, одной рукой подпирая щёку.

– Ну, что, господа удачи, на кону честь и доброе имя? – провозгласил Лёха Щучкин, потирая руки. Его прозвище «Щука» идеально отражало длинное лицо и хищный, вечно ищущий выгоду взгляд.

– Твоё доброе имя уже давно списали в утиль, Щука, – фыркнул Влад Матросов, массивный парень с короткой стрижкой, сын владельца местной машинной мастерской. – Давай, сдавай уже.

Карты полетели на стол с мягким шуршанием. На другом конце класса, у широкого подоконника, залитого бледным осенним светом, стояли девчонки. Алиса, прислонившись бёдрами к прохладному пластику, чувствовала себя немно-

го сторонним наблюдателем, но старалась не показывать этого. Стеша, стоявшая рядом, жестикулировала, рассказывая о новом эпизоде сериала, а Юля, Лена и Оля, местные девушки из хороших семей, внимали с интересом. Они приняли новенькую быстро, с той лёгкой, поверхностной дружелюбностью, которая была обязательным элементом здешнего этикета.

– И он ей сказал, что никогда её не любил, прямо на свадьбе! – Лена аж взвизгнула от возмущения, прижимая к груди учебник литературы.

– Ну, классика жанра, – усмехнулась Алиса, и её голубые глаза блеснули циничным огоньком, унаследованным от отца. Она ловила обрывки фраз с мужской половины класса – хохот, азартные выкрики, шлепки карт по столу. Особенно она улавливала низкий, немного насмешливый голос Максима. Этот звук, как наждак, скреб по её нервам. Московская выскочка. Она знала, что так думают некоторые, и подозревала, что Костровский – в их числе.

– Хо-хо-о-о-о! – пропел Лёха, с торжеством шлёпнув на стол последнюю карту. Король пик лег поверх валета Максима. – Костёр, ты проиграл! Опять! Ну, кто тут у нас везунчик?

Максим лишь слегка вздохнул, откинувшись на спинку стула так, что она жалобно заскрипела. Игра его не особо увлекала – скорее, это был способ убить время между уроками и поддержать статус своего круга. Но проигрывать, да-

же в такой ерунде, было неприятно, особенно когда на кону стояла его репутация главного заводи́лы и победителя.

– Ну, проиграл так проиграл, – пробормотал он, стараясь, чтобы в голосе звучало равнодушие. Он бросил взгляд через класс к подоконнику.

– Карточный долг дороже денег, да? – Щучкин, потирая ладони, склонился к Максиму. Его глаза блестели от предвкушения. Он обожал такие моменты. – Выполняй желание.

– Какое? – Максим медленно перевёл на него взгляд, прекрасно зная, что фантазия у Лёхи богатая, а чувство юмора граничит с садизмом. Он уже мысленно готовился к чему-то унижительному вроде станцевать на столе или громко прокричать что-то дурацкое.

Лёха, оглянувшись, чтобы убедиться, что девочки их не слышат, придвинулся ближе и понизил голос до конспираторского шёпота.

– Лисицыну видишь?

Максим фыркнул.

– Как её не увидеть, ходит как факел со своими волосами. Весь класс светится.

– Так вот, подходишь к ней и целуешь. В щёку или губы – не важно, как самому захочется. Прямо при всех.

Тишина, воцарившаяся за их столом, была оглушительной. Илья перестал перебирать карты, его брови поползли вверх. Влад тихо присвистнул. Максим замер, ощущая, как что-то холодное и тяжёлое опускается у него в животе. Это

было уже слишком. Это не было безобидным дурачеством. Это было вторжением в чужое пространство, публичным унижением – и для неё, и для него. Он ненавидел, когда его ставили в такие позиции.

– Шука, ты головой ударился? – голос Максима прозвучал тихо, но с такой ледяной опасностью, что Лёха на миг отшатнулся. – Это же не шутка.

– А что такого? – Щучкин пожал плечами, хотя в его глазах мелькнула неуверенность. – Она же новенькая, пусть привыкает к местным обычаям. Или ты, Костёр, струсил? Боишься, что московская принцесса тебе по морде даст?

Эти слова сработали как красная тряпка. Страх – не то, что Максим Костровский мог позволить себе проявить, особенно перед своими. Его репутация стоила дорого. Он вздохнул, провёл ладонью по лицу, стирая с него все эмоции, кроме привычной надменной маски.

– Вот блин, – выдохнул он и встал. Стул громко заскреб по полу.

Всё его существо протестовало. Он ненавидел эту игру, ненавидел Лёху за эту идею, ненавидел себя за то, что поддаётся на провокацию. Но больше всего он ненавидел тот странный комок в горле, который сжался, когда он посмотрел на Алису. Она смеялась, запрокинув голову, и солнечный луч играл в её рыжих волосах, зажигая в них медные искры. Она была красива. Раздражающе, вызываяще красива. И совершенно не вписывалась в их серый, предсказуемый

мирок.

Шаги по линолеуму прозвучали громко в внезапно наступившей тишине. Девочки у окна ещё не заметили приближающейся угрозы. Алиса как раз заканчивала какую-то историю, жестикулируя руками.

– ...и он такой говорит: «А мы тут не при чём!», а у него на лбу визитка от моей подруги прилипла!

Смех девочек оборвался, когда тень упала на их круг. Алиса обернулась и увидела Максима. Он подошёл вплотную, и его руки, широкие, с выступающими костяшками пальцев, легли на подоконник по обе стороны от неё, запирая её между собой и окном. Он не касался её, но вторжение в личное пространство было вопиющим.

В классе воцарилась мёртвая тишина. Даже шум из коридора будто стих. Все замерли, наблюдая. Парни с задних парт затаили дыхание, Илья сжал карты в кулаке, на его лице застыла гримаса беспокойства.

Распахнутые голубые глаза Алисы, огромные от шока и недоумения, смотрели на Максима. В них не было страха – было жгучее, обжигающее раздражение. Её губы, только что растянутые в улыбке, скривились.

– Ты чо? – вырвалось у неё, низким, предупреждающим тоном.

Максим видел, как её щёки покрылись ярким румянцем. Он мельком бросил взгляд на задние парты, где Лёха и Влад, прикрыв рты руками, тихо давились от смеха. Гнев, острый

и ясный, ударил ему в виски. Но отступить было поздно.

Он наклонился ближе. От него пахло свежестью дорогого одеколона. Его дыхание, тёплое и учащённое, коснулось её лица.

– Не обольщайся, – прошептал он. Его голос звучал хрипло и неестественно. – Это карточный долг.

Одноклассницы рядом ахнули, когда увидели, что Максим склоняется ещё ближе. Юля и Оля в восторге прикрыли руками рты, их глаза округлились. Стеша нахмурилась, её взгляд метнулся к брату, ища объяснений. Но всё произошло слишком быстро.

Алиса, опомнившись, резко вскинула руки, упёршись ладонями в его грудь, пытаясь оттолкнуть. Но он был сильнее и массивнее. Она оказалась в ловушке.

– Совсем что ли?! – смущённо, но зло выкрикнула она, отчаянно пытаясь вывернуться. Её пальцы вцепились в ткань его рубашки.

Затем его широкая, тёплая ладонь резко перехватила её тонкие запястья. Его хватка была твёрдой, не оставляющей сомнений в силе. Он не просто отвёл её руки в сторону. Он с силой прижал её кисти к холодной поверхности оконного стекла у неё над головой, расплющив ладони о гладкую плоскость. Холод стекла резко контрастировал с жаром его пальцев, сжимающих её запястья.

И прежде чем она успела что-то сообразить, он быстро, почти небрежно, прикоснулся губами к её щеке. Поцелуй

был сухим, быстрым, лишённым какого бы то ни было намёка на нежность. Печать выполнения долга поставлена.

Он отстранился так же резко, как и подошёл, выпустив её запястья. На её нежной коже остались красные следы от его пальцев. В классе воцарился хаос. Девочки пискнули. Парни на задних партах разразились громким, сдавленным хохотом, Лёха бил себя по коленке, а Влад, кашляя, утирал слёзы.

Алиса стояла, прислонившись к холодному стеклу. Щека, где коснулись его губы, горела, будто её обожгли. Стыд, унижение и ярость – всё это клокотало в ней, поднимаясь комом к горлу. Она видела его отстранённое, холодное лицо. Он уже повернулся, чтобы уйти, будто только что выполнил какую-то неприятную формальность.

Не думая, движимая слепым инстинктом, она рванулась вперёд, оттолкнувшись от подоконника. Её рука, сжатая в кулак, взметнулась, нацеливаясь ему в спину, а точнее – в ту точку между лопатками, где так хотелось выместить всю накопившуюся досаду.

– Ах ты ж...!

Возглас так и не успел оформиться.

Её руку снова перехватили в воздухе, но на этот раз хватка была железной, почти болезненной. Максим не просто остановил удар. Он резко дёрнул её на себя, и Алиса, потеряв равновесие, влетела грудью в его твёрдый торс. Вторая его рука обвила её спину, прижимая так плотно, что она почувствовала каждую складку его рубашки, тепло его тела сквозь

ткань. Он наклонил голову, и его губы оказались в сантиметре от её уха.

– Вот что, московская выскочка, – прошипел он так тихо, что слышала только она. Его голос был недовольным, в нём не осталось и тени насмешки. – Если ты хоть раз ещё замахнёшься на меня... – он сделал паузу, давая словам просочиться в её сознание, и продолжил уже громче, чтобы слышали все, – ...я поцелую тебя по-взрослому. Так, что ты голову потеряешь. Поняла?

Он отпустил её так же внезапно, как и схватил. Алиса отшатнулась, спина снова ударилась о подоконник. Она стояла, дрожа от унижения и бессильной ярости, её щёки пылали. Вокруг разразился хор восторженных визгов.

– Ой, какой он крутой! – завизжала Оля, хватая подругу за руку.

– Максим, ты просто бог! – засмеялась Юля.

– Алиска, да ты счастливица! – добавила Лена.

Девочки смотрели на них с восхищением, как на героев романтической комедии, совершенно не понимая истинной подоплёки. Стеша стояла молча, её серые глаза внимательно скользили с злого лица Алисы на напряжённую спину Максима, который уже поворачивался к своим друзьям.

А с задних парт рванул громовой, неудержимый хохот. Илья, Лёха и Влад буквально катались по столам, давясь от смеха.

– Видал?! Видал, как он её прижал! – орал Лёха, стуча

кулаком по парте.

– Костёр, ты монстр! – заливался Илья, вытирая слёзы. – «По-взрослому»! Да ты поэт!

Максим шёл к ним, стараясь сохранять привычную небрежную походку, но углы его губ дёргались от сдержанной усмешки. Однако внутри всё было не так просто. Прикосновение к ней, её запах – что-то свежее, как дождь, и сладкое, как яблоки – и та яростная искра в её голубых глазах, когда она замахивалась... Это выбило его из колеи. Он сделал вид, что поддаётся общему веселью, хлопнул Лёху по плечу.

– Доволен, идиот? Долг выплачен.

– С лихвой! – захохотал Щучкин.

Алиса, отойдя от окна, пыталась привести в порядок дыхание и трясущиеся руки. Она слышала этот смех, эти восхищённые возгласы, и ей хотелось провалиться сквозь землю. Или лучше – взять что-нибудь тяжёлое и запустить в эту самоуверенную башку. Московская выскочка. Так он о ней думает. Отлично. Просто замечательно.

– Пойдёмте отсюда, – тихо, но твёрдо сказала она подругам, не глядя в сторону задних парт.

Она вышла из класса первой, высоко подняв голову, стараясь, чтобы походка была твёрдой и невозмутимой. Но внутри всё клокотало. Она дала себе слово: больше никогда не позволять этому Костровскому застать себя врасплох. Никогда.

Первая неделя в школе прошла относительно спокойно, если не считать шуток Ильи и подколов Максима. Физкультура первым уроком всегда казалась Алисе чем-то кошмарным. Её тело, ещё не до конца проснувшееся, сопротивлялось любой мысли о физической активности, а разум цеплялся за последние обрывки утренней дремы. Желание прогулять было велико, почти физическое, но она знала – отец её порыв не разделял. Его принцип "дисциплина прежде всего" висел над ней невидимым, но ощутимым давлением. Поэтому уже за десять минут до звонка она стояла в полупустой женской раздевалке, копошась в спортивной сумке и пытается отыскать хоть каплю энтузиазма.

Здесь пахло старым деревом шкафчиков, цветочным дезодорантом и слегка затхлой влагой – классический запах школьных спортзалов по всей стране. Алиса натягивала синие штаны, чувствуя, как неудобная ткань натирает кожу. Рядом, облокотившись на шкафчик, стонала Юля, её лицо выражало вселенскую скорбь.

– Кто вообще ставит физру первой? – прохныкала она, закатывая глаза к потолку, покрытому слоем пыли. – Это же садизм чистый. Организм ещё спать хочет, а ты уже должен прыгать и бегать. И ещё эти нормативы сдавать в начале года... Чо за бред?

– Ага, – нахмурилась Лена, пытаясь завязать шнурки на кроссовках. Её пальцы дрожали от нервного напряжения. –

Особенно канат. Я вообще боюсь по нему лазить. В прошлом году чуть не сломала руку, помнишь, Саша?

Саша, уже переодетая и полная неестественной для такого утра бодрости, взмахнула рукой.

— Петрович всё равно заставит хотя бы на тройку, — вздохнула она, но в её голосе звучала привычная покорность судьбе. — Он же знает, что половина класса на канате как мешки с картошкой.

— Если я сорвусь, виноват будет он, — пробормотала Лена, и её голос дрогнул.

Алиса, закончив с одеждой, подошла к однокласснице и обеспокоенно положила руку ей на плечо. Кожа под ладонью была прохладной и напряжённой.

— Да ладно, Лен, — сказала она мягко. — Если сорвёшься, обещаю поймать тебя. Держись только крепче в начале.

Девчонки переглянулись и заулыбались — эта простая, почти детская уверенность Алисы действовала на них лучше любого допинга. В её словах не было бравады, только готовность помочь, и это странным образом успокаивало. Переодевшись всей дружной компанией, они направились в зал, их шаги гулко отдавались в пустом коридоре.

Спортивный зал встретил их ярким светом люминесцентных ламп и знакомым запахом мастики для пола. Андрей Петрович, мужчина лет пятидесяти с бычьей шеей и вечно недовольным выражением лица, уже повесил толстый, потрёпанный канат под самым потолком и разложил вокруг

него синие маты. Рядом стояли скамейки, маты для прыжков и несколько баскетбольных мячей – целый арсенал для утренних мучений.

– Живо строиться! – рявкнул он, не глядя на входящих. – Сегодня нормативы: бег, пресс, отжимания и, на сладкое, канат. Кто не сдаёт – получает кол и дополнительную тренировку после уроков. Вопросы есть?

Вопросов, конечно, не было. Группа из их класса, смешавшись с параллельным, нестройной толпой выстроилась в шеренгу. Алиса оказалась рядом со Стешей, а позади слышала знакомый смех – Илья и Максим занимали свои позиции в задних рядах. Она не обернулась, но почувствовала на спине лёгкий, будто игольчатый, взгляд. Этот Максим... даже здесь, на физре, он умудрялся излучать какую-то раздражающую самоуверенность.

Началось с бега – десять кругов по периметру зала. Алиса, хоть и не любила спорт, держалась в середине группы, её дыхание быстро стало частым и горячим. Рядом пыхтела Лена, уже на втором круге покрасневшая как рак.

– Не... не могу... – выдохнула та.

– Можешь, – сквозь зубы прошипела Алиса, слегка подталкивая её локтем. – Просто не думай о ногах. Думай о чём-нибудь приятном. О пирожных, например.

Это сработало. Лена выдавила улыбку и побежала чуть быстрее.

– Так! Начнём с лёгкого, – проговорил физрук, и в его

голосе прозвучала ирония, которой никто не оценил. – Бег на короткую дистанцию. Шестьдесят метров. На оценку. Кто первый?

Первыми вызвались парни, конечно. Илья, Максим и ещё несколько человек из их компании вышли на стартовую линию. Алиса наблюдала, как Максим принял низкий старт – поза была профессиональной, собранной. Он выглядел сосредоточенным, без тени своей обычной развязной улыбки.

– Внимание! Марш! – крикнул учитель.

Они рванули. Максим вырвался вперёд почти сразу, его движения были мощными и точными. Он пришёл первым, даже не запыхавшись всерьёз, лишь слегка откинул голову, чтобы смахнуть со лба тёмную прядь. Илья прибежал вторым, скривившись.

– Костёр, как всегда, ракету в жопу вставил, – проворчал он, но в его тоне слышалась привычная снисходительность к другу.

– А ты что, ожидал иного? – Максим ухмыльнулся, поймав взгляд Алисы. Она быстро отвела глаза.

Потом была очередь девочек. Алиса вышла на дорожку, чувствуя лёгкую дрожь в коленях. Она не любила соревноваться на скорость.

– Не переживай, – прошептала рядом Стеша. – Главное – не последней.

Свисток пронзил воздух, и Алиса рванула с места. Вместо обычной скованности её тело отозвалось неожиданной лёг-

костью и силой, будто все её мышцы разом проснулись и заработали синхронно. Она не думала ни о соперницах, ни о результате, лишь ощущала упругий линолеум под стопами и ритм собственного дыхания. И вдруг она осознала, что обгоняет всех – сначала Юлю, потом Лену, потом ещё кого-то из класса. Ветер свистел в ушах, а финишная черта приближалась с головокружительной скоростью. Она пересекла её первой, едва удерживая равновесие, и остановилась, тяжело дыша, с изумлением глядя на своих одноклассниц, которые только подбегали. Петрович удивлённо хмыкнул и что-то отметил в своём блокноте. Сразу же со стороны мальчишек раздался знакомый голос.

– Ого! – крикнул Илья, громко хлопая в ладоши и подмигивая Максиму. – Смотри-ка, Костровский, у нас тут новая чемпионка объявилась! Алиска, да ты прям как наш Макс на коротких дистанциях – рвёшь всех без шансов! Только чуть изящнее, конечно. Не то что этот медведь косолапый.

Максим лишь усмехнулся, но его взгляд на секунду задержался на Алисе – внимательный, оценивающий, без тени насмешки. Алиса, всё ещё пытаясь отдышаться, почувствовала, как по щекам разливается краска, но внутри что-то ёкнуло от неожиданной похвалы.

Потом был пресс. Лёжа на холодном линолеуме, Алиса чувствовала, как ноет каждая мышца живота. Со стороны мальчишек доносились шуточные подсчёты и смех.

– Илюха, да ты уже сорок сделал, хватит выпендриваться!

– донёлся голос кого-то из их компании.

– А я что? Я просто в форме! – парировал Илья, и Алиса мельком увидела, как он, закончив подход, вскочил и сделал несколько замысловатых танцевальных па, изображая якобы растяжку. – Вот так надо, дамы и господа! Пластика! Грация!

– Грация бегемота в балете, – фыркнул Максим, но в его тоне не было злобы, лишь привычная подначка.

– Ой, всё, завидки берут! – Илья приложил руку к сердцу, изображая смертельную обиду, и так комично закатил глаза, что даже угрюмый Петрович скривил губы в подобие улыбки.

Отжимания дались Алисе тяжелее всего. Руки дрожали, но она упрямо опускалась и поднималась, считая про себя. Рядом Стеша пыхтела, но держалась. А потом настал черёд каната.

Андрей Петрович подозвал группу к матам.

– Кто первый? – спросил он, и его взгляд скользнул по самым рослым парням.

Первыми полезли, конечно, мальчишки. Максим взобрался на канат с ловкостью обезьяны – легко, быстро, почти не напрягаясь. Сверху он крикнул: "Следующий!" и спустился, мягко приземлившись на маты. Илья, не желая отставать, полез с таким комичным усердием, что на середине пути сделал вид, будто у него кончились силы, и повис, болтая ногами.

– Помогите, граждане! Я падаю! – закричал он, и все засмеялись.

Потом была очередь девочек. Стеша справилась на пять, Юля – еле-еле, но доползла. Алиса, собрав волю в кулак, зажала канат между ног и потянулась вверх. Ладони горели, мышцы спины и плеч кричали от боли, но она доползла до отметки, которую показал учитель, и спустилась, чувствуя прилив гордости.

– Молодец, Лисицына, – буркнул Петрович, делая пометку в журнале. – Следующая – Лена.

Лена побледнела так, что её веснушки стали казаться тёмными точками на фоне белой бумаги. Она подошла к канату, как на эшафот, и неуверенно обхватила его дрожащими руками.

– Ты можешь, – крикнула ей Стеша, – Просто не смотри вниз. Смотри на потолок.

Лена кивнула, губы её были плотно сжаты. Она сделала первый рывок, потом второй, третий, поднялась на шесть метров. И тут её нога соскользнула. Она вскрикнула, потеряла опору и начала падать, беспомощно зацепившись ногой за канат и запутавшись в нём. Всё произошло за секунды – тело сорвалось вниз, канат закрутился, и Лена повисла вверх ногами на высоте двух метров от матов, отчаянно хватаясь за верёвку.

Алиса не думала. Она просто бросилась вперёд, забыв о всём – о боли в мышцах, о присутствии учителя, о глазах всего класса. Её единственной мыслью было успеть подхватить подругу, смягчить падение, как она и обещала. Но краем

глаза она заметила другое движение – стремительную тёмную вспышку. Максим, стоявший в паре метров, среагировал молниеносно. Он тоже кинулся к месту падения.

И они столкнулись.

Не грубо, но с силой, которой хватило, чтобы сбить обоих с ног. Алиса почувствовала удар плечом о что-то твёрдое, увидела мелькнувшее перед лицом его удивлённое выражение, и затем мир перевернулся. Она летела вперёд, прямо на него, а с каната падала Лена. Максим, инстинктивно расставив руки, успел подхватить и Алису, и почти одновременно навалившуюся на них Лену. Вся эта трёхслойная конструкция с глухим шумом рухнула на мягкие маты.

Алиса оказалась сверху. Вернее, она лежала грудью на Максиме, её лицо было в сантиметрах от его, а Лена, скуля от испуга, приземлилась рядом, частично на них обоих. Воздух вырвался из лёгких Алисы с хрипом. На секунду воцарилась тишина, нарушаемая только тяжёлым дыханием.

И вот в этот момент, в эту странную, спутанную секунду близости и хаоса, с Максимом произошло что-то, чего он никогда не ожидал. Всё его внимание, весь мир сузился до лица над ним. Он видел не раздражённую новенькую, не ту Лисицыну, которую он дразнил из смутного внутреннего позыва, а кого-то незнакомого.

Её растрёпанные рыжие волосы падали ему на лоб, пахнущие яблочным шампунем. Широко открытые голубые глаза, полные не страха, а озабоченности – "всё ли в порядке с

Леной?". На её щеке дрожала маленькая родинка, которую он раньше не замечал. Губы, слегка приоткрытые от быстрого дыхания, были ободраны – она, наверное, прикусила их, когда полезла на канат. А ещё в этих глазах, так близко, он увидел невероятную силу. Она не закричала, не растерялась. Она бросилась помогать, не раздумывая, даже зная, что может получить травму сама. В этой спонтанной, абсолютно искренней храбрости не было ни капли позёрства. Это было чистое намерение, и оно ударило его под рёбрами, сильнее их физического столкновения.

Что-то внутри него щёлкнуло. Тепло, резкое и всепоглощающее, разлилось от солнечного сплетения до кончиков пальцев. Раздражение, которое он чувствовал к ней, или к себе из-за неё, смешанное с любопытством, вдруг переплавилось во что-то совершенно новое. Время замедлилось, шум зала отдалился, и остались только её глаза, её дыхание на его лице и оглушительный звук собственного сердца, которое вдруг забилось с такой силой, что он испугался – она ведь должна это слышать.

– Вы... вы живые? – раздался испуганный голос Лены, которая первой пришла в себя и откатилась в сторону.

Алиса моргнула, и её взгляд сфокусировался. Осознание позы, в которой они оказались, пришло к ней мгновенно. Она ахнула, и яркая краска залила её щёки. Она оттолкнулась от его груди, стараясь сделать это как можно быстрее.

– Живые, – выдохнул Максим, и его собственный голос

прозвучал хрипло и непривычно тихо. Он медленно сел, чувствуя, как место, где только что лежала она, жжёт сквозь футболку.

И тут, конечно, не выдержал Илья.

– О Боги! – раздался его голос, полный неподдельного восторга. – Вы прям как мистер и миссис Смит в боевике, только жаркого поцелуя не хватило.

Класс взорвался смехом. Даже угрюмые лица просветлели. Стеша, сначала испуганная, теперь смеялась, закрывая лицо ладонью.

– Илья, заткнись! – крикнула Алиса, вставая и отряхивая штаны. Её уши горели.

– Да нет, я серьёзно! – продолжал Илья, подходя ближе и приседая перед ними с комично-сочувственным выражением. – Макс, братан, а ты быстр, я смотрю. Геройский поступок. Двух дам одновременно в объятиях принять – это надо уметь. Тебе пятёрку за физру сразу ставить надо.

– Илюха, я тебя шас сам на канат повешу, – пробурчал Максим, но в его голосе не было привычной зубоскальской энергии. Он встал, избегая смотреть прямо на Алису, но его взгляд постоянно к ней возвращался, будто магнитный.

– Ой, защищается, – подначивал Илья. – Видно, тронут до глубины души. Алиска, а ты как? Понравилось в объятиях Костра? Не загорелась случаем?

– Лучше, чем слушать твой бред, – отрезала Алиса, но уголки её губ дрогнули. Она отвернулась и наклонилась к

Лене, которая сидела на матах, растирая лодыжку. – Ты как? Где болит?

– Кажется, я ногу подвернула, когда падала, – сквозь слёзы сказала Лена. – И испугалась жутко. Спасибо вам огромное... вы меня действительно поймали.

– Пустяки, – отмахнулась Алиса, но внутри её распирало странное чувство – смесь облегчения, смущения и остаточного адреналина. – Давай я тебя в медпункт провожу. Тебе надо посмотреть ногу.

– Я помогу, – неожиданно предложил Максим, сделав шаг вперёд.

– Не надо, – слишком быстро ответила Алиса, и тут же поправилась, смягчив тон. – Спасибо, но я сама справлюсь. Ты и так... помог.

Их взгляды встретились на мгновение. В его голубых глазах не было привычной насмешки. Было что-то тёплое, внимательное и до смешного растерянное. Он кивнул, не настаивая.

– Ладно.

Алиса помогла Лене встать, обняла её за талию, и они медленно, прихрамывая, направились к выходу из зала. За спиной она слышала, как Илья продолжает развлекать публику.

– Ну, что, Макс, признавайся, по уши? Я ж тебе говорил, что новенькая – штучка!

– Заткнись, Илья, – ответил Максим, но уже беззлобно, и в его голосе прозвучала какая-то новая, задумчивая нота.

Алиса не оборачивалась. Она вела Лену по коридору, слушая её бесконечные благодарности, но её мысли были далеко. Она вспоминала момент столкновения, его твёрдые плечи, неожиданную нежность в его руках, когда он смягчил падение, и этот странный, затяжной взгляд, который длился всего секунду, но казался вечностью. "Раздражает", – мысленно повторила она свой любимый мантр, но на этот раз в нём не было прежней убеждённости. Было смятение. А ещё – смутное, тревожное предчувствие, что что-то только что изменилось.

Глава 3

Звонок, казалось, разрывал воздух на части, но в зале было тихо. Остатки адреналина ещё звенели в ушах Максима, но реальность медленно и неумолимо возвращалась в свои границы. Петрович что-то невнятно буркнул насчёт помощи с уборкой, и Максим, почти на автомате, подошёл к куче скатанных матов, чтобы отнести их в кладовку. Его движения были механическими, а голова – совершенно пустой и одновременно переполненной до отказа одним навязчивым образом.

Он пытался сосредоточиться на простом физическом действии – поднять тяжёлый, пахнувший пылью и потом мат, перенести его через зал, поставить к стене. Но каждый раз, как только напряжение мышц немного ослабевало, перед внутренним взором всплывало её лицо. Не просто лицо, а именно то, что он увидел в ту секунду столкновения. Растрёпанные рыжие пряди, падающие ему на лоб. Широко открытые, испуганные не за себя, а за подругу глаза. Прикушенную губу. Всё это было так близко, что он до сих пор физически чувствовал запах её шампуня – сладкий, яблочный, совершенно не вяжущийся с запахом спортзала. И это тепло, это странное, сдавливающее тепло в груди, которое появилось тогда и не думало уходить. Наоборот, оно разливалось по телу, как горячий сироп, сковывая мысли и заставляя сердце биться с

непривычной частотой.

— Костровский, хватит пялиться в одну точку, бери уже этот несчастный канат! — рявкнул Петрович, проходя мимо с баскетбольными мячами.

Максим вздрогнул, словно его поймали на чём-то постыдном. Он мотнул головой, пытаясь стряхнуть наваждение, и потянулся к толстой, грубой верёвке, которую только что сняли с крюка. Его ладони вспомнили жжение от трения, но теперь это ощущение смешалось с другим — с памятью о том, как её тело на миг прижалось к нему, мягкое и хрупкое в его руках. Он сжал канат так сильно, что костяшки пальцев побелели.

«Что это, чёрт возьми, вообще такое? — думал он, волоча канат к кладовке. — Ну, столкнулись. Ну, она бросилась помогать. Ну, она... она не закричала и не расплакалась, как Стешка, например. И что?». Логика, которой славился Костровский, пыталась выстроить привычную стену. Но стена эта сегодня была из песка и рассыпалась при первом же дуновении. Он не мог объяснить это рационально. Это было не восхищение, не уважение к смелости — это было что-то гораздо более глубинное и пугающее. Это было чувство, что он только что увидел что-то, что свернулось клубком под рёбрами и не желало уходить.

Илья, скидывая в угол спортивные мячи, украдкой поглядывал на друга. Видел, как тот застыл посреди кладовки, держа в руках канат, но глядя куда-то сквозь стены. Выраже-

ние лица у Максима было... потерянным. Не просто задумчивым, а именно потерянным, будто он забрёл в незнакомый лес и не знал, куда идти. И серьёзность, с которой он сейчас смотрел в пустоту, была для Ильи совершеннейшей новинкой. Максим Костровский не задумывался. Максим Костровский действовал. Максим Костровский был уверен в себе всегда и во всём. А этот парень в дверном проёме кладовки был на него не похож.

– Ты чо это? – не выдержал Илья, подойдя и положив руку на плечо друга, загораживая ему выход. Его голос прозвучал не с привычной подначкой, а с искренней озабоченностью. Он пристально вглядывался в лицо Максима, пытаясь найти там следы удара, растерянности, боли – чего угодно, что могло бы объяснить эту странную перемену. – Так сильно приложился, пока девчонок ловил, что ли?

Максим медленно перевёл на него взгляд. Глаза были сфокусированы, но в глубине их плавала какая-то мысль, далёкая от происходящего.

– Нет, – ответил он, и его голос прозвучал отстранённо, будто он даже не услышал вопроса, а просто автоматически отреагировал на звук.

Тревога внутри Ильи кольнула острее. Он уже без тени шутки, обеспокоенно сжал плечо друга, заставляя того смотреть на себя осознанно.

– Макс, – повторил он, чётко выговаривая каждое слово. – Ты чего? Ударился? Голова кружится? Болит что-то?

– Нет, Илюх, отстань, пожалуйста, – голос Максима прозвучал настолько расстроенно, так несвойственно для него, что Илья просто физически не мог его отпустить после такого. В этом «отстань» не было обычного раздражения, была усталость и какая-то внутренняя борьба, которую друг вёл сам с собой.

Илья снова схватил его за плечо, теперь уже крепче.

– Макс, чо случилось? – спросил он уже почти шёпотом, наклонившись ближе. Глаза его были широко раскрыты от беспокойства. – Скажи нормально, а то я шас тебя силой в медпункт потащу, клянусь. Ты на себя не похож.

Костровский вздохнул, глубоко и тяжело, будто это далось ему с трудом. Он наконец полностью сосредоточился на Илье. Взгляд его стал яснее, но в нём всё ещё плавала та самая растерянность, смешанная с новым, незнакомым чувством.

– Ничего не случилось, – начал он, но тут же поправился, понимая, что это звучит как откровенная ложь. Он помялся, потёр ладонью затылок, глядя куда-то поверх плеча Ильи. – Просто... блин. Не знаю, как объяснить.

– Объясняй, – настаивал Илья, не отпуская его. – Словами. Я не телепат, чтоб знать что у тебя в башке происходит.

Тишина зала за спиной была почти звенящей. Максим заколебался, подбирая слова, которые ещё даже не оформились в голове в нечто связное.

– Она... – вырвалось у него наконец, и он тут же замолчал,

будто испугался собственного признания.

– Она? Алиса? – уточнил Илья, и в его глазах мелькнуло нарастающее любопытство.

Максим кивнул, почти незаметно.

– Ну, да, она. Просто... когда она упала. Вернее, когда мы столкнулись. – Он замолчал, пытаясь выловить из хаоса ощущений хоть что-то определённое. – Я не знаю. Мне показалось... Блин, Илюх, она же просто бросилась. Не думала ни секунды. Просто чтобы Лену поймать. Такое обычно только в кино показывают, понимаешь?

– Ну, она молодец, – осторожно согласился Илья, всё ещё не понимая, к чему клонит друг.

– Не в этом дело! – почти выкрикнул Максим, и в его голосе прозвучало отчаяние от собственной неспособности объяснить. – Я... я видел её лицо. Совсем близко. И в её глазах не было паники за себя. Только за ту дуру Ленку. И она даже не пискнула. И оттолкнулась потом так быстро... – Он снова замолчал, глядя в пол. – У меня просто... ёкнуло что-то внутри сильно, и не проходит. Как будто я... как будто я чего-то не понимал до этого, а сейчас вдруг увидел, и это меня с ног сбilo. И родинка у неё на щеке так дрожала...

Илья смотрел на него, и по его лицу медленно, как восход солнца, начала расползаться улыбка. Сначала робкая, потом всё шире и шире, пока не превратилась в самую настоящую, сияющую до ушей ухмылку. Тревога испарилась без следа, уступив место неподдельному, детскому восторгу.

– Максим Костровский, – прошептал он с благоговением.
– Да ты же... Ты втрескался! По самые уши, втрескался! Как в фильмах!

Максим резко поднял на него взгляд, и в глазах его вспыхнуло что-то вроде паники и отрицания.

– Не ври! Это не... Я не...

– Ври-не-ври! – перебил его Илья, хлопнув его по плечу так, что тот чуть не качнулся. – Я тебя сколько лет знаю? Ты про девчонок так никогда не говорил! Ни про одну! «Ёкнуло»! Ты слышал себя? Это классика, братан! Любовь с первого... ну, со второго взгляда, но всё равно! О, это же просто праздник какой-то!

Он засмеялся, громко и заразительно, и этот смех, казалось, разорвал гнетущую тишину кладовки. Максим покраснел, чего с ним почти никогда не случалось, и попытался оттолкнуть друга.

– Заткнись ты, придурок. Это ничего не значит.

– Как это не значит? – не унимался Илья, выходя из кладовки и размахивая руками, как заправский актёр. – Это значит всё! Макс Костровский, местный сердцеед, перед которым млеет женская половина школы и трясётся мужская, пал на поле боя перед одной-единственной рыжей богачкой! Это же эпично! Надо памятную доску в зале повесить: «Здесь девятого сентября Максим Костровский понял, что он не железный».

– Аксёнов, я тебя убью, – проворчал Максим, но в его

угрозе не было прежней силы. Было только смущение и то самое непонятное чувство, которое Илья так легко окрестил.

Илья, окрылённый открытием, уже не мог остановиться. Пока они шли по пустынному коридору к своим классам, он сыпал шутками, как из рога изобилия.

– Представляю, как ты теперь на биологию пойдёшь. Сидеть будешь, на неё пялиться, а в голове одно: «Она бросилась... она не пискнула... у неё родинка на щеке дрожала...». Романтик ты наш внезапный!

– Перестань, – бурчал Максим, но слушал.

И каждая шутка, как ни странно, не злила, а лишь подтверждала то, что он и сам боялся признать. Да, это было похоже на то самое. На ту самую дурацкую, внезапную, сбивающую с ног влюблённость, о которой он читал в книжках и над которой всегда смеялся.

– А как ты теперь с ней заговорить-то хочешь? – продолжал мучить его Илья, приплясывая рядом. – «Здравствуйте, Алиса Егоровна, я тот самый, на кого вы упали. Не хотите ли упасть ещё разок, но уже намеренно?». Или так: «Я восхищён вашей самоотверженностью при ловле одноклассниц. Не желаете ли обсудить это за чашечкой кофе?». Только подумай, – говорил он, идя рядом и жестикулируя, – Ваши дети будут такие же смелые и рыжие! Или тёмные, как ты, но с её упрямством. Ужас, конечно. Мир не готов к такому.

– Я сейчас тебя сам уроню, причём с лестницы, – сквозь зубы процедил Максим, но уголки его губ сами собой дрог-

нули.

Именно в этот момент, когда они поворачивали за угол, ведущий к кабинету биологии, они почти столкнулись со Стешей и Алисой. Девчонки шли навстречу, и Лены с ними уже не было – видимо, отправили домой или в медпункт. Алиса что-то говорила Стеше, и на её лице была обычная серьезность. Увидев их, она замолчала. Стеша же сразу ожи-вилась.

– О, привет! – крикнул Аксёнов. – Как Лена?

– Отправили домой, – ответила Алиса, прежде чем кто-то успел открыть рот. Её взгляд скользнул по Максиму и так же быстро отскочил. – Сказали, растяжение лёгкое, отлежится пару дней.

Илья, увидев эту мимолётную, почти незаметную сцену – как её взгляд коснулся Макса и убежал, как Макс замер, будто вкопанный, – не смог удержаться. Его прорвало.

– А, наши герои! – воскликнул он, раскинув руки. – Спасатели прекрасных дам! Алис, ты только посмотри на него! – Он обхватил Максима за плечи и притянул к себе, будто представляя экспонат. – Весь из себя такой задумчивый после боя. Переживает, правильно ли он вас поймал, не нанес-ла ли его мускулистая грудь душевных травм вашей хрупкой фигурке. Я ему говорю: «Макс, да всё нормально, девчонки целы!». А он: «Да ну? А вдруг Алиса плечо ушибла?». Пря-мо болит за вас всей душой!

Алиса смотрела на это представление, и по её лицу мед-

ленно, от кончиков ушей, поползла яркая краска. Она стояла, сжимая ремешок сумки в руке, и её обычная уверенность куда-то испарилась. Она выглядела смущённой и немного растерянной. Илья, напротив, излучал энергию. Ему открылся источник бесконечного материала для подначек, и он не собирался упускать эту возможность.

– И правда, Макс, ты какой-то тихий, – заметила Стеша.
– Редкое зрелище.

– Да просто... устал, – выдавил из себя Костровский, чувствуя, как горит всё лицо. Его собственный голос казался ему чужим и скрипучим.

– Устал? – подхватил Илья, наклоняясь к Алисе с преувеличенно-сочувственным видом. – Да он, Алиска, не от физры устал. Он от эмоционального потрясения. Ты же на него так эффектно свалилась. Это ж не каждый день происходит – чтобы на тебя с неба такая красота падала. У любого крышу бы снесло.

– Илья! – ахнула Стеша, ударив брата по плечу, но сама не могла сдержать улыбки.

– Илья, хватит, – сказала Лисицына, но голос её звучал не так твёрдо, как обычно.

– Что «хватит»? – не унимался Аксёнов, чьи глаза сияли озорством. – Я же правду говорю! Он у меня тут только что в кладовке чуть ли не стихи про тебя сочинять начал! «Ёкнуло», говорит, у меня внутри, когда я её увидел! Это ж надо, какие чувства! Прямо как у рыцаря к прекрасной даме после

турнира!

Максим стоял, как вкопанный. Он чувствовал, как жар поднимается к его собственным щекам. Слова Ильи, такие громкие, такие разукрашенные, выставляли наружу всё то, что он едва начал осознавать сам. И делали это грубо, топорно, превращая смутное, трепетное чувство в дешёвую шутку для всеобщего обозрения. Он видел, как смутилась Алиса, как она опустила глаза, и это смущение, вызванное его шуткой, вызывало жгучее раздражение на лучшего друга.

– Илья, заткнись, – произнёс он наконец, и в его голосе прозвучала ледяная сталь, которой не было даже в самые серьёзные ссоры.

Но Илья, увлёкшийся, не услышал предупреждения или не захотел слышать.

– Да ладно тебе, Макс, чего стесняться? – продолжал он, подмигивая Стеше, которая уже начинала смотреть на него с укором. – Девочки же оценят! Алиска, ты только представь – наш Максим, который всех девиц в округе как мячи отбивал, теперь тобой озабочен! Это ж надо такое совпадение – упасть прямо в объятия будущего бойфренда!

Это было уже слишком. Максим резко вырвался из объятий Ильи. Его лицо было напряжённым, губы плотно сжаты. Он бросил на друга взгляд, в котором смешались ярость, обида и что-то очень похожее на боль.

– Я сказал – хватит, – повторил он тихо, но так, что даже Илья на секунду присмирел.

Затем Максим повернулся и, не глядя на Алису, быстрыми, резкими шагами пошёл дальше по коридору, прочь от них всех, оставив троих в гулкой, неловкой тишине. Илья смотрел ему вслед, и его ухмылка наконец сползла с лица, уступив место растерянности. Он, кажется, только сейчас осознал, что зашёл слишком далеко. Алиса стояла, глядя на удаляющуюся спину Максима, и странное чувство кольнуло её под ложечкой. Это была неловкость, да. Но и что-то ещё – щемящее, непонятное, от чего сердце сжалось. Она отвернулась и тихо сказала Стеше:

– Пойдём. Скоро звонок.

– Ну, ты и придурок, братец...

И они пошли, оставив Илью одного в коридоре, где ещё висели в воздухе его несвоевременные, разбитые вдребезги шутки.

Урок биологии тянулся мучительно долго, как загустевший сироп. Солнечный луч, пробивавшийся сквозь высокое окно, медленно полз по страницам учебника, освещая цветные схемы строения амёбы, которые уже давно перестали кого-либо интересовать. В классе стояла сонная, густая тишина, нарушаемая лишь монотонным, убаюкивающим голосом Ольги Алексеевны. Учительница биологии, женщина лет пятидесяти с вечно усталым выражением лица, стояла у доски и, не глядя на класс, бубнила что-то про инфузорию-туфельку. Её слова сливались в однообразный фон, под который по-

ловина класса уже незаметно клевала носом, а вторая – перешёптывалась или листала ленты в телефонах, спрятанных под партами.

Максим сидел, уставившись в одну точку на столе, где луч солнца выхватывал из пыли танцующие частички. Он физически ощущал жар на своих щеках – отголосок недавнего конфуза в коридоре. В ушах до сих пор звенели дурацкие слова Ильи, а перед глазами стоял образ Алисы – смущённой, покрасневшей, отводящей взгляд. Его собственная реакция, эта вспышка ярости и последующее бегство, теперь казались ему постыдной слабостью. Он, который всегда держал всё под контролем, позволил эмоциям взять верх. И из-за чего? Из-за каких-то глупых шуток друга. Глубоко внутри копошилось другое чувство – стыд за то, что он заставил её смутиться, выставил на посмешище. Он сжал кулаки под партой, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

– Ма-акс, – тихий, настойчивый шёпот справа заставил его вздрогнуть. Илья тыкал его локтем в бок, его обычно весёлое лицо было искажено гримасой искреннего раскаяния. – Макс, прости.

– Отвали, – буркнул Максим, даже не поворачивая головы. Его голос прозвучал глухо и отчуждённо.

– Макс, ну, правда, – Илья приник к нему, как прилипчивый щенок, и положил голову на плечо. В его голосе звучала непритворная жалобность. – Я идиот. Полнейший, беспросветный идиот. Не подумал. Не надо было тебя стebать при

ней. Я просто... я увидел, как ты загорелся, и понесло. По старой дурацкой привычке. Прости.

– Стебать? – Максим наконец резко повернулся к нему, зло зыркнув. Он попытался стряхнуть с плеча навалившуюся голову, но Илья вцепился мёртвой хваткой в его предплечье. – Ты меня полнейшим идиотом выставил при ней. Ты думал, это смешно?

– Нет, – тут же, с испугом, ответил Илья, поднимая голову. Его серые глаза были широко раскрыты, и в них читалась неподдельная тревога. – Это было не смешно. Это было тупо. Я это понял, как только ты ушёл. Я просто хотел... не знаю, разрядить обстановку, а получилось как всегда. Прости.

– Аксёнов! – резко, как удар хлыста, прозвучал голос Ольги Алексеевны. Она перестала бубнить у доски и смотрела на них поверх очков, её брови были грозно сдвинуты. В классе наступила тишина, все отвлеклись от своих дел. – Я, конечно, в курсе твоей большой и трогательной любви к Максиму, но можно выражать свои чувства не на уроке? У нас биология, а не психологический тренинг по выстраиванию межличностных отношений.

Послышались сдержанные смешки. Илья медленно отстранился от Максима, но на его лице мгновенно расцвела обезоруживающая, сияющая улыбка. Он даже привстал немного, чтобы его лучше было видно.

– Не могу, Ольга Алексеевна, простите великодушно! – воскликнул он с напускной пафосностью, раскинув руки. –

Вы только посмотрите на него! Красивый, сильный, богатый. Вдруг он скоро девушку себе найдёт – серьёзную, красивую, – тут его лукавый взгляд метнулся через несколько рядов к Алисе, – И я его навсегда потеряю для дружеских объятий и душевных бесед? Я же умру от тоски! Это вопрос выживания, понимаете?

Класс взорвался смехом. Даже самые сонные одноклассники прониклись комедийным представлением. Илья стоял, наслаждаясь вниманием, его глаза весело блестели. Максим же чувствовал, как по его шее снова ползёт краска. Он опустил голову, желая провалиться сквозь землю.

– Аксёнов, садись и замолчи, – без особого гнева, но твёрдо сказала учительница, постукивая указкой по столу. – И все остальные – тишина. Продолжаем. Инфузория-туфелька передвигается с помощью ресничек...

Смешки постепенно стихли, но напряжение в воздухе осталось. Илья, послушно опустившись на стул, снова наклонился к Максиму, уже без клоунады.

– Правда, Макс, – зашептал он так тихо, что тот едва слышал. – Прости. Я не подумал, что у тебя действительно такие... ну, чувства только зародились, а я сразу с язвой. Это же здорово, понимаешь? В этом ничего плохого. Даже наоборот. Очень здорово.

– Илья, – обречённо, почти с мольбой, прервал его Максим. – Прекрати. Закрой, наконец, рот, пожалуйста.

– Нет, Макс, я серьёзно, – Илья нахмурился, и в его го-

лосе зазвучали непривычные для него серьёзные, почти отеческие нотки. Он откинулся на спинку стула, глядя прямо перед собой, на доску с меловыми схемами. – Не надо из-за моей дурачности замыкаться и давать заднюю. Если нравится – действуй. Девчонка вроде классная, смелая, с характером. И Стеше она очень нравится, а Стеша у меня редко ошибается в девчонках. Не упускай. А то будешь потом сидеть и жалеть, что какой-то придурок своими шутками всё испортил. Я, конечно, придурок, но не настолько же.

Максим не ответил. Он просто сидел, слушая слова друга, и чувствовал, как внутри что-то сжимается и разжимается, как кулак. Он украдкой бросил взгляд через класс.

* * *

В другом конце класса, у окна, Алиса тоже не могла сосредоточиться на инфузориях. Она чувствовала на себе взгляды – любопытные, оценивающие. После истории в коридоре она стала центром внимания, и это её бесило. Она привыкла быть на вторых ролях, наблюдать, а не быть наблюдаемой. Рыжие волосы, обычно такие яркие, сейчас казались ей алым флагом, привлекающим ненужное внимание. Она старалась смотреть в учебник, но буквы расплывались перед глазами.

– Ну, что, наша героиня? – тихий, насмешливый голос Стешки заставил её вздрогнуть. Подруга склонилась к ней, её серые глаза светились озорством. – Как самочувствие после падения в объятия местной знаменитости?

– Прекрасно, – сквозь зубы ответила Алиса, не отрываясь

от книги. – Как у инфузории после удачного деления.

– Ой, да ладно тебе, – фыркнула Стеша, отбирая у неё карандаш и начиная вертеть его в пальцах. – Я всё видела. Ты летела, как бабочка на огонь, а он тебя ловил, как... ну, как очень расторопный спасатель. Картинка достойная голливудского блокбастера. Только вот продолжение в коридоре было какое-то... драматичное. Илюха, конечно, тот ещё болван, но и твой рыцарь, я смотрю, не сахар.

– Он не мой рыцарь, – резко сказала Алиса, наконец поднимая взгляд. – Он просто... помог. А потом ушёл. Всё.

– Просто помог, – передразнила её Стеша, закатывая глаза. – Ага, конечно. А то, что он на тебя потом смотрел, как потерянный щенок, пока вы с Ленкой к медпункту шли – это мне показалось? И то, что Илья потом прощаться с его хохляцкой жизнью чуть ли не начал – тоже? Алиска, да он в тебя втрескался! Это же очевидно, как то, что Ольга Алексеевна сегодня надела разные носки.

Алиса покраснела. Она вспомнила тот мимолётный взгляд в коридоре – его глаза, тёмные, сосредоточенные, полные какого-то непонятного смятения. И его резкий уход, оставивший после себя вакуум неловкости.

– Не выдумывай, – пробормотала она. – Он, наверное, просто злился на Илью. И правильно делал. Тот вёл себя как полный кретин.

– В этом мы сходимся, – вздохнула Стеша, возвращая карандаш. – Брат у меня золотой, но иногда ему очень не хвата-

ет мозгов. Однако факт остаётся фактом. Максим Костровский, король нашей школы и обладатель титула «самый безбашенный и крутой», только что продемонстрировал признаки наличия сердца. И оно, похоже, забилося в такт чьим-то рыжим локонам. Это историческое событие. Надо записать в историю школы.

– Перестань, – Алиса толкнула её плечом, но углы её губ дрогнули. Ей было неловко, странно, но где-то в глубине, под слоем раздражения и смущения, шевелилось что-то тёплое и щекотливое. Что-то, что заставляло сердце биться чуть чаще при воспоминании о сильных руках, удержавших её от падения.

– Ладно, ладно, не буду, – сдалась Стеша, но хитрая улыбка не покидала её лица. – Просто... будь осторожнее, ладно? Костровские – они не просто богатые. У них своя атмосфера. Ты новенькая. Не все тут к тебе будут как к героине сериала относиться. Некоторые могут решить, что ты мишень.

Эти слова прозвучали уже без шуток, серьёзно. Алиса встретила с подругой взглядом и кивнула. Она и сама это чувствовала – скрытое напряжение, любопытство, смешанное с настороженностью. Она была чужой в этом давно сложившемся мире.

– Знаю, – просто сказала она.

– А с другой стороны, – Стеша снова оживилась, – Какой крутой сюжет для твоего блокнота! «Новенькая и принц из враждующего клана». Романтика, драма, интриги...

– Замолчи, – засмеялась Алиса уже по-настоящему, чувствуя, как напряжение понемногу спадает.

* * *

Максим слушал полусшепот Ильи, который, казалось, решил за один урок искупить все грехи.

– ...Главное – не зацкливайся. Девчонки это чувствуют. Будь собой. Ну, тем собой, который не орёт на друзей в коридорах, а то этот образ мы уже испортили. Пригласи её куда-нибудь. В кино или просто прогуляться. У нас же тут набережная классная. Покажи ей город, раз уж они тут новенькие. Сходите в ту же кондитерскую её мамы, пирожных поешьте. Логично же.

– Ты закончил? – спросил Максим, но в его голосе уже не было прежней злости. Была капитуляция перед напором друга.

– Практически, – удовлетворённо кивнул Илья. – И ещё. Забудь про то, что я натворил. Я беру всю вину на себя. Если что, скажешь, что у меня временное помешательство на почве ревности. Всё схвачено.

Максим не удержался и хмыкнул. Невозможно было долго злиться на эту обезьяну. Он снова посмотрел на Алису. Она что-то шептала со Стешей и улыбалась. Эта улыбка снова вызвала в его груди странный, сжимающий спазм.

«Действуй», – эхом прозвучали в голове слова Ильи.

Ольга Алексеевна закончила объяснение и велела открыть учебники на странице с вопросами для самопроверки. В

классе зашуршали страницы, закрипели стулья. Урок подходил к концу, и вместе с ним таяла и защитная скорлупа обыденности. Максим понимал, что ему нужно что-то решить. И сделать это нужно до того, как звонок разнесёт всех по домам, оставив его наедине со своими сомнениями.

Он взял ручку и на чистом поле тетради, рядом с рисунком инфузории, неразборчиво нацарапал: «Действовать». Потом зачеркнул. Потом снова написал.

Илья, наблюдавший за этим, тихо рассмеялся.

– Вот и хорошо. Первый шаг к выздоровлению.

Солнечный луч, игравший на столе Максима, теперь казался ему насмешкой – символом свободы, которую он чувствовал, лишь украдкой глядя на рыжий хвост, виднеющийся через несколько рядов. Он перебирал в голове слова Ильи: «Действуй». Но как действовать, когда все твои действия выглядят глупо и неуклюже? Он вздохнул, переводя взгляд на учительницу, которая следила за детьми.

Ольга Алексеевна двигалась между рядами, её каблуки отстукивали мерный, раздражающий такт. Она остановилась возле парты Стеши и Алисы. Шёпот подруг, едва слышный обмен впечатлениями о только что закончившейся истории с инфузориями, замер в воздухе, пронзённый ледяным, как скальпель, голосом.

– Аксёнова, – произнесла она, растягивая фамилию с явным удовольствием. – У тебя там что, консилиум по поводу строения амёбы? Или ты уже решила, что твои мозги на-

столько уникальны, что могут усваивать материал через шёпот?

Стеша съёжилась, её плечи подались вперёд, а взгляд, только что светившийся весельем, утонул в страницах учебника. Она прошептала что-то невнятное, типа «извините», но учительница уже набирала обороты.

– И так умом не блещешь, – с горечью, но намеренно громко, чтобы слышали все, продолжила Ольга Алексеевна. – А ещё и других с толку сбиваешь. Может, тебе лучше не на биологию, а на уроки хороших манер записаться?

В классе прокатился сдержанный смешок. Кто-то сзади хихикнул. Алиса почувствовала, как по её спине пробежала холодная волна ярости. Она видела, как у Стеши загорелись уши, как её пальцы сжали край стола до белизны. Это было унижительно. Грубо, по-хамски, и самое главное – совершенно несправедливо. В московской школе учителя могли быть строгими, но они никогда не позволяли себе таких личных, ядовитых выпадов. Здесь же, в этой провинциальной тиши, где все всё знали, видимо, считали это нормой.

Илья, сидевший сзади, резко дёрнулся, его лицо исказилось от возмущения, и он уже был готов вступить. Максим замер, его игривое настроение моментально испарилось, сменившись настороженным вниманием. Он видел, как Алиса выпрямила спину. Он уже понял этот жест – молчать она не будет.

Но голос прозвучал раньше, чем кто-либо успел что-то

предпринять.

– Вы не имеете права так разговаривать с ученицей.

Абсолютная тишина. Даже шорох листвы за окном будто затих. Все головы повернулись к парте новенькой. Ольга Алексеевна медленно обернулась, её тонкие брови поползли вверх. На её лице смешались изумление и злость.

– Что ты сказала, Лисицына? – голос учительницы стал тише, в нём слышались предупреждающие нотки.

Алиса отодвинула стул и встала. Её ладони были влажными, сердце колотилось где-то в горле, но голос оставался под контролем. Она смотрела прямо в холодные, как сталь, глаза женщины.

– Я сказала, что вы не имеете права оскорблять ученицу при всём классе. Это непрофессионально и недостойно.

– Ох, как мы возвышенно изъясняемся, – язвительно протянула Ольга Алексеевна, сложив руки на груди. – Не знаю, как у вас там в столице, но здесь я устанавливаю правила. Садись. Немедленно.

– Нет, – коротко бросила Алиса. Она чувствовала, как под партой Стеша осторожно тянет её за мизинец, пытаясь усадить, но это только подстегнуло её упрямство. – Я не сяду, пока вы не извинитесь перед Стефанией.

В классе кто-то присвистнул. Илья выдохнул довольное «ого», а Максим не сводил с Алисы глаз. Он видел, как она стоит, прямая, как струна, её рыжие волосы, собранные в конский хвост, казалось, излучали собственный свет против

тусклого осеннего дня. Она была не просто смелой. Она была принципиальной до мозга костей. И это затронуло внутри него струну, о существовании которой он сам забыл.

– Ты получаешь замечание в дневник за неуважение к педагогу! – выдохнула Ольга Алексеевна, её пальцы сжали указку так, что костяшки побелели. Она явно не ожидала такого сопротивления. – И садись! Мы теряем время урока из-за твоих московских капризов!

– Мои капризы тут ни при чём, – возмущённо зашипела Алиса, её голос начал дрожать от накопленных эмоций, но она взяла себя в руки. – Речь идёт об элементарном уважении. Вы – учитель. Вы должны учить, а не унижать. Если вы считаете, что Стефания отвлекается, сделайте ей замечание по существу, но не переходите на личности.

Воздух в классе сгустился до такой степени, что им стало тяжело дышать. Учительница побледнела. Она понимала, что проигрывает эту битву на глазах у всего класса. Её авторитет дал трещину.

– Хорошо, – сквозь зубы произнесла она. – Лисицына, садись. Аксёнова, извини, если тебя задело. Но впредь – больше внимания на уроке. Продолжаем.

Она резко повернулась к доске, её спина была напряжена. Алиса медленно опустилась на стул, чувствуя, как колени подкашиваются. Под партой Степа крепко сжала её руку, передавая безмолвную, тёплую благодарность, от которой у Алисы вдруг запершило в горле.

Урок продолжился, но уже никого не интересовали одно-клеточные. Все взгляды так или иначе возвращались к Алисе. Она старалась смотреть в учебник, но буквы прыгали перед глазами. Внутри всё горело от осознания, что она только что вписала себя в чёрный список самой строгой училки школы. Но ещё сильнее горело от чувства правоты. Она не могла промолчать.

Максим наблюдал за ней, не отрываясь. Его собственные мысли путались. Раньше он считал её просто симпатичной новенькой, немного странной, с острым языком. Но то, что он только что увидел... Это была не показная бравада. Это было что-то настоящее. Исходящее изнутри. Она вступилась за подругу, зная, что это ей дорого обойдётся. В их мире условностей и показного благополучия, такие поступки были редкостью.

Илья, сидевший рядом, наклонился к нему и прошептал, скрывая ухмылку за ладонью:

– Ну, что, Костёр? Твоя Лиса – настоящий огонь. Медведицу в берлоге заставила попятиться. Я бы на твоём месте уже цветы покупал.

– Заткнись, – буркнул Максим, но без злобы. Он не мог отвести взгляд.

Наконец, спасительный звонок разрезал гнетущую тишину. Как только дверь закрылась за учительницей, в классе поднялся шум. Вокруг Алисы и Стеши мгновенно образовалась толпа.

– Алиска! – Стеша обхватила её за шею, прижимаясь щекой к плечу. Её голос дрожал. – Ты... ты просто... спасибо! Никто никогда за меня так... не вступался. Ну, кроме Ильи.

– Да ладно, – смущённо отмахнулась Алиса, но обняла подругу в ответ. Её собственные эмоции ещё бурлили. – Просто не могла молчать. Это же неправильно.

– Неправильно – это мягко сказано! – Илья запрыгнул на соседнюю парту, сияя от восторга. – Лисица, ты легенда! Я думал, щас Ольга Алексеевна в обморок грохнется от такого нахальства! Ты ей всю программу на год вперёд испортила!

– Зато замечание в дневнике получила, – с горьковатой усмешкой напомнила Алиса, начиная собирать вещи. – Папа обрадуется. Первая неделя в новой школе, а уже влетело.

– Да наплюй ты на это замечание! – махнул рукой Илья. – Скажешь, что защищала честь нашей Стеньки от произвола старой ворчуньи. Он же мужчина, поймёт! Главное – маме не показывай, а то она тебя за героизм расцелует, а потом всё равно отругает за несдержанность.

– Спасибо, что просветил, – сухо сказала Алиса, но улыбка пробивалась сквозь её напускную суровость.

В этот момент к ним подошёл Максим. Он не лез в центр событий, как Илья, а остановился чуть поодаль, закинув рюкзак на плечо. Его взгляд, обычно насмешливый и оценивающий, сейчас был серьёзным. Он изучал Алису, будто видел её впервые.

– Ну, что, наша новенькая уже успела поставить на уши не

только спортзал, но и кабинет биологии, – произнёс он, и в его голосе не было привычной подколки. Была констатация факта.

– А ты чего молчал, Костёр? – поддел его Илья. – Испугался, что и тебе влетит за соучастие?

Максим проигнорировал шутку. Его глаза были прикованы к Алисе.

– Не каждый день такое увидишь, – сказал он наконец. Его губы тронула лёгкая, почти незаметная улыбка. – Обычно все либо молчат, либо подхалимничают. А ты... прямолинейная.

– Это комплимент? – спросила Алиса, встречая его взгляд. Внутри всё ещё kloкотало, и его спокойная оценка вызывала раздражение. Почему он всегда должен выглядеть так, будто всё видел и всё знает?

– Констатация, – честно ответил Максим. – Думал, ты из тех, кто только по бутикам шляется и боится испачкать маникюр. А нет. Оказалось, можешь и в бой полезть, если надо.

– Рада, что развеяла твои стереотипы, – с сарказмом бросила Алиса, застёгивая рюкзак.

– Не за что, – он улыбнулся уже шире, и эта улыбка, почему-то, не казалась ей сейчас такой наглой. В ней было что-то одобрителное, почти уважительное. – Стеш, ты цела? Не расплакалась окончательно?

– Да перестаньте вы все надо мной трястись! – вспыхнула Стеша, но без злобы. Она вытерла незаметно глаза. – Про-

сто... Алис, ещё раз спасибо. Правда.

– Да брось, – Алиса обняла подругу за плечи. – Идёмте. От этой биологии меня тошнит уже в прямом смысле.

Они вышли в коридор, наполненный гомоном. Сплетни уже ползли, как круги по воде. Алиса старалась идти с высоко поднятой головой, но внутри всё сжималось от осознания, что она снова в центре внимания. Она ловила на себе взгляды – восхищённые, осуждающие, просто любопытные.

Илья и Максим шли чуть позади, о чём-то переговариваясь. Потом Максим догнал их, поравнявшись с Алисой.

– Эй, – сказал он тихо, так, чтобы не слышала Стеша, увлечённо рассказывавшая что-то о планах на выходные. – Не парься насчёт замечания. Если что, я могу поговорить с Ириной Игоревной, нашей классной. Она нормальная. Объясню, что это была не дурацкая выходка, а принципиальная позиция.

Алиса удивлённо посмотрела на него. Это было неожиданно – предложение помощи, да ещё сказанное без привычной шутовской интонации.

– Зачем тебе это? – спросила она прямо, не скрывая подозрительности.

Максим пожал плечами, глядя куда-то вперёд, на толпу в конце коридора.

– Потому что это было правильно. То, что ты сделала. – Он запнулся, словно подбирая слова, что для него было редкостью. – И потому что не хочу, чтобы у тебя из-за этой стер-

вы реальные проблемы начались. Ты тут новенькая. Лишние неприятности ни к чему.

Он сказал это быстро и, не дожидаясь ответа, переключился на Илью, который начал орать про голод и атаку на столовую. Но его слова повисли в воздухе между ними, тёплым и необъяснимым сгустком. Алиса смотрела на его профиль – волевой подбородок, прямой нос, тёмные ресницы. И впервые за все дни знакомства он не казался ей просто наглым и самоуверенным придурком. В его поступке, в этом тихом, почти неловком предложении помощи, сквозила какая-то... порядочность. Та самая, о которой намекала Стеша.

Максим же, отойдя на шаг, ловил себя на том, что его мысли крутятся вокруг одного и того же. Он видел, как она стояла перед учительницей – хрупкая, но не сломленная. Видел огонь в её голубых глазах. И этот огонь зажжёт что-то и в нём. Не просто мимолётный интерес. Не просто желание. Это было что-то глубже. Что-то, что заставляло его сердце биться чаще и в то же время вызывало странное чувство ответственности. Он вдруг понял, что хочет быть рядом, когда у неё будут проблемы. Хочет помочь. Защитить. Это осознание обрушилось на него с такой силой, что он на мгновение потерял дар речи. Да, Илья был прав. Он действительно влюбился.

Глава 4

Два дня после случая на биологии прошли для Максима в странном, незнакомом ему состоянии — словно он шёл по зыбкому песку, который то проседал под ногами, то вдруг становился каменно-твёрдым. Он не мог сосредоточиться. На математике ловил себя на том, что листает учебник, не вникая в формулы. На истории — что рисует в тетради какие-то бессмысленные линии, похожие на контуры чьего-то профиля. На перемене — что стоит у окна и смотрит на школьный двор, хотя там не происходило ровным счётом ничего интересного.

Между уроками он несколько раз оказывался рядом с Алисой, и каждый раз открывал рот, чтобы сказать что-то, и каждый раз слова рассыпались, как песок сквозь пальцы.

— Как дела? — бросил он однажды, поравнявшись с ней у автомата с водой. Коротко, почти резко. Словно не он это говорил, а кто-то другой, кто не знал, как вести себя в его теле.

Алиса подняла на него спокойные голубые глаза.

— Нормально.

— Ну, и хорошо, — ответил он и тут же отвернулся, нажимая кнопку автомата с такой силой, будто она его лично оскорбила.

Илья, который наблюдал за этим из-за угла, закатил глаза

к потолку и приложил ладонь к лицу.

— Ты прям Казанова, — прошептал он, когда Максим вернулся с бутылкой. — «Как дела», «ну, и хорошо». А потом ты, наверное, ей ещё чек из автомата подарил в знак вечной дружбы?

— Закройся.

— Нет, серьёзно, Макс. Ты же не на допросе. Просто поговори с ней как с человеком. Ты умеешь, я видел.

— Умею, — процедил Максим, скручивая крышку с бутылки. — Только не с ней.

Илья присвистнул и прислонился к стене, с наслаждением наблюдая, как его непробиваемый друг превращается в неуклюжего подростка.

— Не с ней, — передразнил он. — Костровский, ты же с ума сойдёшь так. У тебя аж уши красные.

— Не красные.

— Красные. Я вижу даже отсюда.

Максим залпом выпил полбутылки воды, словно пытался затушить что-то внутри.

В четверг он попытался снова. Алиса стояла у доски объявлений, читала расписание кружков. Он подошёл, остановился рядом, посмотрел на листок, который она изучала.

— Художественная студия? — спросил он, кивнув на одну из афиш. — Вторник и четверг, кабинет сорок три.

Алиса обернулась. На её лице мелькнуло что-то вроде удивления.

— Да. Подумываю.

— Там хороший преподаватель. Марина Сергеевна. Она... — он запнулся, осознав, что не знает о Марине Сергеевне ровным счётом ничего и просто придумывает на ходу, лишь бы продлить разговор. — Она... нормально объясняет.

— Спасибо за информацию, — сказала Алиса без тени иронии, но и без особого тепла. Просто нейтрально, как говорят с человеком, который стоит рядом и делает мелкую услугу. — Подумаю.

— Ну, вот, — выдавил Максим. — Вот.

И ушёл. Опять. Стремительно, как будто его кто-то позвал. Хотя никто не звал.

Стеша, которая в этот момент стояла чуть поодаль с двумя девочками из параллельного класса, всё видела и проводила Максима взглядом, полным плохо скрываемого веселья. Она повернулась к Алисе.

— «Вот», — повторила она тихо, копируя его интонацию. — Какой содержательный диалог. Прямо дебаты в Оксфорде.

— Стеша, — Алиса прищурилась. — Даже не начинай.

— Я не начинаю. Я просто наблюдаю. Это бесплатно и очень увлекательно.

Алиса только покачала головой и отошла, но Стеша заметила, что на её щеках проступил едва заметный розовый оттенок.

В пятницу Максим сделал ещё одну попытку. На большой

перемене он «случайно» оказался у окна рядом с её партой, пока Алиса доставала из рюкзака контейнер с обедом.

— Ты какие пирожные любишь? — выпалил он и тут же сам ужаснулся формулировке.

Алиса подняла голову, прищурилась, как будто пыталась понять, не разыгрывают ли её.

— В смысле?

— Ну, в смысле. У вас же кондитерская. Наверное, у тебя есть любимые.

— Эклеры, — ответила она после паузы. — Шоколадные.

— Эклеры, — повторил он, будто записывая. — Понятно.

И снова ушёл, резко развернувшись на пятке, как на плацу. Илья, который стоял у двери и держал в руках булочку, медленно опустил её на стол и посмотрел на Максима с выражением глубокого, почти клинического сочувствия.

— «Эклеры. Понятно», — произнёс он с придыханием. — Макс, это было хуже, чем когда ты в пятом классе стихи читал на утреннике. Хотя там хоть рифма была.

— Иди к чёрту.

— Я у него уже был. Там ты стоишь и спрашиваешь про пирожные.

Максим бросил на него уничтожающий взгляд, но промолчал. Потому что молчать было проще, чем объяснять, что рядом с ней он вдруг забывает все слова, которые знал, и остаётся с жалким набором из коротких, бессмысленных фраз.

Суббота началась с солнечного света и запаха выпечки. Алиса проснулась рано, как всегда — внутренний будильник, выработанный за годы школьной дисциплины, не давал ей валяться в постели даже в выходные. Она лежала, глядя в потолок, и прислушивалась к звукам дома: на кухне звякала посуда, в коридоре гудел холодильник, где-то далеко работал телевизор. Дом ещё не проснулся по-настоящему, но уже подавал признаки жизни — нехотя, лениво, как просыпается человек, которому не нужно никуда спешить.

Она лежала и думала о том, как странно складывалась неделя. Новая школа, новые лица, конфликты, которые она не искала, но в которые вляпалась с головой. Ольга Алексеевна, которая теперь смотрит на неё, как на врага номер один. Стеша, которая прикипела к ней с какой-то невероятной, почти собачьей преданностью. Илья, который не давал ей проходу своими шутками. И Максим, который...

Алиса перевернулась на живот и уткнулась лицом в подушку. Максим, который каждый раз подходил к ней с таким видом, будто собирался сказать что-то важное, и каждый раз выдавал одну-две коротких, обрубленных фразы, после чего ретировался с видом человека, совершившего военное преступление. Это было странно. Это было даже забавно, если бы не вызывало у неё совершенно необъяснимое, щекочущее чувство где-то под рёбрами.

Дверь комнаты открылась без стука. Мама вошла, держа

в руках большой бумажный пакет с логотипом местного магазина одежды. На её лице было выражение, которое Алиса знала слишком хорошо: мягкая, хитрая, совершенно неразборчивая улыбка, предвещающая неприятный разговор или, что хуже, неловкое расследование.

— Доброе утро, — сказала мама, усаживаясь на край кровати и кладя пакет рядом с собой. — Как спалось?

— Нормально, — Алиса села, подтянув колени к груди. — Что в пакете?

— Потом. Сначала — у меня к тебе вопрос.

Алиса внутренне напряглась. Мамин «вопрос» был как осторожный разведчик — шёл впереди основной армии и проверял, безопасно ли наступать.

— Спрашивай.

— Ты сегодня куда-нибудь собираешься?

— Ну... Договаривались погулять с ребятами.

— С кем? — и вот оно. Мамино лицо озарилось такой лучезарной, лисьей хитростью, что Алиса мгновенно вспыхнула.

— Ни с кем! Мам, что за допрос с утра?

— Просто спрашиваю. Просто интересно. Ты же у меня девочка взрослая, восемнадцать лет, новый город, новые знакомства...

— Мама.

— Тот самый темноволосый, — продолжила мама, не обращая внимания на предупреждающий тон дочери, — Кото-

рый тебя поймал на физкультуре и вступился на биологии. Как его... Максим?

Алиса почувствовала, как краска заливает её лицо — от шеи до корней волос. Это было неконтролируемо, как пожар в степи при сухом ветре.

— Откуда ты знаешь?!

— С Ильёй познакомилась. У кондитерской, он зашёл за пирожными. Милый мальчик. Он мне всё рассказал.

— «Всё» — это что?

— Что мой ребёнок вел себя на биологии как Жанна д'Арк, и что спас его сестру и спас ситуацию молодой человек, который, по словам Стешиного брата, «имеет к тебе профессиональный интерес».

— Мам, Илья — дурак. Он так про любую девчонку скажет.

— Не про любую. Он это конкретно уточнил.

Алиса застонала и спрятала лицо в ладонях.

— Вы с ума сошли. Все. Это не... Мы просто одноклассники. Всё.

— Конечно, конечно, — мама кивала с видом человека, который абсолютно не верит ни единому слову, но вежливо делает вид, что верит. — Просто знакомые. Ты права. Тогда что ты будешь делать, если он пригласит тебя погулять?

— Не пригласит.

— А если?

— Мама!

Но мама уже не слушала. Она сунула руку в пакет и вытащила два платья, аккуратно сложенных на вешалках. Одно — светлое, в мелкий цветок, летнее и лёгкое, совсем не по погоде. Другое — тёмно-синее, с мелким воротником и тонким пояском. Простое, но элегантное. Алиса посмотрела на него и ощутила странное, тянущее чувство — платье было красивое, и она это признавала, но признаться вслух означало дать маме победу, а проигрывать маме в таких вещах было нельзя.

— Мам, зачем?

— Просто примерь. Хотя бы синее. Оно тебе понравится, я знаю.

— Откуда ты знаешь, что мне понравится? Ты меня не спрашивала.

— Потому что синий идёт к твоим глазам. Всегда шёл. Ещё с детства.

Алиса молчала, чувствуя, как сопротивление медленно, по капле, вытекает из неё, как вода из треснувшего стакана. Мама смотрела на неё — мягко, терпеливо, с той спокойной настойчивостью, против которой не было аргументов. Не потому что она давила, а потому что она была права. Синий ей шёл.

— Ладно, — буркнула Алиса, выхватывая платье из маминых рук. — Ладно. Но только примерю. И только потому, что ты всё равно не отстанешь.

Мама улыбнулась и вышла из комнаты, тихо притворив за

собой дверь.

Алиса переоделась перед зеркалом. Платье сидело чуть свободно, но талию подчёркивало, и подол заканчивался чуть выше колен. Тёмно-синяя ткань была мягкой, почти струящейся, и в отражении зеркала её глаза действительно казались ярче — голубые, с серой каймой по краю радужки, они выделялись на тёмном фоне ткани, как два осколка весеннего неба.

— Ну, и? — крикнула она через дверь.

— Покажись!

Алиса вышла. Мама стояла в коридоре, и при виде дочери на её лице проступило выражение, которое Алиса видела редко: чистое, незатуманенное восхищение.

— Вот видишь, — сказала мама, подойдя и поправляя воротник. Её пальцы были тёплыми и пахли ванилью — от кондитерской, от теста, от всего, что составляло её жизнь. — Я же говорила. Синий к твоим глазам.

— Мам, я не надену это гулять. Это слишком... нарядно. Мы просто идём гулять.

Мама усмехнулась, ничего не сказала и ушла на кухню, оставив Алису стоять в коридоре перед зеркалом, в синем платье, которое она якобы не собиралась надевать. Алиса посмотрела на своё отражение. Провела рукой по ткани. Поправила пояс. И не стала переодеваться.

Дверной звонок раздался в половине первого, когда Алиса

сидела на кухне с блокнотом и бездумно рисовала завитки на полях. Звонок был короткий, уверенный — два нажатия, как положено людям, которые знают, зачем пришли.

— Алиска, это к тебе! — крикнула мама из гостиной.

Алиса застыла. Блокнот выскользнул из рук и шлёпнулся на стол. Она знала, кто это. Она знала с того момента, как мама достала синее платье. Всё это было подстроено — не Максимом, нет. Мамой. Стешей. Ильёй. Всем миром, сговорившимся против её спокойствия.

Она вышла в коридор и увидела троих ребят, толпившихся на пороге. Илья стоял впереди, сияя, как медный самовар, и уже что-то говорил маме, жестикулируя. Стеша переминалась с ноги на ногу, улыбаясь. И Максим — чуть позади, в тёмной куртке, с руками в карманах, — стоял молча и смотрел на маму Алисы с выражением человека, который проходит собеседование на работу мечты.

Мама стояла в дверном проёме, скрестив руки на груди, и оценивала Максима открыто и без стеснения. Её взгляд скользнул по его лицу, по ширине плеч, по рукам, спрятанным в карманы, и на мгновение задержался на глазах. Максим этот взгляд выдержал, но по его напрягшейся челюсти и чуть приподнятому подбородку Алиса поняла, что ему не по себе.

— Здравствуйте! — Илья прорвался первым, как вода через прорванную плотину. — Мы за Алису! То есть — за Алисой! Пришли, чтобы забрать её на культурно-просветитель-

ную прогулку по историческим местам нашего города! Под моим чутким руководством и при соблюдении всех правил техники безопасности, включая охрану периметра от диких животных и комаров!

Мама рассмеялась. Илья обладал редким даром: он мог обезоружить любого одним предложением, если видел, что ситуация накаляется.

— Охрана периметра — это хорошо, — сказала она, открывая дверь пошире. — Проходите. Алиса сейчас придёт.

— Я здесь, — тихо сказала Алиса из-за угла.

Все повернулись. Максим замер.

Это была секунда. Может быть, даже меньше. Но Алиса её увидела — как его глаза расширились, как что-то в его лице сдвинулось, будто внутренний механизм повернулся на один щелчок и показал что-то, что раньше было спрятано. Он смотрел на неё, и в этом взгляде не было ни привычной насмешки, ни показной уверенности. Было что-то совсем другое — тихое, открытое, почти беззащитное.

Илья, стоявший рядом с Максимом, заметил это мгновение и не преминул вмешаться. Он толкнул друга локтем в бок — коротко, точно, как хирург делает надрез.

— Закрой рот, — прошипел он. — Мухи залетят.

Максим моргнул и отвернулся, сжав челюсть так, что желвак дрогнул.

— Привет, — сказала Алиса, подходя и натываясь ногой на тапок. Она села на пуфик и начала надевать ботинки, ста-

раясь не смотреть ни на кого.

— Привет, — ответил Максим. Голос прозвучал хрипло, будто он давно не разговаривал.

— Ого! — Стеша присвистнула, оглядывая подругу с ног до головы. — Алиска, ты что, решила нас всех сегодня затмить? Платье — огонь!

— Это мамино, — буркнула Алиса, хотя это была ложь. — То есть, мамина идея. Я просто... не успела переодеться.

— Конечно, конечно, — Стеша хитро прищурилась, бросив взгляд на Максима, который делал вид, что изучает обои в коридоре. — Совпадение. Понимаю.

Мама стояла в стороне и наблюдала с выражением тихого торжества человека, чей план работает в точности так, как задумано.

— Ну, идемте? — сказал Илья, открывая дверь и театрально кланяясь. — Пока солнце высоко, а мой рассказчик не устал.

Набережная городка тянулась вдоль реки почти на километр — старая, выложенная потрескавшейся плиткой, с чугунными перилами и фонарями, которые, по слухам, не работали уже лет десять. Река текла медленно, лениво, с мутноватой водой, в которой отражались деревья и небо. По берегам росли ивы, склонявшиеся к воде, как старухи, склоняющиеся к ручью, чтобы умыться. Было тепло для сентября — почти по-летнему, но в воздухе уже чувствовалась та

особенная, хрустящая прохлада, которая говорила, что лето доживает последние дни.

Илья шёл впереди, как экскурсовод по собственному личному музею городских легенд. Его голос разносился по набережной, отпугивая голубей и привлекая внимание редких прохожих.

— Вот тут, — он остановился у старого, поросшего мхом моста, — в шестьдесят восьмом году пропал парень. Толя Смирнов. Шёл домой через мост и не дошёл. Его Bicycle потом нашли на том берегу, а самого его — нет. Говорят, в полнолуние его тень можно увидеть на перилах — стоит, смотрит на воду и ждёт, когда кто-нибудь пройдёт мимо и окликнет его по имени.

— Какой ещё Bicycle? — скептически спросила Стеша. — Ты в шестидесятих годах жил?

— Ну, велосипед! Я запнулся!

— Ты запнулся на «байки»? Ты нормально можешь рассказывать?

— Я нормально рассказываю! Это ты меня сбиваешь!

Алиса шла между Максимом и Стешей и слушала. По-настоящему слушала — не с вежливой улыбкой, а с тем живым, неподдельным интересом, который она не могла скрыть, как бы ни старалась. Илья рассказывал байки так, как будто сам в них верил — размахивая руками, меняя интонации, вставляя паузы в нужных местах.

— А ещё, — продолжил он, когда они свернули на старую

площадь, — в подвале нашей школы, в том, где сейчас склад учебников, раньше была котельная. И кочегар, дед Матвей, якобы заснул там зимой и замёрз. С тех пор, если остаться после уроков, можно услышать, как кто-то стучит кочергой по трубам. Тук-тук-тук. Ровно, как часы.

— Это не дед Матвей, — сказала Стеша. — Это Петрович стучит, когда просит склад почистить.

Илья обиженно засопел.

— Ты всё портишь! Ты каждый раз всё портишь! Я тут атмосферу создаю, готическую, мрачную, а ты... ты как холодный душ на голый энтузиазм!

— Я реалистка. Атмосфера без фактов — это просто трёп.

— Это фольклор! Фольклор не требует фактов! Он требует души!

Максим шёл молча, чуть позади. Его взгляд то и дело возвращался к Алисе — к тому, как она слушает, как наклоняет голову, как полные губы изгибаются в сдержанной улыбке, когда Илья выдаёт очередную нелепицу. Он смотрел, и внутри снова поднималось то самое, незнакомое, сдавливающее тепло, которое появилось в спортзале и с тех пор не уходило.

Они прошли площадь, где в лавке напротив кондитерской «Сладкий дом» старушка мыла витрину, и свернули к мосту через реку. Мост был пешеходный, узкий, с деревянным настилом, который скрипел под ногами. Вода внизу текла медленно и густо, как расплавленное стекло.

— А вот тут, — Илья остановился посреди моста и пони-

зил голос до драматического шёпота, — Самое интересное. Проклятие колокольни.

— Какой колокольни? — Алиса оглянулась. Она действительно видела вдалеке, за деревьями, остов старой колокольни — кирпичной, с провалившейся крышей и без колокола.

— Видишь её? Её построили в восемнадцатом веке, а потом колокол упал и убил звонаря. С тех пор каждый раз, когда кто-то хочет её отреставрировать, что-то случается. То подрядчик заболит, то деньги исчезнут, то молния ударит. Она так и стоит — разрушенная, никому не нужная. И якобы по ночам оттуда слышен звон. Хотя колокола там нет уже сто лет.

— Это красивая легенда, — сказала Алиса, и в её голосе не было ни скепсиса Стеши, ни иронии.

— Вот! — Илья ткнул пальцем в её сторону. — Вот человек, который понимает! Стеша, учись! Не всякая история должна быть подтверждена нотариально заверенными документами!

— Не всякая история должна быть выдумана на ходу, — парировала Стеша.

— Я не выдумываю! Макс, скажи ей! Скажи, что я не выдумываю!

Максим, который в этот момент думал о совершенно другом — о том, как солнце падает на волосы Алисы и превращает рыжие пряди в золотые, — вздрогнул и обернулся к Илье.

— Что? А. Нет, не выдумываешь. Всё правда. Подтверждено нотариально.

Илья сиял.

— Вот! Слышали? Подтверждено!

— Ты даже не слушал, — Стеша закатила глаза. — Ты пялишься на...

Она не договорила, но взгляд её метнулся к Алисе и обратно. Стеша умолкла, прикусив губу, и отвела глаза.

Илья и Стеша тут же увлеклись своим спором — Стеша обвиняла Илью в том, что он берёт истории из интернета и выдает за местный фольклор, Илья возмущался, требовал свидетелей и ссылался на бабушку соседа друга. Их голоса смешались в привычный, шумный, почти семейный фон. Их внимание рассеялось — они забыли о Максиме и Алисе, уйдя в свой привычный ритуал перепалки.

И тогда Максим повернулся к Алисе.

— Здесь красиво. И солнце светит ярко.

Он не думал. Он не планировал. Он просто повернулся, посмотрел на неё — на её профиль, освещённый солнцем, на ресницы, отбрасывающие тень на щеку, на родинку, которая дрогнула, когда она чуть наклонила голову — и сказал:

— Рядом с тобой солнце светит ярче.

Тишина.

Абсолютная, звенящая, оглушительная тишина, в которой было слышно, как скрипят доски моста под ногами и как течёт где-то внизу вода.

Алиса медленно повернулась к нему. Её глаза — голубые, ясные, с тёмным ободком — смотрели на него с выражением, которое он не мог расшифровать. Не удивление, не насмешка. Что-то другое. Что-то, что проникало под кожу и жгло изнутри.

— Что? — переспросила она.

Максим не успел ответить. Илья, который за долю секунды до этого орал на Стешу про то, что их бабушка лично знала звонаря, замер с открытым ртом, медленно повернулся к Максиму и... Заржал так, что голуби с перил взлетели, как испуганные мотыльки. Он схватился за живот, согнулся пополам, и его хохот катился по мосту, как камень с горы.

— «Солнце светит ярче»! — завопил он между приступами смеха. — Ты... ты серьёзно это сказал?! Макс! Костровский! Ты это серьёзно?! Боже мой, Стеша, ты слышала?! «Солнце светит ярче»!

Стеша закрыла лицо рукой, но её плечи тряслись от беззвучного смеха.

— Максим, — сказала она, овладев голосом, — Тебе подписку на поэтический кружок оформить? Первый месяц — бесплатно. Будешь читать свои оды на школьных линейках.

— При чём тут оды?! — Илья вытер слёзы. — Это же... это же из какого-нибудь романа! Ты где это вычитал, а? В интернете? На форумах для влюблённых подростков?

Максим покраснел. Не так, как раньше, когда его подкалывал Илья на перемене — не ушами, не шеей. Он покрас-

нел целиком, от подбородка до лба, и его челюсть сжалась так, что желвак выступил, как камень под кожей. Он смотрел прямо перед собой, не на кого не глядя, и его руки в карманах куртки сжались в кулаки.

Но разозлиться он не успел.

Потому что Алиса, которая стояла рядом, в синем платье, с волосами, подсвеченными солнцем, медленно отвела взгляд в сторону. И уголки её губ дрогнули. Чуть-чуть, едва заметно — как лепесток, колыхнувшийся от ветра. Но Максим это увидел. Он увидел это так ясно, как будто кто-то включил прожектор.

Илья тоже увидел. Его хохот оборвался на полуноте, и на его лице расцвело совершенно новое, хитрое, кошачье выражение.

— О-о-о, — протянул он, переводя взгляд с Максима на Алису и обратно. — О-о-о! Так-так-так! А кто это тут улыбается, а? Кто тут губами дрожит? Алиска? Алиса?

— Я не улыбаюсь, — быстро сказала Алиса, но улыбка уже не слушалась — она расплывалась по лицу, как вода, и спрятать её не было никакой возможности.

— Нет-нет-нет, я видел! — Илья присвистнул и повернулся к Стеше. — Стеша, ты видела?!

— Видела, — Стеша скрестила руки и посмотрела на подругу с выражением художника, наблюдающего за шедевром в процессе создания. — Голубки. На мосту. В сентябре. Картина маслом.

— Мы не голубки! — Алиса толкнула подругу плечом, но смущение уже раскрасило ей щёки.

— Голубки, голубки, — подхватил Илья, отступая на безопасное расстояние. — Мирные, сизые, воркующие. Одна в синем платье, другой — в поэтическом экстазе. «Рядом с тобой солнце светит ярче». Это, между прочим, надо выбить на мемориальной доске. Тут, на мосту. «В этом месте Максим Костровский впервые попытался быть романтиком и провалился с треском».

— Илья, я тебя ненавижу, — процедил Максим, но его голос уже не звенел от ярости. В нём было что-то обречённое — усталость человека, который знает, что его будут мучить этим до конца учебного года, если не жизни.

— Это взаимно и бесконечно, — отозвался Илья и подмигнул Стеше.

Максим молчал. Но по его расправившимся плечам, по тому, как он чуть поднял подбородок и как его взгляд, казавшийся отведённым в сторону, на самом деле всё время возвращался к Алисе, было видно: провал его не сломил. Наоборот. Что-то изменилось — будто он шагнул через невидимую черту и понял, что за ней не так страшно, как казалось.

Они гуляли ещё два часа. Сходили к старой колокольне — Илья рассказывал историю про звонаря, Стеша язвительно комментировала, Алиса слушала и молчала, изредка бросая

на Максима быстрые, косые взгляды, которые он не ловил, но чувствовал. Зашли в парк, где листья уже начали желтеть, и Алиса остановилась у старого клёна, рассматривая узор прожилок на опавшем листе. Максим остановился рядом и тоже посмотрел на лист. Не потому что ему был интересен лист. А потому что рядом с ней всё, на что падал его взгляд, казалось значительным.

— Тут тоже красиво, — сказала Алиса, не поворачиваясь.

— Да, — ответил он. И впервые за весь день это «да» прозвучало не коротко и обрубленно, а мягко, как эхо её слов.

Они побродили по парку, посидели на лавочке у фонтана, который уже не работал — воду на зиму отключили. Илья кормил голубей крошками от булочки, Стеша фотографировала его с выражением оскорблённого достоинства. Максим и Алиса сидели рядом, не касаясь друг друга, но на таком расстоянии, которое говорило больше, чем любое прикосновение.

К вечеру солнце опустилось низко и стало золотым, тяжёлым, как расплавленный металл. Тени удлинились, воздух похолодел. Компания медленно побрела обратно к дому Алисы.

— Ну, всё, — сказал Илья, когда они остановились у калитки жилого комплекса. — Культурная программа завершена. Чаевые принимаются деньгами и восхищением.

— Восхищением — это тебе к Максу, — хмыкнула Стеша. — Он сегодня в форме.

— Иди ты, — буркнул Максим, но беззлобно.

Стеша обняла Алису.

— Пока, — шепнула она ей на ухо. — Синее платье — супер. И не слушай Илью. Он дурак, но добрый.

— Знаю.

— Пока, Алиса, — Илья помахал рукой. — Увидимся в понедельник. Постараюсь не травмировать тебя своими шутками. Хотя... нет, не постараюсь.

Максим стоял чуть в стороне. Он смотрел на Алису, и в его глазах, в тёмных, тяжёлых от усталости и солнца, плыло что-то, что он не мог, не умел, не хотел называть. Он просто кивнул — коротко, молча. Она кивнула в ответ.

Они ушли. Алиса смотрела им вслед, пока трое фигур не растворились в золотистом свете уличного фонаря. Потом вдохнула — глубоко, полно, как после долгого погружения — и зашла в дом.

На кухне был накрыт ужин. Белая скатерть, тарелки, вилка, стакан. Отец уже сидел на своём месте. Мама расставляла блюда — запечённая курица, салат, хлеб.

— Ну, как прогулка? — спросила мама, когда Алиса села за стол и потянулась за салфеткой. Её голос был лёгким, почти небрежным, но Алиса заметила, как она украдкой переглянулась с отцом.

— Нормально, — ответила Алиса, разворачивая салфетку. — Посмотрели город. Послушали байки Ильи.

— Байки — это хорошо, — сказала мама. — Ты румяная. Свежий воздух пошёл на пользу.

— Мам.

— Что? Я просто рада, что ты этот год проведёшь не в одиночестве.

Алиса замерла с вилкой в руке. Что-то в маминой фразе — не в словах, а в интонации, в том, как она чуть смягчила голос на слове «этот» — кольнуло, как тонкая игла.

— Что значит «этот год»?

Мама моргнула. Её рука, тянувшаяся к солонке, замерла в воздухе. Она посмотрела на отца — быстро, nervно, как человек, который знает, что сейчас будет неприятно, и надеется, что кто-то другой возьмёт на себя неприятную часть.

Егор Лисицын положил вилку на край тарелки. Его лицо было спокойным, почти каменным — лицо человека, для которого разговоры о будущем — это не эмоции, а логистика.

— Алиса, — начал он, и его голос звучал ровно, как метроном. — Запуск завода займет примерно полтора лет. Может, больше, если будут задержки с поставками. После этого, когда всё будет запущено и стабильно работать, мы вернёмся в Москву. Ты вернёшься и будешь учиться там. Мы считали это очевидным.

Тишина.

Алиса смотрела на отца. Его лицо — спокойное, рациональное, в каждой черте которого читалось «это решено и обсуждать нечего» — было лицом человека, который ис-

кренне не понимал, почему она молчит.

— Вы это считали очевидным, — повторила она, и её голос прозвучал так тихо, что даже нож и вилка, звякнувшие у мамы в руках, показались громкими.

— Да, — кивнул Егор. — Это прагматичное решение. Тебе нужно заканчивать школу, поступать в Москве. Здесь нет достаточной базы для подготовки.

— И вы мне не сказали.

— Эт должно было быть понятным сразу. Полтора года — это достаточно долго, чтобы...

— Чтобы что? — Алиса подняла на него глаза, и в них, в этих голубых глазах, которые ещё час назад светились на мосту от неловкого комплимента, теперь горело что-то совсем другое. — Чтобы я привязалась? Чтобы я начала что-то строить? Чтобы потом всё это бросить? Вы даже не спросили меня. Ни разу. Ни одного раза.

— Алиса, — мама потянулась к ней через стол, но Алиса отстранилась.

— Нет. Нет, мам. Это не «Алиса». Это каждый раз одно и то же. Москва, переезд, завод, через год — снова Москва. Снова решают за меня. Снова план, в котором для меня нет строки «спросить».

Егор смотрел на неё с выражением терпеливого, но непреклонного человека. Он не злился. Он не обижался. Он просто ждал, пока она закончит, чтобы сказать то, что собирался сказать с самого начала.

— Решение окончательное, Алиса. Я понимаю твои эмоции, но...

— Ты не понимаешь моих эмоций.

Алиса бросила вилку. Она ударилась о тарелку с коротким, звенящим звуком, который повис в воздухе, как последняя нота испорченной мелодии. Алиса встала. Стул скрипнул по полу.

— Не хочу есть.

И она ушла. Быстро, не оглядываясь, по коридору, в свою комнату. Дверь закрылась — не хлопком, а тихим, осторожным щелчком.

На кухне было тихо. Егор молча взял вилку и продолжил есть. Мама сидела, глядя на пустой стул дочери, и её губы были сжаты в тонкую, почти невидимую линию.

— Может, надо было раньше сказать, — тихо произнесла она.

— Может, — согласился Егор, не поднимая глаз. — Но это ничего бы не изменило.

Они переглянулись. Но никто не пошёл следом.

В комнате было темно. Алиса не включала свет — просто сидела на кровати, обхватив колени руками, и смотрела на прямоугольник окна, в котором медленно гасли закатные краски. Снаружи — тишина маленького города, в которой нет ни гудков машин, ни соседского телевизора, ни вообще ничего, что напоминало бы о жизни мегаполиса. Внутри —

тишина другого рода, густая и тяжёлая, которая давила на виски и не давала дышать полной грудью.

Через полчаса она встала и подошла к столу. Достала блокнот, потрёпанный, с замятой обложкой, и карандаш. Рисование всегда помогало. Всегда. Когда в Москве не складывалось с подругами, когда отец снова откладывал отпуск, когда она чувствовала себя невидимой, — она рисовала. Линии на бумаге были понятнее слов, точнее эмоций, безопаснее людей.

Она хотела нарисовать что-нибудь нейтральное. Мост. Реку. Деревья, которые они видели сегодня в парке. Линии легли сами, рука двигалась бездумно, как машина, выполняющая привычную программу. Она очертила изгиб реки, набросала перила моста, наметила кроны деревьев... И вдруг карандаш замедлился. Рука, не спрашивая разрешения, начала выводить другой контур — острее, точнее, с резкими переходами. Скулы. Линия челюсти. Тёмные волосы, падающие на лоб. Глаза — тяжёлые, внимательные, смотрящие исподлобья.

Максим.

Алиса замерла. Она смотрела на лист, на котором из-под её пальцев проступило лицо, которое она не собиралась рисовать, и по всему телу прошла волна странного, холодного ужаса. Не страх — скорее, осознание. Резкое, как вспышка света, и такое же неприятное.

Она захлопнула блокнот. Карандаш откатился к краю сто-

ла и замер, как укоризненный свидетель.

Алиса села на кровать. Прижала блокнот к груди. Смотрела в стену — в белый, ровный, безразличный пластик, на котором не было ни рисунков, ни постеров, ни даже полки, потому что она ещё не успела обустроить эту комнату. Может, и не успеет.

Через год. Через полтора. Их не будет здесь. Завод достроят, отец объявит «прагматичное решение», и они уедут. А Максим останется. И Стеша останется. И Илья останется. И мост останется, и колокольня останется, и набережная, и школа, и всё-всё-всё, кроме неё.

Так какой смысл вообще привязываться и что-то начинать? Какой смысл заводить друзей и потом думать каждый день о том, что вряд ли когда-нибудь ещё увидит их? Скушать? Злиться, что никто не станет такой же яркой как Стеша, или таким же взбаломошенным и смешным как Илья? Не лучше ли тогда просто отстраниться и ничего не начинать? Ни дружбы, ни отношений...

Глава 5

Отстраниться, как это ни было смешно, не получилось. Совсем. Воскресенье Алиса провела в ловушке собственных мыслей, даже не притрагиваясь к телефону, который то и дело вздрагивал от новых сообщений. На экране горело уведомление: «23 новых сообщения от Стеши». Она видела их, но пальцы отказывались разблокировать экран. Каждое потенциальное слово, каждая эмодзи казались сейчас непосильной тяжестью, крючками, которые зацепят её за этот мирок и потянут глубже, туда, откуда через год придётся вырываться с кровью. Родители пару раз пытались заговорить, осторожно стуча в дверь, предлагая чай или прогулку, но она отвечала монотонным «не хочу», и в конце концов её оставили в покое, что было и облегчением, и новой горечью – будто они уже смирились с её временным статусом тут.

Она стояла у окна, глядя, как закат красит реку в медные тона, и думала о том, как глупо – всего две недели, а ощущение, будто что-то важное пустило корни где-то под рёбрами, стало слишком болезненным.

Поэтому в понедельник, идя в школу, Алиса твёрдо решила выстроить стену. Невысокую, но прочную. Вежливую улыбку, лёгкую отстранённость, участие в разговорах, но без той искры, которая была в субботу. Она представляла, как будет кивать, шутить в ответ, но держать дистанцию, будто

между ней и всеми ними лёг туман. Эти планы разрушились в одно мгновение, едва она переступила порог школы.

– Алис! Ты где пропадала? Я уже думала, ты сбежала обратно в Москву! – тёплые, сильные объятия Стёши сомкнулись на ней прямо в холле, отрезая путь к отступлению. Запах её духов – сладковатых, с ноткой цитруса – смешался с запахом старых парт и чистящего средства. Алиса замерла, её руки повисли плетьюми, а тело напряглось, будто готовясь к удару. Но Стеша, не замечая или делая вид, что не замечает, отстранилась, держа её за плечи, и её серые глаза сияли искренней радостью. – Мы вчера всем скопом хотели на реку съездить, пикник устроить, а ты молчишь! Я уже панику наводить начала.

– Да просто... отсыпалась, – выдавила Алиса, и голос прозвучал хрипло. Она попыталась улыбнуться, но губы не слушались.

– Отсыпалась, ясное дело, после таких подвигов, – раздался знакомый голос сбоку. Илья, вынырнув из толпы подходящих одноклассников, встал рядом, закинув руки в карманы дорогих потертых джинсов. Его ухмылка была настолько беззаботной и привычной, что от неё больно сжалось сердце. – Наш-то Макс, я смотрю, тоже не выспался. Ходит, как сонная муха, только на тебя и смотрит, ждёт, когда снова подкатит с чем-нибудь эдаким. Готовься, Лисёныш, сейчас начнётся.

И правда, Максим стоял чуть поодаль, прислонившись к

стене у расписания. Он был в чёрной водолазке и тёмных брюках, и его обычно уверенная, немного хищная осанка сегодня казалась скованной. Он не подошёл сразу, лишь кивнул ей, когда их взгляды встретились. Алиса быстро отвела глаза, чувствуя, как по щекам разливается жар.

Так и пошло. На переменах они держались вместе – Степа, болтая без умолку о выходных и планах, Илья, сыпля шутками, которые заставляли даже угрюмого Максима кривить губы в подобии улыбки. Алиса молчала, и это молчание, к её удивлению, не казалось неловким. Они заполняли пространство вокруг неё своим шумом, своим теплом, и ей не нужно было говорить – достаточно было слушать, кивать, изредка улыбаться. Она чувствовала себя причастной, и это было одновременно райским наслаждением и пыткой.

А Максим... Максим к большой перемене, кажется, сбросил нерешительность. Когда они шли в столовую, он неожиданно оказался рядом, его плечо почти касалось её плеча.

– Ты вчера рисунком не занималась? – спросил он тихо, так, чтобы не слышали другие, увлечённые спором о новой игре. – Помню, в субботу, ты про мольберт говорила.

– Нет, – коротко ответила Алиса, ускоряя шаг. Но он не отставал.

– Жаль. Я бы посмотрел. У меня мать в молодости рисовала, дома пару её работ висят. Акварель. Говорит, это как чувства водой размазать.

Она взглянула на него, поймав его взгляд. Он смотрел се-

рьёзно, без привычной дерзости, и от этого её внутри всё перевернулось.

– Поэтично, – пробормотала она и отвернулась.

– Надо будет попросить её твой портрет нарисовать, в спальне повешу, напротив кровати, чтобы засыпать и просыпаться, смотря на тебя, – тут она совсем растерялась и спряталась за Аксёновых подальше от Костровского.

В столовой стало ещё хуже. Пока они расставляли подносы на своём привычном столе у высокого окна, Максим, проходя мимо, «случайно» коснулся её руки, передавая салфетки. Потом, когда Илья начал рассказывать какой-то невероятный анекдот про учителя физики, Максим, сидя напротив, не сводил с неё глаз, и уголок его рта дёргался в улыбке, которая была предназначена явно не анекдоту. Он шутил, подкалывал Илью, но каждую шутку сопровождал взглядом в её сторону, будто проверяя реакцию. И каждый такой взгляд, каждая нечаянная близость – вот он наклоняется, чтобы поднять её упавшую ручку, вот их колени почти соприкасаются под столом – заставляли желание спрятаться и зарыдать от несправедливости расти в геометрической прогрессии. Она видела, как он старается, видела эту робкую, но упрямую надежду в его глазах, и понимала, что ведёт себя ужасно – холодно, отстранённо, почти грубо.

– ...так он и говорит: «Иван Иванович, да у вас закон всемирного тяготения не работает!» – закончил Илья, и Стеша фыркнула, давась компотом. Максим усмехнулся, но взгляд

его снова скользнул по лицу Алисы, искал отклика. Она сидела, уставившись в свой почти нетронутый салат, чувствуя, как комок в горле становится всё больше и болезненнее.

Не выдержала.

– Извините, мне надо... в уборную, – прошептала она, вставая так резко, что стул скрипнул.

– Алис? – тревожно спросила Стеша, но Алиса уже шла, почти бежала, сквозь шумный зал, не оглядываясь.

Она ворвалась в тишину школьного туалета. Дальняя кабинка была свободна. Алиса заскочила внутрь, щёлкнула задвижкой и прислонилась лбом к прохладной пластиковой стенке. Дыхание срывалось, в глазах стояла горячая пелена. Она сжала веки, пытаясь удержать натиск, но было поздно.

Первые слезы прокатились по щекам горячими, быстрыми дорожками, затем ещё, и ещё. Она плакала тихо, почти беззвучно, давясь рыданиями, которые рвались из груди, как что-то живое и раненое. Всё казалось таким глупым, таким нелепым и безнадёжным. В Москве у неё никогда не было таких проблем. Там общение было лёгким, быстрым, как обмен валюты: сегодня ты с одной компанией, завтра – с другой, никто ни к кому не прирастал душой. А здесь... Здесь за пару недель эта компания, этот мальчик с серьёзными глазами, стали ощущаться как возвращение в уютный, тёплый дом после долгой ледяной метели. И это возвращение было обманкой. Временным привалом.

Скрип входной двери, лёгкие шаги.

– Алис? – осторожный шёпот Стефании разрезал тишину.
– Ты тут?

Алиса резко вытерла лицо рукавом школьного пиджака, сделала глубокий, прерывистый вдох, пытаясь вернуть голосу твёрдость.

– Я здесь.

Алиса вытолкнула дверь кабинки, и её отражение в зеркале над раковинами на мгновение заставило вздрогнуть. Красноватые следы под глазами, бледность, губы сжаты в тонкую, недовольную линию. Она выглядела именно так, как чувствовала – растерянной и пойманной в ловушку собственных мыслей. Стеша стояла посередине пустого туалета, облокотившись на раковину. Её лицо, обычно озарённое улыбкой, было серьёзным, почти строгим, а серые глаза смотрели на Алису с неподдельным беспокойством, которое было таким тёплым и искренним, что от него захотелось плакать снова.

– Ну? – тихо спросила Стеша, не двигаясь с места. – Говори. Что случилось? Ты же не из тех, кто плачет просто так. Или мы уже успели настолько достать тебя за неделю?

– Нет, нет, вы ни при чём, – быстро выдохнула Алиса, подходя к соседней раковине и включая воду, просто чтобы занять руки. Холодные струи омыли её запястья, но внутренний жар не унимался. – Всё наоборот. Вы... вы слишком хорошие.

– Это плохо? – Стеша склонила голову набок, и в её голосе

проскользнула лёгкая растерянность. – Я не поняла.

Алиса закрыла кран, схватила бумажное полотенце и начала тереть им руки, чуть ли не до красноты. Она чувствовала, как Стешин взгляд буравит её, ожидая объяснений. Молчать больше не было сил. Слова, которые она копила в себе всё воскресенье, подступали к горлу комом, горячим и неудобным.

– Мы здесь не навсегда, – выпалила она наконец, поднимая глаза на подругу. Голос прозвучал хрипло, неестественно громко в этой кафельной тишине. – Мы переехали сюда только на год. Максимум полтора. На время запуска папиного завода. А потом мы вернёмся в Москву.

Она ждала чего угодно – удивления, разочарования, может быть, даже лёгкой досады. Но не этого глубокого понимания, которое медленно расползлось по лицу Стеши, сменяя беспокойство на тихую, почти взрослую грусть.

– Ого, – просто сказала Стеша. Она оттолкнулась от раковины и сделала пару шагов по кафельному полу, её туфли тихо постукивали. – Вот оно что. Ну, да, логично, конечно. Ваш папа – большой бизнесмен, Москва. Зачем ему тут навечно оседать? Просто... почему ты не сказала сразу?

– Я сама не знала! – голос Алисы сорвался, в нём прозвучала та самая обида на родителей, которая тлела в ней с субботнего вечера. – Они не сказали. Думали, что так лучше. Что я постепенно вольюсь, а потом... само собой станет ясно. Что это всего лишь этап. Прагматичный, чёрт побери,

этап.

Она с силой смяла бумажное полотенце и швырнула его в урну.

– А я уже начала верить, что это моя новая жизнь. Что здесь всё по-настоящему. Школа, вы... – Алиса запнулась, не решаясь произнести следующее имя вслух, но Стеша кивнула, как будто слышала его.

– И поэтому ты сегодня такая... отстранённая. Пытаешься построить стену, пока не поздно. Чтобы не привыкать. Чтобы потом не было больно уезжать.

Алиса лишь кивнула, не в силах говорить. Давление в груди немного ослабло, оттого что это было высказано, озвучено другим человеком. Но горечь никуда не делась. Она стояла, глядя на собственные пальцы, вцепившиеся в край холодной раковины, и думала о том, как странно устроена жизнь: даёт что-то хорошее и тут же шепчет на ухо, что это временно, не твоё, не зарься.

Стеша вздохнула, глубоко и шумно, а затем подошла ближе, обняла её за плечи. Это не было тем порывистым, душащим объятием, как утром у входа. Это было спокойное, поддерживающее прикосновение.

– Слушай, – начала она, – Да, год – это не вечность. И если ты начнёшь кого-то любить по-настоящему, а потом уедешь... будет больно. Очень. Я с этим не поспорю.

Алиса вздрогнула от слова «любить». Оно было таким громким, таким пугающим.

– Я никого не люблю, – пробормотала она в пол, но звучало это жалко и неубедительно.

– Ну, хорошо, хорошо, – Стеша усмехнулась, – Пусть будет так. Но вот что я тебе скажу. Дружить – это одно. Дружить можно всегда. Даже из разных городов. Вот смотри: я с Ильёй с первого класса дружила с Максом. И знаешь, сколько раз его отец пытался переманить поставщиков у нашего отца? Или наш папа подрезал его на каком-нибудь тендере? Да постоянно! А мы что? Мы в школе сидим, тусим, болтаем. Потому что мы – это мы, а они – это они. Их разборки – их взрослые игры. Мы не обязаны в них играть.

Она отпустила Алису, сделала шаг назад, чтобы смотреть ей прямо в глаза.

– Если ты сейчас от всех отстранишься, закроешься в своей скорлупе, то что ты получишь? Год одиночества в чужом городе. И уедешь ты с ощущением, что зря потратила время. А если останешься с нами, будешь смеяться, гулять, может, даже влюбишься... – Стеша подняла руку, видя, как Алиса пытается возразить. – Ладно, ладно, «не влюбишься», но будешь жить по-настоящему. Да, в конце будет горько. Но будут и воспоминания. Хорошие, тёплые. Которые потом будут греть тебя в московских пробках. Разве это не лучше, чем просто переждать этот год как наказание?

Алиса слушала, и слова Стеши падали на благодатную почву. Они резонировали с тем самым упрямым огоньком внутри, который отказывался гаснуть. Она думала о Макси-

ме. О его глупом подкате на мосту, о том, как он сегодня сыпал своими нелепыми, но такими настойчивыми шуточками. Если она отступит сейчас, то что он подумает? Что она просто высокомерная стерва из Москвы? Или, что хуже, поймёт её страх и оставит в покое? Последняя мысль почему-то вызвала не облегчение, а новую волну тоски.

– А он? – невольно вырвалось у Алисы, и она тут же покраснела, поняв, что выдала себя с головой.

Стеша улыбнулась, но на этот раз улыбка была мягкой, почти материнской.

– Макс? Да он уже по уши... ну, ты поняла. Он не из тех, кто легко отступает. Но он и не дурак. Если ты скажешь ему прямо, что ты здесь временно... не знаю. Может, он задумается. Может, нет. Но это уже его решение. А твоё решение – дать ли этому шансу вообще быть. Просто... не выстраивай стену, Алис. Не нужно. От дружбы ты точно не потеряешь. Обещаю.

Она протянула руку, и Алиса, после секундного колебания, взяла её. Ладонь у Стеши была тёплой и мягкой.

– Ладно, – выдохнула Алиса, чувствуя, как камень с души понемногу скатывается. Стена, которую она пыталась возвести сегодня утром, дала трещину и рухнула под напором этой простой, живой искренности. – Ты права. Год одиночества – это ужасно. И... и вы действительно очень классные.

– Вот и славно, – Стеша потянула её к двери. – А теперь пошли назад. Илья там уже, наверное, теорию заговора стро-

ит, что мы сговорились его бросить. А Макс... ну, будь готова, что он не отстанет. Но теперь ты хотя бы знаешь, зачем тебе это нужно.

Они вышли из туалета в ярко освещённый коридор. Звучки школы снова обрушились на Алису, но теперь они не казались чужими и враждебными. Она сделала глубокий вдох, пытаясь встроить эту новую реальность в себя: да, она здесь временно. Да, это больно осознавать. Но это не значит, что нужно отказываться от всего хорошего, что может произойти.

По пути обратно в столовую Стеша болтала о чём-то пустяковом – о новом учителе алгебры, который, по слухам, задаёт тонны домашней работы, о том, что Илья опять проспал и пришёл в школу с разными носками. Алиса слушала вполуха, кивала, и внутри неё шла своя, тихая работа. Она решала, как теперь быть с Максимом. Игнорировать его флирт? Отшучиваться? Или... позволить себе просто получать удовольствие от его внимания, не думая о конце, который неизбежен? Последний вариант казался одновременно страшным и невероятно притягательным.

Когда они вошли в столовую, их стол словно замер. Илья сидел, развалившись на стуле, с нарочито безразличным видом, но его глаза сразу же нашли Алису, выискивая следы слёз или напряжения. Максим, сидевший напротив, поднял голову. Его угрюмое, нахмуренное выражение смягчилось, когда он увидел её, и в голубых глазах мелькнуло что-то похожее

на облегчение, смешанное с тем же настойчивым интересом.

– Ну, что, раскололись? – спросил Илья, первым нарушив тишину. – Или мы всё ещё в бойкоте?

– Заткнись, Илюх, – беззлобно бросила Стеша, садясь на своё место. – Всё нормально. У Алис просто... семейные обстоятельства. Ничего страшного.

– О, – протянул Илья, и его взгляд стал понимающим. В этом городе, где все всё знали, фраза «семейные обстоятельства» могла означать что угодно – от ссоры родителей до проблем с бизнесом. Он мудро не стал допытываться. – Ну, ладно. Главное, что вернулась. А то Макс тут уже места не находил, чуть стол не проглотил от волнения.

Максим отвёл взгляд, слегка покраснев, и пнул Илью под столом. Но когда он снова посмотрел на Алису, в его взгляде уже не было прежней наглой уверенности.

Алиса села, взяла свой недопитый сок. Холодная пластиковая кружка немного охладила ладони. Она встретила его взгляд и... кивнула. Совсем чуть-чуть.

Илья тут же запустил очередную нелепую историю про то, как их физрук однажды пытался поймать голубя в спортзале. Стеша закатила глаза, но смеялась громче всех. А Максим, больше не хмурясь, слушал, но его взгляд теперь периодически возвращался к Алисе, тёплый и внимательный, будто проверяя, всё ли ещё она с ними.

Алиса чувствовала этот взгляд на своей коже, как лёгкое, щекочущее прикосновение. И теперь, зная о своём лимите

времени, она позволяла себе ощущать его острее. Боялась ли она? Ещё как. Было ли больно думать, что всё это может закончиться? Невыносимо. Но сквозь страх и боль пробивалось что-то новое – странное, хрупкое мужество. Мужество жить именно этот день, эту перемену, этот смех, не оглядываясь на календарь. Стеша была права. Выжидать – это путь в никуда. А она, Алиса Лисицына, не хотела просто выжидать. Даже если это всего лишь год. Даже если потом сердце будет разбито вдребезги. По крайней мере, оно будет биться сейчас – громко, тревожно и по-настоящему.

Ключ с трудом повернулся в замке, издав тот самый скрипучий звук, который Алиса уже успела запомнить за полмесяца. Она вжалась в дверь, пытаясь открыть её как можно тише, и проскользнула в прихожую. В воздухе пахло тушёной картошкой с мясом, но этот уютный запах перебивался напряжёнными, сдавленными голосами, доносившимися из гостиной. Сердце почему-то ёкнуло, предчувствуя неладное.

Она застыла на месте, не снимая куртки, слушая. Это был спор. Не громкий, не истеричный, но оттого, наверное, ещё более страшный – родители почти никогда не спорили при ней. Они были той самой командой, которая в Москве пережила всё: и первые провалы отца, и взлёты, и бессонные ночи над проектами. Их разногласия всегда оставались за закрытой дверью кабинета. А здесь, в этом чужом доме с тонкими стенами, всё было слышно.

– А Костровский?! – голос матери, прозвучал резко, с металлической ноткой, которая появлялась, когда она была по-настоящему взвинчена. – Он больше всех был недоволен тем, что ты выкупил этот несчастный завод. На последних торгах по тому тендеру на оборудование он тебе какую подлянку устроил? Специально завысил цену, чтобы ты переплатил, а потом слил информацию конкурентам! Ты не боишься, что он может всё испортить? Осознанно.

Алиса прижалась спиной к прохладной стене прихожей, замерев. Костровский. Фамилия отдалась в висках глухим ударом. Она слышала, как отец вздохнул – долго, устало.

– Ира, перестань, ты преувеличиваешь, – его баритон звучал спокойнее, но в нём чувствовалось напряжение. – Он же бизнесмен, а не бандит. На торгах все такие. Каждый тянет одеяло на себя. Он просто пытался максимизировать свою выгоду, увидел в нас лёгкую добычу – новых, непонятных. Это нормальная практика. Не надо демонизировать.

– Нормальная? Егор! Ну, в самом деле, мы не в Москве, хотя и там вещи погрязнее творятся. Это маленький город, здесь все друг за дружку держатся, а мы – чужие! – голос Ирины дрогнул. Алиса представила её выражение лица – сведённые брови и плотно сжатые губы, которые появлялись, когда мама не на шутку тревожилась. – Ты же сам говорил, что у него здесь все связи, все на ладони. И он не просто недоволен, он зол. Я чувствую это. Потому что ты не просто купил завод, ты пришёл на его территорию. Тут у каждого

своя вотчина. И он считает, что ты её нарушил.

Тишина. Потом скрипнуло кресло – должно быть, отец встал, прошёлся по комнате.

– Милая, ну, что ты такое говоришь? Это просто работа. Мы запустим производство, отладим процессы и вернёмся в Москву, передадим филиал доверенному человеку. Через год, максимум полтора, мы уже будем дома. Какие могут быть проблемы? Он тоже это понимает. Это временные трудности, не более.

Алиса закрыла глаза. Слова «вернёмся в Москву» прозвучали как приговор, подтверждая всё, о чём она говорила со Стешей. Но теперь к этой горькой пилюле добавился новый, странный привкус страха. Неясного, расплывчатого. Что значит «может всё испортить»? Что отец Максима способен на что-то плохое? Нет, папа прав – бизнесмен, не бандит. Мама просто переживает, как всегда. Она всегда волнуется сильнее, чем нужно.

– А Алиса? – внезапно выдала мама, и её голос стал тише. Алиса инстинктивно втянула голову в плечи, будто пытаясь стать меньше. – Его сын вокруг неё вертится, думаешь, просто так? В этой-то атмосфере?

– У тебя уже паранойя, ей-богу, – отец фыркнул, но звучало это беззлобно, скорее с усталой попыткой отшутиться. – При чём здесь дети? Ну, влюбился парнишка, Алиска вон тоже неровно дышит к нему, я же вижу. Пусть дальше встречаются, гуляют, что плохого? Ты себе уже там концовку «Ро-

мео и Джульетты» в голове что ли составила? Из-за каких-то там торговых разборок?

– Я просто переживаю за нашу девочку, – в голосе Ирины прозвучала беспомощная, неприкрытая боль, у Алисы в горле встал ком. – Не надо было вообще её сюда тащить. Ты видел, как она расстроилась после того разговора? Как будто мы у неё всю радость отняли. Вот зачем? Мы могли оставить её в Москве с репетиторами, на дистанционке...

– Ты предлагала оставить её одну в Москве? С кем? С бабушкой, которая еле ходит? А если бы случилось что? – голос отца стал твёрже. – Нет, Ира. Мы семья. Мы вместе. Переехали и переехали, ей только на пользу смена обстановки пойдёт. Новые люди, новый опыт. Да, сейчас тяжело. Да, она злится. Но это пройдёт. Она же умная, она всё понимает.

– Понимает, что мы используем её жизнь как временный лагерь? – мама почти прошептала.

Ещё одна пауза, более тяжёлая.

– Мы не используем, – наконец сказал отец, и его голос стал мягче, почти умоляющим. – Мы живём. Так, как получается. И у неё будет этот год здесь. С друзьями, с... с этим мальчиком. А потом мы заберём её с собой, со всеми воспоминаниями. Это лучше, чем год тоски в пустой московской квартире в ожидании звонка, ты же сама знаешь.

Алиса не выдержала. Она осторожно, на цыпочках, двинулась к спальне, стараясь не скрипнуть половицами. Каждое слово родителей впиталось в неё, как заноза. Эта непро-

ходящая, тупая тоска, оттого что самые важные люди в её жизни обсуждали её судьбу вот так, за закрытой дверью, не подозревая, что она слышит. Она чувствовала себя шпионом и одновременно беспомощным ребёнком, чью жизнь раскладывали по полочкам, не спрашивая мнения.

В своей комнате она сбросила куртку на стул и упала на кровать, уткнувшись лицом в подушку. Мысли метались, как пойманные птицы. Тендеры, торги, злость. Было ли это правдой? Или мама, как всегда, драматизировала? Она вспомнила лицо Максима – то серьёзное, сосредоточенное, когда он ловил её на канате, то глупо-настойчивое, когда подкатывал на мосту. В нём не было никакой скрытой угрозы, никакого расчёта. Он был просто... мальчишкой. Таким же, как Илья, только чуть более замкнутым и куда более настойчивым, когда дело касалось её.

Но что, если это всё часть какой-то игры? Нет. Не могла же она так ошибаться в людях. Стеша, Илья – они были настоящими. И Максим тоже. Это не могло быть наигранным.

Она пролежала так, пока за окном не стемнело окончательно, и голоса не стихли, сменившись привычными, бытовыми звуками – звоном посуды, включённым телевизором. Спор закончился, не разрешившись, оставив в воздухе тяжёлый осадок недоговорённости. Алиса не пошла ужинать, сославшись на головную боль, когда мама осторожно постучала в дверь. Ей нужно было побыть одной. Переварить.

Утро встретило её хмурым, низким небом и морозящим

дождём. Ощущение было такое, будто вчерашний разговор приснился – странный, тревожный сон, который бледнеет с первыми лучами. Но осадок оставался. Лёгкая, фоновую тревога, как зуд под кожей.

Алиса, промокнув капюшон, прошла в класс истории, которая была первым уроком. Кабинет был почти пуст – только пара человек что-то шепталась у окна, да учительница, немолодая женщина с жёсткой серой причёской, раскладывала конспекты на столе.

И вот они. Стеша и Илья стояли у окна, что-то обсуждая. Стеша, увидев её, тут же помахала рукой, улыбаясь своей открытой, солнечной улыбкой. Илья, привалившись к подоконнику что-то жевал, но тоже кивнул.

– Привет, вымокла? – спросила Стеша, подвинувшись, чтобы Алиса могла сесть рядом. – Мы думали, ты опять спрячешься.

– Нет, – Алиса сняла куртку, пытаясь привести в порядок мысли. – Просто дождь. Где... все?

Она не назвала имя, но Илья, кажется, понял.

– Макс? – он пожал плечами, доедая булку. – Звонил с утра, сказал, что задержится. Что-то у них там семейное, не вдавался в подробности. Отец, наверное, с утра пораньше на мозги капает.

От этих слов Алису слегка передёрнуло. «Семейное». После вчерашнего это слово звучало зловеще.

– Ничего страшного, – быстро сказала Стеша, будто по-

чувствовав её напряжение. – Он всегда так. То исчезнет, то появится. Главное, что ты здесь. Как настроение? После вчерашнего?

– Нормально, – ответила Алиса, и это была полуправда. Тревога никуда не делась, но вид друзей немного успокаивал. – Просто... много думала.

– О временном статусе? – тихо спросила Стеша, наклоняясь ближе.

– И не только, – призналась Алиса, глядя на свои руки.

Она хотела спросить о Костровском-старшем, о том, правда ли он такой опасный, но слова застряли в горле. Не хотелось выглядеть параноиком, как её мама. Да и что они могли знать? Они же дети. Их отцы могли враждовать, но они сами были вне этих игр. Как говорила Стеша.

Илья, тем временем, сунул руку в рюкзак и вытащил смятый листок.

– Кстати, о думании, – сказал он, разворачивая бумагу. – Смотри, что я вчера нашёл в старых конспектах отца. План какого-то древнего тендера на поставку чего-то там. Сплошные циферки и гриф «совершенно секретно». Представляешь, они там, оказывается, тоже когда-то школьниками были и такие же бумажки теряли.

Он протянул листок Стеше, та взглянула и фыркнула.

– Боже, Илюх, это же просто смета на ремонт спортзала в нашей же школе, гляди – подпись бывшего директора Петровича! Какое тебе «совершенно секретно»? Ты совсем чи-

тать разучился?

– Ну, может, это тайный код, – не сдавался Илья, подмигивая Алисе. – Может, Петрович – тайный агент, а спортзал – это прикрытие для подпольного завода. Как у твоего папы, Алис, только миниатюрный. По производству... скакалок.

Алиса невольно улыбнулась. Эта нелепая болтовня и лёгкость были как глоток свежего воздуха после вчерашней тяжёлой атмосферы дома. Она посмотрела на пустое место за соседней партой, где обычно сидел Максим.

– Всем привет, – в окно показалось лицо Костровского, его тёмные волосы растрепались на ветру, а голубые глаза весело блестели, будто он только что выиграл гонку на своём мотоцикле.

Алиса закатила глаза, двигаясь в сторону от открытой створки с таким выражением, словно на подоконнике появилось нечто отвратительное и назойливое. Её рыжие пряди качнулись, закрывая на мгновение профиль. Стеша, хихикнув, тоже отодвинулась, прикрывая ладонью рот, но её серые глаза светились ожиданием забавной развязки этой привычной для всех сцены. Илья, сделав шаг назад, чтобы было место для разгона, расставил руки в стороны, приняв драматическую позу гладиатора, готового принять товарища в бой.

– Иди ко мне, мой сладкий, – он пару раз сжал пальцы, приглашая друга в объятия, и выставил губы трубочкой, будто в ожидании поцелуя, при этом его лицо выражало такое пафосное томление, что несколько одноклассников, собрав-

шихся у окон, фыркнули от смеха.

– Оу, ты так рад меня видеть, – умиляющимся голосом пропел Макс, легко запрыгивая в класс, как будто перепрыгнул не высокий подоконник, а маленькую лужу. Он приземлился почти бесшумно, пыль с подошв его кроссовок взметнулась в солнечном луче.

– Ну, прям Человек-паук, – закатила глаза Лисицына, отводя взгляд к доске, где ещё остались следы от мела прошлого урока. Её голос прозвучал сухо и раздражённо, – А ты, Илюха, Мэри Джейн?

– Не, мне больше Гвен Стейси нравится, – парировал Илья, опуская руки и принимая обычную небрежную позу, засунув большие пальцы за ремень джинсов. Он ухмыльнулся, глядя то на Алису, то на Максима.

– Ревнуешь, Лисёныш? – в объятия Аксёнова Костёр не кинулся, а опёрся о подоконник, наклоняясь в сторону одноклассницы. Его взгляд скользнул по её лицу, выискивая любую реакцию.

– С чего бы? – она недовольно выгнула бровь, скрестив руки на груди, словно пытаясь отгородиться от всей этой мальчишеской дурашливости. Её голубые глаза сверкнули холодом.

– Ну, Илья прям выхватывает моё внимание. Не переживай, я весь твой, если хочешь.

– Вот как? – блондин сложил руки на груди и обиженно надул губы, как девчонка, изображая глубокую драму. –

Я думал, мы вместе до гроба, а ты мне изменяешь? Предатель... Мы же клялись на крови, помнишь? Той самой, когда ты учился прыгать через забор и напоролся на гвоздь. Я тебе тогда весь рукав от своей новой футболки оторвал, чтобы жгут сделать. А теперь – вот, рыжая помешала нашей вечной любви. – Парень театрально отвернулся, прикрыв лицо ладонью, вызывая смехок друзей, которые уже привыкли к его клоунаде.

– Да заткнись ты, Аксёнов, – Максим оттолкнулся от подоконника и прошёл к своей парте, которая, как назло, оказалась прямо за Алисиной. Он швырнул на неё потрёпанный рюкзак, от чего та вздрогнула. – Твои шутки старее, чем учебник истории, который Ирина Игоревна сейчас нам будет тыкать.

Стеша, наблюдая за этой перепалкой, качнула головой, её длинная коса скользнула по плечу. Она присела на краешек парты рядом с Алисой.

– Не обращай внимания, они всегда так. Как два клоуна в цирке. Один – красивый и наглый, – она кивнула на Максима, который уже раскачивался на стуле, – А второй – просто дурачок с золотым сердцем, – она улыбнулась в сторону Ильи, который теперь изображал, что плачет, уткнувшись лицом в учебник.

– Я слышу! – возмутился Илья, поднимая голову. – Золотое сердце – это комплимент? Или ты намекаешь, что у меня кроме сердца больше ничего золотого нет? Потому что,

знаешь, я бы поспорил...

– Тишина! – раздался звонкий голос в дверях. Ирина Игоревна вошла в класс, неся под мышкой стопку тетрадей и огромный атлас. Её строгий взгляд сразу приглушил общий гул. – Садитесь на места. Максим Костровский, я вижу, ты сегодня через дверь прошёл? Или опять окно покорял?

– Дверью, Ирина Игоревна, честное пионерское, – быстро ответил Максим, с наигранной невинностью разводя руками. – Окно само открылось, я просто проветривал, чтобы всем дышалось легче. Забота о коллективе.

Учительница лишь покачала головой, поставив атлас на стол. Её взгляд скользнул по Алисе, и он смягчился.

– Ну, что, продолжаем знакомиться с эпохой Николая Первого. Открываем учебники на странице сорок пять. И чтобы я не слышала посторонних разговоров.

Класс зашуршал страницами. Алиса аккуратно достала учебник, тетрадь, положила рядом новую ручку с гелевым стержнем. Она чувствовала, как за её спиной кто-то ёрзает. Максим откинулся на стуле так, что его колени почти упёрлись в её спинку. Она подалась вперёд, стараясь не обращать внимания.

Ирина Игоревна начала рассказ о реформах, её монотонный голос заполнил класс. Солнечный свет пылил в воздухе. Алиса старательно конспектировала, выводя аккуратные строчки. Через десять минут тишины, нарушаемой только голосом Ирины Игоревны, она услышала сзади лёгкий скрип

стула. Затем – шепот, настолько тихий, что он казался почти дыханием у неё на затылке.

– Интересно, декабристы тоже через окна в Зимний планировали забираться? Или у них были более классические методы?

Алиса замерла. Она не обернулась. Просто сжала губы и продолжила писать. Разве он не понимал, что ей не до шуток? Что она пытается не отстать от программы, понять новую школу, новых людей?

– Молчишь? – шепот стал чуть громче, настойчивее. – Правильно. Заговор надо хранить в тайне. А то ещё выдам всех на Сенатской площади. Кстати, а ты на чьей стороне? За конституцию или за самодержавие? Я вот за то, чтобы уроков истории не было. Это была бы самая прогрессивная реформа.

Стеша, сидевшая рядом, шевельнулась и, не поворачивая головы, прошипела через зубы:

– Макс, отстань. Ей же надо конспектировать.

– А я что? Я помогаю, – парировал он, и Алиса услышала, как он откинулся на спинку стула, которая жалобно закричала. – Исторические параллели провожу. Вот, например, наша Ирина Игоревна – она у нас как Николай Первый. Жёсткая, непреклонная, подавляет любые вольнодумные мысли. А мы – как те самые несчастные декабристы, томящиеся на уроках.

Илья, сидевший рядом, подавил смешок. Он наклонился

к Максиму и прошептал, но так, что Алиса отчётливо слышала:

– Только ты, брат, больше на Шерхана смахиваешь, чем на декабриста. Хищник, а не революционер.

– Спасибо за комплимент, – довольно улыбнулся Максим. Потом снова наклонился вперёд. Его дыхание снова коснулось её шеи. – Лис, а если серьёзно. Тебе не скучно? Вот это всё: "восстание 14 декабря", "диктатор Трубецкой"... Я могу тебе куда более интересные истории про этот город рассказать. Например, про то, как в прошлом году Влад Матросов пытался спрятать живого хорька в учительской, и...

– Максим, – наконец не выдержала Алиса. Она обернулась ровно настолько, чтобы встретиться с ним взглядом. Её лицо было напряжённым, а голос, хоть и шёпотом, звучал ледяно. – Мне нужно слушать. Я здесь новенькая. Я пропущу материал, и потом буду догонять. Твои истории о хорьках меня не спасут на контрольной. Понял?

Он посмотрел на неё несколько секунд. Его голубые глаза, обычно сверкающие насмешкой, на мгновение стали серьёзными. Но лишь на мгновение.

– Понял, – кивнул он. – Ладно, не буду отвлекать. Наслаждайся самодержавием.

Он откинулся назад, и Алиса с облегчением выдохнула, снова повернувшись к доске. Тишина длилась, возможно, целых три минуты. Она успела записать основные тезисы о расправе над декабристами, когда сзади раздался тихий звук

– будто бумажный шарик ударился о её плечо и упал на пол. Алиса нахмурилась, но не стала оборачиваться. Ещё один шарик. Потом ещё. Она стиснула зубы.

И тут до неё донеслось шуршание бумаги и новый шёпот, на этот раз с другой стороны – от Ильи.

– Не обращай внимания, он как обезьяна в зоопарке – если не кидать в него бананами, начинает кидаться сам, чтобы привлечь внимание. Хочешь, я ему сейчас учебником по голове швырну? У меня меткость отличная.

Алиса невольно улыбнулась. Она качнула головой, не оборачиваясь. Сзади раздался вздох.

– Эх, Илюха, предаёшь дружбу ради улыбки новенькой, – с преувеличенной печалью прошептал Максим. – Я же просто хотел передать ей важное сообщение. – Пауза. – Лисёныш, на, лови.

Она почувствовала, как что-то аккуратно задело её по плечу и упало на открытую тетрадь. Это был не бумажный шарик, а аккуратно сложенный треугольничек, как записочки на уроках в младших классах. Алиса посмотрела на него, потом украдкой на Ирину Игоревну – учительница что-то писала на доске, повернувшись к классу спиной. Любопытство пересилило. Она быстро развернула бумажку. Кривым, но разборчивым почерком было написано: "Извини. Правда. Но ты всё равно смешная, когда хмуришься. Как рыжий ёжик."

Она не знала, что почувствовать. Раздражение снова по-

ползло вверх по шее, но в нём была какая-то новая нота. Может, даже смешная. Рыжий ёжик? Она быстро скомкала записку и сунула её в карман брюк. Обернуться и что-то сказать она не решилась. Вместо этого она достала из пенала маленький ластик в виде мороженки и, не глядя, перебросила его через плечо назад. Услышав тихий смешок, поняла, что попала.

– Ого, – прошипел Максим. – Ответный огонь. Принято. Но мороженка – это слишком мило. Ты что, меня балуешь?

– Это был знак капитуляции, – тихо ответила она, не оборачиваясь.

– Никогда не принимаю капитуляцию красивых противников, – радостно прошептал он тут же. – Только безоговорочную сдачу в плен.

Илья фыркнул, еле сдерживая рвущийся смех.

– Вы оба тише, а то нас сейчас всех на Сенатскую площадь выведут, в смысле – к директору, – недовольно зашептала Стеня, – Макс, завязывай со своими подкатами. Они у тебя как у слона в посудной лавке – громкие, неуклюжие и всё бьют.

– А у тебя есть варианты получше, пикап-мастер? – поинтересовался Максим.

– Конечно. Например, помолчать до конца урока. Революционное, да?

Ирина Игоревна обернулась, и разговор стих. Алиса смогла, наконец, сосредоточиться. Она слушала о ссылке в Си-

биров, о жёнах декабристов, и почему-то эти истории о преданности и стойкости казались сейчас особенно яркими на фоне её собственных мелких раздражений. А ещё она чувствовала на затылке пристальный взгляд, тёплый и навязчивый, как солнце в окне.

Когда до конца урока оставалось минут десять, Ирина Игоревна дала задание – прочитать параграф и ответить на вопросы письменно. В классе воцарилась тишина, нарушаемая лишь шелестом страниц и скрипом ручек. Алиса углубилась в учебник.

И тут сзади послышалось шуршание, и на край её стола медленно выползла ещё одна бумажка, сложенная уже в виде самолётика. Он качнулся и замер, уткнувшись носом в её учебник. Алиса вздохнула. Она развернула его. "Вопрос по теме: а если бы тебя сослали в Сибирь, взяла бы меня с собой? Я бы дрова рубил и медведей отгонял."

Она не смогла сдержать улыбку. Это было так глупо и нелепо, что даже раздражать переставало. Она быстро написала на обороте той же бумажки: "Нет. Ты бы только шутил и отвлекал от выживания. И лазил бы в окна чумов." И, не оборачиваясь, закинула самолётик назад через плечо.

Через секунду она услышала довольное хихиканье.

– Справедливо, – прошептал Максим.

– Вы бы оба замёрзли в первую же зиму, потому что вместо того чтобы добывать пропитание, строили бы друг другу глазки и кидались снежками, – вставил свой прогноз Илья,

не отрываясь от учебника.

– Илюха, ты разрушаешь романтику моего воображаемого изгнания с Лисёнышем!

– Романтика – это когда ты не мёрзнешь и сыт, братан. Всё остальное – бредни.

Алиса слушала этот шёпот и понимала, что её первоначальное раздражение потихоньку тает, как весенний снег. Эти двое были как стихийное бедствие – шумное, хаотичное, но в них была какая-то искренняя, мальчишеская энергия, которой не хватало в её прежней жизни, полной одиночества и тишины больших, безликих квартир. Она поймала себя на том, что ждёт следующей реплики Максима, следующей глупой шутки.

Звонок с урока прозвенел резко и неожиданно, заставив всех вздрогнуть. Ирина Игоревна отложила мел.

– Итак, на сегодня всё. Вопросы письменно – к следующему уроку. Всем спасибо.

В классе сразу поднялся гул. Стеша потянулась, с удовлетворением хрустнув шеей.

– Фух, высидели. Лис, пошли в буфет? Я умираю от голода. Илюха, Макс, вы с нами?

Илья уже вскочил, хватая свой рюкзак.

– Конечно, я всегда за бесплатную еду! Хотя, стоп, в буфете же не бесплатно... Ну, за еду в принципе!

Максим медленно поднялся с места. Он прошёл мимо парты Алисы и остановился, загораживая ей путь. Его лицо

снова было украшено той самой наглой ухмылкой, но сейчас в ней было меньше раздражающей самоуверенности и больше простого озорства.

– Ну, что, Лисёныш? Простишь меня за саботаж учебного процесса? Я, если что, могу тебе потом конспекты свои дать. У меня они, правда, больше на шифровку похожи, но Илья иногда расшифровывает.

Алиса, собирая вещи в рюкзак, подняла на него взгляд.

– Спасибо за предложение, но я, наверное, лучше сама разберусь. А то с твоими конспектами и расшифровкой можно ещё дальше Сибири уехать – в каменный век.

Она сказала это без прежней колкости, даже с лёгкой усмешкой. Максим прищурился.

– О, пошутила! Прогресс налицо. Значит, не всё ещё потеряно для декабристского движения. Идём?

Алиса посмотрела на Стешу, которая уже стояла в дверях и жестом подзывала её. Потом на Илью, который что-то оживлённо жестикулировал, рассказывая соседу по парте какую-то историю. И наконец – на Максима, который ждал её ответа, и в его голубых глазах теперь читалось не только привычное баловство, но и искренний интерес.

– Идём, – кивнула она. – Но только если ты обещаешь не кидаться в меня бумажками и не сравнивать больше с ежами.

– Обещаю, – серьёзно сказал он, прикладывая руку к груди. – Буду сравнивать только с... лисой. Хитрой, рыжей и невероятно красивой.

– Ма-а-акс... – застонал Илья, подходя к ним. – Ну, вот, опять понесло. Давайте уже, а то все пирожки разберут.

Они вышли из класса в наполненный шумом коридор. Алиса шла между Стешей и Ильей, который тут же начал рассказывать историю про хорька и учительницу географии. Максим шёл чуть сзади, и она чувствовала его присутствие как тёплое пятно у себя за спиной. Раздражение ушло, сменившись лёгким, щекочущим нервы любопытством.

Издательская платформа Литрес Авторы (Литрес Самиздат) — бесплатное издательство электронных книг. Издайте свою книгу онлайн

Глава 6

Столовая гудела, как улей в разгаре медосбора. Запах горячей выпечки, подгоревшего масла и сладкого компота смешивался в плотный, тёплый кокон. Солнечные лучи, пробивавшиеся через высокие окна, выхватывали клочки лиц, летящие крошки, пластиковые стаканчики. Алиса, сидя за небольшим столиком у окна, чувствовала странное умиротворение. Всего пару уроков назад она была напряжена до предела, а теперь – смеялась вместе со Стешей над какой-то глупостью Ильи. На столе перед ними дымились две треугольные пиццы с сыром и колбасой, купленные наскоро, чтобы успеть до звонка.

Девчонки, купив себе перекус, попросили Максима и Илью сесть отдельно, так как им нужно было немного посплетничать.

Максим, который только что рассказывал что-то с набитым ртом, замер с куском пиццы на полпути. Его голубые глаза на секунду выразили неподдельное любопытство, смешанное с лёгкой обидой.

– Девчонки, если вы про нас посплетничать хотите, то не стесняйтесь, – хохотнул Илья, хлопая себя по колену. Он уже поднялся, готовый уступить место, но не упуская возможности подколоть. – Мы ещё дополнить можем. Например, про то, как Макс тут вчера...

– Братец, свали, – сморщила нос Стефания, толкая брата в плечо так, что он едва не уронил свой стакан с компотом. Её серые глаза сверкнули смесью нежности и раздражения. – Ну, что ты как маленький? Мы на пять минут!

Илья сделал преувеличенно обиженное лицо, отставив в сторону стакан, и обнял себя за плечи, изображая покинутого ребёнка.

– Ой-ой, ты у нас больно взрослая? – он покривлялся, склонив голову набок и скрестив руки на груди. – А Кактус знает, какая ты у нас взрослая? А чо молчишь перед ним, как малолетка?

Алиса не сдержала хихиканья. Эта братско-сестринская динамика была ей непривычна, но безумно забавна. В её прежней жизни, в городе-великане, у неё не было ни братьев, ни сестёр. Здесь же всё было каким-то шумным и немного хаотичным.

– Да не называй ты его так! – блондинка насупилась, перекидывая свою длинную, тяжёлую косу через плечо с таким видом, будто это был рыцарский плащ. Её щёки слегка покрасовели.

– Ладно, ладно, не трогайте святыню, – вздохнул Илья, поднимаясь и хватая свою тарелку. Он подмигнул Максиму, который всё ещё сидел, задумчиво разглядывая расплавленный сыр на своей пицце. – Костёр, пошли, а то нас тут изгоняют с женской территории. Выглядим мы слишком мужественно, видимо, мешаем.

Максим наконец оторвался от своей еды, медленно встал. Его взгляд на секунду задержался на Алисе – не насмешливый, а какой-то оценивающий, будто он пытался понять, о чём они будут говорить. Потом он махнул рукой, приняв свой обычный небрежный вид.

– Понял. Тайное девичье общество. Ничего не слышим, ничего не видим. Илюха, давай, покажем нашу мужскую солидарность там, у стеночки. Может, тоже посплетничаем про них.

– О, отличная идея! – оживился Илья, уже отходя к свободному столику. – Я начну с твоей привычки хранить носки под кроватью, сестрёнка.

Фыркнув, парни всё же выполнили просьбу подруг и устроились за другим столиком, в паре метров, но достаточно далеко, чтобы не разобрать шёпот. Максим сел спиной к ним, демонстративно уставившись в окно, но Алисе показалось, что он напряжён и слегка раздражён. Илья же сразу начал что-то оживлённо ему говорить, жестикулируя и показывая пальцем то на них, то в сторону входа.

Стеша выдохнула, откинувшись на спинку пластикового стула, и улыбнулась Алисе.

– Ну, как тебе у нас? – спросила она, отламывая ещё кусочек пиццы. Её голос стал мягче, доверительнее. – Уже освоилась в школе?

Алиса почувствовала лёгкое смущение. Ещё две недели назад она была одинокой новенькой, а теперь у неё была по-

друга, которая смотрела на неё с искренним интересом.

– Да, благодаря тебе, – Лисицына улыбнулась, и её голубые глаза засияли. – Спасибо, правда. Я не ожидала, что кто-то так... сразу примет.

– Да было бы за что, – Стеша махнула рукой, но в её жесте была небрежная теплота. Она посмотрела в сторону, где её брат что-то доказывал Максиму, и её лицо стало серьёзным. – Знаешь, ты как глоток свежего воздуха для меня стала. Так надоели все эти сплетницы, будто дружить уже все разучились. Приятно с тобой общаться. Ты какая-то... настоящая.

Алиса почувствовала странную гордость от её слов, смешанную с лёгкой неловкостью. Она не была привычна к таким прямым комплиментам. В её прошлой жизни дружба была тихой, удобной, не требующей глубоких откровений. Здесь всё было иначе – ярче, громче.

– Спасибо, – снова сказала она.

Стеша улыбнулась, потом её взгляд стал лукавым. Она наклонилась через стол, понизив голос до конспираторского шёпота.

– Как тебе Костёр?

Вопрос прозвучал так неожиданно и прямо, что Алиса, как раз поднеся стакан с компотом к губам, поперхнулась. Холодная сладкая жидкость ударила в носоглотку. Она резко откашлялась, прикрывая рот ладонью, чувствуя, как слёзы выступают на глазах.

– Ого! – ахнула Стеша, её глаза округлились. Она потя-

нулась за салфетками. – Извини, не знала, что он настолько впечатлил тебя.

– Да нет же, – просипела Алиса, пытаясь отдышаться. Горло щипало, а лицо горело от смеси стыда и неожиданности.

– Вы чо там? – крикнул с соседнего стола Илья, поднимая голову. Он уже смеялся, видя её мучения. – Лис, дышать и пить одновременно могут только младенцы. И то не все!

– Отстань! И не подслушивать! – крикнула в ответ блондинка, но уже смеясь. Она протянула Алисе пачку бумажных салфеток. – Вот, вытрись. И так?

Алиса, всё ещё кашляя, взяла салфетку и промокнула глаза. Она чувствовала себя глупо, но и смешно одновременно.

– Не задавай такие каверзные вопросы, пока у меня что-то во рту... – пробормотала она, стараясь привести себя в порядок.

– Хорошо, не буду, – Стеша улыбнулась, но её взгляд был полон любопытства. Она сложила руки на столе, подбородком уперлась в костяшки пальцев, ожидая продолжения.

Алиса вздохнула, отпила ещё глоток компота, уже осторожно, и отставила стакан. Она посмотрела в сторону Максима. Он по-прежнему сидел спиной, но теперь, кажется, слушал Илью не так внимательно.

– Ну... – Алиса нахмурилась, пытаясь правильно сформулировать мысль. Она никогда не была хороша в описании людей, особенно тех, кто вызывал такие противоречивые чувства. – Максим раздражает. Нервирует, постоянно

подкалывает, да и вообще ведёт себя как обычный бабник, который любит женское внимание и флиртует со всеми подряд. Но...

– Но? – подбодрила Стеша, её глаза заблестели.

– Но сегодня на уроке, – продолжила Алиса медленно, подбирая слова, – Не кажется плохим человеком, если рассматривать его как друга...

Она замолчала, собираясь с мыслями. Вспомнила, как он улыбнулся ей в конце урока. Не той наглой ухмылкой, а какой-то другой, более мягкой.

– Кажется ветреным, – наконец выдохнула она. – Раздражает своей самоуверенностью. Такие как он обычно купаются во внимании девчонок и меняют их как перчатки. Но... смешной. И есть в нём что-то тёплое. Как будто вся эта клоунада – просто ширма.

Стеша слушала её, и её лицо озарилось понимающей, почти материнской улыбкой. Она покачала головой, и её коса мягко качнулась.

– Эх, Алиска, не разглядела ты его душу романтика, – делано вздохнула Аксёнова, кладя руку на сердце. – Максим у нас самый настоящий Хатико. Всегда верен. Никогда по девчонкам не гулял, да и было их немного. Не спорю, что вниманием он явно не обделён, только вот сам он очень избирательный. И, поверь, не со всеми он флиртует. На постоянной основе только с Илюхой, – они захихикали, глядя на брата, который в этот момент что-то громко доказывал Максиму, раз-

махивая куском пиццы. – Ну, и с тобой теперь.

Алиса почувствовала, как кровь снова приливает к щекам. Она отхлебнула компота, пытаясь скрыть смущение.

– А с тобой – нет? – спросила она, стараясь звучать невинно.

В ответ послышался резкий, сдавленный хохот, но блондинка тут же закрыла себе рот ладонью, её глаза заискрились весельем.

– Боюсь, Илья его сожрал бы с потрохами. У них там своеобразные отношения. Как два щенка – то дерутся, то спят в обнимку. Если бы я посмела флиртовать с Максом, Илюха, наверное, объявил бы мне кровную вражду. Нет уж, спасибо.

– Ага, кинулся бы как на Ромашку? – улыбнулась Алиса, вспомнив прозвище, которое парни дали Роме Горячеву. Стеше нравилось, что Алиса поддержала её прозвище для объекта воздыхания, а не повторяла за парнями.

Она покраснела ещё сильнее и опустила глаза на остатки пиццы.

– Возможно. Ой, вон он, – прошептала она, и её голос стал тихим и мечтательным. Щёки Аксёновой покраснели так, что даже кончики ушей стали розовыми. Проследив за её взглядом, Лисицына увидела Горячева, который зашёл со своими друзьями в столовую. Рома был высокий, с кудрявыми каштановыми волосами и широкой, открытой улыбкой. Он что-то говорил своим приятелям, жестикулируя, и выглядел совершенно непринуждённо.

Алиса посмотрела на Стешу. Та сидела, замерши, словно кролик перед удавом, вся её обычная энергия и уверенность куда-то испарились. Вместо них осталась лишь девочка-подросток, безнадёжно влюблённая и слишком застенчивая, чтобы сделать шаг.

И в этот момент что-то щёлкнуло в Алисе. В её прежней жизни она была тихой, предпочитала оставаться в тени. Но здесь, в этом маленьком городке, где всё казалось проще и прямее, захотелось сделать что-то хорошее для своей новой подруги. Что-то смелое.

– Хочешь номер его для тебя спрошу? – неожиданно предложила Алиса, и её собственный голос прозвучал для неё удивительно уверенно.

Стеша вздрогнула, как от электрического разряда. Её серые глаза чуть не вылезли из орбит, она уставилась на Алису с таким ужасом, будто та предложила ей прыгнуть с крыши.

– Ты что?! – прошипела она, озираясь, не услышал ли кто. – А что я ему напишу-то? Не-не-не... Я стесняюсь... Он же... Он популярный. И я...

– Он сам напишет, – уверенно выдала рыжая, уже вставая с места. В груди у неё что-то весело и тревожно застучало. Она никогда не делала ничего подобного. Но вид Стеши, такой беспомощный и милый, подгонял её.

– Стой! – громким, но паническим шёпотом попыталась остановить её Стеша, протягивая к ней руку, но Алиса уже ускользнула, ловко проскочив между столиками. Она чув-

ствовала, как десятки глаз устремляются на неё, но сделала вид, что не замечает.

Подойдя к столу, за которым разместились баскетболисты, Алиса остановилась и совершенно беззастенчиво уставилась на Рому, пока тот не поднял на неё взгляд. Он прервал свой рассказ, улыбнулся ей той же широкой, доброжелательной улыбкой, что и в первый день в школе.

– Привет? – его голос был тёплым и приятным. – Ты подруга Стеши? Новенькая?

– Ага, – кивнула Алиса, стараясь не смотреть на его друзей, которые с любопытством уставились на неё. Она взяла себя в руки, сделав глубокий вдох. – Тебе нравится моя подруга? – прямо в лоб, совершенно не стесняясь, выдала она.

Рома не смутился, наоборот, его улыбка стала ещё шире, а в глазах появился искренний интерес. Он кивнул в сторону стола, где сидела Стеша, которая в этот момент, казалось, пыталась провалиться сквозь землю или стать невидимой.

– Нравится, конечно, ты посмотри, какая милая, – сказал он, и в его голосе не было ни капли насмешки, только чистое восхищение. – Я её ещё с прошлого года заметил. Но она всегда такая... недостижимая. Ну, или смотрит куда-то мимо.

Алиса почувствовала прилив решимости.

– Она просто стеснительная очень. У тебя есть её телега или вк?

– Нет, я не нашёл, – он вздохнул с преувеличенной грустью, но глаза смеялись. – У тебя есть?

– Есть.

– Поделишься? – хитро улыбнулся Горячев, и в его взгляде появилась благодарность.

– Не вопрос.

Достав свой телефон, Алиса быстро пролистала список контактов и показала ему страницу Стеши. Рома, выхватив свой мобильник, быстро переписал ник.

– Ах, вот как, она под фейковым именем, – он довольно ухмыльнулся, изучая экран. – Круто. Спасибо. А то Илюха так смотрит, что даже подойти страшно самому спросить, вдруг кинется ещё.

– Да, есть такое, – улыбнулась Алиса. – Но он не кусается. Обычно.

Рома рассмеялся, его смех был громким и заразительным.

– Ладно, спасибо большое. Передай ей, что... я очень рад.

– Передам, – кивнула Алиса и, чувствуя, что миссия выполнена, развернулась и пошла обратно к своему столу. Она слышала, как за её спиной кто-то из друзей Ромы что-то прокомментировал, и тот отмахнулся.

Когда она вернулась, Стеша смотрела на неё широко раскрытыми глазами, полными ужаса и надежды одновременно. Алиса села, взяла свой стакан и сделала глоток.

– Ну? – прошептала Стефания, её голос дрожал.

– Он сказал, что ты милая, и что он тебя давно заметил, – спокойно сообщила Алиса. – И что не мог найти тебя в соцсетях.

В этот момент на столе у Стеши завибрировал телефон. Она вздрогнула, как от щелчка, и медленно, будто в замедленной съёмке, подняла его. На экране горело уведомление: «Роман Горячев хочет добавить вас в друзья».

– О боже, – выдохнула Стеша, и её лицо вспыхнуло таким ярким румянцем, что, казалось, могло осветить всю столовую. Она уронила телефон на стол, схватилась за щёки. – Алиса...

– Пожалуйста, – улыбнулась рыжая, и в душе у неё что-то теплое и пушистое расправило лапки. Быть полезной, сделать что-то хорошее для другого человека – это чувство было ей почти незнакомо, но невероятно приятно.

– Ой, смотрите, у нашей Стеши лицо как помидор! – раздался с соседнего стола голос Ильи. Он и Максим уже подходили к ним, закончив свою трапезу. Илья тыкал пальцем в сторону сестры, его лицо светилось злорадным весельем. – Что случилось? Лис, ты её чем-то напугала?

– Отстань, – пробормотала Стеша, но уже не злобно, а смущённо, пряча телефон под ладонью.

Максим подошёл и молча сел на своё место. Его взгляд скользнул по Алисе, и она поймала в нём что-то необычное – не насмешку, а лёгкое одобрение, смешанное с любопытством. Он видел, как она подходила к Роме? Ну, конечно, вся столовая видела.

– Она мне помогла, – выдавила из себя Стеша, поднимая на брата мокрые от слёз счастья глаза. – Алиса подошла к

Роме и дала ему мой контакт.

– Что?! – Илья сначала опешил, его рот открылся, потом он громко рассмеялся, хлопнув себя по лбу. – Да ты что! Наша скромница-то! Ну, Лис, ты даёшь! Всего ничего тут, а уже свахой работаешь! А Рома что?

– Он... добавил меня, – прошептала Стеша, и её губы дрогнули в улыбке. Она посмотрела на Алису с такой безмерной благодарностью, что та снова почувствовала прилив тепла. – Спасибо.

– Не за что, – пожала плечами Алиса, но внутренне она ликовала.

– Ого, значит, у нас тут романтика назревает, – потирая руки, констатировал Илья. – Стешка и Кактус. Ну, надо же. А я думал, он только мяч кидать умеет. Макс, ты представляешь? Наша Стеша и баскетболист.

– Представляю, – сухо сказал Максим, но в его голосе не было насмешки. Он отпил из своего стакана, его взгляд снова задержался на Алисе. – Смело, Лисёныш. Не каждый рискнёт подойти к такой ораве спортсменов.

– Они же не звери, – пожала плечами Алиса, но под его взглядом почему-то снова почувствовала лёгкое смущение.

– Не все, – многозначительно сказал Илья, переглядываясь с Максимом. Потом он взглянул на часы и вскочил. – Опа, скоро звонок. Физ-ра следующая. Пойдёмте переодеваться, а то Андрей Петрович опять орать будет, что мы последние.

Все задвигались, собирая свои вещи. Алиса поднялась, доедая кусок пиццы. Она чувствовала себя невероятно лёгкой и довольной. Возможно, этот городок не так уж плох. Возможно, здесь можно найти не только проблемы, но и друзей, и даже... помочь кому-то обрести счастье.

Они вышли из столовой в уже привычно шумный коридор. Стеша шла рядом с Алисой, всё ещё красная как рак, но непрерывно улыбающаяся и то и дело поглядывающая на телефон.

– Спасибо ещё раз, – сказала она тихо, наклонившись к подруге. – Ты... ты настоящая подруга.

Алиса только улыбнулась в ответ.

Позади них, чуть отставая, шли Максим и Илья. Илья что-то оживлённо рассказывал, жестикулируя, но Максим слушал вполуха. Его взгляд был прикован к рыжей голове Алисы, которая мелькала впереди в толпе учеников.

– ...поэтому я и говорю, что она не просто так, – донёсся до Алисы обрывок фразы Ильи. – Смотри, как пацаны на неё косятся.

Алиса на секунду задержала шаг, стараясь расслышать, но общий гул заглушал слова. Она обернулась и увидела, как Максим резко толкнул Илью локтем в бок, заставив того замолчать. Илья захихикал, подняв руки в знак сдачи.

– Ладно, ладно, не буду. Но сам посмотри.

Алиса перевела взгляд. Несколько парней из старших классов, стоявшие у шкафчиков, действительно смотрели в

её сторону. Не злобно, но с явным интересом. Один из них что-то сказал своему другу, и тот заулыбался. Алиса почувствовала лёгкий укол тревоги. Она вспомнила слова отца о том, что их семья здесь – чужаки, конкуренты. Может, это не просто взгляды?

– Не обращай внимания, – сказала Стеша, заметив её беспокойство. Она взяла её под руку. – Это просто Васёк Мараев и его компания. Они на всех новеньких так смотрят. Особенно на девочек. Им только бы похвастаться друг перед другом.

– Мараев? – переспросила Алиса.

– Да, Вася Мараев. Он учится с нами в параллели. Его отец... ну, в общем, они тоже в бизнесе. Но не фармацевтика. – Стеша на секунду помрачнела, потом снова улыбнулась. – Не думай о них. Главное – физра. Надеюсь, сегодня не кросс будут гонять.

Они подошли к раздевалкам. Женская и мужская были напротив друг друга через узкий коридор. Уже собиралась небольшая очередь, девушки болтали, смеялись, меняли школьную форму на спортивную.

Девочки подошли к своим шкафчикам, чтобы взять с собой косметички. После физры хотелось выглядеть не хуже, чем до. Илья и Максим уже скрылись за дверью. Проходя мимо мужской, Алиса столкнулась с другими одноклассниками, которые заходили внутрь. Дверь приоткрылась, и оттуда донёсся гомон голосов, смех, звук хлопающих дверей

шкафчиков и её фамилия.

Дверь захлопнулась, и слова оборвались. Алиса нахмурилась, но вошла в женскую раздевалку, где уже царила привычная суета. Она нашла свободную скамейку в углу и начала переодеваться, стараясь не обращать внимания на перешёптывания нескольких девушек из своего класса, которые бросали на неё любопытные взгляды. Возможно, это были те самые «сплетницы», о которых говорила Стеша. Алиса сжала губы и сосредоточилась на шнуровке кроссовок.

Через пару минут, уже переодетая, она вышла в коридор и прислонилась к стене, ожидая Стешу. Из мужской раздевалки доносились приглушённые голоса, обрывки фраз, смех. И опять тот же голос, что и раньше – наглый, самоуверенный:

– ...Рыжих у меня ещё не было, пацаны, как думаете...

Дальше она не разобрала. Услышала только голос Ильи, который что-то спокойно сказал. Потом раздался резкий, приглушённый удар, как будто что-то упало или кого-то толкнули о шкафчики.

Алиса прижалась ухом к прохладной деревянной двери мужской раздевалки, затаив дыхание. Её собственное сердце колотилось так громко, что казалось, его стук разносятся по всему коридору. Она притворялась, что ждёт Стешу, изредка бросая взгляды на одноклассниц, которые выходили из женской раздевалки. Девчонки, видя её у двери, сначала удивлялись, но Алиса быстро закатывала глаза и кивала в сторону своей раздевалки, изображая нетерпение. Они

улыбались и проходили мимо, принимая её позу за обычное девичье ожидание подруги, которая слишком долго копается у зеркала.

Тишина, воцарившаяся за дверью после приглушённого удара, была зловещей. Алиса напрягла слух, и слова прозвучали отчётливо, как удар хлыста по лицу. Голос Влада Матросова, наглый и самоуверенный, резанул её сознание.

– Поспорим, говорю. Если начнёшь с Лисицыной встречаться до конца месяца, то я тебе десять тыщ отдам. Если не начнёшь – ты мне.

В желудке у Алисы скрутился неприятный, холодный узел. Воздух словно вырвали из лёгких. Она замерла, не в силах пошевелиться, её пальцы впились в штанины. Конечно, она понимала, к кому обращался Матросов. Только что был слышен голос Максима, его низкий, слегка хрипловатый тембр. Это было очевидно. И теперь она, затаившись в почти пустом коридоре, с замиранием сердца ждала ответа. Молилась, чтобы никто не вышел, не заговорил с ней, не помешал услышать эти несколько слов, которые вдруг стали невероятно важны. От них, казалось, зависело всё – её представление о новом мире, о людях здесь, о том, можно ли хоть кому-то доверять.

Она инстинктивно потянулась ближе, её кроссовок скрипнул по линолеуму.

И в этот момент дверь женской раздевалки распахнулась, выпустив поток духов, смеха и звонкого голоса.

– Алиска, ты чего тут как приклеенная? Идём уже, а то опоздаем! – Стеша, сияющая и переодетая, выскочила наружу и тут же подхватила её под руку, энергично потянув за собой в сторону спортзала. Её длинная коса мягко хлестнула Лисицыну по плечу.

Алиса позволила себя увести, оглянувшись на дверь мужской раздевалки с чувством глупой потери. Ответа она не услышала. Осталось только неприятное эхо тех слов, которые теперь вертелись в голове, обрастая догадками и страхами. Она шла рядом со Стешей механически, почти не замечая ничего.

– Ты чего так расстроена? – Стефания нахмурилась, внимательно вглядываясь в лицо подруги. Её серые глаза выражали искреннее беспокойство. – Пицца не понравилась? Или Илья чем-то обидел? Я ему сейчас уши надеру!

– Нет, нет, – Алиса покачала головой, пытаясь собраться с мыслями. Голос прозвучал тише, чем она хотела. – Всё нормально.

– Не похоже, – Стеша не отступала, прижимаясь к ней плечом, пока они обходили группу старшеклассников. – Ну, рассказывай. Что случилось? Ты же только что сияла как новогодняя ёлка после истории с Ромой. А сейчас будто уксус выпила.

Алиса вздохнула. Ей нужно было выговориться, но как произнести эти мерзкие слова вслух? Она посмотрела на Стешу – на её открытое, доброе лицо. Эта девушка за пару

недель стала ей ближе, чем многие знакомые за годы в большом городе. Может, стоит довериться?

– Слушай... – начала она осторожно, понизив голос. – А сколько у Максима девушек было? Вообще.

Стеша приподняла бровь, явно удивлённая поворотом темы. Она на секунду задумалась, приложив указательный палец к подбородку.

– Дай подумать... Наверное, две или три. Не так уж много, если честно. А что?

– А как он себя с ними вёл? – Алиса чувствовала, как тепло разливается по её щекам, но продолжала. – Тоже как со мной? Подкалывал, дразнил?

– Нет, – Стефания твёрдо мотнула головой, и её коса качнулась из стороны в сторону. – Совсем нет. Он с ними был доволен... нежный, что ли. Ну, таким казался со стороны. Понимаю, что сейчас он точно не выглядит как романтик, и вообще больше на хулигана школьного похож, но он довольно принципиальный в таких вещах. Всегда к девчонкам относился с уважением, не разбрасывался словами. Даже когда расставались – всё тихо, без скандалов и сплетен. Почему спрашиваешь?

«Нежный». Слово повисло в воздухе, такое чужеродное по отношению к тому Максиму, которого знала Алиса. Тому, что всё время строил из себя шута и задиру.

– Ясно... – Алиса задумчиво оглядела коридор, где на стенах висели старые стенгазеты с поздравлениями к Первому

сентября. Ей нужно было больше информации, нужна была уверенность.

– Что-то слышала? – Стеша хитро прищурилась, её губы растянулись в понимающей улыбке. – Не зря же ты возле мужской раздевалки стояла, как шпионка из плохого фильма. Я видела. Прикидывалась, что ждёшь меня. Неплохо, кстати, получилось.

Алиса не смогла сдержать лёгкой улыбки. Она была рада, что Стеша не осудила её за подслушивание, а отнеслась с любопытством и долей восхищения.

– Ну... – она покусывала губу, выбирая слова. – Матрос... он предложил Максиму поспорить на меня.

Она выдохнула эту фразу одним махом, словно сбрасывая с плеч тяжёлый груз. И тут же почувствовала облегчение, смешанное со стыдом. Быть предметом спора, разменной монетой в каких-то тупых мальчишеских разборках – это было унижительно.

Стеша не взорвалась, как ожидала Алиса. Она лишь фыркнула, и в её фыркание было столько презрения и уверенности, что Алисе стало немного спокойнее.

– Пф, – выдохнула блондинка, качая головой. – Надо же было такое Костру ляпнуть. Он за такое и кабину снести может за секунду. У него с этим строго.

– То есть... он не согласился бы? – в голосе Алисы прозвучала надежда, которую она сама едва осознавала.

Стеша на секунду задумалась, её лицо стало серьёзным.

Она перестала улыбаться и посмотрела на подругу прямо.

– Я не могу утверждать наверняка, – сказала она честно. – Я не Бог, и не видела, что там было. Но я сомневаюсь, что Макс на такое способен. Очень сомневаюсь. Карточный долг на поцелуй это одно, но спор на девушку – это уже совсем другое. Он может быть ветреным, может парить где-то в облаках своих идей, но ставить на отношения, да ещё и за деньги? Это не в его стиле. Это больше похоже на Матросова – он любит покуражиться, показать, что он крутой и всё может купить. А Максим... он другой. Если переживаешь – спроси его сама.

– Вот ещё, – Алиса с силой выдохнула, складывая руки на груди в защитной позе. – Не буду я такое спрашивать. Подумает, что я подслушивала. И вообще... зачем мне это? Пусть сами разбираются со своими дурацкими спорами.

Она старалась звучать обиженно и независимо, но внутри всё ещё копошились червячки сомнения. А если он согласился? А если это всё – просто игра, часть какого-то плана?

– Ну, как знаешь, конечно, – Стеша пожалала плечами, но в её глазах читалось понимание. Она взяла Алису за руку и потянула дальше. – Но знаешь что? Ты не одна. Если что – я всегда на твоей стороне. И Илья тоже, хоть он и клоун. И даже этот дурак Костёр, я уверена. Он не даст тебя в обиду. Видела, как он на тебя смотрит, когда думает, что никто не видит?

– Как? – не удержалась Алиса, хотя тут же пожалела о во-

просе.

– Не так, как на других, – улыбнулась Стеша. – Без этой своей дурацкой ухмылки. Задумчиво так. Как будто пытается разгадать сложную задачку. И знаешь, я его знаю с детства. Когда он так смотрит – это что-то значит. Так что все эти подкаты – не просто так.

Они подошли к высоким дверям спортзала. Оттуда доносились приглушённые голоса, стук мяча о паркет, резкий свист учителя. Алиса взялась за холодную металлическую ручку, но не сразу нажала. Она обернулась к Стеше.

– Спасибо, – сказала она тихо.

– Не за что, – Стеша улыбнулась своей широкой, солнечной улыбкой и толкнула дверь. – Пошли. Физ-ра ждёт. И, кстати, не переживай из-за Матросова. Если он будет приставать – дай знать. У нас тут свои методы воспитания таких особей.

Дверь мужской раздевалки захлопнулась за ними, отсекая гулкий шум коридора и заменив его более приглушённым, но не менее интенсивным гомоном внутри. Воздух здесь был тёплый, спёртый, пахнувший потом, мужским дезодорантом и старым деревом скамеек. По стенам тянулись ряды синих металлических шкафчиков, многие из которых были исписаны или поцарапаны. Под потолком горели тусклые люминесцентные лампы, мерцаая и издавая тихое жужжание.

Максим и Илья, плечом к плечу, протиснулись в гущу уже

переодевающихся парней. Со всех сторон доносились смех, отрывистые фразы, звон бросаемых на скамьи ключей, шуршание ткани. Они нашли свободное место у дальнего ряда шкафчиков. Максим молча открыл свой, вытащив свёрток со спортивной формой, и швырнул школьный пиджак на лавку. Илья, присев рядом, начал расшнуровывать ботинки, его лицо ещё светилось отголосками веселья после столовой.

– Видели же? – громкий, нарочито весёлый голос разрезал общий шум, заставив многих обернуться.

Максим узнал его, даже не поднимая головы. Влад Матросов. Он стоял в окружении своих приятелей в паре метров от них, переодеваясь в ярко-зелёные спортивные штаны. Его лицо, скуластое и самоуверенное, было оживлено.

– Сама к Ромке подошла, наверное телефончик стрельнуть, – продолжал Влад, явно наслаждаясь вниманием. Он бросил взгляд в сторону Максима, но тот делал вид, что не слушает. – Смелая такая. Нагленькая. Мне нравятся такие девчонки. Не то что наши местные скромницы.

Кто-то из его компании хмыкнул. Илья перестал возиться со шнурками и поднял взгляд, его веселье сменилось напряжённостью. Он знал, куда клонит Матросов.

– Она для Стеши спросила, – вдруг резко, чётко произнёс Максим, не поворачиваясь. Его голос прозвучал негромко, но с такой уверенностью, что вокруг на мгновение стихло. Он натянул серые спортивные штаны и только после этого выпрямился, медленно обернулся, встретившись взглядом с

Матросовым. — Чувства Стефании не для кого секрета не составляют. Все всё знают. Так что не выдумывай.

Влад на секунду опешил от такого прямого вызова, но быстро оправился. Его губы растянулись в широкой, понимающей улыбке. Он даже кивнул, делая вид, что принимает это объяснение.

— Да? — протянул он, и в его голосе зазвучала фальшивая задумчивость. — Тогда все шансы есть. Ого. — Он притворно засвистел, подмигнув своим друзьям. — Хорошенькая такая. И, говорят, при деньгах. Папашка-то фармацевтический магнат. Я бы её...

И тут Матросов сделал откровенно грязное, недвусмысленное движение бёдрами, сопровождая его похабным щелчком языка. Вокруг раздались сдержанные хихиканья и одобрительные возгласы его компании.

Илья, который уже встал, резко повернулся к Владу. Его обычно весёлое лицо стало каменным, серые глаза сузились.

— Эй, Матрос, — сказал он спокойно, но так, что было слышно даже в дальнем углу. — Хватит.

Но Влад лишь пожал плечами, продолжая ухмыляться.

— А что? Рыжих у меня ещё не было, пацаны, как думаете, а там тоже...

Глава 7

Максим уже снял школьную рубашку, и в прохладном воздухе мурашки пробежали по его загорелой коже, покрытой старыми царапинами и свежим синяком на ребре — след вчерашней возни с мотоциклом. Его широкие плечи и рельефные мышцы спины выдавали регулярные тренировки, но сейчас всё его тело было напряжено не от физической нагрузки. Он медленно, почти механически доставал из сумки чёрную футболку, слушая, что творится у него за спиной.

– Лучше б ты так не пиздел, Матрос, – серьёзно перебил Илюха, прислонившись к соседним шкафчикам и закинув ногу на ногу. Он уже был в спортивных штанах и ярко-оранжевой майке, которая кричаще выделялась на фоне общего уныния. Его светлые, почти белые волосы были взъерошены, а в серых глазах искрилось непривычное недовольство. – Она Костру приглянулась, смотри, а то сожжёт тебя к чертям.

Парни заржали, громко и заразительно. Максим кинул на друга раздражённый взгляд через плечо, его голубые глаза потемнели от досады.

– Ты тоже бы рот поменьше свой открывал, когда не просят, – возмутился Костров, натягивая футболку через голову. Ткань обтянула торс, подчеркнув атлетичное сложение.

– Так у неё на лице написано, как ты её раздражаешь, –

ухмыльнулся Влад, обращаясь к Максиму. – На каждую твою шутку нос морщит. Я вчера на истории наблюдал: ты что-то ей шепнул, а она аж вздрогнула, как от ожога.

Максим резко захлопнул дверцу шкафчика, звук металла гулко отозвался в помещении. Несколько человек замолчали, почуяв напряжение.

– Много ты понимаешь, Владос, – хмыкнул брюнет, поворачиваясь к нему всем корпусом. Его взгляд стал холодным, оценивающим. – Она хмурится, потому что я про неё шучу. Закаляю, так сказать. Когда перейду к другой части плана – вот увидишь, мы быстро начнём встречаться.

Он сказал это с такой уверенностью, с такой наглой бравадой, что даже Илья на секунду притих, удивлённо подняв бровь. Максим всегда был самоуверен, но сейчас в его тоне звучала какая-то неестественная дерзость, будто он пытался убедить в первую очередь самого себя. Но понять это мог только Аксёнов, конечно.

– Какой ты уверенный в себе, – выпятив грудь и подняв подбородок, пародируя кого-то важного, пропел Влад. Его голос стал слащаво-насмешливым. – Давай поспорим?

– Чё?

– Поспорим, говорю. Если начнёшь с Лисицыной встречаться до конца месяца, то я тебе десять тыщ отдам. Если не начнёшь – ты мне.

В раздевалке повисла тишина, густая и звенящая. Даже те, кто вдалеке перешёптывались о вчерашнем матче, замолкли,

повернув головы к центру события. Все с ожиданием уставились на Костра. Тот в свою очередь, отложив олимпийку на ближайшую лавку, медленно подошёл ближе к однокласснику. Каждый его шаг был размеренным, контролируемым, но в узкой полоске света от окна видно было, как напряглась его челюсть. Он остановился совсем рядом, нарушив личное пространство, и поднял голову, сталкиваясь нос к носу с Владом, который был почти на голову ниже.

– Матрос, – он на секунду сжал губы указательным и большим пальцем, будто пытаясь сдержать первый, самый гневный порыв. Его голос опустился на полтона, стал низким и опасным. – Ты меня за кого принимаешь? Я отброс, по-твоему, или как? Что, я ставки на девчонок делаю, как на скаковых лошадей?

Влад сделал произвольный шаг назад, наткнувшись на шкафчик. Его самоуверенная ухмылка сползла с лица, сменившись настороженностью и даже испугом. Он не ожидал такой реакции.

– Костёр, да ладно тебе, не дыми, – парнишка поднял руки в примирительном жесте, ладони раскрыты. – Ты чего завёлся? Я же по-дружески...

– Я никогда на девчонок не спору, – перебил его Максим, не отводя пронзительного голубого взгляда. Он говорил чётко, отчеканивая каждое слово, чтобы все в раздевалке услышали. – Тебя мама не учила с уважением к прекрасному полу относиться? Или у тебя в голове только бабки и понты?

– У-учила... – пробормотал Влад, поёжившись. Его взгляд забегал по сторонам, ища поддержки, но остальные парни лишь молча наблюдали, кто с интересом, кто с опаской. – Да я пошутил... я просто...

– Просто что? – Максим выгнул бровь, делая ещё шаг ближе, так что Влад буквально вжался в металлическую дверцу. – Говорю один раз. Лисицину не трогать. Это всех касается.

Он обвёл взглядом одноклассников, и этот взгляд был тяжёлым, полным немого, но ясного приказа. В его глазах горело не просто раздражение от глупого спора, а что-то более глубокое – собственническое чувство, смешанное с искренним желанием оградить Алису от любых, даже словесных, посягательств. Он наблюдал и общался с ней несколько недель, но уже чувствовал ответственность.

– Понравилась мне, не спорю, – продолжал Максим, слегка отступив, но голос его не смягчился. – И обижать не дам. И за подкаты ноги обломаю. Ясно?

Тишина длилась ещё пару секунд, а затем нестройный хор отозвался:

– Ясно.

– Ага.

– Угу.

Влад, красный от смущения и злости, кивнул, глядя в пол. Максим наконец отвёл от него взгляд, разрядив напряжённое поле. Он повернулся к своему шкафчику, и все вокруг словно выдохнули, разговоры постепенно возобновились, но

уже тише, с украдкой взглядами в его сторону.

Илья наблюдал за всей сценой, присвистнув себе под нос. Когда Максим наклонился, чтобы надеть кроссовки, он подошёл и опустился рядом на корточки.

– Ну, ты даёшь, Костёр, – сказал Илья, – Совсем крышу снесло от рыжей? Раньше такого не было. Помнишь, в прошлом году с той девочкой из параллели? Ты себя так не вёл.

– Она не та, – коротко бросил он, не глядя на друга.

– Ого, Костёр в рыцарских доспехах. Прямо как в тех старых фильмах, что мамка твоя любит, – он фыркнул.

Максим лишь бросил на него тяжёлый взгляд, но в уголке его рта дрогнула тень улыбки. Они с Ильей дружили с детского сада, и эти подколки были их языком общения.

– Аксёнов, ты следующий в очереди на ноу-хау, как не открывать рот? – процедил Максим, натягивая один кроссовок.

– Ой, боюсь-боюсь, – Илья притворно затрясся, закатывая глаза. Но затем подвинулся ближе, понизив голос так, чтобы остальные парни, уже начавшие перешёптываться и расходиться, не слышали. – Серьёзно, Макс, ты чего так запалился? Она тебе и правда так запала?

Максим завязал шнурки с такой силой, будто пытался их порвать. Раздражение клокотало в нём, как пар в котле. Отчасти из-за самого Влада и его тупого спора, отчасти — из-за того, что Илья, как всегда, попал в самую точку. Эта рыжая, с большими глазами, которые смотрели на него вчера на

уроке истории с таким нескрываемым раздражением... Она не была похожа на местных девчонок. Не хихикала при его появлении, не заигрывала взглядами. Она морщила нос, когда он шутил, и это почему-то бесило и притягивало одновременно. Её уверенность, будто она с другой планеты, из того большого города, где всё по-другому, задевала что-то внутри.

– Не в этом дело, – буркнул Максим, вставая и хлопая дверцей шкафчика. Звонкий металлический звук эхом отозвался в раздевалке. – Просто достали уже. Все как один: увидел новенькую — надо сразу гадости строить или ставки заключать. Она человек, а не игрушка.

– Вау, – Илья притворно изобразил глубокое удивление, прижав руку к сердцу. – Какая глубина. Ты настолько влюбился с первого взгляда? Это же классика. Пацан из маленького городка, девушка из столицы... Хотя вы оба как принц и принцесса с богатыми папиками.

– Заткнись, – Максим толкнул его плечом, но уже без злости, скорее с досадой. – Просто не трогайте её. И всё.

– Приказ принят, капитан, – Илья отдал шутливое воинское приветствие. – Но если она сама начнёт трогать...

– Илья! – предупредительно произнёс Максим, и в его тоне снова зазвучала сталь.

– Ладно, ладно, шучу.

Его природная потребность подкалывать и веселить взяла верх.

– Так и представляю, – начал он, ухмыляясь во весь рот. – Наш грозный Костёр, защитник прекрасных дам. Стоишь ты перед ней, как рыцарь в ржавых доспехах, а она: "Максим, отойди, ты мне всю картину загораживаешь". И продолжила бы рисовать свои каракули в блокноте.

Максим фыркнул, но не ответил. Он знал, что Илья прав – Алиса, скорее всего, именно так и поступила бы. Она была самостоятельной, не нуждающейся в защитниках. И это раздражало его еще больше, потому что желание защитить ее было иррациональным и сильным.

– А что, она ещё и рисует? – спросил Семен сзади.

– Да, видел вчера на перемене, – кивнул Илья. – Сидела у окна, такой блокнотик маленький, и что-то там выводила. Серьезная такая, брови нахмурила. Может, портрет нашего героя рисовала? – не унимался Илья, подталкивая Максима локтем. – С ангельским нимбом над головой и надписью "Мой спаситель".

– Илья, я сейчас тебе нимб на морде оставлю, – проворчал Максим, но в его глазах мелькнула искорка смеха. Напряжение постепенно спадало, и обычная динамика их дружбы возвращалась.

Аксёнов вскочил на ноги и громко хлопнул в ладоши, обращаясь ко всей раздевалке.

– Так, мужики! Кто ещё не переоделся, шевелите булками! Физрук уже по-любому на поле орёт, как резаный! Не хватало нам ещё отжиманий за опоздание!

Парни засуетились, доставая спортивные штаны и майки. Максим, наконец полностью переодетый, встал и потянулся, с хрустом расправив плечи. Чёрная футболка и тёмно-серые спортивные штаны сидели на нём идеально, подчёркивая ловкую, мощную фигуру. Он поймал себя на мысли, что невольно ищет в карманах телефон – проверить, не писала ли Алиса. И тут же с досадой выбросил эту мысль из головы.

– Идём, что ли? – сказал он Илье, направляясь к выходу из раздевалки.

Они вышли в длинный коридор, ведущий к спортзалу. Из-за дверей доносились крики и свистки.

– А план-то какой? – не унимался Илья, идя рядом и закинув руки за голову. – Ты там Владу намекал про «другую часть плана». Поделишься с лучшим другом? Или это суперсекретная операция «Завоевание Лисы»?

Максим фыркнул, но углы его губ дрогнули в почти неуловимой улыбке.

– План простой. Перестать её бесить.

– Гениально, – Илья закатил глаза. – А как?

– Не знаю ещё, – честно признался Максим, и в его голосе впервые за весь день прозвучала неуверенность. Он смотрел прямо перед собой на огоньки в конце коридора. – Может, перестать лезть через окна. Или не дразнить при всех.

– Слушай, а может, она просто не любит самодовольных выскочек? – сказал Илья с притворной задумчивостью.

Максим остановился и медленно повернулся к нему.

– Я не самодовольный выскочка.

– Ага, конечно, – Илья расхохотался. – Ты просто парень, который в первый же день новенькой заявил, что школа – его цирк. Скромня-я-яга, – друг ему кокетливо подмигнул.

– Я тогда... – Максим начал оправдываться, но сдался, махнув рукой. – Ладно, возможно, я немного перегнул.

– Немного? – Илья поднял брови до предела. – Это как «Немного»? Это как сказать, что вода в речке «немного» грязная. Ты, Костёр, ведёшь себя как полный придурок, а потом удивляешься, что она морщится. Совет от гения общения: попробуй поговорить с ней нормально. Без шуток и понтов.

Они подошли к двустворчатой двери. Максим задержал руку на ручке, раздумывая над словами друга. Солнечный свет бил в стеклянную вставку, слепя глаза.

– А если не получится? – спросил он тихо, почти шёпотом. Илья похлопал его по спине, уже без иронии.

– Получится. Ты же не дурак, в конце концов. Только вот с этой своей манерой всех вокруг защищать... Будь осторожен, а? Особенно с ней. Её отец – тот ещё зверь, в бизнесе, говорят, когтистый. Не ровен час, твой папаша...

Он не договорил, но Максим понял. По его лицу пробежала тень. Он кивнул, резко дёрнув дверь на себя.

– Идём, а то правда опоздаем.

Спортивный зал встретил их криками одноклассников, уже выстроившихся в шеренгу. Физрук, мужчина лет пяти-

десяти с седыми висками и свистком на шее, смотрел на них неодобрительно. В середине зала у столба для волейбольной сетки, Максим заметил группу девушек из их класса. Среди них – яркое пятно рыжих волос. Алиса стояла, слушая что говорит Стеша, и смеялась, запрокинув голову. Этот смех, звонкий и свободный, на секунду заставил Максима забыть про всё.

Он лишь смотрел на неё, и в груди что-то ёкнуло – странно и непривычно тепло.

– Эй, мечтатель! – крикнул Илья, уже бегущий к строю. – Бегом!

Максим вздрогнул и рванул с места, догоняя друга. Но в голове уже крутилась одна мысль: «Поговорить нормально. Без понтов». Может, Илья прав. Может, стоит попробовать.

Высокие окна под потолком пропускали тусклый осенний свет, окрашивая пыльные полосы на паркете в серо-жёлтые тона. Физрук, Андрей Петрович – мужчина лет пятидесяти с впечатляющим брюшком и вечно красным от крика лицом – уже выстраивал их в шеренгу, размахивая свистком, который висел у него на шее на засаленной верёвочке. Гул голосов медленно стихал под его недовольным взглядом.

Максим и Илья влились в строй в самом начале, заняв места рядом. Рядом с ними стояли ребята из их класса, перешёптывающиеся и переминающиеся с ноги на ногу. Стеша в этот раз переодетая в спортивную форму – синие шорты и белую майку с гербом школы, – поймала взгляд Максима

и вопросительно подняла бровь. Он едва заметно мотнул головой, мол, всё нормально. Девушка улыbnулась уголками губ и что-то шепнула своей подруге, Ленке, которая тут же хихикнула.

Алиса стояла в другом конце шеренги, рядом со Стешей. На ней были новые, явно купленные не здесь, тёмно-синие спортивные штаны и простая белая футболка без всяких надписей. Волосы она собрала в высокий хвост, отчего лицо казалось ещё более открытым и строгим, а шея – хрупкой. Она слушала, что говорил Андрей Петрович про разминку, слегка наклонив голову, и её взгляд случайно скользнул по залу, на секунду задержавшись на Максиме.

И тут Илья, стоящий сзади Максима, не выдержал.

– Смотри-ка, – он тихо, но так, чтобы Максим услышал, прошипел ему в спину. – Твоя «не твоя» на тебя смотрит. Как думаешь, ей понравилось бы, как ты кроссовки завязываешь? Или как с Матросом нос к носу встаёшь? Романтика, блин.

Максим сдержал желание резко обернуться и дать Илье подзатыльник. Вместо этого он лишь напряг плечи, почувствовав, как тепло разливается по шее. Слова из разговора в коридоре крутились в голове, но казались сейчас особенно неуместными.

– Отвали, – пробурчал он сквозь зубы, глядя прямо перед собой.

– Ой, да ладно тебе, – Илья не унимался, пока учитель, по-

вернувшись к доске, рисовал мелом схему упражнений для шеи. Его голос был полон привычного озорства. – Ты же сам говорил: «Закаляю её». Так закаляй. Иди, помоги ей разминку делать. «Алиса, давай я покажу, как правильно наклоны делать, а то позвоночник себе свернёшь». Или: «Держись за меня, а то ноги подкосятся». – Он пародировал заискивающий, слащавый голос, который был так не похож на его обычный тембр.

Несколько парней рядом, подслушав, фыркнули. Максим почувствовал, как кровь приливает к щекам. Не со злости на Илью – они всегда так шутили, – а от какой-то внутренней неловкости. Потому что часть этих дурацких предложений на самом деле проносилась у него в голове.

– Аксёнов! – рявкнул вдруг Андрей Петрович, резко обернувшись от доски. Его маленькие глазки-щёлочки гневно сверкнули. – Ты что там бормочешь? Хочешь показать всем, как правильно приседания делать? Вперёд! Тридцать раз!

Илья на мгновение обалдел, его лицо выразило комичное недоумение, затем оно расплылось в широкой, почти радостной ухмылке. Он не стал горбиться или оправдываться – вместо этого он вышагнул вперёд с такой театральной важностью, будто его пригласили получить оскар. Все глаза класса были прикованы к нему.

– Слушаюсь и повинуюсь, о великий повелитель мускулов и свистков! – провозгласил Илья, отдавая шутливое воинское приветствие. – Приступаю к демонстрации идеальной

техники приседаний, которую я, скромно говоря, оттачивал годами. Прошу обратить внимание на спину – прямая, как стрела. На колени – под правильным углом. И на выражение лица – полное осознание величия момента.

Он начал приседать, и каждое движение сопровождалось громким стоном, комичными гримасами и закатыванием глаз, будто он поднимал невидимую штангу в сотню килограммов. На десятом приседе он изобразил, что у него сводит ногу, и начал прыгать на одной ноге, хватаясь за икру. На двадцать втором – сделал вид, что вот-вот упадёт, и пошатнулся так искусно, что несколько девочек вскрикнули. На тридцатом он закончил тем, что медленно опустился на пол, сев на паркет, и заломил руку на лбу, как герой немого кино.

– Силы... покидают... но долг выполнен! – прохрипел он, глядя на учителя умоляющим взглядом.

Андрей Петрович стоял, скрестив руки, и его лицо сначала было строгим, но постепенно губы дрогнули, и он не выдержал – фыркнул. По классу прокатилась волна смеха. Даже Алиса, наблюдавшая за этим спектаклем, прикрыла рот ладонью, но её плечи слегка тряслись.

– Вставай, артист! – сказал физрук, уже без прежней суровости. – И хватит клоунады. Возвращайся в строй.

– Спасибо, спасибо, я живу для ваших аплодисментов! – Илья вскочил на ноги, отряхнулся и с комичным поклоном вернулся на своё место рядом с Максимом.

– Ну, ты даёшь, – тихо сказал Максим, качая головой.

– Что? Я просто поднял боевой дух войск, – ответил Илья, довольный собой. – И, кстати, твоя рыжая улыбалась. Видел? Прогресс.

Максим рискнул бросить взгляд на Алису. Да, на её лице ещё играл след улыбки, и когда их взгляды встретились на секунду, она не нахмурилась, а просто отвела глаза, будто застеснявшись. Солнечный луч, пробившийся сквозь облако, упал на её рыжие волосы, и они вспыхнули, как медный костёр.

– Костровский! – внезапно рявкнул Андрей Петрович. – Ты тоже воздух ловить вышел или настолько одноклассниками любишься?

– Да нет, только одной, – хихикнул Илюха, не упуская возможности вставить шутку.

– Щас ещё добавлю, – глянул на ученика преподаватель, – Тридцать приседаний! И без шоу!

Максим вздохнул, но вышел вперёд без возражений. Под ободряющий смех класса он занял место рядом с тем местом, где только что выступал Илья.

– Добро пожаловать в клуб, рыцарь, – провозгласил Илья, пока Максим начинал упражнение. – Теперь мы братья по несчастью.

– Сам виноват, – ответил Максим, делая приседы быстро и чётко, без театральности. Он чувствовал на себе десятки взглядов, но больше всего ему было интересно, смотрит ли

Алиса. Рискнул бросить быстрый взгляд в её сторону. Да. Смотрела. И в её глазах было не раздражение, а что-то вроде понимающего веселья. Будто она видела всю эту мальчишескую возню насквозь и даже находила её забавной.

Когда наказание закончилось и они вернулись в строй, Андрей Петрович, наконец, махнул рукой.

– Ладно, хватит вам стоять как вкопанные. Разминка! Начинаем с головы! И чтобы все делали, я слежу!

Последующие десять минут прошли в монотонных наклонах и вращениях. Максим старался не смотреть в сторону Алисы, но периферийным зрением отмечал каждое её движение – как она аккуратно, без лишней суеты, выполняла упражнения, как прядь рыжих волос выбилась из хвоста и упала на щёку, как она её сдула, слегка надув губы. Это было смешно и мило одновременно.

Наконец, разминка закончилась, и Андрей Петрович объявил, что сегодня будут играть в волейбол. Все зашумели, довольные тем, что не придётся сдавать нормативы или бежать кросс. Команды начали формироваться стихийно – учитель просто разделил шеренгу пополам.

Илья тут же пристроился рядом с Максимом, а Стеша, ловко переманеврировав, оказалась с ними же, потянув за руку Алису.

– Ну, что, команда мечты? – спросил Илья, потирая руки. Его глаза весело блестели. – Ты, я, Стешка... и предмет вашего общего обожания. Я беру на себя роль капитана и глав-

ного тактика. Наша стратегия – победа любой ценой! Ну, или чтобы всем было весело. Второе даже предпочтительнее.

Максим лишь покосился на него. Возможно, это шанс. Просто поговорить. Играть в одной команде. Без всяких подкатов и глупых разговоров. Просто... посмотреть, что будет дальше. Он кивнул, стараясь выглядеть спокойным.

– А я в волейбол не очень хорошо играю, – тихо сказала Алиса, обращаясь больше к Стеше. – В прошлой школе мы редко играли, больше на тренажёрах занимались.

– Да ладно, ничего сложного, – Стефания обняла её за плечи. – Мяч отбиваешь и кидаешь через сетку. Главное – не попасть им в лицо. А эти оболтусы, – она кивнула на Максима и Илью, – Обычно всё за всех делают. Мы просто постоим для красоты.

– Эй, я слышу! – возмутился Илья. – Мы – трудяги, а вы – украшение. Справедливое разделение обязанностей. Но, Алиса, не переживай, мы тебя научим. Макс, например, мастерски может объяснить, как правильно ставить руки при приёме. Правда, Макс?

Максим почувствовал, как его уши снова начали гореть. Он бросил на Илью убийственный взгляд, но тот только беззаботно улыбался.

– Давайте уже играть, – пробурчал Максим, направляясь к своей половине площадки.

Расставили сетку, разметили границы. Команда соперников, где оказался Влад Матросов и ещё несколько парней,

уже начала перебрасываться мячом с угрожающим видом. Мяч попал к Максиму. Он перекинул его Илье для первой подачи.

— Ну, давайте, с кондачка! — крикнул Андрей Петрович, отходя к стене и садясь на скамейку с видом человека, готового наслаждаться зрелищем.

Первая же подача Ильи, сильная и резкая, пролетела над сеткой, но соперники её приняли, и мяч вернулся. Игра завязалась. Мяч летал туда-сюда, ударялся о пол с глухим стуком, смех и крики заполняли зал. Алиса действительно сначала стеснялась, стояла ближе к задней линии, но Стеша постоянно подбадривала её, мягко отбивая мяч в её сторону.

А потом случился момент. Влад, получив мяч после неудачной передачи их команды, прицелился и сильным ударом отправил его прямо в зону, где стояла Алиса. Мяч летел быстро, по низкой траектории, прямо в её грудную клетку.

Алиса замерла, глаза расширились. Она инстинктивно прикрыла лицо руками, повернувшись боком.

И тут Максим, который находился в двух шагах от неё, рванул с места. Он не думал, тело среагировало само. Длинным прыжком он оказался перед ней, вытянул руку и отбил мяч, но сила удара была такой, что он не удержал равновесие. Его плечо столкнулось с её плечом, и они оба пошатнулись. Костровский инстинктивно обхватил её за талию свободной рукой, чтобы она не упала, а сам едва устоял на ногах, чувствуя, как мягкая ткань её футболки скользит под его паль-

цами. Мяч укатился в сторону.

На секунду воцарилась тишина, а затем их половина зала взорвалась одобрительными криками. Илья засвистел.

– Вот это защита! Рыцарь в сияющих кроссовках, спасающий даму от летящего снаряда! И даже обнимашки в комплекте!

Максим быстро отпустил Алису, отступив на шаг. Его ладони вспотели, а сердце билось так громко, что, казалось, его слышно во всём зале. Алиса опустила руки, её лицо было покрасневшимся от смущения, но не от страха. Она смотрела на него широко открытыми глазами, в которых читалась смесь изумления и благодарности.

– Ты в порядке? – спросил он, его голос прозвучал более хрипло, чем он ожидал.

– Да... спасибо, – выдохнула она, поправляя сбившийся хвост. Её щёки горели румянцем. – Я... я не ожидала, что он так сильно ударит.

– Матрос всегда с перебором, – сказал Максим, пытаясь вернуть себе обычную уверенность, но внутри всё трепетало от того, как близко они только что были. Он всё ещё чувствовал тепло её тела через тонкую ткань футболки, – Владос, аккуратнее!

– Ой, смотрите, персональный телохранитель, – не унимался Илья, подбегая к ним. – Макс, а можешь и меня так защитить? А то я тоже хрупкий и нежный. Но без обнимашек, пожалуйста, мне моя репутация дорога.

– Отстань, – буркнул Максим, но без злости. Он поймал взгляд Алисы, и она вдруг улыбнулась – не большой улыбкой, а лёгкой, почти неуловимой, но это была улыбка, направленная именно ему. В углу её глаз собрались лучики мелких морщинок.

– Ладно, продолжаем! – крикнул Андрей Петрович. – Не задерживаем игру!

Мяч вернули в игру. С этого момента что-то изменилось. Алиса стала смелее. Один раз она даже удачно приняла передачу от Стеши и, немного смущённо, но точно отбила мяч через сетку. Он упал в незащищённую зону, принесся их команде очко.

– Да! – радостно выкрикнула Стеша, обнимая её. – Вот так! Молодец!

Максим поймал её взгляд и улыбнулся. И, к его удивлению, она улыбнулась в ответ.

Во время следующего розыгрыша мяч снова полетел в её сторону. На этот раз она попыталась принять его сама, но не рассчитала силу, и мяч отскочил от её пальцев прямо в сторону Максима. Он ловко подхватил его и отбил через сетку, но после удара их руки случайно соприкоснулись – его пальцы на мгновение легли на её запястье, будто проверяя, всё ли в порядке. Алиса вздрогнула от неожиданности, но не отдернула руку, а лишь посмотрела на него с лёгким недоумением.

– Всё хорошо? – спросил он, убирая руку.

– Да, – кивнула она, и в её глазах промелькнуло что-то вроде заинтересованности.

– Ой, всё, у меня сахарный диабет начинается от такой слащавой картины, – застонал Илья, притворно хватаясь за сердце во время паузы, когда мяч улетел за пределы поля. – Два взгляда, одно касание – и уже можно свадьбу планировать. Ребята, вы хоть имена друг друга знаете? А то как в фильмах: «Он спас меня от мяча, я теперь его навеки».

– Илья, заткнись, – сказала Стеша, но смеясь.

– Не заткнусь! Это моя святая обязанность как лучшего друга – комментировать каждый шаг моего brutального товарища на пути к завоеванию сердца дамы. Алиса, ты только представь, каково мне с ним всё детство! Он вечно всех защищал: то котёнка от собак, то младшеклассников от старших. А теперь вот тебя. У него, видимо, в мозгу кнопка «спа-сать» залипла.

Алиса рассмеялась. Звонко, свободно. Этот смех, который Максим слышал раньше лишь издалека, теперь был направлен, в том числе, и на их шутку.

– Я начинаю представлять, – сказала она, и её голос звучал уже без прежней осторожной отстранённости.

Звонок с урока прозвенел как предатель, внезапно и некстати. Игра остановилась на середине розыгрыша.

– Всё, красавцы! На сегодня хватит! Мяч – в корзину, строиться! – прокричал Андрей Петрович, поднимаясь со скамейки.

– Ну, что, Лис, не так страшен волейбол, как его малюют?
– подошла Стеша, обнимая подругу за плечи.

– Да нет, в принципе, весело, – призналась Алиса, и её взгляд снова скользнул в сторону Максима, который стоял в паре шагов, разговаривая с Ильёй.

– Видишь, а ты боялась, что наш Костёр только и умеет, что окна покорять, да в карты проигрывать, – сказал Илья громко, явно нарочно, чтобы Алиса услышала. – А он, оказывается, ещё и в волейбол играть мастер. И девушек от мячей защищать. Настоящий многогранник. Только вот с разговором пока туго. Макс, может, хотя бы «пока» скажешь?

Максим толкнул его плечом, но уже без злости.

– Заткнись, клоун.

– Ой, только не бей, защитник, – засмеялся Илья, притворно прикрываясь руками.

Алиса улыбнулась, и в её улыбке было что-то новое — лёгкая, зарождающаяся симпатия, осторожная, как первый луч солнца после долгого дождя. Она поймала его взгляд и кивнула, будто говоря «спасибо» ещё раз, уже без слов. Потом, неожиданно для самой себя, она сказала:

– Да, спасибо... за помощь.

– Не за что, – ответил Максим, и слова вышли тише, чем он хотел. Он заставил себя улыбнуться в ответ, и на этот раз улыбка получилась более естественной, без привычной дерзости.

– Ладно, идёмте переодеваться, а то звонок на следующий

урок уже скоро, – сказала Стеша, потягивая Алису за руку.

Девушки направились к женской раздевалке. Максим смотрел им вслед, и в груди у него стало тепло и тревожно одновременно. Он видел, как Алиса что-то говорит Стеше, и та заливается смехом. Возможно, это был шаг вперёд. Маленький, но шаг. Физический контакт – это мимолётное прикосновение, эта защита – возможно, пробила первую брешь в её настороженности.

– Ну, что, доволен? – спросил Илья, подходя ближе. Его голос потерял шутливый оттенок, стал более серьёзным. – Видел, как она на тебя смотрела? Без морщинок на носу. Почти даже с одобрением. И смеялась над моими шутками. Прогресс, Костёр.

– Да, – коротко ответил Максим, всё ещё глядя на закрывающуюся дверь женской раздевалки. – Кажется, да.

– Только смотри, не налажай. И помни про её отца. Мои родители вчера за ужином опять про ваши семейные разборки говорили. Держи ухо востро.

Максим кивнул, и тень пробежала по его лицу. Он развернулся и пошёл к мужской раздевалке, чувствуя, как усталость после игры смешивается с лёгкой, почти детской надеждой и тяжёлым предчувствием. Возможно, Илья был прав. Возможно, стоит просто быть собой, но без лишних понтов. И тогда... но «тогда» было окутано туманом взрослых конфликтов, которые уже начинали стучаться в дверь его школьной жизни.

Глава 8

После уроков школьные коридоры медленно пустели, наполняясь эхом последних шагов и приглушённых разговоров. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь высокие окна, рисовали на паркете длинные полосы света, в которых кружились пылинки. Влад Матросов стоял у открытого окна в конце коридора на втором этаже, опираясь локтями на подоконник и глядя на пустой школьный двор. Его лицо всё ещё хранило следы недавнего раздражения – губы были плотно сжаты, а брови слегка сведены. Он нервно постукивал пальцами по раме, вспоминая, как всего пару часов назад Максим Костровский встал с ним нос к носу в раздевалке, и от того взгляда, полного холодной ярости, по спине до сих пор пробегал неприятный холодок.

– Эх, блин, – пробормотал он себе под нос, с силой выдыхая воздух. – Нафига я вообще языком молот...

В этот момент сзади раздались шаги – быстрые, уверенные. Матрос обернулся и увидел Артёма Василенко, парня из параллельного класса, который всегда держался особняком и славился своим упрямством и злопамятностью. Артём был высоким, худощавым, с тёмными, всегда слегка взъерошенными волосами и пронзительными серыми глазами, которые сейчас смотрели на Влада с лёгкой усмешкой.

– Слушай, Матрос, – начал Василенко, останавливаясь в

паре шагов и закидывая руки в карманы джинсов. Его голос звучал спокойно, почти небрежно, но в интонации чувствовалась заинтересованность. – Слышал, ты Костру спор предложил?

Влад вздохнул, поворачиваясь к нему полностью. Он не особо хотел обсуждать эту тему, но игнорировать Тёмыча было чревато – парень мог стать навязчивым.

– Ага, – буркнул Матрос, скрестив руки на груди. – И чуть лица не лишился, блин. Он меня так посмотрел, будто я не одноклассник, а какая-то грязь под ногами. Чётко дал понять, что к Лисицыной лучше не подходить. Ты что-то конкретное хотел, Тёмыч? Или обмусолить эту тему как девки?

Артём медленно кивнул, его взгляд скользнул по коридору, проверяя, нет ли поблизости учителей или особо любопытных ушей. Затем он шагнул ближе, снизив голос до доверительного шёпота, который, однако, нёс в себе оттенок издёвки.

– А спор в силе? – внезапно спросил Василенко, игнорируя его вопрос. Уголки его губ дрогнули, образуя ухмылку, которая заставляла многих одноклассников настораживаться. Он явно ждал, когда до Матросова дойдёт смысл его слов.

Влад на мгновение замер, проанализировав фразу. Его мозг лихорадочно работал: почему Василенко интересуется спором, который был провален? Потом осознание ударило, как холодной водой. Он широко раскрыл глаза, отступив на шаг назад, будто от ядовитой змеи.

– Ты чо это, решил головой своей рискнуть? – настороженно, почти шипя, спросил блондин. Его пальцы непроизвольно сжались в кулаки. – Он же ясно сказал – даже не приближаться. А ты, я смотрю, всё никак ситуацию с Катькой отпустить не можешь?

При упоминании Кати Ветровой лицо Василенко на секунду исказилось – мелькнула судорога боли и злости, но он быстро взял себя в руки, сделав вид, что это его не задело. Он фыркнул, отводя взгляд в сторону, где за окном медленно падали жёлтые листья с клёна.

– Пф, это-то тут при чём? – проговорил он, но голос его потерял прежнюю уверенность, стал более резким. – Просто интересно. Спор есть спорт, а Костёр слишком возомнил о себе. Думает, все вокруг будут плясать под его дудку.

– Да при том, – настойчиво продолжил Матрос, чувствуя, как внутри закипает раздражение. Он сделал шаг вперёд, сократив дистанцию. – Все мы прекрасно знаем, что Ветрова – любовь всей твоей жизни, а она кроме Костра никого не видит. Вот ты и бесишься. Тебе чо надо, Вась? Пospорить со мной хочешь? Или жаждешь, чтобы Максон тебе кости переломал, и ты мне ещё за проигрыш сверху накинул? Можешь сразу мне просто бабки отдать.

Тишина в коридоре стала громкой. Где-то вдалеке хлопнула дверь, послышались смех и быстрые шаги – кто-то спешил на дополнительные занятия. Но здесь, у окна, время словно замедлило свой ход. Василенко медленно поднял го-

лову, и его серые глаза встретились с взглядом Матросова. В них горел огонь – не страха, а скорее вызова.

– Какой ты самоуверенный, Матрос, – наконец произнёс он, и его голос снова приобрёл ту же небрежную, почти язвительную интонацию. Он вынул руки из карманов, скрестил их на груди, повторив позу собеседника. – Думаешь, я такой же трус, как ты? Что испугаюсь его рычания? Он всего лишь парень, а не царь горы. И если он не хочет участвовать, это не значит, что игра отменяется.

Влад почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Он понял, что Артём серьёзен. Этот парень никогда не шутил, когда дело касалось его амбиций или мести. И история с Катей оставила в нём глубокую, гноящуюся рану, которую он теперь пытался залить чужим несчастьем.

– Ты вообще понимаешь, на что лезешь? – тихо, но очень чётко спросил Матрос, наклоняясь немного вперёд. Его глаза сузились. – Костёр никогда к девчонкам так не тянулся, как к ней. И смотрит по-другому совсем. Если ты тронешь Лисицыну, он тебя не просто побьёт. Он переломает тебя к херам. И я не уверен, что даже его папа, со всеми своими связями, сможет потом это исправить. Ты хочешь стать инвалидом из-за дурацкого спора и своей большой гордости?

Василенко рассмеялся. Это был короткий, сухой смешок, лишённый веселья.

– Ох, как ты его боишься, – прошипел он. – Прямо дрожишь. Мне интересно, что в ней такого особенного, а? Ну,

новенькая, рыжая, папаша богатый. Но таких полно. А Костёр на неё глаз положил, вот и все дела. И если я смогу её увести, просто чтобы доказать, что могу... Ну, ты понимаешь. Это будет победа. Над ним. Над всеми, кто думает, что он тут главный.

Он замолчал, давая словам повиснуть в воздухе. Потом медленно, почти театрально, вынул из внутреннего кармана куртки пачку сигарет, достал одну, но не закурил, а просто покрутил её между пальцев.

– Так что давай, Матрос. Спор. Только теперь между нами. Если я начну встречаться с Лисицыной до конца месяца – ты мне десять тысяч. Если нет – я тебе. Только чур, ты никому ни слова. Особенно Костру. Играем тихо. А там посмотрим, чья возьмёт.

Влад долго смотрел на него, оценивая. Он видел в глазах Артёма ту же одержимость, что и у загнанного в угол зверя – опасную, непредсказуемую. С одной стороны, мысль о том, что этот выскочка может получить по заслугам от Максима, вызывала у него злорадное удовлетворение. С другой – он понимал, что втягивается в грязную историю, которая может закончиться очень плохо для всех, особенно для Алисы, которая вообще ни в чём не виновата.

– Ты идиот, – наконец выдохнул Матрос, качая головой. – Полный идиот. Ты думаешь, она на тебя посмотрит? После всего, что про тебя говорят? После истории с Катькой? Ты же её почти до слёз довёл, когда она тебе отказала. Лисицына

не дура, она быстро раскусит.

– А я и не буду играть в честного рыцаря, – усмехнулся Василенко, пряча сигарету обратно в пачку. – Есть другие методы. Нажим, сплетни, немного давления... Ты же знаешь, как это работает. В нашем городишке репутация – всё. А у неё папаша – чужак, который лезет в местный бизнес. Думаешь, многие её поддерживают? Только эти двое из ларца Аксёновы, да Костёр. Остальные либо боятся, либо завидуют. Я могу создать такую атмосферу, что ей захочется хоть за кого-то уцепиться. Или просто показать, что со мной быть выгоднее. Девочки любят плохих парней, разве нет?

Он говорил это с такой уверенностью, что Влада передёрнуло. Это был уже не просто спор – это был план, тщательно продуманный удар по самолюбию Максима через самого уязвимого человека. Матрос почувствовал тяжёлый ком в желудке. Он вспомнил, как Алиса улыбнулась Костровскому после волейбола – ту первую, настоящую улыбку, без раздражения. Вспомнил, как Максим смотрел на неё, когда они шли в раздевалку – с тем выражением, которого Влад никогда раньше у него не видел. Это было не просто увлечение. Это было что-то глубже.

– Ладно, – внезапно сказал Влад, и слово сорвалось с его губ почти против его воли.

Внутри всё кричало, что это ошибка, что нужно остановиться, но другая часть – азартная, злая на весь мир за свой провал – толкала вперёд. И тем не менее он решился, же-

лая хоть как-то оградить девчонку. Артём всё равно бы не остановился, даже без спора попытается это сделать, но Влад, хоть и был в какой-то степени засранцем, зла новенькой не желал.

– Спор. Но с условиями. Первое: никакого физического насилия над ней, ни прикосновений без её воли, ни удержания где-либо. Второе: если Костёр раскусит и начнёт тебя бить – я не вмешиваюсь, и ты про меня ничего не говоришь. И третье: если что-то пойдёт не так, и ей будет причинён реальный вред – спор аннулируется, и ты мне всё равно платишь. Потому что я в этой игре не участник, а только ставка.

Артём внимательно слушал, его лицо оставалось непро- ницаемым. Потом он медленно кивнул.

– Принимается. Без насилия. Только психология. И если Костёр полезет – это мои проблемы. А насчёт вреда... – он пожал плечами. – Она же не фарфоровая. Что такое для неё пара недель внимания со стороны не того парня? Может, даже понравится. В общем, договорились.

Он протянул руку для рукопожатия. Влад колебался секунду, глядя на эту ладонь – длинные пальцы, коротко подстриженные ногти. Потом, стиснув зубы, пожал её. Рукопожатие было крепким, холодным, как будто они скрепили сделку не на спор, а на что-то гораздо более мрачное.

– Договорились, – повторил Матрос, отпуская руку.

Василенко улыбнулся – на этот раз улыбка получилась широкой, почти искренней, если бы не холод в глазах.

– Отлично. Тогда считай, что игра началась. Я с завтрашнего дня приступлю. А ты готовь денежки. Они мне пригодятся – хочу новую гитару купить.

Он развернулся и пошёл по коридору, его шаги отдавались гулким эхом по пустым стенам. Влад смотрел ему вслед, чувствуя, как тревога сжимает его горло. Он только что дал добро на то, чтобы кто-то целенаправленно стал преследовать Алису Лисицыну.

– Идиот, – снова прошептал он, но теперь уже себе. – Самый настоящий идиот.

Он повернулся обратно к окну, глядя на опустевший двор. Костру он предложил, потому что знал, что тот, хоть и рычит, для нормальных людей безобидный, он бы не стал девочку обижать, да и видно было, что нравится ему. А от Василенко веяло какой-то гнилью.

Солнце уже начало клониться к горизонту, окрашивая небо в розовато-оранжевые тона. Где-то там, за пределами школы, Алиса, вероятно, уже шла домой или болтала со Стешей, не подозревая, что стала разменной монетой в чужой игре. А Максим... Максим, если узнает, устроит такую бурю, что мало никому не покажется.

Влад тяжело вздохнул, потирая виски. Он надеялся, что Артём потерпит неудачу быстро, что Алиса сразу же пошлёт его подальше, и всё ограничится парой неудачных попыток. Но в глубине души он понимал – Василенко не отступит просто так. Он будет давить, манипулировать, использовать лю-

бую слабинку. И в этом маленьком городке, где сплетни летали быстрее ветра, у него были все шансы испортить девушке жизнь, даже не дотронувшись до неё.

– Прости, Лисицына, – тихо пробормотал он, глядя на последний луч солнца, скользивший по асфальту. – Я хотя бы попытался смягчить это дерьмо...

Сделка была заключена. И отступить теперь было поздно. Оставалось только ждать, когда начнётся первый акт этой опасной пьесы, и надеяться, что разрушений будет как можно меньше.

Коридоры школы после уроков всегда имели особую, немного меланхолическую атмосферу. Вечерний свет, уже не такой яркий, как в полдень, лениво тянулся через высокие окна, освещая летающие в воздухе пылинки и пустые парты в открытых классах. Алиса шла не спеша, наслаждаясь этой тишиной после шумного дня. В руке она перебирала ключи от квартиры, думая о том, что сегодня папа, наверное, опять задержится на работе, а мама будет ждать её с пирогом. Мысли эти были приятными, домашними, пока её не окликнули.

– Привет.

Голос был незнакомым, низким, и звучал он прямо за её спиной. Алиса обернулась, слегка насторожившись. Перед ней стоял парень, которого она мельком видела в параллельных классах. Высокий, даже чуть сутулый, с резкими, но симпатичными чертами лица, обрамлёнными чёрными,

слегка вьющимися волосами, спадавшими на лоб. На нём была тёмная рубашка навыпуск и поношенные джинсы. Он смотрел на неё с лёгкой, нарочито непринуждённой улыбкой, но в его глазах было что-то цепкое, изучающее.

– Привет, – ответила она автоматически, стараясь сохранить дружелюбное выражение лица, хотя внутри уже что-то насторожилось. Новые знакомства в этой школе были частью повседневности, но этот парень выглядел... иначе.

– Меня Артём зовут, – он протянул ей руку. Длинные пальцы, коротко подстриженные ногти. – Василенко.

– Алиса, – она вложила свою руку в его, ожидая обычного рукопожатия. Однако вместо крепкого, делового пожатия, Артём мягко, но уверенно перевернул её кисть и, слегка наклонившись, поднёс её к своим губам, явно намереваясь поцеловать костяшки.

Холодок пробежал по спине. Это было слишком пафосно, слишком театрально и совершенно неуместно в школьном коридоре. Чувство глубокой неловкости, почти отвращения, кольнуло её в живот. Не думая, Алиса резко дёрнула руку назад, вырвав её из его холодных, чуть влажных пальцев.

– Не стоит, мне некомфортно, – проговорила она чётко, стараясь, чтобы голос не дрогнул. Она посмотрела ему прямо в глаза, и в её взгляде читалось не испуганное смущение, а твёрдое неодобрение.

Артём медленно выпрямился, не смутившись ни на йоту. Он лишь поднял руки в примирительном жесте, словно имел

дело с капризным ребёнком.

– Понял, извини, – сказал он, и в его голосе зазвучала фальшивая нота снисходительности. – Просто хотел познакомиться по-джентльменски. Как тебе у нас в городе? Не Москва, конечно, но должно быть неплохо, да? Тише, спокойнее.

Он сделал шаг ближе, сократив дистанцию до неприличного минимума. Алиса инстинктивно отступила на шаг, ощущая, как по спине бегут противные мурашки. Её улыбка, которую она старалась сохранить, стала натянутой.

– Да, – кивнула она, глядя куда-то мимо его плеча. – Городок очень милый, да и люди вроде неплохие.

– Это точно, – согласился Артём, и его взгляд стал как будто задумчивым, он смотрел куда-то выше её головы, в пространство. – Народ у нас в основном свой, проверенный. Но вот от некоторых... я бы держался подальше. Например, от Костровского.

Алиса насторожилась ещё больше, чувствуя, как в груди зашевелилось что-то неприятное. Не потому, что она защищала Максима, а потому, что тон был слишком уж наставительным, почти шепотом сплетника.

– Максима? – переспросила она, делая вид, что не понимает.

– Ну, да, – Артём кивнул, наконец встретившись с её взглядом. Его глаза стали серьёзными, почти печальными. – Очень уж он ветреный и любвеобильный. Девчонок меняет

как перчатки. Просто предупреждаю, как новенькую. Чтобы ты знала, с кем имеешь дело.

Слова висели в воздухе, тяжёлые и липкие. Алиса почувствовала импульс – просто согласиться, кивнуть и уйти. Да, Максим ведёт себя иногда как наглый идиот, он раздражает её своей самоуверенностью, но... что-то внутри восстало против этого однозначного, поданного из чужих уст вердикта.

– Ну, он ведёт себя иногда как дурак, – осторожно начала она, – Но не думаю, что он...

– Я тебе говорю, – перебил её Артём, и в его голосе впервые прозвучала лёгкая, но отчётливая металлическая нотка нетерпения. Он снова шагнул вперёд. – Есть у него такие качества. Проверено. Лучше слушай, кто старше и опытнее.

«Старше и опытнее?» – мысленно фыркнула Алиса. Они же практически одногодки. Теперь она уже определённо нахмурилась, и её пальцы непроизвольно сжали ремень рюкзака. Она открыла рот, чтобы дать резкий отпор, но в этот момент сбоку, словно маленький вихрь, подлетела и вцепилась в её руку Лена Кузнецова.

– Алиса! – её голос звучал нарочито громко и радостно, но Алиса, бросив на подругу взгляд, увидела в её глазах явную тревогу. Улыбка Лены была натянутой, как струна. – Я тебе везде ищу! Ты же обещала мне ссылку на те духи скинуть, помнишь? А я уже в магазин собралась!

– Лен, мы же разговариваем, – Артём обиженно вздох-

нул, разводя руками. Он посмотрел на Лену, и в его взгляде мелькнуло что-то холодное, быстренько сменившееся на притворное разочарование.

– Ой, знаю я, Тёмка, как ты разговариваешь, – отрезала Лена, её голос потерял всю искусственную весёлость и стал резким, почти грубым. – Отстань, пожалуйста. У нас тут девчачьи дела, срочные. Наговоришься потом.

И, не дав ему возможности возразить, она решительно потянула Алису за собой по коридору, прочь от Василенко. Алиса, немного ошеломлённая, успела лишь махнуть ему рукой на прощание – чисто автоматический, вежливый жест.

– Ты чего? – спросила она Лену, когда они отошли на безопасное расстояние. Одноклассница шла быстро, почти бежала, оглядываясь через плечо. – Что за спешка? И какие духи?

Лена остановилась возле лестницы, ведущей на первый этаж. Она обернулась к Алисе, и её лицо было серьёзным, а в глазах читался неподдельный испуг.

– Держись от него подальше, Алис, – зашептала она, снова озираясь по сторонам. Коридор был практически пуст. – Он очень мерзкий тип, серьёзно. Я не шучу.

– Что? Почему? – Алиса почувствовала, как холодок страха, зародившийся при знакомстве, начал разливаться по всему телу.

– Катя Ветрова, помнишь, из 11-Б? Высокая такая? – Лена говорила быстро, тараторя. – В прошлом году он в неё

втюрился по уши. Катя его мягко, но твёрдо отшила. Ну, так он... Он не понял. Начал преследовать. Каждый день подка-
ты, поджидал после школы, слал кучу сообщений, звонил. Довёл бедняжку почти до слёз, она даже к психологу ходить начала. Пока Максим с Ильёй не вклепили ему строгого предупреждения, он не отстал.

Алиса слушала, и её собственные ладони вспотели. Она вспомнила холодные пальцы Артёма и его навязчивый взгляд.

– То есть он...

– Он неадекватный, – твёрдо закончила Лена. – И злопамятный. Если видишь его в коридоре одного – беги. Или держись поближе к Максиму, или к Илье со Стешей. Он их побаивается. Ну, Макса точно.

Она пожевала губу, будто решая, говорить ли дальше, но потом, сделав глубокий вдох, выпалила:

– Мне кажется, тут дело ещё и в Максиме. Все знают про этот... треугольник, что ли. Катя уже сто лет в него влюблена, а Артём в Катю. Вот он и терпеть Костра не может. Считает его виноватым во всех своих неудачах. И я боюсь... как бы на тебе это не отобразилось.

– Пф, – Алиса попыталась издать презрительный звук, но он получился слабым. – Я-то здесь при чём? Я с Максимом даже не дружу толком, он просто... одноклассник.

Лена удивлённо хлопнула ресницами, а потом фыркнула.

– Алис, ну, ты даёшь. Макс же втюрился в тебя по самое

нехочу, это всем понятно. Ты одна не видишь? Он на тебя смотрит так, будто ты восьмое чудо света. Даже Илья перестал его кошмарить по полной программе, видит, что парень запал.

– Ой, ваш Макс, тот ещё казанова, я смотрю, – снова попыталась отшутиться Алиса, но шутка не удалась. В её голосе прозвучала какая-то странная, оборонительная нота.

Теперь уже нахмурилась Лена. Она сложила руки на груди, приняв вид строгой училки.

– Не права ты, Лис. Совсем не права. Он вообще-то хороший. Да, хулиган, да, любит пошутить и покривляться, но... он девчонок всегда защищает. И не меняет их как перчатки. Если уж влюбился, то обязательно верным будет. Я тут с первого класса, я всё видела.

Алиса замолчала, опустив глаза на узор паркета. Что-то неприятное и тёплое одновременно шевельнулось у неё в груди. Это противоречие раздирало её изнутри. С одной стороны – привычное, почти рефлекторное желание оттолкнуть Максима, записать его в ряды самовлюблённых ветреников, чтобы не рисковать, не подпускать близко. С другой – воспоминания: его смех, его ярость в защиту друзей, и вот этот взгляд, который она ловила на себе всё чаще – не наглый, а какой-то... застенчиво-внимательный. И слова Стеши, и теперь слова Лены складывались в картину, которая не совпадала с тем образом, который она сама себе нарисовала.

Но тут же, как ледяной душ, в голове всплыл образ... нет,

не образ, а почти физическое ощущение: вибрация самолёта, вид из иллюминатора на удаляющиеся огни Москвы. Серебристый лайнер, который через год снова увезёт её обратно, в старую жизнь. Зачем тогда пускаться в эти чувства? Зачем рисковать и себе, и ему, если всё это – всего лишь временный эпизод, маленькая остановка на пути?

Её размышления прервал быстрый топот каблуков. Из-за поворота выскочила Стеша, её лицо было напряжённым, а в глазах читалось беспокойство.

– Алис! Лен! – она почти подбежала к ним, запыхавшись. – Я вас искала! Видела, как Тёмыч к тебе пристаёт, – обратилась она к Алисе, хватая её за запястье. – Всё нормально?

– Всё в порядке, – успокоила её Алиса, чувствуя неожиданную волну благодарности к подруге. – Лена вовремя подросла и увела.

Стеша облегчённо выдохнула и повернулась к Кузнецовой. На её лице появилась тёплая, искренняя улыбка.

– Спасибо тебе, Ленка, огромное, – сказала она, и её голос дрогнул. – Честное слово. Ты молодец, что не побоялась. Этот Артём... – она поморщилась, будто от вкуса чего-то кислого. – Он просто отвратительный. После всей истории с Катей на него даже смотреть противно. Ходит, строит из себя крутого парня, а сам – обычный придурок, который не может принять отказ. И ещё пытается всех вокруг настроить против тех, кому он завидует. Я слышала, он уже пару раз в столовой что-то ляпал про Макса, мол, выскочка, на папи-

ных деньгах катается. Хотя его-то отец что? Магазин бытовой техники на окраине? Да Костровские его за мелкую сошку не считают.

Лена согласно кивнула.

– Да уж. Главное – он хитрый. Не полезет в открытую, пока уверен, что ему за это влетит. Но гадости нашептать, сплетню пустить – это запросто. Алиса, ты просто будь осторожнее. Если что – сразу кричи, или нам пиши.

– Спасибо, девочки, – тихо сказала Алиса, и ей вдруг стало очень тепло от этой внезапной поддержки. Она чувствовала себя уже не чужой новенькой, а частью чего-то – маленького, но сплочённого круга, который готов был прикрыть её спину.

– Да ладно, – махнула рукой Лена, снова становясь обычной весёлой девчонкой. – Всё для наших. Ну, я побежала, а то правда в магазин опаздываю. Вы берегите себя!

Она помахала им и скрылась за дверью, ведущей на улицу. Стеша вздохнула и обняла Алису за плечи.

– Пойдём ко мне? – предложила она. – Илюху с Максом сегодня на какую-то деловую встречу с отцами потащили, скучно будет. Мама торт испекла.

– С удовольствием, – улыбнулась Алиса, и это была уже настоящая, не вымученная улыбка.

Они пошли по коридору к гардеробу, но мысли Алисы оставались там, у того окна, где стоял Артём Василенко. Его холодные пальцы, его слащаво-предупредительный тон... и

его явная неприязнь к Максиму. Лена сказала: «Как бы на тебе это не отобразилось». А если это уже отражается? Если его «знакомство» – это лишь первый шаг в какой-то мутной игре, где она – всего лишь пешка, чтобы досадить кому-то другому?

И снова, поверх этих тревожных мыслей, всплыло лицо Максима. Не смеющееся, не кривляющееся, а сосредоточенное, каким оно было, когда он ловил мяч. Серьёзное. Ответственное. И слова Лены: «Если уж влюбился, то обязательно верным будет».

«Чёрт, – подумала Алиса, беря своё пальто из гардероба. – Всё запутаннее, чем я думала». Она взглянула на Стешу, которая что-то весело щебетала про новый торт. Этот маленький городок, казавшийся сначала сонной паутинкой, начал всё больше походить на паутину, где каждое движение отзывалось вибрацией по всем нитям. И где её рыжая голова была заметна как никогда.

Дорога от школы до дома Аксёновых заняла не больше двадцати минут. Улицы тихого городка, уже начинающие окрашиваться в золотистые тона раннего вечера, казались Алисе удивительно пустынными после столичной суеты. Стеша шла чуть впереди, без умолку болтая о чём-то, но Алиса слушала вполуха. Её мысли всё ещё крутились вокруг встречи с Артёмом Василенко.

– Ну, вот и дошли! – голос Стешы вывел её из задумчивости.

Они остановились перед большим, светлым двухэтажным особняком в классическом стиле. Дом выглядел ухоженным и солидным, но не вычурным – чёткие линии, большие окна, аккуратный палисадник с ещё цветущими кустами. Стеша достала ключи и, щёлкнув замком, распахнула тяжёлую дубовую дверь.

– Мам, мы пришли! – крикнула она, заходя в просторный холл с паркетным полом и высокой лестницей, ведущей на второй этаж.

Тишина.

Она позвала ещё раз, чуть громче, но в ответ лишь отозвалось эхо в пустом доме. Лицо Стеши, такое оживлённое и радостное мгновение назад, сразу померкло. Она прошла в гостиную, заглянула в кухню – везде было пусто и тихо.

– Наверное, мама тоже уехала по делам, – вздохнула она, возвращаясь к Алисе. Её голос звучал с нескрываемым разочарованием. Она опустилась на нижнюю ступеньку лестницы, обхватив колени руками. – Блин, а я так хотела вас познакомить... Я ей столько про тебя рассказывала. Она даже спрашивала, когда же ты, наконец, к нам в гости заглянешь.

Алиса видела, как подруга искренне расстроилась. Это было не просто мимолётное неудовольствие – на лице Стеши читалась настоящая досада, даже обида на обстоятельства. Алиса сняла куртку и повесила её на вешалку рядом с пальто Стеши.

– Ну, значит, в следующий раз, – сказала она, стараясь,

чтобы в голосе прозвучало ободрение, и улыбнулась. – Никуда же я не денусь.

– Обязательно, – Стеша поднялась, встряхнув головой, как бы сбрасывая с себя грусть. – Ладно, раз уж мы хозяйки дома, давай я тебе всё покажу! А то потом угощу обедом – мама всегда оставляет нам что-нибудь вкусненькое.

Она взяла Алису за руку и повела её по дому. Интерьер действительно напоминал уютную усадьбу: светлые стены, деревянная мебель тёплых оттенков, картины в рамах, мягкие диваны с множеством подушек. Везде чувствовалась забота и любовь к пространству – не стерильный порядок, а живой, обжитый дом. На кухне пахло ванилью и свежей выпечкой. Стеша, словно заправская хозяйка, мигом соорудила на большом дубовом столе импровизированный приём: достала салатницу, тарелки с холодной отбивной и картофельным пюре, нарезала хлеб.

– Садись, садись, не стесняйся! – сказала она, уже ставя на стол чайник. – У нас принято, что гость должен быть сытым и довольным.

Алиса села, глядя, как подруга ловко управляет на кухне. Ей было немного неловко от такого гостеприимства, но приятно. Это была та самая теплота, которой ей так не хватало в этой новой, пока ещё чужой жизни.

Они ели, сначала обсуждая пустяки: смешные привычки учителей, новые коллекции в местном бутике, который, как выяснилось, обслуживал в основном детей местной элиты.

Потом разговор перешёл на наряды.

– Ой, а то платье синее у тебя, в котором ты в субботу была, – восторженно сказала Стеша, подпирая подбородок ладонью. – Такое красивое! И цвет тебе невероятно идёт. Я аж позавидовала. – Она хихикнула, и в её глазах появился озорной огонёк. – И не я одна, кстати. Макс весь тот день не мог взгляд оторвать. То и дело косился, будто гвоздём прибит. Я даже Илье шепнула: «Смотри, у нашего Кострёныша глазенки похитили».

Имя, произнесённое так легко, заставило Алису вздрогнуть. Она попыталась выдавить улыбку в ответ на шутку подруги, но улыбка получилась натянутой, кривой. Она опустила глаза в свою тарелку, внезапно потеряв аппетит.

Стеша заметила перемену. Её собственная улыбка потухла, сменившись беспокойством.

– Алис, – осторожно начала она, отодвигая свою чашку. – Ты так расстроена из-за него? Он настолько сильно не нравится и раздражает? Может, мне поговорить с ним, чтобы сбавил напор? Хотя, я и не уверена, что поможет... Он, когда что-то захочет, упрямый как... – она замялась, подбирая сравнение.

Алиса долго молчала, глядя на круговорот сливок в своей кружке с чаем. Потом откинулась на спинку стула, словно под тяжестью мыслей.

– Знаешь... – её голос прозвучал тихо. – Когда он в первые дни меня поцеловал тогда в щёку, я думала, я его прибыю.

Настолько он взбесил меня, ещё и обозвал выскочкой... – Она замолчала, собираясь с мыслями. – Он мне казался тем ещё засранцем, самоуверенным и наглым. Но... в последнее время... – она выдохнула, и этот выдох был полон смятения. – В последнее время я бы сказала, что мне приятно его внимание. И от этого тяжело очень. Невыносимо тяжело.

– Потому что не хочешь этому поддаваться из-за отъезда? – Стеша спросила понимающе, и в её глазах не было осуждения, только участие.

Алиса кивнула, не в силах выговорить слова. Ком в горле мешал говорить.

– Я всё время об этом думаю, – проговорила она наконец. – Что через год мы уедем. Что всё это – школа, друзья, он... что всё это как будто ненастоящее. Временное. И зачем тогда начинать что-то, что всё равно придётся оборвать? Это же будет больно. И мне, и... – она не договорила, но Стеша поняла.

Блондинка налила себе ещё чаю, явно обдумывая слова.

– Понимаешь, Алис, – начала она медленно, – Я знаю Макса с детства. Практически с пелёнок. И я никогда – слышишь, никогда – не видела его таким.

– Каким таким? – переспросила Алиса, хотя догадывалась.

– Он всегда был... таким, знаешь ли, лёгким. Ветер в голове. Девчонки вокруг него всегда вились, и он с удовольствием принимал их внимание, флиртовал, гулял, но... это

было как игра. Никто не задерживался надолго. Он не был тем, кого называют бабником или подлецом — просто ему было скучно. Всё слишком легко давалось: и деньги, и популярность, и девочки. Он искал какую-то искру, вызов, и не находил. А потом появилась ты.

Стеша откинулась, жестом приглашая Алису представить.

— Первые дни он, конечно, дурачился. Этот поцелуй — это он, старый Макс, который всё превращает в шутку. Но потом, после того случая с канатом... помнишь, как вы Лену спасали? Я видела его лицо после. Он был не просто взволнован — он был потрясён. И не из-за того, что рисковал, а из-за тебя. Из-за того, как ты бросилась помогать, не раздумывая. И с тех пор... он будто скинул кожу. Эта лёгкость, эта ветреность куда-то испарились. Он стал серьёзнее. Внимательнее. Он теперь не просто кривляется на задней парте — он слушает, что ты говоришь. Запоминает. Например, ты как-то обмолвилась, что не любишь клубничное мороженое, предпочитаешь шоколадное. На следующий день в столовой он купил именно шоколадное и как бы невзначай поставил перед тобой, когда ты искала мелочь в рюкзаке. Мелочь, а? А когда ты выступала на литературе с анализом этого сложного стихотворения — все зевали, а он сидел и смотрел на тебя так, будто ты читаешь не про осеннюю тоску, а открываешь тайны вселенной.

Она сделала глоток чая, давая словам осесть.

— Илья даже переживает. Он мне вчера признался: «Стеш,

я Макса таким не видел никогда. Он как заведённый. То строит планы, как бы подкатить к Алисе «нормально», то ходит хмурый, если она с ним холодна. Он реально запал. И я боюсь, что если она его отошьёт по-полной, он сломается». Илюха-то! Который обычно только и делает, что ржёт над его неудачами! А тут — переживает.

Алиса слушала, и каждый пример, каждая деталь ложилась на её внутренний конфликт новым грузом.

– А про Василенко? – спросила она, чтобы перевести дух и сместить фокус с собственных чувств. – Лена вкратце рассказала, но...

– Угх, – лицо подруги потемнело, – Василенко вообще тот ещё фрукт... Катя – она из параллели, учится в 11-Б, – начала объяснять Стеша. – Высокая, стройная, очень красивая. Она в Макса давно и безнадежно влюблена. Вся школа об этом знает. И он это знает. Но он никогда не давал ей повода, вёл себя с ней как со всеми – дружелюбно, но без намёков. А вот Артём Василенко в Катю влюбился по-настоящему. Или ему так показалось. Он начал её преследовать: поджидал после уроков, слал тонны сообщений, звонил по ночам. Катя сначала была вежлива, потом попросила оставить её в покое. Но он не понял. Или не захотел понимать. Довёл её до нервного срыва, она даже к психологу ходить начала.

Стеша нахмурилась, её голос стал жёстким.

– И знаешь, в чём самая мерзость? Артём во всём обвинил Максима. Мол, это он виноват, что Катя его не замечает,

что он её с ума сводит. Хотя Максим вообще ни при чём! Он даже как-то подошёл к Кате, извинился, если что-то не так, но она сказала, что всё в порядке. А Артём... он просто не может смириться с тем, что ему отказали. И теперь он ненавидит Макса. Ищет любой повод, чтобы насолить. И, я боюсь... – Стеша посмотрела прямо на Алису, – я боюсь, что теперь, раз Максим обратил на тебя внимание, Артём может начать пакостить и тебе, чтобы досадить ему. Сегодняшнее «знакомство» – оно ведь было не просто так, я уверена.

Алиса кивнула, снова почувствовав холодок страха.

– Он говорил про Максима, предупреждал меня о нём. Словно хотел настроить против.

– Вот видишь, – Стеша тяжело вздохнула. – Он хитер. В открытую не полезет, но гадости нашептать, сплетню пустить – это запросто. Ты просто будь осторожнее. И знай, что мы все – я, Илья, Лена – мы на твоей стороне. А Максим... он, конечно, за тебя будет. Он в первую очередь. Просто первое время будет ходить и злиться втихую, потому что пока не знает как оградить тебя от всего этого и не показаться тебе полным психом, если вдруг сорвётся и набьёт Тёмычу морду.

Алиса почувствовала прилив тепла и благодарности. Эти слова значили для неё больше, чем она могла выразить. Она усмехнулась.

– Если такое случится, я не буду считать его психом. Я бы даже больше переживала за то, чтобы он не получил.

– Ха-ха-ха, – Аксёнова громко рассмеялась, – Боюсь, что

Максима один на один никто победить не сможет. Если только Игорь Царёв, но им делить нечего.

– Игорь? Это кто?

– О, он редко в школе появляется. Его семья держит что-то вроде охранныго бизнеса. Ну, по официальным данным. Остальные поговаривают, что там у них криминальные движения какие-то. Ну, Игоря все стороной обходят. Никто не лезет к нему, как и он никого не трогает. Жуткий тип, давай не будем про него. В общем, если что, сразу к нам беги. Мы поможем.

– Спасибо, Стеш, – тихо сказала Лисицына.

– Да ладно, – махнула рукой подруга, и её лицо снова оза-рилось улыбкой, будто она решила сменить тяжёлую тему на что-то более светлое. – Хватит о грустном! Давай лучше про хорошее поговорим. У меня, между прочим, тоже новости!

– Какие? – оживилась Алиса, радуясь перемене.

– Ну, помнишь, ты дала Роме Горячеву мой аккаунт? – Стеша заговорщицки понизила голос, и на её щеках вспыхнул румянец.

– Ну конечно помню!

– Так вот... – Стеша потянула за собой слог, явно наслаждаясь моментом. – Он написал. Первый! Не прошло и двух дней после того, как ты ему всё передала.

– И что? Что сказал? – Алиса придвинулась поближе, забыв на время о своих тревогах.

– Ну, ничего особенного пока, – скромничала Стеша, но

глаза её сияли. – Написал: «Привет, Стеша, это Рома. Алиса дала твой аккаунт. Как дела?».

– И что ты ответила?

– А я... я долго думала, что написать! Сидела над телефоном минут двадцать, перебирала варианты. Хотела что-нибудь остроумное, но в итоге написала просто: «Привет, дела отлично, готовлюсь к контрольной по химии, а ты?».

– И?

– И он ответил! Сказал, что химию терпеть не может, но зато у него завтра физра на стадионе, и он надеется, что дождь не пойдёт. И потом спросил, не против ли я, если он иногда будет писать.

– Стешка! – ахнула Алиса. – Да это же прекрасно!

– Я знаю! – Стеша засмеялась, счастливая и смущённая. – Я, конечно, написала, что не против. Потом мы ещё немножко поболтали про школу, про музыку... Он оказался очень милым.

Они ещё долго говорили о Роме, строя предположения, фантазируя о том, как может развиваться их общение. Напряжение, висевшее в воздухе после разговора о Максиме и Артёме, постепенно рассеялось, сменившись лёгкой, почти домашней атмосферой. Они помыли посуду, потом поднялись в комнату Стеши – светлое, залитое вечерним солнцем помещение с большим окном, книжными полками и мягким ковром.

Лёжа на кровати и глядя в потолок, Алиса думала о том,

как странно устроена жизнь. Всего месяц назад она была в Москве, в своей старой комнате, со своими старыми друзьями, и понятия не имела о существовании этого городка, этой школы, этих людей. А теперь здесь у неё есть подруга, которая делится с ней самыми сокровенными тайнами, и парень, чьё внимание одновременно пугает и притягивает. И над всем этим нависает тень отъезда, как дамоклов меч.

– Стеш, – тихо сказала она, глядя на узор светотени на потолке.

– А?

– Спасибо, что ты есть.

Рядом послышался тихий смешок.

– Дурёха. Я тоже рада, что ты появилась. Городок наш иногда может быть очень тесным. И тяжёлым. Все всё друг про друга знают, все друг за другом следят. А ты как глоток свежего воздуха. Настоящая. И не бойся, мы тебя здесь не дадим в обиду. Ни я, ни Илья... ни Максим.

Последнее имя было произнесено так тихо, что Алиса едва расслышала. Но она услышала. И в груди снова защемило – уже знакомое, сладкое и мучительное противоречие.

Она закрыла глаза, пытаясь представить себе серебристый лайнер в небе. Но вместо него перед мысленным взором встало другое – лицо с насмешливыми голубыми глазами, которые в последнее время смотрели на неё без тени насмешки, а с таким вниманием, от которого по телу разливалось тепло.

«Черт, – подумала она. – Всё запутаннее, чем кажется». И зеркало её мира, которое ещё вчера казалось целым и ясным, дало первую, почти невидимую трещину.

Глава 9

Дорога от дома Аксёновых до своего заняла чуть больше времени, чем Алиса ожидала. Она шла медленно, утопая в сумерках, которые мягко окутывали тихие улицы. В ушах ещё звенел смех Стеши, а в груди тяжелым камнем лежало осознание её слов о Максиме. Каждое её наблюдение, каждый пример его внимания – шоколадное мороженое, взгляд на литературе – отзывалось внутри сладкой и одновременно мучительной дрожью. Она пыталась представить самолёт, уносящий её прочь через год, но образ был размытым, нереальным. Куда чётче всплывало другое лицо – с насмешливости, но ставшими такими серьёзными голубыми глазами.

Она толкнула калитку территории. Окна гостиной светились тёплым жёлтым светом, и это почему-то вызвало в ней не уют, а лёгкое чувство вины, будто она предала эту временную крепость, слишком увлекшись жизнью за её стенами.

В прихожей пахло жареной курицей и чем-то ещё – ванилином, наверное, мама опять экспериментировала с выпечкой. Алиса сняла куртку и ботинки, услышав из кухни приглушённые голоса.

– Алиса, это ты? – донёсся голос мамы.

– Да, – ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, и прошла на кухню.

Родители сидели за большим деревянным столом, уже на-

крытым к ужину. Мама, в своём неизменном фартуке с цветочным принтом, разливала по тарелкам суп. Папа, Егор, отложил в сторону планшет, на экране которого мелькали цифры и графики. Они оба улыбнулись ей, но улыбки показались Алисе натянутыми, будто маски, под которыми скрывалась усталость.

– Ну, как, всё хорошо? – спросила Ирина, жестом приглашая дочь сесть. – Хорошо провела время со Стешей?

Алиса опустилаcь на стул, взяла ложку. Суп пах луком и морковью, по-домашнему.

– Да, нормально, – сказала она, избегая прямого взгляда. – Просто болтали, поужинали у неё. Её мама не приехала, так что мы одни были.

Она почувствовала, как родители обменялись быстрым взглядом. В воздухе повисло короткое, но ощутимое молчание, наполненное невысказанным.

– И что же болтали, две подружки? – с некоторой натянутой живостью вступил Егор, отламывая кусок хлеба.

– Да так... Обо всём. О школе, об одежде, – Алиса покрутила ложкой в тарелке, наблюдая, как колеблется жирная плёнка на поверхности бульона. – Она познакомила меня со своим домом. Очень уютный у них дом.

Она умолкла, не в силах заставить себя делиться больше. Мысли о Максиме и о тревожном предупреждении Стеши на счёт Василенко – всё это казалось слишком хрупким, слишком личным, чтобы выкладывать на этот стол рядом с тарел-

ками. Да и в голосе отца слышалась та же формальная заинтересованность, с которой он спрашивал о делах на новых переговорах.

– Это хорошо, что ты нашла подругу, – мягко сказала мама, но в её глазах Алиса прочла не только радость, а ещё и тень беспокойства. – Стеша Аксёнова... её отец, Алексей, очень приятный мужчина. Мы познакомилась недавно.

В этой фразе прозвучала не родительская радость за дочь, а какая-то взрослая, расчётливая оценка. Алисе стало не по себе.

Они ели несколько минут в тишине, нарушаемой лишь стуком ложек. Напряжение росло, как давление перед грозой. Алиса чувствовала его каждой клеткой кожи. Она знала, что они хотят поговорить. О переезде. О её дувшейся обиде, которая, должно быть, была написана у неё на лице всё последнее время.

Ирина первая не выдержала.

– Алис... – она положила ложку, сложила руки на столе. – Мы знаем, что ты всё ещё злишься на нас. Из-за переезда. Из-за того, что мы... не совсем честно обсудили сроки вначале.

Алиса подняла глаза. Мама смотрела на неё с виноватой нежностью, папа – более сдержанно, но тоже с ожиданием.

– Мы не хотели тебя расстраивать, – продолжил Егор. Его голос был твёрдым, деловым, но в нём пробивалась нота мягкости. – План был таким: приехать, оценить обстановку, за-

пустить проект. Мы думали, всё пройдет быстрее. Но реальность... она всегда вносит коррективы. Этот год – он необходим. Для бизнеса. Для будущего нашей семьи.

– Для будущего, которое я здесь не вижу, – вырвалось у Алисы прежде, чем она успела подумать. Она тут же закусила губу, но было поздно.

Ирина вздохнула.

– Дочка, мы понимаем, как тебе тяжело. Новое место, новая школа, всё чужое... Но ты же уже влилась, нашла друзей. Смотри, как всё налаживается.

– На год, – прошептала Алиса, глядя в тарелку. – Всё налаживается на год. А потом – р-раз, и нет ничего. Как будто и не было.

Она чувствовала, как ком подкатывает к горлу. Говорить об этом вслух было ещё больнее, чем переживать молча.

– Алиса, – папин голос стал чуть строже. – Ты уже не ребёнок. Тебе восемнадцать. Пора учиться смотреть на вещи... шире. Иногда ради общего блага приходится чем-то жертвовать. Личным комфортом, например. Мы все здесь в одной лодке. Мама оставила свою работу в Москве, я взял на себя огромные риски с этим заводом. И ты – ты тоже часть этого. Твоя поддержка, твоё понимание для нас очень важны.

– Так вы хотите, чтобы я просто перестала дуться? – голос Алисы задрожал, но она не дала себе расплакаться. – Чтобы я улыбалась и делала вид, что всё прекрасно, пока вы... пока вы тут что-то скрываете?

Она не планировала говорить этого. Слова выскочили сами, подогретые подозрениями, которые копились с того вечера, когда она подслушала их разговор о Костровском.

Родители снова переглянулись, и на этот раз в их взгляде мелькнула тревога. Короткая, но Алиса её уловила.

– Что мы скрываем? – спросила Ирина, но слишком быстро, слишком оборонительно.

– Не знаю! – Алиса развела руками. – Но я не слепая. Вы всё время о чём-то шепчетесь, папа задерживается на стройке до ночи, мама нервничает каждый раз, когда заходит речь о местных бизнесменах... Вы сказали, что это просто работа. Но какая работа заставляет так бояться?

Егор откинулся на спинку стула, провёл рукой по лицу. Он выглядел внезапно очень уставшим.

– Алиса, милая, – сказал он, и в его голосе не было больше деловой твёрдости, только усталость. – В бизнесе всегда есть конкуренция. Всегда есть те, кто недоволен, когда появляется новый игрок на поле. Это нормально. Да, у нас есть... сложности. Но это мои сложности. Моя и мамина работа – с ними разбираться. А твоя работа – учиться, заводить друзей, жить своей жизнью. Мы не хотим грузить тебя взрослыми проблемами.

– Но они уже касаются меня! – выкрикнула Алиса. – Вы думаете, я не слышала, как вы говорили о Костровском? О его сыне? Вы думаете, я не вижу, как все в школе смотрят на меня как на дочь чужака, который приехал всё забрать?

Теперь она плакала. Тихие, злые слёзы катились по щекам и падали в остывший суп.

Ирина встала, подошла к ней, обняла за плечи. Алиса не отстранилась, но и не прижалась.

– Прости нас, – тихо сказала мама. – Правда, прости. Мы не хотели, чтобы ты так переживала. Мы просто... пытаемся всё сделать как лучше. Для всех нас.

– Мы извиняемся за то, что не были до конца откровенны, – добавил Егор. – Но, Алиса, ты должна понять. Эта ситуация – она временная. Год пролетит незаметно. А пока... пожалуйста, перестань дуться на весь мир. Отнесись к этому как... как к приключению. Как к возможности узнать новое место, новых людей. Ты сильная. Умная. Ты справишься. И мы всегда рядом.

Его слова звучали как мантра, которую он повторял и себе, и ей. «Временная ситуация». «Год пролетит». Но для неё этот год уже наполнялся людьми и чувствами, которые приобретали вес и значение.

Алиса вытерла лицо рукавом свитера, стараясь взять себя в руки.

– Ладно, – прошептала она, не потому что согласилась, а потому что сил спорить больше не было.

– Вот и умница, – облегчённо вздохнула Ирина, погладив её по волосам. – Давай доедим. Суп совсем остыл, я разогрею.

– Не надо, я не голодна больше, – Алиса встала, отодвинув

стул. – Я пойду...

Родители не стали её удерживать. Они смотрели, как она уходит, и в их взглядах Алиса прочла смесь любви, вины и той самой решимости, которая, казалось, скрепляла их всех здесь.

Она прошла в свою комнату – просторную, ещё не до конца обжитую. Коробки с книгами стояли в углу, плакаты с московскими выставками пока не висели на стенах. На письменном столе лежал альбом для рисования и коробка с карандашами.

Алиса села, открыла альбом на чистой странице. Белизна бумаги сначала пугала, но потом пальцы сами потянулись к карандашу. Она начала рисовать без чёткого плана. Сначала вышли контуры лиц – своих новых друзей. Стеша, с её смеющимися глазами и веснушками на носу. Илья, с таким же озорным прищуром, как у сестры, но более угловатый. Лена, с мягкой, застенчивой улыбкой.

Потом её рука замерла. Карандаш завис над бумагой. Она закрыла глаза, и перед внутренним взором снова встал он. Чёткий подбородок, прядь темных волос, спадающая на лоб, губы, скривившиеся в той самой полуулыбке, которая уже не казалась такой надменной. Она медленно, осторожно начала выводить линии. Щёки, скулы, разрез глаз... Она старалась поймать не просто внешность, а то выражение, которое видела в последнее время – сосредоточенное, лишённое насмешки, внимательное.

Рисование всегда было для неё способом убежать, упорядочить хаос мыслей. Но сейчас оно только подчёркивало хаос. На бумаге рождалось лицо Максима, а в голове звучали слова отца: «Временная ситуация». Слова Стеши: «Он реально запал». Свои собственные: «Это же будет больно».

Она дорисовала его, затем рядом, чуть в стороне, набросала свой собственный профиль – смотрящий не на него, а куда-то вдаль, за край листа. Потом добавила едва намеченные фигуры родителей на заднем плане, словно в дверном проёме. Получилась странная, диссонирующая композиция. Не дружный групповой портрет, а собрание разрозненных фигур, связанных только рамкой страницы.

Алиса отложила карандаш, откинулась на спинку стула. Вечерний ветер шевелил занавеску на окне. Где-то на кухне, тихо звякала посуда – мама мыла тарелки.

«Как взрослый человек», – повторила она про себя папины слова. Взрослость, получается, это не право на честность, а обязанность молча терпеть и делать вид, что всё в порядке. Взрослость – это знать, что тебя могут ударить по лицу только за то, что ты кому-то понравился, как этому Василенко. Взрослость – это видеть, как родители прячут страх за улыбками, и делать вид, что веришь им.

Она подошла к окну, прислонилась лбом к прохладному стеклу. Во дворе горел фонарь, отбрасывая длинные, искажённые тени от голых ветвей деревьев. Её отражение в тёмном стекле было призрачным, размытым. Она смотрела на

это бледное пятно, представляя, как через год оно исчезнет отсюда, растворится в другом месте, в другом окне.

А что останется здесь? Останется нарисованный в альбоме портрет, который она, наверное, возьмёт с собой. Останется воспоминание у Стеши о подруге, которая уехала. Останется... что у него? У Максима?

Мысль об этом была как лезвие – острое и холодное. Она вызвала такую волну беспомощной злости, что Алиса с силой сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Боль была реальной, ясной, отвлекая от смутной душевной боли.

«Ненастоящее, – подумала она, глядя на своё отражение. – Всё это ненастоящее». И в этот момент её зеркальный двойник в стекле казался ей более честным – пустым, безликим, готовым в любой момент исчезнуть.

Она глубоко вздохнула, отошла от окна. Ужин, разговор, рисунок – ничего не принесло успокоения. Только добавило тяжести. Чувство, будто она балансирует на тонкой грани, а под ногами всё зыбче, росло с каждой минутой.

Алиса аккуратно закрыла альбом, спрятав набросок с лицом Максима между страниц. Потом погасила свет и легла в кровать, уставившись в потолок, где узоры теней от уличного фонаря медленно плыли и менялись, как осколки разбитого калейдоскопа. Она зажмурилась, пытаясь прогнать тревожные образы, но они не уходили. Они ждали своего часа, готовые вылиться наружу при первом же резком движении, при первом же неосторожном толчке – подобно старому зер-

калу на шатком креплении.

Ветер рвал на юноше куртку, выстукивая на спине ритм, похожий на учащённое сердцебиение. Максим вжался в руль, заставляя мотоцикл рычать на пустынных ночных улицах. Скорость была единственным способом заглушить какофонию в голове, начавшуюся ещё днём, в кабинете отца. Запах дорогого дерева и холодного кофе – всё ещё стоял в ноздрях, смешиваясь с выхлопными газами. Он закрыл глаза на секунду, отпустив ручку газа, и снова увидел выражение лица отца во время той встречи: не ярость, нет. Хуже. Расчётливую, ледяную злость, приправленную презрением к тем, кто посмел перейти ему дорогу.

Глупый тендер.

Глупые, бесконечные разговоры о прибыли, доле рынка и устранении препятствий. Максим сидел в углу, как мебель, и чувствовал, как его собственная сущность постепенно стирается под этим напором деловитого цинизма. Отец даже не смотрел на него, лишь изредка бросал фразы вроде: "Запомни, Максим, сантименты – роскошь для слабых. Здесь выживает тот, кто не боится принимать жёсткие решения". Каждое слово падало в душу тяжёлым, токсичным грузом.

Он свернул к реке, к тому самому мосту. Двигатель стих с недовольным урчанием, когда он переключился на нейтралку и затормозил, после чего повернул ключ. Тишина накрыла его с головой, сразу впуслав внутрь все те мысли, от ко-

торых он пытался убежать.

– Чёрт, – прошептал он, снимая шлем и проводя рукой по влажным от пота волосам.

Город внизу лежал в тёмном бархате, кое-где подёрнутый жёлтыми точками фонарей. Здесь, на этом самом месте, он ляпнул ту нелепую, дурацкую фразу про солнце. Сейчас от стыда сгорели бы уши, если бы не другое чувство – щемлящая, сладкая боль, которая возникала при каждом воспоминании о ней. Он достал пачку сигарет, долго вертел её в пальцах, прежде чем вытащить одну и прикурить. Пламя зажигалки осветило его напряжённое лицо на мгновение.

Затяжка обожгла горло, но знакомый горький вкус принёс странное успокоение. Это был его маленький, грязный секрет. Даже Илья, который знал о нём почти всё, не догадывался. Курение было признаком слабости, а Максим Костровский не имел права на слабости. Ни перед друзьями, ни, тем более, перед отцом.

– Идиот, – снова сказал он вслух, выпуская дым в холодный воздух.

Но это слово было уже не о том поступке на мосту. Оно было о нём самом. О том, что происходило внутри. Он закрыл глаза, и перед ним, как на ярком экране, всплыло её лицо. Не то, смущённое и раздражённое в день их "спорного" поцелуя. А другое. То, каким оно было на волейболе – сосредоточенным, азартным, с капелькой пота на виске. То, каким оно становилось, когда она не знала, что он на неё смотрит:

задумчивым, немного грустным, таким... настоящим. Рыжие волосы, которые она постоянно пыталась убрать за ухо, но они снова выбивались, будто живая медь. Голубые глаза, которые могли быть холодными, как лёд, а могли вдруг расплыться в такой тёплой, смущённой улыбке, что у него перехватывало дыхание.

Боль в груди снова сжалась, тупая и навязчивая. Он затаился глубже, пытаясь её задавить. Эта боль была страшнее всего. Потому что была живой. Потому что означала, что он больше не контролирует ситуацию. Не контролирует себя.

Дома был ад. Настоящий, пахнувший разбитой посудой, виски и молчаливыми упрёками ад. Отец, Сергей Костровский, после провала с выкупом территории завода – территории, которую он пять лет методично доводил до ручки, чтобы заполучить за бесценку – превратился в сгусток ярости. Мать, Элина, металась между ним и сыном, как тень между двумя огнями. Её лицо, когда-то живое и светлое, теперь напоминало маску из тонкого, потрескавшегося фарфора. Она улыбалась только Максиму, и даже тогда улыбка доходила до глаз с задержкой, будто ей нужно было время, чтобы вспомнить, как это делается.

– Зачем? – шёпотом спросил он ночную реку. – Зачем она до сих пор с ним?

Они когда-то любили друг друга. Он знал это по старым фотографиям, по редким, пьяным от ностальгии историям матери. Любили безумно, против воли его деда. А теперь от

той девушки с сияющими глазами осталась только уставшая женщина, чья жизнь словно прошла через мясорубку. А от того юноши – этот каменный идол в дорогом костюме, для которого люди стали разменными фигурами на шахматной доске.

Именно поэтому Максим всегда держал дистанцию. Не связывался серьёзно. Боялся увидеть в зеркале отцовское отражение. Боялся причинить кому-то такую же боль. Пока в его жизнь не ворвалась она. Со своим смехом, который звучал для его сердца как звон разбитого стекла, и со своей упрямой честностью, против которой он был бессилен.

Стеша выложила ему всё, как на духу: "Она здесь на год, Макс. Только на год. Бойтся привязываться. Не хочет, чтобы потом было больно". Эти слова должны были охладить, остановить, но сработали с точностью до наоборот. Больно будет в любом случае.

Но ему уже больно.

Год? Что такое год? Мгновение. И в то же время – целая вечность, которую можно наполнить чем-то настоящим. Дикая, юношеская мысль – бросить всё и уехать следом – уже не казалась такой безумной. Он представлял, как могло бы быть. Не так, как у родителей. Иначе. Он бы никогда не смотрел на неё с холодным расчётом. Не заставлял бы прятать улыбку. Он бы... он бы просто был рядом. Готов был носить её на руках каждый день. Молча сидеть рядом, пока она рисует. Слушать её рассказы, даже самые нелепые. Носить бы

эти дурацкие цветы, если бы она их любила.

Он бросил окурок в воду, следя, как красная точка гаснет в тёмной глубине. Решение созрело внезапно, ясно и твёрдо, как сталь. Он не отступит. Не сдастся. Пусть она строит стены, пусть отгораживается своим "временным" статусом. Он будет их ломать. Медленно, терпеливо. Потому что эта боль в груди, это постоянное мыслительное жужжание, эта потребность видеть её каждый день – это и было то самое, чего он так боялся и так безнадёжно желал. Настоящее чувство.

– Ладно, рыжая, – сказал он пустому пространству, и уголки его губ дрогнули в слабой улыбке. – Игра началась.

Он завёл мотоцикл, и на этот раз рычание двигателя звучало не как бегство, а как вызов. Обратная дорога домой пролетела в стремительном, почти лихорадочном порыве. В голове уже строились планы, как подойти, что сказать завтра в школе.

Особняк Костровских, огромный и холодный даже в архитектуре, встретил его мрачным молчанием. В прихожей горел только дежурный свет. Часы показывали без пятнадцати час. Из-за двери кабинета доносился приглушённый, но резкий голос отца. Максим замер, снимая куртку. Обычно в такое время Сергей уже отдыхал или работал в полной тишине. Этот голос звучал... опасно.

Максим прислушался, сделав несколько бесшумных шагов по мраморному полу. Дверь в кабинет была приоткрыта

на щель, полоска жёлтого света падала в коридор.

– ...понимаю, что ситуация изменилась, – доносился голос отца. Он говорил чётко, отрывисто, как бы отдавая приказы. – Прежние методы не сработали. Лисицын оказался крепче, чем мы думали. Его не пугают ни проверки, ни давление на поставщиков.

Пауза. Он, должно быть, говорил по телефону.

– Нет, я не предлагаю отступить. Ни в коем случае. Просто разговор теперь будет... другим. Более предметным. Нужно найти правильный рычаг. Самый чувствительный. – Ещё одна пауза, более долгая. Максим почувствовал, как по спине пробежали ледяные мурашки. Он прижался к стене, затаив дыхание. – Совершенно верно. Чтобы он сам захотел убраться. Добровольно-принудительно. Всё, что нам нужно – это правильно надавить. И точка давления должна быть абсолютно точной. Договорились. Завтра подробнее.

Раздался короткий гудок – отец положил трубку. Затем послышался скрип кресла и звук наливаемой в бокал жидкости. Максим не двигался. Слова отца крутились в голове, складываясь в ужасающую картину. Он вспомнил сегодняшнюю встречу, бешенство отца, его взгляд, лишённый всякой человечности, когда речь зашла о "конкурентах". А потом – её лицо. Её незащитную, глупую улыбку.

Сердце упало куда-то в пятки, оставив в груди ледяную пустоту. Он отшатнулся от двери и бесшумно, на цыпочках, пошёл к лестнице. Каждый шаг отдавался гулким стуком в

висках.

В своей комнате он запер дверь на ключ, чего не делал никогда. Прислонился лбом к прохладному дереву, пытаясь унять дрожь в руках. В голове неумолимо всплывали обрывки взрослых разговоров, которые он когда-то слышал краем уха: о том, как "убеждали" несговорчивых арендаторов, о странных "несчастных случаях".

– Нет, – прошептал он в полную тишину комнаты. – Нет, нет, нет.

Он подошёл к окну, сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. За стеклом спал город, куда она приехала в поисках спокойствия. Теперь он видел его иначе: не как фон для своей юношеской драмы, а как поле боя, где его отец готов был перейти любые границы.

И он, Максим Костровский, сын этого человека, только что решивший бороться за своё чувство, оказался на самой грани. Между верностью семье – этой исковерканной, токсичной семье – и необходимостью защитить ту, кто даже не подозревала, какая тень нависла над её жизнью. Решение, созревшее на мосту, закалилось сейчас, превратившись в нечто большее, чем просто желание завоевать девушку. Это стала клятва. Молчаливая, яростная.

Он не позволит. Что бы ни задумал отец, какую бы "точку давления" он ни избрал, Максим будет щитом. Он не знал как, не знал, что сможет противопоставить ресурсам и воле Сергея Костровского. Но отступить было некуда. Тлеющая в

груди искра разгорелась в холодное, решительное пламя.

– Попробуй только, – тихо сказал он в темноту, глядя на отражение своего напряжённого лица в тёмном окне. – Попробуй только до неё дотронуться.

Внизу, в кабинете, хлопнула дверца бара. Ночь за окном была глухой и бесконечно длинной. А до утра, до школы, до её смеха оставалось всего несколько часов. Но теперь каждый из этих часов будет отмеряться не томлением, а тревожным, липким ожиданием удара. И тихой готовностью принять его на себя.

Стук был таким тихим, что сначала показалось, будто это просто ветер пробует на прочность старый особняк. Максим не шевельнулся, продолжая смотреть в тёмное окно, где его собственное отражение смешивалось с ночным городом. Но стук повторился, чуть настойчивее, и он вздохнул, почувствовав, как напряжение, с которым он только что начал справляться, снова накатило волной. Он медленно повернулся, подошёл к двери и открыл её.

Мама стояла в полумраке коридора, закутанная в свой голубой шёлковый халат, который, казалось, впитывал весь скудный свет ночника. Её лицо, обычно тщательно защищённое макияжем и улыбкой, теперь было бледным и открытым, а в глазах читалась усталость и знакомая с детства, тихая тревога. Она смотрела на него, будто пытаясь прочесть что-то на его собственном лице.

– Милый, ты чего так поздно? – её голос был хриплова-

тым от долгого молчания или, может, от слёз, которые она не позволяла себе пролить. – Я слышала, как ты вернулся. И слышала, как ты ходишь тут... Тревожно как-то.

Максим молча отступил, приглашая её внутрь. Движение было автоматическим, пустым. Он не знал, что сказать. Комната, обычно его крепость, сейчас казалась ему клеткой, наполненной запахом ночной реки и сигаретным дымом, который он не успел выветрить. Элина мягко шагнула внутрь, и её взгляд скользнул по небранной куртке на стуле, по раскиданным учебникам на столе.

Она не стала ничего говорить, лишь подошла к его кровати и осторожно присела на край, поправив складки халата. Её поза была удивительно хрупкой для женщины, которую он всегда считал нестигаемой опорой в этом доме. Максим закрыл дверь, но не стал возвращаться к окну. Вместо этого он опустился на пол рядом с кроватью, прислонившись спиной к матрасу и вытянув ноги. Пол был прохладным, и этот холод проникал сквозь ткань джинсов, отрезвляюще действуя на разгорячённый мозг.

Наступила тягостная пауза, нарушаемая лишь тиканьем часов на прикроватной тумбочке.

– Мам... – начал он и тут же запнулся, не зная, с чего начать. Вопросов было столько, что они спутывались в один комок где-то в горле. Он посмотрел на её руки, тонкие, с аккуратным маникюром, которые сейчас беспомощно лежали на коленях.

– Ты сегодня был сам не свой, – тихо сказала Элина, не глядя на него. – С самого утра. А теперь вот... пахнет от тебя сигаретами. И глаза... Максим, что случилось?

– Ничего, – буркнул он автоматически, но тут же пожалел. Он повернул голову, глядя на её профиль, освещённый мягким светом настольной лампы. – То есть... не ничего. Всё. Всё случилось.

Он провёл ладонью по лицу, чувствуя набрякшую усталость. И вдруг спросил, сам удивившись прямой мысли:

– Мама, а как вы с папой познакомились? В школе же, да?

Элина слегка вздрогнула, будто вопрос застал её врасплох. Она медленно повернулась к нему, и в её глазах на мгновение промелькнуло что-то далёкое, почти забытое.

– Да, – ответила она, и уголки её губ дрогнули в слабом подобии улыбки. – В старших классах. Он тогда был... ну, таким же задиристым, как ты сейчас. Капитаном школьной баскетбольной команды. Все девчонки вздыхали по нему, а он даже не замечал. Ходил такой важный, с мячом под мышкой.

– А ты? – Максим придвинулся ближе, подтянув колени к груди.

– А я училась в параллельном классе. Тихая, отличница. Носила эти ужасные очки и думала только об уроках. Мы пересеклись на школьном вечере. Он, большой и неуклюжий, пролил на меня лимонад. Весь мой новый свитер. – Она тихо рассмеялась, и этот звук был таким неожиданно живым в

мёртвой тишине комнаты. – Я тогда расплакалась. А он не стал извиняться или смеяться. Посмотрел на меня серьёзно и сказал: "Всё, теперь я твой должник. Придётся за тобой ухаживать, чтобы отработать". И вот так... началось.

Максим слушал, затаив дыхание. Он не мог представить отца таким – неловким, романтическим. Тот человек, которого он знал, никогда бы не пролил ничего случайно; он всё просчитывал на десять шагов вперёд.

– Вы сильно любили? – вырвалось у него второй вопрос, более прямой, более болезненный.

Элина замолчала. Её пальцы сжали складки халата.

– Безумно, – прошептала она наконец. – Против всего света. Мои родители были против – говорили, что он выскочка, что у него нет будущего, только амбиции. Его отец, твой дед, тоже был не в восторге – хотел для него партию побогаче. Но мы... мы были как два магнита. Глупые, юные, уверенные, что наша любовь сметёт любые преграды. Мы сбегали с уроков, чтобы просто гулять. Он писал мне записки, которые я до сих пор храню. Казалось, это навсегда.

Её голос дрогнул, и она замолкла, глотая комок в горле. Максим видел, как на её глазах выступили слёзы, но она не дала им скатиться.

– А что случилось? – спросил он тихо, почти боясь услышать ответ. – Почему... почему это ушло? Почему теперь вы... как чужие?

Третий вопрос повис в воздухе, тяжёлый и неудобный.

Элина долго молчала, глядя в пустоту. Потом медленно подняла руку и положила её на его голову, начав гладить его волосы мягкими, повторяющимися движениями. Этот жест был таким знакомым, таким утешительным, что у Максима неожиданно сжалось горло.

– Жизнь случилась, Максюш, – сказала она с бездонной грустью. – Амбиции. Бизнес. Деньги. Постепенно они стали важнее всего. Сначала – ради нас, ради будущего, как он говорил. Потом – просто ради самого процесса. Победы. Власти. Любовь... она требует внимания, заботы, времени. А время стало самым дорогим ресурсом. Его всегда не хватало. Насмешки превратились в колкости, нежность – в формальность. Остались только привычка и общие воспоминания, которые со временем тоже поблёкли.

– И как этого... не допустить? – Максим прикрыл глаза, поддаваясь успокаивающему движению её руки. Его голос звучал хрипло, выдавая внутреннюю панику. – Как сделать так, чтобы не превратиться в... в вас?

Элина остановила руку, и он открыл глаза. Она смотрела на него пристально, пронизательно, и в её взгляде что-то изменилось. Печаль отступила, уступив место острому, материнскому вниманию. Она изучала его лицо – напряжённый лоб, сжатые губы, тень страдания в глазах, которую он не мог скрыть.

– Максим, – медленно произнесла она. – Ты влюбился. Это не был вопрос. Это было констатация факта, произ-

несённая с такой уверенностью, что захотелось спрятаться. Он хотел отрицать, отшутиться, но слова застряли. Он лишь кивнул, опустив голову, чувствуя, как жар стыда и облегчения разливается по щекам.

– Расскажи мне, – мягко попросила Элина, убирая руку с его головы и складывая их на коленях. – Кто она? И... что происходит? Ты сегодня не похож на себя. Это из-за неё?

Максим глубоко вздохнул, собираясь с мыслями. Рассказать всё – о спортивном зале, о мосте, о дурацких выходках, о её смехе, о том, как она защищала Стешу, о её глазах, которые меняют цвет в зависимости от настроения. О том, что она здесь всего на год. И о том, что его отец, возможно, видит в ней "точку давления".

– Её зовут Алиса, – начал он, и имя на его языке прозвучало как заклинание. – Она новенькая. Из Москвы. И когда она смотрит на тебя, кажется, что видит насквозь, все твои фальшивые уверенности и понты. У неё эти рыжие волосы, которые вечно выбиваются, и она их всё время за ухо поправляет, а они не слушаются. И голос... когда она смеётся, у меня в груди будто что-то щёлкает, как включается свет в тёмной комнате.

Он говорил, и слова лились потоком, сбивчиво, эмоционально. Он описал их первую встречу, нелепый поцелуй из-за карточного долга, её гнев и потом постепенное оттаивание. Рассказал о волейболе, о том, как она, не задумываясь, бросилась помогать Лене на канате. О её упрямстве, честно-

сти, о странной грусти, которая иногда появляется в её взгляде, когда она думает, что никто не видит.

– Она рисует, так же как и ты когда-то, – сказал Максим, глядя куда-то в пространство. – И когда рассказывает об этом, её лицо преображается. Оживает. И я готов слушать её часами, даже если не понимаю ни слова в искусстве. Она боится привязываться, потому что они здесь ненадолго. Всего на год. А я... я будто с ума сошёл, мам, – он покачал головой из стороны в сторону, – Я думаю о ней постоянно. Даже когда не хочу. Это как болезнь. И одновременно... как единственное, что имеет смысл.

Он замолчал, исчерпав поток слов. В комнате снова воцарилась тишина, но теперь она была другой – тёплой, наполненной пониманием.

Элина смотрела на него, и в её глазах не было осуждения или насмешки. Была только глубокая, печальная нежность.

– Я понимаю, – тихо сказала она, улыбаясь. – Я тебя понимаю, сынок. Это и есть оно. Настоящее. Страшно, да?

– До чёртиков, – честно признался Максим, и ему стало легче.

– И что ты собираешься делать? – спросила мать, и в её голосе прозвучала тревога, но не запрещающая, а поддерживающая.

– Не знаю, – вздохнул он. – Бороться, наверное. Показать ей, что этот год может быть... не знаю, самым важным. Или просто быть рядом. Защищать её.

Последние слова он произнёс тише, и в них прозвучала стальная нота, которая заставила Элину насторожиться.

– Защищать? От кого? – её брови сдвинулись.

Максим замялся. Он не мог выложить всё о подслушанном разговоре. Не хотел втягивать мать в этот узел между ним и отцом ещё глубже.

– Здесь не все её принимают. Некоторые парни... они видят в ней лёгкую добычу. Чужую. Я уже пару раз вмешался. Но это мелочи. Просто... я хочу, чтобы она чувствовала себя в безопасности.

Элина долго смотрела на него, будто взвешивая каждое слово. Потом кивнула.

– Ты хороший человек, Максим. Не дай этому миру, этому... – она махнула рукой, указывая на весь дом, – Испортить тебя. Держись за это чувство. Но будь осторожен. Любовь делает нас сильными, но и очень уязвимыми одновременно. И запомни – ты всегда, в любой ситуации, можешь прийти ко мне. За советом, или просто помолчать. Я на твоей стороне.

Она снова положила руку на его голову, и он прикрыл глаза, чувствуя, как часть тяжести, давившей на него всю ночь, уходит.

– А с папой... – начала Элина и замолчала, выбирая слова. – С Сергеем... будь мудрее. Он не монстр, Макс. Он просто заблудился. Заблудился в своих схемах и расчётах. Но когда он чувствует угрозу семье, настоящую угрозу, он становится непредсказуемым. Жёстким. Если твоя Алиса как-то связана

с его бизнесом... будь особенно внимателен.

Максим резко открыл глаза. Её слова попали прямо в цель.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Ничего конкретного, – быстро сказала Элина, но в её глазах мелькнула тень того же страха, который он слышал в голосе отца за дверью. – Просто... в последнее время он снова говорит о тех, кто мешает. О новых конкурентах в городе. И я видела фамилию "Лисицын" в его бумагах. Это же её отец?

Максим кивнул, и в его душе всё окончательно встало на свои места. Ледяная уверенность.

– Да, – просто сказал он.

Элина вздохнула, и её плечи опустились под невидимой тяжестью.

– Тогда держись за неё ещё крепче. И береги её. И... береги себя. – Она встала с кровати, поправила халат. – Я пойду. Уже поздно. Попробуй поспать.

Она наклонилась и поцеловала его в лоб – сухой, тёплый поцелуй, пахнувший её духами и бесконечной грустью.

– Спасибо, мам, – выдохнул Максим, не в силах сказать больше.

– Я люблю тебя, – прошептала она у двери, но остановилась, – И, Макс... эта боль, которую ты чувствуешь... Страх стать как отец? Он – лучший пример, что ты им не станешь.

Потому что тот, кто способен так бояться, никогда не допустит этого. Любовь – это не только чувство. Это выбор. Каждый день. Выбирать быть рядом. Выбирать видеть человека, а не его пользу. Ты уже делаешь этот выбор. Дальше – просто не сбивайся с пути.

И вышла, бесшумно закрыв её за собой.

Максим остался сидеть на полу, прислонившись к кровати. Разговор не принёс покоя, но дал странную ясность. Он не один. У него есть союзник. Хрупкий, напуганный, но настоящий. И теперь он знал, что его подозрения – не паранойя. Его отец действительно видит в Алисе и её семье угрозу. И "точка давления" – это она, потому то её мать, по слухам, была тем ещё орешком.

Он поднялся с пола, подошёл к окну. Город спал. Где-то там, в одном из этих домов, спала и она. Со своими мечтами, страхами и незнанием о буре, которая сгущается над её головой.

Он сжал кулаки. Беречь её - это не просто желание. Это было обещание, данное самому себе в ночной тишине. Как бы ни было трудно, как бы ни противился отец, он будет её щитом. Даже если для этого придётся встать поперёк всего мира, который он знал.

Он лёг в кровать, но сон не шёл. Перед глазами стояло её лицо – то смеющееся, то задумчивое. И среди всей этой тревоги, это воспоминание было единственным тёплым местом в холодной, тёмной ночи.

Глава 10

Утро в доме Лисицыных выдалось таким же серым, как и настроение Алисы. За окном моросил мелкий, назойливый дождь, превращавший ещё не до конца убранную осеннюю листву на газоне в склизкую коричневую кашу. Она сидела за кухонным столом, уставившись в тарелку с остывающей овсянкой. Ложка лежала рядом нетронутая. Родители молчали – мама нервными движениями размешивала сахар в чашке, отец изучал свежую газету, но взгляд его скользил по заголовкам, не цепляясь. Это молчание было громче любого крика, оно звенело в ушах Алисы, напоминая ей о вчерашнем вечере, о разговоре за ужином.

Столько всего накопилось.

Мысли скакали, как ошпаренные котята: безжалостный переезд, вырвавший её из привычного московского ритма; настороженные, оценивающие взгляды новых одноклассников; яростный блеск в голубых глазах Максима, когда он вставал на её защиту, и странное, тёплое смятение, которое оставалось после. А ещё этот подслушанный шёпот родителей – имя Костровского, прозвучавшее как угроза, и её собственное имя, произнесённое с тревогой. Мир, который она пыталась построить здесь, оказался карточным домиком, и теперь каждый новый день угрожал его обрушить.

– Алиса, поешь, пожалуйста, – голос Ирины прозвучал

устало и как-то механически. – Скоро в школу.

– Не голодна, – коротко бросила Алиса, даже не поднимая глаз. Ей хотелось кричать, топтать ногами, требовать объяснений, но вместо этого внутри всё сжалось в один плотный, болезненный комок.

Отец зашелестел газетой, бросив на неё быстрый взгляд из-под рыжеватых бровей. Взгляд этот был одновременно виноватым и раздражённым – он не знал, как подступиться к дочери, замкнувшейся в себе после того разговора о временности их пребывания здесь.

– Может, сок? – снова попыталась Ирина, но её предложение повисло в воздухе.

Алиса резко отодвинула стул. Скрип ножек по кафельному полу прозвучал неприятно громко.

– Я пойду, – сказала она, и её голос был чужим, плоским.

Она не ждала ответа. Поднялась и, не глядя на родителей, направилась в свою комнату. Каждый шаг по коридору отдавался в висках тяжёлым стуком. Эта квартира, этот дом – всё ещё казались чужим, временным пристанищем, лишённым тепла и памяти. Здесь не пахло её старыми книгами и красками, здесь стены не помнили её смеха. Здесь всё было чистым, новым и бездушным.

Она вошла в комнату, и дверь захлопнулась за её спиной с такой силой, что стены, казалось, вздрогнули.

Резкий, оглушительный хлопок был лишь прелюдией.

За ним последовал сухой, звонкий треск, а затем – грохот

падающего стекла, рассыпающегося на тысячу острых осколков. Звук был настолько неожиданным и громким, что на секунду Алиса оглохла. Она замерла на пороге, не веря своим ушам, и только потом медленно обернулась.

Зеркало в простой деревянной раме, которое висело на внутренней стороне двери ещё с тех пор, как они заселились, теперь лежало на полу. Оно не просто упало – оно взорвалось, рассыпавшись веером блестящих, острых фрагментов. У порога лежала пустая рама, а вокруг неё расходилась пуляющая, сверкающая галактика осколков.

Тишина, наступившая после грохота, была звенящей, плотной, давящей.

Алиса не могла пошевелиться. Её взгляд метнулся по полу, и везде, в каждом отдельном осколке, она видела своё собственное отражение. Десятки, сотни маленьких, искажённых Алис смотрели на неё испуганными, широко раскрытыми глазами. Одна – только глаз и часть лба. Другая – перекошенный рот и прядь рыжих волос. Третья – отражение комнаты вверх ногами. Её лицо, её жизнь, её мир были разбиты, раздроблены, разобраны на кусочки, которые уже невозможно собрать воедино.

Иррациональная, леденящая паника поднялась из самого желудка, сдавила горло. Это было ощущение катастрофы, предзнаменования. Зеркало разбилось. Примета. Самая страшная, самая дурацкая, самая нелепая примета, в которую она никогда не верила, но сейчас, глядя на это море стек-

ла, верила всем своим нутром. Семь лет несчастий. Трещина в удаче. Конец. Её дыхание участилось, стало поверхностным, в ушах зашумело.

«Нет, нет, нет, это просто совпадение, просто старый крепёж, просто я слишком сильно хлопнула», – лихорадочно зашептала она про себя, но голос разума тонул в паническом шепоте страха.

Нужно было что-то делать. Нужно было действовать, двигаться, чтобы заглушить этот нарастающий внутри вой. Алиса бросилась вперёд, на колени, прямо к осколкам. Её руки, дрожащие и неловкие, потянулись к самому крупному куску стекла, всё ещё сохранившему форму.

– Всё нормально, просто уберу, просто всё уберу, и всё будет как было, – бормотала она, но её пальцы скользнули по гладкой, холодной поверхности.

Она попыталась подхватить осколок, но он выскользнул, упал и со звонким щелчком разбился на ещё более мелкие части. Алиса ахнула и инстинктивно потянулась уже к следующему, более мелкому осколку у самого края рамы. Её движения были резкими, порывистыми, лишёнными всякой осторожности.

Острая, как бритва, кромка стекла глубоко и беззвучно вошла в мякоть ладони, чуть ниже большого пальца. Сначала Алиса не почувствовала боли – только внезапное сопротивление, а затем странное, теплое скольжение.

Она отдернула руку и увидела на бледной коже тон-

кую, аккуратную линию, которая на глазах наполнялась тёмно-алой кровью. Секунда – и кровь хлынула обильно, горячими каплями закапав на светлый паркет, смешиваясь с пылью и мельчайшими осколками стекла.

Боль пришла следом – острая, жгучая, заставившая её всхлипнуть.

В этот момент дверь распахнулась.

– Алиса! Что случилось? Я услышала... – Ирина замерла на пороге, её лицо побелело. Взгляд метнулся от дочери, сидящей на полу среди осколков, к кровавой ладони, к красным каплям на полу. – Боже мой! Ты порезалась!

Материнский инстинкт мгновенно перекрыл испуг. Ирина влетела в комнату, осторожно минуя крупные осколки.

– Не двигайся! Сиди! – её голос стал чётким, командным. Она опустилась на корточки рядом, схватила Алису за запястье и приподняла раненую ладонь. – Глубоко. Надо промыть и обработать. Вставай аккуратно.

– Мам, зеркало... – попыталась заговорить Алиса, но голос её дрожал.

– Позже, позже разберёмся с зеркалом, – отрезала Ирина, помогая ей подняться. Её пальцы были твёрдыми и уверенными. – Сейчас главное – твоя рука. Иди в ванную. Быстро. Я за тобой.

Она почти вытолкала Алису из комнаты в коридор, в сторону ванной. Алиса шла, прижимая окровавленную ладонь к груди, чувствуя, как горячая влага проступает сквозь ткань

футболки. Паника отступила, сменившись странной отстранённостью и стыдом. Из-за её дурацкой вспышки гнева разбилось зеркало, она порезалась, заставила маму волноваться.

В ярком свете ванной комната рана выглядела ещё серьезнее – длинный, ровный порез, из которого сочилась кровь. Ирина включила холодную воду.

– Держи, – приказала она, подставив ладонь Алисы под струю.

Холодная вода вызвала новую волну боли, заставив Алису скривить лицо. Она стиснула зубы, глядя, как вода смывает алые потоки, окрашивая раковину в розовый цвет.

– Глубоко, но, кажется, не до сухожилий, – профессиональным тоном констатировала Ирина, наклоняясь для лучшего обзора. В её глазах читалась тревога, но руки не дрожали. – Йод и бинт будут в аптечке. Подержи так.

Пока вода текла, Ирина вышла и почти сразу вернулась с маленькой пластиковой аптечкой. Молча, сосредоточенно, она достала флакон с йодом, ватные диски и стерильный бинт.

– Будет жечь, – предупредила она коротко, пропитывая вату тёмной жидкостью.

Йод действительно жёг невыносимо, как огонь. Алиса втянула воздух со свистом, но не отдернула руку. Она смотрела, как мама ловкими, уверенными движениями обрабатывает рану, затем накладывает сложенный в несколько раз бинт и закрепляет его полосками лейкопластыря.

– Всё, – Ирина выдохнула, откинувшись назад. Её лицо наконец выразило всю накопившуюся усталость и беспокойство. – Теперь иди переодевайся. Руку старайся не мочить сегодня. И, Алиса... – она запнулась, ища слова. – Постарайся быть осторожнее. Со стеклом шутки плохи.

Это было сказано так обыденно, так по-бытовому, что от этого стало ещё worse. Мама видела только разбитое зеркало и порез. Она не видела трещину, которая прошла по всему её миру. Она не видела осколков её уверенности, её спокойствия.

– Я просто... сильно хлопнула дверь, – пробормотала Алиса, глядя на свою перебинтованную ладонь.

– Знаю, знаю, – Ирина вздохнула и провела рукой по лбу. – Напряжённые времена. У всех нервы на пределе. Пойду уберу там, пока ты собираешься. – Она поднялась и на секунду задержалась в дверном проёме, обернувшись. – И, пожалуйста, постарайся не опаздывать. Папа уже уехал, я тебя довезу.

Она вышла, оставив Алису одну в ярко освещённой, слишком чистой ванной. Из-за двери вскоре донёсся осторожный звук подметания – мама собирала осколки её разбитого отражения.

Алиса медленно подошла к зеркалу над раковиной. Её собственное лицо в нём было целым, но казалось чужим – бледным, с тёмными кругами под глазами, с разметавшимися рыжими прядями. Она подняла перебинтованную руку и

прижала её к груди. Под слоями марли пульсировала боль, напоминая о её глупости.

Это был не просто несчастный случай. Это был знак. Зловещая, живая трещина, появившаяся в и так шатком мире, который она пыталась здесь выстроить. В каждом осколке на полу отражался кусочек её страха: страх перед внезапным отъездом, страх перед враждебностью этого городка, страх перед непонятными чувствами к Максиму, страх за родителей, которые что-то скрывают. И теперь все эти страхи рассыпались по полу её комнаты, острые и невозвратимые.

Она глубоко вдохнула, пытаясь унять дрожь в коленях. Школа. Нужно было идти в школу. Надевать маску нормальности, улыбаться Стеше, снова увидеть Максима...

Алиса взглянула на свою руку. Белая повязка выделялась на фоне кожи. Шрам останется как напоминание. Так же, как и осколки зеркала, которые мама сейчас выметет в мусорное ведро, оставят после себя невидимую, но осязаемую трещину в атмосфере дома. Её мир больше не был цельным. Он дал первую, звонкую трещину. И Алиса интуитивно чувствовала – это только начало.

Утро было серым и прохладным, и этот цвет идеально соответствовал состоянию Максима. Он действительно не выспался – тело будто налито свинцом, а за глазами стояла назойливая песчаная усталость. Но спать было невозможно. В голове, как заезженная пластинка, крутилось вчерашнее: ле-

дяной тон отца за столом переговоров, его прищуренные глаза, полные неприязни к фамилии «Лисицын», и собственное растущее беспокойство, которое теперь сидело в груди колючим холодным камнем. Он сел на мотоцикл не столько чтобы развеяться, сколько чтобы сбежать от этой тяжести, от давящей атмосферы дома, где каждый взгляд матери был немой паникой, а каждое слово отца – скрытой угрозой.

Город просыпался медленно. По мокрому асфальту скользили редкие машины, из окон булочной тянуло сладковатым теплом. Максим гнал по пустым улицам, пытаясь заглушить внутренний гул скоростью и рёвом двигателя. Но мысли возвращались к одному: к ней. К её смеху, который звучал так неосторожно громко, к её упрямому взгляду, к тому, как она краснела, когда он подшучивал над ней. И к страшной догадке, которая родилась вчера вечером, и с которой он ещё не знал, что делать. Если отец задумал что-то против Лисицыных... нет, он не мог дойти до такого. Бизнес – это одно. А люди – совсем другое. Максим яростно потрянул головой, как бы отгоняя эти мысли, и свернул к школе.

Он припарковался у пустого крыльца, снял шлем и глубоко вдохнул влажный осенний воздух. Тишина была непривычной. В школе он всегда оказывался в гуще шума, смеха, толкотни. А сейчас здание стояло молчаливое и чуждое, и он чувствовал себя здесь таким же одиноким, как и дома. Прошло минут десять, прежде чем на дороге показалась знакомая машина Аксёновых.

Илья выскочил первым, с привычной широкой ухмылкой, увидев одинокий мотоцикл у входа.

– Ты чо это? – хохотнул он, подходя и хлопая Максима по плечу. – Так нетерпелось нашу рыжую увидеть, что даже первый урок решил не пропускать?

Максим заставил себя улыбнуться в ответ. Играть роль было проще, чем объяснять истинную причину своей ранней явки.

– Конечно, – кивнул он, и голос прозвучал почти естественно.

– Ага, за ней теперь нужен глаз да глаз, – мрачно добавила Стеша, подходя следом, и друзья двинулись в кабинет литературы. В её тоне прозвучала такая неподдельная тревога, что у Максима внутри всё сжалось. Он напрягся, мысленно проклиная себя. Откуда им знать? Они не могли знать.

– О чём ты? – спросил он, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

– Вчера Василенко к ней подходил, – начала блондинка, и Максим почувствовал, как по спине пробежали ледяные мурашки.

Илья тут же нахмурился, его беззаботное выражение сменилось настороженным.

– Что ему надо было? – наконец, недовольно выдавил из себя Максим. Его пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Василенко. Ещё одна проблема, ещё одна угроза. Казалось, весь мир ополчился на эту рыжую девчонку, которая просто

хотела тишины.

– Хотел познакомиться. И предупреждал от тебя подальше держаться, – тихо сказала Стеша, глядя на него большими, полными беспокойства глазами.

– Вот ещё! – всплеснул руками Илья, его голос прозвучал почти яростно. – А ещё чего? Может, и в Москву ей прямо сейчас уехать?! Кретин недоразвитый.

– Макс, я переживаю... Вдруг как с Катей будет... – голос Стеши дрогнул.

Это имя – Катя – висело в воздухе тяжёлым, невысказанным упреком. Старая история, которую все помнили, но о которой никогда не говорили вслух. Максим почувствовал, как по его лицу разливается жар.

– Не будет, – отрезал он жёстко, и в его тоне зазвучала сталь, которой он сам от себя не ожидал. – Тогда я просто поговорил. Но если с Алисой рядом увижу – разбираться не буду. Сразу в морду дам.

Он сказал это так убеждённо, с такой холодной яростью, что Илья и Стеша на секунду замолчали, просто глядя на него, когда он уже сажился за свою парту. В этот момент дверь в класс со скрипом открылась.

Алиса вошла.

Она была бледной, необычайно бледной, будто всю ночь не спала или только что пережила что-то страшное. Её рыжие волосы, обычно такие яркие, казались тусклыми, а глаза смотрели куда-то внутрь себя, не замечая окружающих. Но

Максим заметил сразу – белую, аккуратную повязку на её левой ладони. Сердце у него упало куда-то в пятки, а потом рванулось в горло с такой силой, что перехватило дыхание.

Он не думал. Не планировал. Тело отреагировало само, ещё до того, как мозг успел осознать происходящее. Он подскочил с места, пересёк класс в три больших шага и оказался перед ней, заслонив собой от всех. Его руки, тёплые и чуть дрожащие от адреналина, бережно обхватили её тонкую, перебинтованную кисть.

– Это что? – его голос прозвучал хрипло, сдавленно. – Ты поранилась? Тебе кто-то сделал больно?

Алиса вздрогнула и наконец подняла на него глаза. В её взгляде было не удивление, а какая-то пугающая отстранённость, словно она наблюдала за этой сценой со стороны. Она не вырывалась. Не протестовала. Это было хуже всего. Непривычно.

– Я утром зеркало разбила, – сказала она тихо, почти шёпотом, и её слова прозвучали как оправдание, которое никому не нужно.

Этот тон, эта покорность сводили его с ума. Он не выдержал. Не мог выдержать. Руки его сами обвились вокруг её хрупких плеч, и он притянул её к себе, крепко-крепко, зарываясь лицом в её волосы. Они пахли яблочным шампунем и чем-то ещё, чисто её, знакомым и таким дорогим. Он чувствовал, как она замерла, как её тело на мгновение окаменело от неожиданности.

Вот теперь Алиса удивлённо распахнула глаза, её взгляд метнулся к Стеше и Илье, которые стояли, застыв в полном шоке. Она слабо попыталась отстраниться, лёгкое движение, больше похожее на рефлекс.

– Макс... – прошептала она.

Но он только крепче прижал её в ответ, словно боялся, что если отпустит, она рассыплется, как то самое зеркало. В классе воцарилась абсолютная, оглушительная тишина. Все, кто уже успел зайти, смотрели на них, затаив дыхание.

– Василенко подходил? – спросил Максим, не отпуская её, глядя куда-то поверх её головы на стену. Его голос был низким, напряжённым.

– Подходил, – неуверенно кивнула она, и он почувствовал, как напряжение немного спало с её плеч. – Ты из-за него такой странный? Макс, все смотрят...

– Пусть смотрят, Господи, – цыкнул он, и в этом звуке была вся его накопленная за ночь ярость, страх и беспомощность. – Если снова подойдёт – беги ко мне. Я не шучу. Как только увидишь, что он в твою сторону идёт – сразу ищи меня. Сразу. Даже если я не окажусь рядом.

– Хорошо-хорошо, – она снова зашевелилась, и в её голосе появились знакомые нотки раздражения. Ему даже стало от этого легче – лучше уж раздражение, чем эта мёртвая покорность. – Не ходи только за мной как приклеенный!

Именно в этот момент со стороны двери раздался сухой, отточенный голос.

– Костровский, Лисицына? – Лариса Александровна Галкина, учительница литературы, стояла на пороге, строго сложив руки на груди. Её взгляд скользнул от обнявшейся пары к остальным замершим ученикам. – У вас что здесь за спектакль? Ромео и Джульетту ставите?

По классу прокатился нервный, сдавленный смех. Алиса как ошпаренная отшатнулась от Максима, её лицо залила густая краска смущения. Максим выпрямился, медленно опуская руки. Он встретился взглядом с учительницей, и в его глазах не было ни тени смущения. Никто, кроме него, даже не подозревал, насколько близко к правде звучали слова Ларисы Александровны. Только он надеялся, что их история не закончится так же трагично. Он молился об этом.

Урок начался со скрипом мела по доске и монотонным перечислением тем для сочинения. Воздух в классе всё ещё вибрировал от недавней сцены. Алиса опустилась на своё место рядом со Стешей, стараясь не смотреть ни на кого, особенно на Максима, который устроился через проход с Ильёй. Её щёки пылали, а под повязкой на ладони пульсировала глухая боль – напоминание об утреннем хаосе и о его внезапных, цепких объятиях.

Стеша наклонилась к ней, прикрыв рот учебником.

– Ты как? – прошептала она, её глаза были полны неподдельного беспокойства. – Что это вообще было? Я думала, он тебя сейчас задушит от волнения.

Алиса тихо вздохнула, украдкой бросив взгляд на Макси-

ма. Он сидел, откинувшись на спинку стула, уставившись в окно, но по напряжённой линии его плеч было видно – он не слушает учительницу. Он где-то далеко, в своих мыслях, и эти мысли явно были невесёлыми.

– Не знаю, – так же тихо ответила Алиса. – Зеркало разбилось утром, я порезалась. А он... будто с ума сошёл. Будто я из боя вернулась, а не из дома.

– Он за тебя боится, – твёрдо сказала Стеша. – После вчерашнего с Василенко... да и вообще. Ты видела его глаза? Он реально готов был на всё. Как будто кто-то ему уже угрожал за тебя.

Эти слова отозвались в Алисе неприятным эхом. Она вспомнила подслушанный разговор родителей, имя Костровского, произнесённое с тревогой. Может, её мама была права? Может, эта внезапная паника Максима была не просто ревностью или чрезмерной опекой?

– Он всегда такой... импульсивный, – неуверенно пробормотала она, больше пытаясь убедить себя.

– Нет, – Стеша покачала головой. – С Катей он не был таким. Он был злой, да. Но не... не потерянный. Сегодня он выглядел потерянным, Лис. Как будто боится чего-то конкретного. Ощущение, будто у него дома что-то случилось...

На той стороне прохода в это время вёлся свой, более сдержанный разговор.

– Макс, – Илья толкнул друга локтем в бок, заставив того обернуться. – Чего ты так расклеился? Руку порезала – бы-

вает. Зеркало – тем более. Суеверный что ли стал?

Максим медленно перевёл на него взгляд. В его голубых глазах плескалась такая буря эмоций, что Илья на мгновение отступил. Там была усталость, гнев и что-то ещё, более тёмное – страх.

– Нет, – коротко бросил Максим, снова глядя в окно, где по стёклам стекали дождевые капли. – Просто... дома бардак. Отец после того тендера не в себе. Мать на нервах. А тут ещё она... – он кивком головы едва заметно указал на Алису. – После вчерашней встречи с отцом вообще всё как в тумане. Рад просто её видеть целой и невредимой. Вот и всё.

Он солгал. И солгал плохо, потому что Илья знал его слишком хорошо. Ложь висела в воздухе между ними плотной, неловкой завесой. Илья нахмурился, но не стал давить. Если Макс не хочет говорить – значит, есть причина. И эта причина, судя по всему, была серьёзной.

– Ну, с Василенко разберёмся, – тихо сказал Илья, переходя на более безопасную тему. – Если ещё раз сунется – я сам ему физиономию набью, не то что ты.

Максим лишь кивнул, но его мысли были далеко. Он вспоминал вчерашний вечер: кабинет отца, пахнущий дорогим кожаным креслом и сигарным дымом. Сергей Костровский стоял у окна, спиной к сыну, и его голос, тихий и спокойный, звучал страшнее любого крика. «Надо прощупать почву, Максим. Узнать слабые места. У каждого они есть. Особенно когда дело касается семьи». Он тогда не понял, о чём

речь. Считал, что это просто бизнес-риторика. Но теперь, глядя на бледное лицо Алисы и белую повязку на её руке, эти слова обретали новый, ужасающий смысл.

Лариса Александровна диктовала тему сочинения: «Конфликт поколений в русской литературе». Ирония ситуации была настолько горькой, что Максим едва сдержал короткий, беззвучный смешок. Конфликт поколений. Да, он был прямо здесь, в этой комнате, в его собственной голове. Он был в пропасти между долгом перед семьёй, фамилию которой он носил, и диким, всепоглощающим желанием защитить девушку, которая даже не знала, от какой опасности он её пытался укрыть в своих объятиях.

Алиса, в свою очередь, пыталась сосредоточиться на строчках в тетради, но буквы расплывались перед глазами. Её ладонь ныла, а в ушах стоял шум – смех одноклассников, голос учительницы, её собственное учащённое сердцебиение. И память о его объятиях. Они были не такими, как всегда – не дерзкими, не весёлыми, не чуть-чуть насмешливыми. Они были отчаянными. Будто он тонул и хватался за неё как за последнюю соломинку. От этого становилось и страшно, и тепло одновременно.

«Что с тобой, Максим?» – мысленно спросила она, украдкой глядя на его профиль. Он был прекрасен в своём мрачном сосредоточении, но в этом была какая-то надломленность, которую она раньше в нём не замечала.

Разбитое зеркало. Семь лет несчастий. Примета.

Может, это не к ней? Может, эта трещина прошла по чему-то другому? По его спокойствию, по его уверенной улыбке?

Урок тянулся мучительно долго. Дождь за окном усиливался, стуча по стеклу, как будто пытаюсь достучаться до них, что-то сказать. Максим так и не открыл учебник. Он сидел, сжав кулаки на коленях, и смотрел в окно, но видел не дождь, а холодные глаза отца и испуганное лицо Алисы. Он дал себе слово. Каким бы ни был план Сергея Костровского, он не позволит ему коснуться её. Даже если для этого придётся встать против собственной семьи. Даже если для этого придётся стать тем, кого все назовут предателем.

А мир за стенами класса, серый и мокрый, жил своей жизнью, не подозревая, что в этой обычной школьной комнате только что была объявлена тихая, невидимая война. И первая битва в ней – битва за доверие, за право знать правду – уже началась. Она шла в шёпоте подружек, в молчаливом обмене взглядами друзей и в гулком, одиноком стуке сердца, которое уже выбрало свою сторону.

Три урока пролетели незаметно. Алгебра прошла в тишине, ребята даже не разговаривали друг с другом на перемене, будто решив отдохнуть от слов. На физкультуре Алиса сидела на скамейке из-за руки, пока все остальные выполняли упражнения. Казалось, Костровский хотел выместить всё, что у него внутри, потому что в баскетбол он сегодня играл жёстко и дерзко. И даже дошло до драки, где они с Матро-

совым пару раз друг другу дали в морду.

Перемена после урока физкультуры всегда была шумной и оживлённой – коридоры наполнялись гомоном голосов, смехом, топотом ног по старому паркету. Алиса, всё ещё чувствуя лёгкую дрожь в руке, медленно шла к своему шкафчику на втором этаже, пока ребята переодевались в раздевалках. В ушах звенели крики одноклассников, а в памяти всплывало ощущение сильной руки Максима на талии. Она пыталась отогнать эти мысли, сосредоточившись на том, чтобы достать учебники на следующий урок, но внутри что-то теплое и тревожное пульсировало, как солнечный зайчик на воде.

Она стояла у своего шкафчика, роясь в сумке, когда почувствовала на себе чей-то настойчивый взгляд. Обернувшись, она увидела подходящего к ней парня. Василенко.

– Лисицына, привет, – начал он, подойдя так близко, что она почувствовала запах его одеколona. – Одна тут стоишь? Костровский тебя уже бросил после своего геройского подвига на физре?

– Я не с ним, – сухо ответила Алиса, захлопывая дверцу шкафчика. Она попыталась обойти его, но Артём ловко перегородил дорогу, уперев руку в стену рядом с её головой.

– Куда так спешишь? Поболтаем немного. Ты же новенькая, тебе тут всё незнакомо. Могу показать, как у нас тут всё устроено. Например, кто с кем дружит, а кто кого терпеть не может. – Он склонился ближе, и его голос стал нарочито

сладким. – Или, может, хочешь узнать, как быстро завоевать популярность? У меня есть пара советов.

Алиса сжала сумку в руках, чувствуя, как раздражение подкатывает к горлу. Она ненавидела такие игры.

– Мне не нужны твои советы, спасибо. Пропусти, пожалуйста.

– Ой, какая неприступная, – засмеялся Артём, но в его смехе не было веселья. – Я же с добрыми намерениями. Вижу, ты тут одна, без компании. Стешка Аксёнова – это, конечно, хорошо, но она сама как мышь пока не раскритичится. А вот с такими, как я, тебя бы все заметили. И боялись бы.

– Меня и так все замечают, – сквозь зубы произнесла Алиса, пытаясь проскользнуть под его рукой. Но он снова преградил путь. – Отойди, Василенко.

– Не груби, рыжая, – его тон внезапно сменился на снисходительно-угрожающий. – Я же по-хорошему. Чё ты как целка? – Он скривился, разочарованно осматривая её с ног до головы. – С Костром и Аксёновым ты более разговорчивая, я видел. С ними можешь, а со мной нет? Это что, из-за денег твоего папочки? Думаешь, ты выше всех? Если у их семей столько же бабла, сколько и у вас, то остальные на касту ниже?

Алиса почувствовала, как кровь приливает к лицу. Она сжала кулаки, но старалась держаться спокойно.

– Это не имеет никакого отношения к деньгам. Я просто не хочу с тобой разговаривать. Иди своей дорогой.

– Ой, как резко, – он притворно вздохнул, но глаза его блестели азартом. – Слушай, ты же не дурочка. Давай на чистоту. Ты здесь новенькая, и у тебя уже есть враги – Ветровы, например. Их дочь, Катька, тебя на дух не переносит. А я могу быть полезен. Мы можем создать видимость, что мы... типа, вместе. – Он сделал паузу, изучая её реакцию. – Ну, погуляй ты со мной, сделай вид, что у нас шуры-муры. За ручку со мной походи, поцелуемся с тобой немного. Мне имиджа добавит – все увидят, что я с дочкой Лисицыных. А тебе пацаны больше потянутся, перестанут считать заносчивой. Ну, что ты как маленькая? А если понравится, и дальше зайти можем...

Его слова повисли в воздухе, густые и липкие, как патока. Алиса смотрела на него с таким отвращением, что его самого передернуло.

– Ты серьёзно? – её голос дрогнул от возмущения. – Ты предлагаешь мне фиктивные отношения, чтобы поднять свой статус? И ты думаешь, я на это соглашусь?

– А почему нет? – Артём пожал плечами, его ухмылка стала ещё шире. – Всем будет выгода. Ты защиту получишь, я – вес в школе. А то, знаешь, с твоей фамилией тут могут быть проблемы. Сплетни – страшная сила. Одно слово, и про тебя можно такие слухи пустить, что мало не покажется. Или даже устроить общий буллинг. Ты же не хочешь, чтобы тебя травили? Так что подумай. Это деловое предложение.

Он протянул руку, собираясь положить её на девичью та-

лию. Алиса дёрнулась назад, морща нос от отвращения.

– Отойди, – предупреждающе прошипела она, и в её голосе впервые прозвучала настоящая злость. – По-хорошему предупреждаю. В последний раз.

– Пхаха! – Артём прыснул. Он так противно заржал, что несколько проходящих мимо учеников обернулись. Склонившись от смеха, он приблизился к её шее, будто хотел что-то прошептать на ухо. – Ой, испугала! А что ты сделаешь, рыжая? Позовёшь своего Костровского? Да он тебе не муж, чтобы всегда быть рядом. И, между прочим, я слышал, он на тебя даже спор заключил. Так что небось тоже использует для своих целей. А я для имиджа как раз подойду тебе.

Это было последней каплей. Алиса уже открыла рот, чтобы крикнуть, но в этот момент чья-то сильная рука резко схватила Артёма за плечо и развернула его в обратную сторону.

Максим появился словно из-под земли. Его лицо было бледным от ярости, голубые глаза горели холодным огнём. Он, видимо, шёл по коридору с Ильёй, когда увидел эту сцену. Илья остался немного поодаль, скрестив руки на груди, с мрачным удовлетворением наблюдая за происходящим.

Не дожидаясь ответной реакции, Максим, замахнувшись, нанёс точный удар в нос Артёму. Хруст был негромким, но отчётливым. Василенко ахнул и практически моментально осел на пол, зажимая лицо руками. Кровь тут же показалась между его пальцами.

– А ещё тебе чего для имиджа сделать? – прозвучал низкий, опасный голос Максима. Он стоял над согнувшимся парнем, его плечи были напряжены, а кулаки сжаты. – Хочешь, пару зубов выбью, чтоб неповадно было? Или, может, рёбра? Чтобы запомнил надолго?

Коридор замер. Разговоры стихли, все смотрели на эту сцену. Алиса, отступив на шаг, прижала сумку к груди, чувствуя, как сердце бешено колотится. Она видела, как Максим защищал её на физкультуре, но это было иное – яростное, беспощадное.

– Мудила, – прошипел Артём, пытаюсь подняться. Кровь стекала ему на школьную рубашку, оставляя яркие алые пятна. – Ты что, совсем охренел?

– Я смотрю, ты непонятливый? – Максим сделал шаг вперёд, и его тень накрыла Василенко. – К Алисе моей не лезь, понял? Или тебе в прошлый раз недостаточно чётко объяснили, что девчонок обижать нельзя?

– Пряма таки твоей? – набравшись смелости, Артём, пошатываясь, встал. Он был ниже Максима и уже выглядел менее уверенно. – Никто не говорил, что вы официально встречаетесь. Так что подкатывать никто не запрещал. И вообще, ты кто такой, чтобы указывать?

Максим резко дёрнул Алису за руку, завёл её за свою спину, будто защищал её от возможной угрозы.

– Отойди, Лисёныш, – кинул он через плечо, и его голос звучал твёрдо, почти по-командирски. Алиса послушно сде-

лала несколько шагов назад, упираясь спиной в шкафчики. Она не могла оторвать глаз от его широкой спины, от того, как напряжены мышцы под футболкой.

Затем Максим сделал шаг к Артёму и понизил голос до опасного шёпота, так, чтобы слышали только они двое, но Алиса, стоя близко, уловила обрывки.

– А я вам всем сказал, чтобы не лезли к ней, что непонятного? – слова сыпались как град. – Она не игрушка для поднятия твоего говняного имиджа. И если я ещё раз увижу тебя рядом с ней, или услышу, что ты о ней словом обидным обмолвился, то в следующий раз просто так не отделаешься. Ясно?

– Ты угрожаешь? – попытался огрызнуться Василенко, но голос его дрожал.

– Нет, я констатирую факт, – холодно ответил Максим.

Артём молчал, вытирая кровь с лица. Он понимал, что проиграл, и физически, и морально. Вокруг уже собралась небольшая толпа – одни смотрели с осуждением, другие с интересом, третьи перешёпывались, кивая в сторону Алисы и Максима.

– Всё, шоу окончено, – раздался голос Ильи, который подошёл и похлопал Максима по плечу. – Разойдись, народ, нечего тут глазеть. Иди, Вася, в медпункт, а то истечёшь кровью как петух под топором.

Артём, бросив последний злобный взгляд, пошатываясь, пошёл в сторону туалета, прижимая к лицу рукав. Толпа

медленно начала расходиться, но взгляды ещё долго сопровождали Максима и Алису.

Максим обернулся к ней. Его лицо постепенно теряло суровость, ярость в глазах сменилась на озабоченность.

– Ты в порядке? – спросил он, и его голос снова стал таким, к какому она начала привыкать – тёплым, с лёгкой хрипотцой. – Он тебя не успел обидеть?

Алиса покачала головой. Она смотрела на него, и внутри бушевали противоречивые чувства. Стыд, что из-за неё произошла драка. Благодарность, что он вмешался. И что-то ещё – смутное, тёплое, что таяло на месте прежнего раздражения.

– Нет, спасибо, – тихо сказала она. – Я... я сама бы справилась, но... спасибо, что подоспел.

– Да брось, – Максим махнул рукой, но уголки его губ дрогнули в лёгкой улыбке. – Таких, как он, надо сразу ставить на место. А то раздуются, как индюки. Идём, урок скоро начнётся.

Он взял её за руку, мягко, но уверенно, будто делал это уже сотню раз, и повёл в сторону класса. Его прикосновение было твёрдым и тёплым, и Алиса не стала сопротивляться.

– Ты же понимаешь, что теперь весь школьный народ будет думать, что мы встречаемся? – вдруг сказала она, глядя на него искоса.

Максим усмехнулся.

– А что, плохо? Пусть думают. Может, тогда такие, как

Василенко, отстанут. Или... – он на секунду замолчал, – Или тебя это смущает?

Алиса задумалась. Раньше мысль о том, что её связывают с Максимом, вызывала бы раздражение. Но сейчас... Сейчас она смотрела на его профиль, на упрямый подбородок, на синяк, начинающий проступать на скуле от драки на физре, и понимала, что это не так уж и плохо. Он был дерзким, самоуверенным, но в его поступках была какая-то честность, прямолинейность, которая сейчас казалась скорее защитой, чем показной бравадой.

– Не смущает, – наконец, ответила она, и сама удивилась своим словам. – Просто... не хочу, чтобы ты из-за меня постоянно в драки лез.

– Я не из-за тебя, – поправил он, открывая дверь в класс. – Я из-за того, что некоторые не знают границ. И, если что, всегда зови. Я обязательно приду. Поверь.

Он посмотрел ей прямо в глаза, и в его взгляде не было ни тени лукавства. Алиса кивнула.

– Верю.

Они вошли в класс. Разговоры на секунду стихли, десятки глаз уставились на них – на Максима с его разбитыми костяшками пальцев, на Алису, которая шла рядом, слегка прижимаясь к нему. Потом гул голосов возобновился, но уже с другим оттенком – с интересом, с любопытством, с понимающими ухмылками.

Стеша, сидевшая за своей партой, подняла на них взгляд и

широко улыбнулась, подмигнув Алисе. Илья, уже занявший своё место, сделал вид, что падает в обморок, приложив руку ко лбу.

– О, боги, это оно! – прошептал он так громко, что слышала половина класса. – Холодная война окончена. Наступает эпоха великой любви и совместных походов в столовую! Я чувствую, как воздух наполняется ароматом роз и... ой, нет, это вонь от кроссовок Петрова.

Класс рассмеялся. Алиса почувствовала, как краска заливает её щёки, но она тоже улыбнулась. Она села на своё место, а Максим прошёл к своему. Их взгляды встретились ещё раз, и в этот раз Алиса не отвела глаза первой.

Учитель вошёл в класс, начался урок. Но Алиса с трудом могла сосредоточиться. В ушах ещё звенели слова Артёма, но они уже теряли свою ядовитость, растворяясь в тёплом чувстве безопасности, которое оставил после себя Максим. Она украдкой посмотрела на него. Он сидел, откинувшись на стуле, что-то чертя в тетради, и казался таким же самоуверенным, как всегда. Но теперь она видела за этой уверенностью что-то ещё – упрямую честность, готовность защищать тех, кто ему небезразличен.

Возможно, Стеша была права. Возможно, под этой хулиганской маской скрывался настоящий романтик. И, возможно, её раздражение было лишь ширмой для чего-то другого – для интереса, для зарождающегося чувства, которое теперь, после сегодняшних событий, начало пробиваться сквозь лёд

недоверия, как первый росток сквозь асфальт.

Глава 11

Последний звонок прозвенел, разрезая школьную тишину, и коридоры мгновенно наполнились грохотом захлопывающихся шкафчиков, смехом и топотом. Алиса медленно складывала учебники в сумку, чувствуя, как тяжесть дня оседает на плечах. Её рука под повязкой слегка ныла, напоминая об утреннем разбитом зеркале и о всей той странной, натянутой тишине, что царила внутри с тех пор. Когда она вышла в холл, где пахло старым деревом и пылью, он уже ждал.

– Тебя сегодня забирают? – спросил Максим, пристроившись рядом так естественно, будто так и было заведено. Он стоял, слегка прислонившись к стене, и в его позе читалась привычная расслабленность, но взгляд, скользнувший по её лицу, был пристальным, изучающим.

– Нет, сама пойду, – ответила Алиса, поправляя ремень сумки на плече. Голос прозвучал ровнее, чем она ожидала.

– Я провожу.

– А мы, насрано? – возмущённо встрял Илья, вынырнув из толпы со Стеней на буксире. – Мы что, воздух? Или ты меня поматросил и бросил, теперь всё внимание Алиске?

Но Стеша, не теряя дежурной улыбки, тут же схватила брата за руку выше локтя и прошипела сквозь зубы:

– Илья, нам СРОЧНО нужно домой. Папа звонил, пом-

нишь? Срочное дело.

Она с силой потянула его за собой, подмигнув Алисе на прощание. Илья, бормоча что-то недовольное про «предательство ради любви», позволил увести себя. Вокруг ещё стояли одноклассники, некоторые украдкой поглядывали на парочку у стены, и Алиса почувствовала знакомый привкус неловкости.

Они вышли на улицу. Осеннее солнце, уже низкое, заливало асфальт жидким золотом и рисовало длинные тени от голых деревьев. Воздух был прохладным, прозрачным. Городок в такие часы казался не враждебным лабиринтом сплетен, а просто местом – с покосившимися заборами и рекламной местного магазинчика на столбе. Алиса направилась по знакомой дороге, и Максим зашагал рядом, не спрашивая направления. Первые несколько минут они шли молча.

Алиса наблюдала за ним краем глаза. Он шёл, засунув руки в карманы джинсов, взгляд устремлён куда-то вперёд. Синяк на его скуле стал отчётливее, багрово-синим пятном, а костяшки пальцев правой руки были содраны. Она чувствовала неловкую смесь вины и признательности, которая клубилась у неё в груди. Ей хотелось что-то сказать, но слова застревали в горле, запутанные и неловкие. Вместо этого она слушала звук их шагов – её лёгких, его более тяжёлых и размеренных.

– Я, наверное, сегодня выглядел полным придурком, – наконец произнёс Максим, не глядя на неё. Его голос был ти-

хим, без привычной дерзости. – С этой дракой. И с тем, как я вцепился в тебя утром. Ты, наверное, думаешь, что я психованный хулиган, который только и умеет, что кулаками махать.

Алиса взглянула на него, удивлённая этим внезапным признанием. Он смотрел прямо перед собой, и в его профиле читалось странное для него напряжение – будто он ждал приговора.

– Я не думаю, что ты псих, – сказала она осторожно, подбирая слова. – И не думаю, что ты просто машешь кулаками. Ты... вмешался, когда было нужно. Василенко перешёл все границы.

– Но я же мог просто оттащить его, а не бить по лицу, – он на мгновение сжал губы. – Просто иногда, когда я вижу такое... Меня переклинивает. Особенно когда это касается тебя. И потом я думаю: вот, опять наделал делов, опять дикарь. А ты и так считаешь меня наглым идиотом с первого же дня.

Он произнёс это с такой искренней досадой, что Алисе вдруг стало его жалко. И ещё – тронуло. Видеть его таким уязвимым было непривычно.

– Макс, – тихо сказала она, и он наконец повернул к ней голову. – Я не считаю тебя идиотом. Наглым – да, иногда. Но не идиотом. И уж точно не дикарём. Сегодня ты защитил меня. Спасибо.

Он молча кивнул, и его плечи, казалось, немного расслабились. Они свернули на более тихую улицу, ведущую к но-

вому жилому комплексу, где жили Лисицыны. Дорога шла вдоль старого забора, обвитого высохшим хмелем.

– Знаешь, что я думаю? – снова заговорила Алиса, глядя на жёлтые листья под ногами. – Что не стоит так бояться того, что ты чувствуешь. Или того, как ты это проявляешь. Да, драться – не лучший метод. Но... твои намерения были правильными.

– А что насчёт других чувств? – спросил он, и в его голосе появился лёгкий, едва уловимый вызов. – Их тоже не стоит бояться?

Она почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Она понимала, о чём он. О том напряжении, что висело между ними с того дня после физры. О его внезапных поступках, о её собственном смятении.

– Наверное, нет, – сказала она, осторожно, как по тонкому льду. – Но иногда они пугают. Потому что... потому что потом может быть больно.

– Год – это ещё очень долго, Лисёныш, – мягко, но настойчиво произнёс Максим. Он всё ещё не смотрел на неё, а вглядывался в даль улицы. – Целая куча дней. Всё может миллион раз измениться. Можно столько всего успеть.

Он не сказал «я тебя люблю» или «давай встречаться». Он просто оставил эти слова висеть в воздухе, как обещание возможности. Алиса почувствовала, как что-то сжимается у неё в груди – не страх, а скорее трепетное ожидание. Она промолчала, и тишина снова стала комфортной, уже не

неловкой.

– А твои родители? – спросил он через некоторое время, меняя тему, будто давая ей передышку. – Они не будут против, что я провожаю их дочь?

Алиса усмехнулась, но в усмешке не было веселья.

– Сомневаюсь, что они сейчас вообще обо мне думают. Они заняты заводом, переездом, своими проблемами. А я... я до сих пор злюсь на них. За то, что притащили меня сюда, не спросив. Это ладно. В Москве меня ничего крепко не держало. Больше злюсь за то, что поставили перед фактом, что мы здесь всего на год. Как будто моя жизнь – это просто приложение к их бизнес-планам.

Слова вырвались сами, горькие и наболевшие. Она не планировала говорить это вслух, особенно ему. Но почему-то сейчас, под этим бледным осенним солнцем, с ним рядом, это казалось возможным.

Максим внимательно слушал, не перебивая. Потом вздохнул.

– Мои родители... наглядное пособие - как не надо. Они тоже живут в своём мире. Точнее, отец живёт в мире сделок и побед. А мама – в мире попыток сохранить остатки семьи. – Он говорил медленно, с необычной для него серьёзностью. – Отец... он раньше был другим. Мама рассказывала. А потом бизнес, деньги, желание быть первым. Он стал жёстким. Холодным. Он может быть жестоким, даже не замечая этого. И я... – Максим замолчал, и Алиса увидела, как он сжал ку-

лаки в карманах. – Я иногда боюсь, что стану таким же. Что это где-то во мне сидит, эта... холодная целеустремлённость, которая затмевает всё остальное. Что я могу кого-то ранить и даже не понять этого.

Его признание оглушило её своей откровенностью. Она видела его самоуверенным, дерзким, даже агрессивным. Но этот страх, этот глубокий, почти детский ужас повторить судьбу отца – она не ожидала этого. Она остановилась, заставив его остановиться тоже, и посмотрела ему прямо в глаза.

– Максим, – сказала она твёрдо. – Я не знаю твоего отца. Я только слышала разговоры своих родителей о нём. Но я знаю тебя. Ты можешь быть вспыльчивым, ты можешь лезть в драку, ты можешь говорить глупости. Но ты не холодный. Это видно. Ты переживаешь за маму, ты защищаешь друзей, ты... – она запнулась, покраснев, – Ты даже за мной, чужой, увязался, чтобы провести, потому что переживаешь после истории с Василенко. Холодные люди так не поступают. Ты не станешь, как он. Потому что ты уже другой.

Он смотрел на неё широко раскрытыми глазами, и в них мелькнуло что-то похожее на изумление, а потом – на глубокую, бездонную благодарность. Он медленно вынул руки из карманов и слегка разжал пальцы.

– Спасибо, – прошептал он. – Правда. И ты, вообще-то, не чужая... поэтому прекрати себя так называть. Мы от этого не отдалимся, если у тебя такой план.

Потом он снова вздохнул, и его лицо приняло более обыч-

ное выражение.

– А твои... они, по-моему, хорошие. Родители. Мама твоя, я уверен, очень заботливая и добрая. А папа, хоть и бизнесмен, но по тому, как он на тебя смотрел, когда забирал из школы, было видно, что ты для него важнее любого завода. Они просто тоже бояться. Ты почти выросла, скоро университет, взрослая жизнь. А им просто хотелось побыть с тобой ещё хотя бы немного. Родители такими и должны быть – переживать, что ребёнок пострадает, стараться быть рядом, любит и поддерживать. Они сами живут эту жизнь впервые, поэтому им тоже страшно. И они делают всё возможное, чтобы оградить ребёнка от чего бы то ни было, и совершают ошибки. Вы с ними поссорились из-за этого года?

Алиса кивнула, и горечь внутри снова пошевелинулась, но теперь она была смешана с новой мыслью.

– Да. Я на них накричала. Сказала, что они разрушили мою жизнь. А потом подслушала их разговор... они переживали за меня. Мама боялась, что мне здесь будет плохо. А папа... он сказал, что переезд пойдёт мне на пользу. – Она замолчала, осознавая впервые, что за их решениями, какими бы эгоистичными они ни казались, тоже стоял страх и желание уберечь её. – Они, наверное, просто старались как лучше.

– Все родители стараются как лучше, – сказал Максим с лёгкой, грустной усмешкой. – Просто иногда у них криво получается. Но если они переживают... Может, стоит дать им

шанс? Поговорить? Не как с врагами, а как... ну, как с родителями.

Они уже подошли к новому жилому комплексу – несколько современных кирпичных домов с большими окнами, выделявшихся на фоне старой городской застройки. Алиса посмотрела на подъезд, потом на Максима.

– Ты, наверное, прав, – тихо согласилась она. Внутри что-то щёлкнуло, будто освободилось. Злость ещё была там, но теперь она была направлена не на родителей, а на ситуацию. И появилась слабая, но твёрдая решимость эту ситуацию исправить. Хотя бы попытаться.

Они остановились у крыльца. Дневной свет уже начинал сереть, наливаясь вечерней синевой.

– Ну, вот и пришли, – сказал Максим, закидывая сумку на плечо. – Третий этаж, да?

– Да, – кивнула Алиса. Неловкость вернулась, но теперь она была другого рода – нежная, щекотливая. – Спасибо, что проводил.

– Не за что. Всегда пожалуйста. – Он улыбнулся, и это была не та его наглая ухмылка, а что-то мягкое, почти застенчивое. – Завтра в школе увидимся. И... Алиса?

– Да?

– Если что... если Василенко, или кто ещё, или просто страшно – звони. В любое время. Обещаешь?

Она посмотрела в его серьёзные голубые глаза и кивнула.

– Обещаю.

Он ещё секунду постоял, будто что-то обдумывая, потом махнул рукой и развернулся, зашагав обратно по улице. Алиса смотрела ему вслед, пока его фигура не скрылась за поворотом. Потом вздохнула и потянула на себя тяжёлую стеклянную дверь подъезда.

Алиса остановилась в прихожей, слушая. И вдруг осознала, что злость, которая кипела в ней ещё утром, почти угасла. Осталась лишь глубокая, ноющая усталость и... понимание. Не полное, нет. Но семья. И она поняла как она скучала по ним.

Алиса сделала глубокий вдох, ощущая под ногами мягкий коврик прихожей, который казался сейчас единственным твёрдым островком в море её собственных противоречивых чувств. Звук приглушённого разговора из гостиной на мгновение заставил её замереть; она узнавала интонации – усталую, но мягкую мамину и более низкий, деловой тон отца. Но в них не было сегодня утренней раздражённой перепалки, только усталое обсуждение. Она сбросила сумку на табурет, и скрип кожи прозвучал невероятно громко в тишине квартиры.

Она прошла в гостиную.

Родители, сидевшие за большим столом, заваленным бумагами и ноутбуком, замолчали, повернув к ней головы. Ирина, в своих домашних мягких штанах и просторной футболке, выглядела уставшей, но её глаза, встретившись с взглядом дочери, мгновенно наполнились беспокойством и

какой-то робкой надеждой. Она медленно поднялась на ноги, словно боясь спугнуть момент. Егор отодвинул стул, но остался сидеть, его взгляд был внимательным, но не суровым.

Алиса не стала ждать. Сделав несколько быстрых, почти бегущих шагов по мягкому ковру, она влетела в мамины объятия. Запах знакомых духов, ванильный и тёплый, смешался с запахом свежей выпечки из кухни – мама, видимо, пекла пирог, пытаясь занять руки, когда голова была полна забот. Сначала она просто стояла, прижавшись лбом к маминому плечу, молча, пока нежные, знакомые с детства руки гладили её по голове, распутывая пряди рыжих волос, потом по спине, успокаивающими кругами.

– Лисёночек, – прошептала мама, и в её голосе дрогнуло.

Егор поднялся со своего места и подошёл, обняв обеих большими, тёплыми ладонями. В этом объятии была глубокая, немудрёная нежность и облегчение. Алиса чувствовала, как комок в горле, копившийся весь день, начинает таять, оставляя после себя не пустоту, а что-то влажное и щемящее.

– Простите меня, – наконец, выдохнула она, и слова прозвучали сдавленно, будто её душили. – Я... я накричала. Сказала ужасные вещи.

– Это ты нас прости, дочка, – вздохнула мама, отстраняясь ровно настолько, чтобы посмотреть Алисе в лицо. Её пальцы мягко смахнули слезинку, выкатившуюся из угла глаза Алисы. – Мы так глупо всё устроили. Просто свалили на тебя как

снег на голову.

– Садись, солнышко, – тихо сказал Егор, указывая на свободный стул рядом. Его голос, обычно такой уверенный на совещаниях, сейчас был непривычно мягким. – Давай поговорим.

Алиса кивнула, опустившись на стул. Она смотрела на разбросанные бумаги – чертежи, сметы, графики – и понимала, что это и есть тот самый завод, тот самый новый мир, который ворвался в её жизнь. Но сейчас эти бумаги казались не врагами, а просто частью фона, частью жизни её родителей, которой она до конца не знала.

– Мне было страшно, – начала она, глядя на свои руки, сжатые на коленях. – И я злилась. Казалось, вы забрали у меня всё, что я планировала. Что я вообще что-то планировала... В Москве-то особо не строила. Но здесь... вы сказали «всего на год», и это как будто поставило крест на всём. Зачем знакомиться, зачем сближаться, зачем... – она запнулась, подбирая слова.

– Зачем влюбляться? – осторожно закончила за неё мама, и в её глазах мелькнуло понимание.

Алиса покраснела, но кивнула. Она не смотрела на них, а уставилась в узор на скатерти.

– Да. В школе... там есть ребята. Стеша, Илья. Они стали по-настоящему друзьями. И Максим... – его имя вырвалось почти шёпотом. Она чувствовала, как жар разливается по щекам. – Он... он не такой, как я думала сначала. Он про-

водил меня сегодня. Мы разговаривали. И я... я боюсь. Боюсь позволить себе что-то чувствовать. Потому что потом, через год, когда мы уедем... будет очень больно. Будет как отрывать что-то от себя. И зачем тогда начинать? Легче сразу держать дистанцию, быть вежливой, но чужой.

Она подняла глаза и увидела, как родители переглянулись. Не с осуждением, а с той самой взрослой, грустной мудростью, которую она порой замечала у них, но никогда не понимала до конца.

– Аличка, – начал Егор, облокотившись на стол. – Ты знаешь, мы с мамой познакомились на первом курсе. И я через полгода должен был уехать на стажировку в Германию на два года. Мы тоже думали: зачем начинать, если потом разлука, если всё может развалиться? – Он улыбнулся, и в этой улыбке было что-то далёкое, но тёплое. – Но мы начали. Потому что чувства – они не спрашивают, удобно это или нет. Они просто есть. Да, было тяжело. Письма, редкие звонки, тоска. Но эти два года только доказали нам, что мы нужны друг другу. А если бы мы испугались тогда... не было бы ни нас, как семьи, ни тебя.

– Жизнь – она нелинейная, дочка, – добавила мама, беря её руку в свои. Её пальцы были тёплыми и слегка шершавыми от работы по дому. – Никто не гарантирует, что через год всё будет так, как мы планируем сейчас. Этот завод... да, проект важный. Но это всего лишь проект. А ты – наша дочь. Твоё счастье, твои переживания – это не приложение к нему.

Мы в своих заботах, в этой суете с переездом, запуском... мы упустили тебя из виду. И за это нам должно быть стыдно. Прости нас, правда.

Алиса слушала, и слова родителей падали, как капли дождя на сухую землю её обиды. Они не отрицали её боль, не говорили «ерунда, само пройдет». Они признавали свою ошибку. И это было важнее любых оправданий.

– Но как не бояться? – спросила она, и в голосе её прозвучала та самая детская уязвимость, которую она так тщательно прятала за сарказмом и дерзостью в школе. – Как не бояться, что станет больно?

– А кто сказал, что бояться нельзя? – мягко возразил Егор. – Бояться – это нормально. Это значит, что тебе не всё равно. Но нельзя позволять страху диктовать тебе правила. Если ты будешь всего бояться – не сделаешь ни одного шага вперёд. Ты же смелая у нас. Вон, за друзей заступаешься, с хулиганами не церемонишься, как мы слышали. – В его глазах мелькнула искорка гордости. – Так вот и здесь. Если эти ребята тебе дороги, если этот мальчик... Максим, если он тебе нравится – дай себе шанс. Год – это целая вечность в восемнадцать лет. Всё может измениться. А даже если нет... даже если потом будет больно – у тебя есть мы. Мы всегда будем рядом, чтобы обнять, выслушать, поддержать. Пока мы все вместе – всё решаемо. Любые проблемы, любые разлуки, любые сердечные раны. Главное – не закрываться. Не строить стены, потому что за ними очень одиноко.

Мама обняла её за плечи, прижав к себе.

– И потом, – добавила она уже почти шёпотом, – Боль от потери или разлуки – она ведь тоже часть жизни. Она говорит о том, что у тебя было что-то настоящее, что-то ценное. Лучше пережить эту боль, чем потом жалеть об упущенных возможностях, о несказанных словах, о неиспытанных чувствах. Поверь мне, сожаления – они гораздо горше.

Алиса сидела, впитывая их слова. Страх внутри ещё не исчез полностью – он был слишком глубоко укоренён. Но сверху на него уже ложился тёплый, целительный слой понимания и поддержки. Она не одна. У неё есть тыл.

– Спасибо, – прошептала она, и на этот раз в глазах у неё стояли не слезы обиды, а слёзы облегчения. – Я... я попробую.

– И друзей своих цени, – сказал Егор, вставая и потягиваясь. – В жизни мало настоящих людей. Если они у тебя появились – держись за них. А теперь... – он посмотрел на часы, потом на Алису с внезапной озорной искрой в глазах, так непохожей на его обычный деловой вид, – Я чувствую, что нам с тобой критически не хватает мороженого. Что скажешь? Пойдём раздобудем? На площади, кажется, киоск ещё работает.

Алиса удивлённо подняла брови, потом невольно улыбнулась. Это было так по-детски, так неожиданно – папа, предлагающий мороженое вечером осенью. Но в этом жесте было столько искреннего желания всё исправить, сделать при-

ятное, что она не могла отказать.

– Пломбир? – спросила она, и в её голосе снова зазвучали лёгкие, почти забытые за день нотки.

– Два пломбира, – твёрдо подтвердил Егор, уже проходя в прихожую. – Мама, ты что? Ванильное?

– Вы с ума сошли, есть мороженое в такую сырость! – попыталась возмутиться Ирина, но в углах её губ уже дрожала улыбка. – Ладно, ладно. Только не эскимо, пожалуйста, шоколадное.

Алиса вскочила со стула, ощущая прилив странной, лёгкой энергии. Она накинула лёгкую куртку, а отец уже ждал её у двери.

– Быстренько, а то закроются, – сказал он, открывая дверь.

Алиса оглянулась на маму, которая стояла в дверном проёме гостиной, опёршись на косяк, и смотрела на них с тихой, счастливой усталостью.

– Мы скоро, – крикнула Алиса.

Они вышли на лестничную площадку, и тяжёлая дверь закрылась за ними, оставляя в квартире запах пирога и тихое, мирное тепло примирения. В лифте, мягко погружающемся вниз, Алиса стояла рядом с отцом и думала о том, что, возможно, Максим был прав. Год – это действительно очень долго. И, возможно, не стоит заранее хоронить то, что только-только начало жить.

Вечерний воздух был прохладен и прозрачен, как тонкое стекло, и пах опавшими листьями и мокрым асфальтом.

Улицы города пустели с наступлением сумерек, и только редкие фонари зажигали жёлтые островки света на тротуарах. Алиса шла рядом с отцом, прислушиваясь к мягкому шуршанию пакета в своей руке. Внутри лежало их маленькое вечернее счастье – три порции пломбира в вафельных стаканчиках, купленные в киоске у площади. Для мамы – с шоколадом, для папы – классический, для неё – с клубничным джемом. Простая, будничная радость, которая после сегодняшнего школьного дня казалась особенно ценной.

– И потом Максим дал ему в нос, да так, что тот согнулся, – продолжала свой рассказ Алиса, жестикулируя свободной рукой. Её голос звучал оживлённо, почти весело, хотя внутри ещё дрожали отзвуки адреналина после стычки с Василенко. – Ты бы видел его лицо, пап! У Артёма было такое выражение... полнейшего недоумения, будто он не ожидал, что кто-то посмеет за меня заступиться.

Егор шёл не спеша, внимательно слушая. Его крупная, уверенная фигура в дорогом, но немарком пальто казалась незыблемой скалой рядом с дочерью.

– Я смотрю, этот Максим очень вспыльчивый, – усмехнулся он, кивая. В его голосе сквозила не осуждение, а скорее любопытство, смешанное с отцовской бдительностью. – Сильно разгорячился из-за тебя?

– Только когда обижают его друзей, – поправила Алиса, закатив глаза. Она машинально поправила шарф, чувствуя, как от этих слов по щекам разливается тёплый румянец. – В

остальное время он ведёт себя как клоун. Постоянно шутит, прыгает в окна, дразнит Илью... И меня тоже. – Она вздохнула, и в этом вздохе было больше растерянности, чем раздражения. – Он такой... непредсказуемый. То наглый и самоуверенный, то вдруг совершает что-то... ну, благородное.

– Дочка, – отец хитро прищурился, бросив на неё быстрый, пронизательный взгляд. Его карие глаза сверкнули под светом фонаря. – Ну, он же тебе нравится. Не притворяйся.

Алиса резко остановилась, широко раскрыв глаза. Сердце глупо и громко застучало где-то в горле.

– Не-е-ет! – выпалила она, слишком громко и слишком быстро, и сама же испугалась этой реакции. Она засмеялась, неуверенно, запрокинув голову, чтобы скрыть смущение. – Не нравится он мне. Совсем. Он просто... постоянно попадает на глаза. И из-за него всё время что-то случается.

– Ну, как же, – папа закивал головой с преувеличенной серьёзностью, но в уголках его губ дрожала усмешка. – Ты только о нём и говоришь в последнее время. «А Максим то, а Максим сё»... Даже про физру сегодня рассказывала, как он мяч от тебя ловил. Деталь, достойная внимания.

– Потому что из-за него больше всего ситуаций в школе! – парировала Алиса, чувствуя, как жар распространяется от щёк к ушам. Она ускорила шаг, стараясь уйти вперёд, но отец легко догнал её. – И вообще... – голос её внезапно сник, стал тише и ровнее. – Я всё равно уеду. Так что какая разница?

Она старалась казаться равнодушной, обводя взглядом

знакомые уже улицы: низкие кирпичные дома с резными наличниками, заборы, увитые плющом, тёмные витрины единственного в районе промтоварного магазина. Но слова повисли в воздухе тяжёлым, неудобным грузом. Переезд, Москва, выпускной, институт – всё это было где-то там, в будущем, но вдруг стало ощутимым барьером прямо здесь и сейчас.

Егор уловил перемену в её настроении. Он тяжело вздохнул, и этот вздох был слышен даже в вечерней тишине.

– Лисёнок, – позвал он её тихо, по-домашнему, тем голосом, который он использовал, когда нужно было говорить о чём-то важном. Он положил свою большую, тёплую ладонь ей на плечо, замедляя шаг. – Я понимаю. Этот переезд был некстати перед окончанием школы. И то, что ты вернёшься обратно в Москву – это факт. Но это не значит, что нужно откладывать свою жизнь на «потом». Прятать чувства в коробку с надписью «не распаковывать до отъезда».

– Я знаю, – она понуро кивнула, глядя себе под ноги. Тро-туарная плитка мелькала в свете фонарей. – Но я не хочу, чтобы потом было больно. Ни мне... ни кому-либо ещё.

Она думала о Максиме. О его смехе, о той странной, щемящей теплоте, которую она начала чувствовать, когда он смотрел на неё без своей обычной наглой ухмылки.

– Жизнь, солнышко, штука непредсказуемая, – сказал Егор, и его голос приобрёл ту мудрую, убаюкивающую интонацию, которую Алиса любила с детства. Его рука обня-

ла её за плечи, притянув к себе, и она почувствовала надёжное тепло его бока. – Никогда не знаешь, где встретишь свою судьбу и как повернётся твоя дорога. Попробуй всё просчитать – всё равно что пытаться остановить реку. Бесполезно и утомительно. Поэтому не пугайся того, что чувствуешь. Доверяй себе. И делай так, как считаешь нужным. Даже если страшно.

– Спасибо, пап, – прошептала Алиса, прижимаясь к нему на секунду. Его слова не сняли все тревоги, но сделали их менее острыми, более управляемыми. Возможно, он был прав.

Они свернули в свой район – квартал новых, но стилизованных под старину таунхаусов, где селились те, кто мог себе это позволить. Дорога лежала через короткую, тёмную арку – пешеходный переход под одной из старых арок, оставшейся от давно снесённых ворот. Днём она была безобидной, но вечером, с её тусклым, мерцающим светом и гулким эхом шагов, всегда навевала лёгкую тревогу.

Алиса зашла первой, погрузившись в тень. Прохладная, сыrovатая тишина арки поглотила уличные звуки.

И в этот миг всё изменилось.

Она даже не успела понять, что происходит. Сильный, резкий толчок в спину отбросил её в сторону. Она вскрикнула, потеряв равновесие, и ударилась плечом и ладонями о холодную кирпичную стену. Боль, острая и жгучая, пронзила содранные ладони. Пакет с мороженым выпал из её ослабевших пальцев и шлёпнулся на землю.

– Алиса, быстро домой! – командный, стальной голос отца разрезал гулкую тишину арки, разлетаясь эхом.

Она обернулась, оттолкнувшись от стены. Сердце бешено колотилось где-то в висках. В слабом свете единственной лампочки она увидела две сцепленные фигуры. Егор, широко расставив ноги, стоял в полуобороте, его пальто развевалось от быстрого движения. А перед ним, на корточках, будто пантера готовящаяся к прыжку, – мужчина в чёрной спортивной куртке с капюшоном и тёмной маске-балаклаве, скрывающей лицо. В его руке, отражённой тусклым светом, блеснуло длинное, тонкое лезвие ножа.

Время замедлилось.

Незнакомец рванулся вперёд с неестественной, змеиной быстротой. Нож просвистел в воздухе, целясь в живот. Егор резко отпрыгнул назад, лезвие прошло в сантиметре от его пальто. Он не растерялся – его движения были резкими, точными, будто отточенными. Он не пытался схватить вооружённую руку, а нанёс короткий, мощный удар ребром ладони по запястью нападавшего. Тот взвыл от боли, но не выпустил оружие, а лишь отпрянул.

– Беги! – снова крикнул отец, но Алиса не могла пошевелиться. Ноги будто вросли в асфальт. Она видела, как её папа, обычно такой солидный и деловой, двигался с грацией и силой, о которых она в нём не подозревала. Он парировал второй выпад, отбивая руку в сторону, и нанёс ответный удар кулаком в солнечное сплетение. Нападающий крякнул,

согнувшись.

Но он был моложе и, видимо, сильнее. Оправившись, он снова пошёл в атаку, яростно, почти безрассудно, работая ножом как стилетом – короткие, колющие удары. Егор уворачивался, отступал, но пространство арки было ограничено. Один из ударов, скользя по отбитой руке, всё же нашёл цель – лезвие с противным, приглушённым звуком разрезало ткань пиджака и рубашки на боку отца.

– А-а-аргх! – Егор стиснул зубы, по лицу его пробежала судорога боли. Он прижал руку к боку, и между пальцами тут же выступила тёмная, почти чёрная в этом свете влага.

Кровь.

Этот вид, эта алая полоса на светлой ткани, словно разбила ледяной паралич, сковавший Алису. Внутри что-то щёлкнуло – не страх, а яростная, белая, всепоглощающая ярость. Этот урод ранил её отца.

Нападающий, увидев кровь, словно обрёл второе дыхание. Он сделал шаг вперёд, чтобы добить, прижимая Егора к стене.

Алиса не думала. Она действовала на чистом инстинкте. С выдохом, в котором слились и ужас, и бешенство, она рванулась вперёд. Её глаза выхватили из темноты валявшийся на земле тяжёлый, большой камень. Она наклонилась, схватила его, не чувствуя боли в содранных ладонях, и изо всех сил, с разворота, ударила им нападавшего по руке, в которой тот сжимал нож.

– Отстань от него! – заорала она, и её голос, хриплый от крика, прозвучал не по-детски грозно.

Удар пришёлся точно по кисти. Раздался глухой костяной хруст, и мужчина взревел от боли. Нож с лязгом отскочил в сторону и зазвенел, покотившись по асфальту. Нападающий отпрянул, хватаясь за повреждённую руку, его глаза, видимые в прорези маски, расширились от шока и ярости. Он метнул на Алису бешеный взгляд, полный такой ненависти, что у неё похолодела спина. Но, оглянувшись на Егора, который, стиснув зубы, уже выпрямлялся, отрываясь от стены, незнакомец, видимо, решил не рисковать. Он резко развернулся и бросился наутёк, его шаги гулко отдались в глубине арки и быстро затихли в ночи.

Наступила тишина, разорванная только тяжёлым, прерывистым дыханием Егора. Алиса стояла, всё ещё сжимая в дрожащей руке окровавленный булыжник, глядя вслед убегающему.

– Папа! – она бросила своё импровизированное оружие и кинулась к отцу.

– Всё... всё в порядке, – прошептал он, но его лицо было серым от боли, а на лбу выступили капли пота. Он всё ещё прижимал ладонь к боку, и кровь сочилась сквозь пальцы, окрашивая рубашку в тёмно-бордовый цвет. – Глупая... – выдохнул он, и в его голосе впервые прозвучал не страх, а гнев. – Зачем полезла? Он мог тебя...

– Он тебя ранил! – перебила его Алиса, её собственный го-

лос дрожал. Она судорожно сгребла с земли выпавший шарф и попыталась прижать его к ране. – Молчи, не говори. Держи. Надо домой. Или скорую...

– Домой, – твёрдо сказал Егор, опираясь на её плечо. Его вес был ощутимым, но она впиалась пальцами в ткань его пальто, готовая удержать его любой ценой. – Быстро. Пока... пока он не вернулся с подмогой.

Они двинулись, почти бегом, выбрались из арки на освещённую улицу. Алиса не отпускала отца, её взгляд метался по сторонам, выискивая новую угрозу в каждой тени. Каждый шаг давался Егору с трудом, он кряхтел, но упрямо шёл вперёд, сжимая её шарф на ране.

Дорога до их дому, обычно занимавшая пять минут, показалась вечностью. Наконец, знакомый фасад, тёплый свет в окнах гостиной. Алиса, дрожащими руками, вытащила ключ из кармана отца и открыла дверь. Они быстро поднялись на лифте на третий этаж и дошли до квартиры.

– Мам! – крикнула она, вваливаясь в прихожую вместе с отцом.

На кухне что-то упало со звоном. Ирина выскочила в коридор, и улыбка радушной хозяйки мгновенно сползла с её лица, сменившись ледяным ужасом. Она увидела бледного, окровавленного мужа, опирающегося на дочь, и её собственное лицо стало мертвенно-белым.

– Боже мой! Егор! – она бросилась к нему, хватая его за руки, пытаясь разглядеть рану. Её глаза, широко распахну-

тые, наполнились слезами. – Что случилось? Алиса, что произошло?

– На нас... напали, – с трудом выдавила Алиса, помогая отцу пройти в гостиную и опуститься на диван. – В арке. С ножом.

– Скорую! Сейчас же вызовем скорую! – засуетилась Ирина, уже хватая со стола телефон. Её пальцы дрожали так, что она едва могла набрать номер.

– Нет, – твёрдо, хотя и с одышкой, остановил её Егор. Он откинулся на спинку дивана, закрыв глаза на мгновение. – Не надо скорую. Рана неглубокая, скользящая. Видел хуже. Вызовем нашего врача, приватно. Не надо шума.

– Как это не надо? Ты истекаешь кровью! – голос Ирины сорвался на крик. Она опустилась на колени перед ним, осторожно отодвигая пропитанную кровью ткань. Вид раны заставил её сдержать рыдание. – Егор, это же нож! Могло быть всё что угодно!

– Мам, папа прав, – тихо сказала Алиса, всё ещё стоя посреди комнаты, чувствуя, как её охватывает дрожь. Адреналин отступал, оставляя после себя ватную слабость и осознание произошедшего. – Если вызовем официально, будут вопросы, полиция...

– Алиса, – голос отца прозвучал резко, холодно. Он открыл глаза и уставился на неё. Его взгляд, обычно тёплый и насмешливый, был сейчас жёстким, как сталь. – А ты что себе думала? – он почти прошепел. – Когда кидалась на него

с этим... камнем? Он мог тебя убить! Одним движением! Ты видела, как он работает? Это не хулиган, это профессионал!

Алиса отступила на шаг, будто от удара. Его слова обожгли сильнее, чем содранные ладони.

– Он тебя ранил! – выкрикнула она в ответ, и слёзы наконец хлынули из её глаз, – Я не могла просто убежать!

– А должна была! – рявкнул Егор, попытался приподняться, но застонал от боли и снова опустился. Ирина тут же прижала к ране свежее полотенце, которое успела схватить. – Твоя задача была бежать! Звать на помощь! А не лезть под нож! Я тебя оттолкнул для того, чтобы ты спаслась, а не для того, чтобы ты ввязывалась в драку! Ты поняла меня? Это небезопасно! На кону твоя жизнь!

Он кричал, и в его крике был не гнев, а панический страх – страх за своего ребёнка. Алиса это поняла, но от этого не стало легче. Она чувствовала себя яростно справедливой в своём поступке.

– Я не бросила бы тебя! – выдохнула она, сжимая кулаки. – Никогда!

– Довольно! – встала между ними Ирина. Её лицо было мокрым от слёз, но голос приобрёл тот самый, матерински-непререкаемый тон, который не допускал возражений. – Хватит ругаться! Егор, ты истекаешь кровью, а ты, – она обернулась к дочери, – Вся в синяках и в крови. Оба вы в шоке. Врач уже едет. Алиса, иди в ванную, умойся, переоденься и обработай руки. Потом поговорим. А сейчас – тишина и

порядок.

Егор устало закрыл глаза, сдавшись. Алиса, всё ещё дрожа, кивнула и потащилась в ванную. Зеркало отразило бледное, испуганное лицо с огромными глазами и кровью на руках. Не только отцовской – её собственные ладони были в ссадинах и царапинах. Она включила воду и подставила руки под холодную струю, вздрогнув от боли и от ощущения, что мир, в который они прилетели в поисках спокойствия, оказался гораздо опаснее, чем она могла представить. Нападение было не случайным. И слова отца о «профессионале» повисли в воздухе тяжёлым, зловещим знамением. Бизнес-войны из кабинетов вышли на улицы. И семья Лисицыных оказалась на линии фронта.

Глава 12

Звонок домофона прозвучал резко, нарушив напряжённую тишину квартиры. Ирина кинулась открывать, её шаги отдавались быстрым стуком по паркету. Через минуту в гостиную вошёл мужчина лет сорока пяти с худым, уставшим лицом и пронизательными серыми глазами за тонкими очками. На нём был тёмный плащ, а в руке он нёс старый, потёртый кожаный чемоданчик. Это был Дмитрий Сергеевич, их семейный врач, уже не в первый раз помогавший в подобных щекотливых ситуациях.

– Добрый вечер, – сухо, без лишних эмоций поздоровался он, оценивающим взглядом окинув комнату. Его взгляд сразу же остановился на Егоре, сидящем в глубоком кожаном кресле. Рубашка была снята, а к боку, который он прижимал окровавленным полотенцем, был прижат пакет со льдом, завёрнутый в кухонное полотенце.

– Дима, спасибо, что приехал так быстро, – с облегчением выдохнула Ирина, провожая врача к мужу.

– Дежурство как раз заканчивалось, – отозвался Дмитрий Сергеевич, ставя чемодан на журнальный столик и растёгивая его. Металлические замочки щёлкнули с тихим, деловым звуком. – Ира, протри стол спиртом, там, в чемоданчике, салфетки. Егор, показывай, что там у тебя.

Алиса сидела на диване, поджав под себя ноги по-турец-

ки, и неотрывно следила за каждым движением врача. Её пальцы впились в её собственные ступни так, что костяшки побелели. Она боялась моргнуть, боялась, что если отведёт взгляд, с папой случится что-то плохое. Воздух в комнате казался густым от запаха антисептика, который Дмитрий Сергеевич достал первым делом.

Егор молча отнял руку и убрал полотенце. На его боку, чуть ниже рёбер, зияла неглубокая, но длинная, сантиметров в десять, рваная рана. Края её были неровными, запекшаяся кровь смешалась со свежей. Алиса сглотнула, почувствовав тошнотворный спазм в желудке. Это выглядело гораздо страшнее, чем при тусклом свете арки.

– Хм, – врач нахмурился, надев одноразовые перчатки. Он наклонился, внимательно осматривая повреждение. – Скользящее, как ты и сказал. Повезло, что не глубже. Ребра целы, мышцы задеты, но не критично. Очистить, зашить. Антибиотики пропишу, чтобы не загноилось. Будешь неделю как стеклышко ходить, никаких резких движений.

– Знаю, знаю, – проворчал Егор, но вздрогнул, когда врач ватным тампоном, смоченным в антисептике, коснулся раны. Его лицо исказила гримаса боли, но он тут же взял себя в руки, лишь сильнее вцепился в подлокотники кресла.

– Ира, принеси мне мой планшет, – сквозь стиснутые зубы произнёс он, стараясь отвлечься.

– Вот прямо сейчас он тебе необходим? – всплеснула руками женщина, которая только что принесла таз с тёплой во-

дой и чистые полотенца. Её глаза блестели от непролитых слёз и гнева. – Сначала процедуры, потом твои бандиты! Дмитрий Сергеевич, скажите ему!

Егор лишь недовольно вздохнул, но не стал перечить, видя, как врач готовит шприц с обезболивающим. Ирина отвернулась, чтобы скрыть дрожь в руках, и принялась расстилать на столе стерильную пелёнку из чемоданчика.

– Лисёнок, прости, – неожиданно, глядя прямо на Алису, выдохнул Егор, пока врач делал укол вокруг раны. Его голос был тихим, усталым, но полным искреннего раскаяния. – Я не хотел кричать на тебя.

Алиса встрепенулась, словно её вывели из транса. Она медленно покачала головой, ощущая, как комок подступает к горлу.

– Ничего, пап, – прошептала она, и её голос прозвучал хрипло. – Я понимаю, что ты испугался за меня. Я тоже... я тоже испугалась.

– Испугалась, а всё равно кинулась, – с горькой усмешкой произнёс отец, но в его взгляде теперь читалась не злость, а та самая, щемящая гордость, которую он пытался скрыть. – Мать твоя, наверное, в ярости на меня. Правильно. Надо было быть осторожнее.

– Егор, это уже слишком, – вздохнула Ирина, опускаясь на край дивана рядом с дочерью. Она взяла Алису за руку, и та почувствовала, как материнские пальцы холодны и тоже слегка дрожат. – Может, не стоит оно того? Эта земля,

этот новый завод... Если они так против того, что ты выкупил участок, следовало бы отступить. Мы же не за тем сюда переезжали, чтобы в войну ввязываться!

Дмитрий Сергеевич, занятый подготовкой иглы и нити, лишь искоса посмотрел на них, но промолчал, делая вид, что полностью поглощён работой. Он был давним другом семьи и знал, когда стоит оставаться в тени.

– Ира, – голос Егора стал твёрже, металлическим, каким он бывал на важных переговорах. – Если бы я отступал каждый раз, когда кто-то против моего расширения, то никакого бизнеса я бы не построил. Ты сама это знаешь. Москва не с неба упала. Здесь те же правила, просто... более прямолинейные.

– Но они угрожают твоей жизни! – голос Ирины сорвался, в нём зазвенели сдерживаемые рыдания. Она сжала полотенце в руках так, что сухожилия выступили. – А если они перекинутся на Алису?! Если следующий раз нападут на неё, когда тебя не будет рядом? Ты подумал об этом?

В комнате повисла тяжёлая пауза, нарушаемая только тихим позвякиванием инструментов в руках врача. Алиса почувствовала, как по спине пробежал холодный пот. Мысль о том, что эта тень в арке могла быть нацелена на неё, была невыносимой.

– Дети – это слишком грязный приём, – нахмурившись, сказал Егор, но в его голосе уже не было прежней уверенности. Он смотрел куда-то в пространство перед собой. – Ни-

кто так уже не делает. Даже здесь. Это подрывает все негласные правила. А если кто-то и опустится до такого, то его свои же заключают.

– Это в Москве так! А здесь?! – Ирина вскочила с дивана, её обычно спокойное лицо пылало. – Кто тебе сказал, что здесь следуют таким же правилам? Ты сам говорил, что это глухомань со своими порядками! Здесь все друг друга знают, все друг за друга горой! А мы – чужие! Для них мы – наглые пришельцы, которые приехали отбирать кусок! Они могут решить, что правила для нас не писаны!

– Мам... – тихо позвала Алиса, но та не слышала, уставившись на мужа.

– Алиса, – отец резко, почти грубо оборвал нарастающую ссору, повернув к ней голову. Его взгляд был строгим, отцовским, не терпящим возражений. – Иди в свою комнату.

Она замерла на секунду, глядя ему в глаза. Она видела там не злость, а усталость, боль и желание оградить её от этой грязной взрослой правды. Она кивнула, не в силах произнести ни слова.

– Хорошо, пап, – прошептала она и поднялась с дивана.

Её ноги были ватными. Она медленно вышла из гостиной, но не пошла сразу в свою комнату. Остановилась за дверью, в полумраке коридора, прислонившись спиной к прохладным обоям. Сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди. Из-за двери доносился приглушённый голос Дмитрия Сергеевича: «Держись, сейчас будет немного неприят-

но». Потом – сдержанный стон отца.

И тихий, напряжённый разговор родителей, уже без неё.

– Я не могу так больше, Егор, – голос Ирины дрожал. – Это была не просто угроза. И он видел её лицо. Он знает, как она выглядит.

– Я знаю, – прозвучал усталый ответ. – Я всё знаю. Завтра же начну нанимать охрану. Для неё, для тебя. И мы разберёмся, кто это был. У Петрова нет таких грязных методов, он предпочитает бумажную волокиту... Это кто-то другой. Кто-то, кто хочет сыграть на нашем конфликте.

– А может, это и есть Петров, просто ты его недооцениваешь? – в голосе Ирины звучало отчаяние. – Ты же сам говорил, что он готов на всё, чтобы не пустить нас на рынок.

– Не его почерк, – твёрдо сказал Егор. Затем послышался его тяжёлый вздох. – Ладно. Обсудим это позже. Дмитрий, как там?

Алиса больше не могла слушать. Она оттолкнулась от стены и почти побежала по коридору в свою комнату, тихо закрыла за собой дверь и прислонилась к ней, словно баррикадируясь от внешнего мира.

Комната была её островком спокойствия: мольберт с незаконченным рисунком осеннего леса, полки, заставленные книгами и милыми безделушками, мягкий свет настольной лампы. Но сейчас даже здесь витала тень страха. Она подошла к окну, отодвинула штору и посмотрела на тёмную улицу. Каждый силуэт, каждое движение в отблесках фонарей

казалось угрозой.

Её телефон, лежащий на кровати, вдруг завибрировал, заиграв весёлую, беззаботную мелодию. Алиса вздрогнула. На экране светилось имя: «Стеша». Она потянулась к телефону, её пальцы дрожали.

– Ало? – её голос прозвучал тихо и неуверенно.

– Алис? – в трубке раздался встревоженный, но такой родной голос подруги. – Ты дома? У тебя всё в порядке? Как поболтали?

Звук заботливого голоса Стеши заставил слёзы навернуться на глаза Алисы. Она сглотнула, пытаясь взять себя в руки.

– Да, я дома, – выдохнула она, садясь на край кровати. – Всё... Всё в порядке. Ну, как в порядке...

– Что случилось? – немедленно спросила Стеша, и в её голосе Алиса услышала ту самую готовность броситься на помощь, которая была и у неё самой. – Говори. Ты же знаешь, я сейчас всё брошу и примчусь, если что.

Этот простой, искренний порыв растрогал Алису до глубины души. Она закрыла глаза.

– На нас... на нас напали, – прошептала она, не в силах скрывать правду. – Вечером, когда мы с папой шли домой. В арке.

В трубке повисла мёртвая тишина. Потом послышался резкий вдох.

– Боже мой, Алиса... – голос Стеши стал тихим, почти шё-

потом. – Вы... вы ранены? Твой папа?

– Папу порезали ножом. Не сильно, слава богу, – быстро сказала Алиса, как будто отмахиваясь от самого страшного. – Сейчас врач его шьёт. А я... я просто в шоке. И папа на меня кричал, что я лезла под нож, а я не могла просто убежать...

– Ты что, полезла на того урода? – в голосе Стеши прозвучало не осуждение, а чистое восхищение, смешанное с ужасом. – Алис, ты с ума сошла! Но... я понимаю. Я бы тоже, наверное... – она замолчала. – Слушай, главное, что вы живы. А папа твой... он же мужчина, он переживает за тебя. Он не со зла кричал, он испугался. Так все отцы.

– Я знаю, – кивнула Алиса, хотя подруга этого не видела. – Просто сейчас так страшно. Я думаю... это из-за бизнеса папы. Из-за того, что мы сюда приехали.

– Да плевать на их бизнес! – вдруг горячо выпалила Стеша. Её голос снова стал твёрдым, каким он был, когда она отчитывала Илью. – Они совсем охренели! Это же... это за гранью! Твои родители вызывали полицию?

– Нет. Папа сказал, только свой круг. Чтобы не было шума.

– Понятно, – вздохнула Стеша. Алиса слышала, как она что-то перебирает на другом конце провода, вероятно, крутит в руках свою косу. – Значит, будут разбираться сами. Держись, Лис. У тебя теперь есть мы. Я, Илюха, Макс... Мы все за тебя. Если что – один звонок, и мы будем там. Даже если придётся снова кого-то по кафелю катать.

Алиса не смогла сдержать слабую, дрожащую улыбку. Слёзы наконец покатались по её щекам, но теперь это были слёзы облегчения.

– Спасибо, Стень, – прошептала она. – Я так рада, что познакомилась с тобой. Правда.

– Да брось, мы с тобой навеки теперь, – Стеша фыркнула, но в её голосе тоже слышалась лёгкая дрожь. – Слушай, а Максим... он звонил?

– Нет, – Алиса вытерла лицо рукавом пижамы. – А что?

– Да так... Он весь вечер ходил как неприкаянный после школы. Илюхе в телеге писал, спрашивал, не знает ли он, что с тобой, как ты на Василенко отреагировала. Думаю, он переживает. Он такой, сам не позвонит, будет изводиться. Хочешь, я ему скажу, чтобы позвонил?

Алиса почувствовала, как сердце ёкнуло. Мысль о том, что Максим о ней беспокоится, вызвала странное, тёплое чувство среди всего этого хаоса и страха.

– Нет, не надо, – сказала она после паузы. – Пусть лучше не знает подробностей. И так завтра в школе все будут обсуждать нашу драку...

– Ты молодец, – искренне сказала она.

– Мы обе молодцы, – улыбнулась Алиса.

– Ладно, не засиживайся. Попей чаю с мёдом, укутайся в плед. Попробуй поспать. Завтра встретимся в школе, и всё будет хорошо.

– Обещаешь? – по-детски спросила Алиса.

– Конечно. Я же твоя лучшая подруга. У меня интуиция на такие вещи. Спокойной ночи, Лис.

– Спокойной ночи, Стень.

Связь прервалась. Алиса ещё какое-то время сидела с телефоном в руках, прижав его к груди. Разговор со Стешей не убрал страх полностью, но придал сил. Она не одна. У неё есть друзья, которые готовы быть рядом. И семья, которая, даже ругаясь, защищает её изо всех сил.

Она встала, подошла к двери и приоткрыла её. Из гостиной доносились уже спокойные, деловые голоса. Видимо, врач заканчивал. Она тихо закрыла дверь, переоделась в пижаму и забралась под одеяло. За окном была тихая, тёмная ночь. Но теперь эта темнота казалась не такой враждебной. Впереди был завтрашний день, школа, разборки у директора. Но также и Стеша, и Илья, и Максим. И это стоило того, чтобы бороться. Даже если борьба только начиналась.

Утром мама отвезла Алису в школу сама. Теперь ходить одной ей уже не представлялось возможным. Первые два урока прошли спокойно. Стеша на переменах щебетала о новых песнях любимой группы и о Роме. Илья и Максим как всегда дурачились, доканывали Стешу и просто вели себя как обычно.

Короткая перемена между историей и химией была самой суматошной в расписании – всего десять минут, чтобы перебежать из одного крыла школы в другое, протиснуться через толпу в коридоре и успеть занять место в кабинете. Али-

са, прижимая к груди учебник и тетрадь, пыталась пролезть к кабинету 304, но поток учеников, наоборот, выносил её прочь. Она отступила к стене, пропуская галдящую толпу, и в этот момент чья-то рука резко ухватила её за запястье и потянула в сторону.

– Не трогай! – вырвалось у неё инстинктивно, ещё до того, как она успела разглядеть, кто это. Её голос прозвучал резко, шипяще, словно у загнанной в угол кошки, но мужская рука лишь сильнее сжала тонкое запястье и пригвоздила его к прохладной стене рядом с открытой дверью кабинета химии.

– Тихо, тихо, не дёргайся, – прозвучал знакомый, неприятно-слащавый голос.

Перед ней стоял Артём. Его чёрные волосы были аккуратно уложены, резкие черты лица сейчас казались не столько симпатичными, сколько хищными. Он улыбался, но в глазах, тёмных и внимательных, не было ни капли дружелюбия – только холодный, изучающий интерес. Он стоял так близко, что Алиса чувствовала резкий, дорогой запах его парфюма, который в замкнутом пространстве за дверью казался удушающим.

– Отпусти, – потребовала она, пытаясь вырвать руку. Её пальцы вцепились в учебник, корешок впился в ладонь. Сердце заколотилось тревожно, но она старалась не показывать страх.

– Отпустить? Да я только поздороваться хотел, – он сделал вид, что обиделся, но не ослабил хватку. Его большой

палец провёл по её пульсирующей коже на внутренней стороне запястья, и Алиса вздрогнула от отвращения. – Впечатляет. Мне такие девчонки нравятся – с характером.

– Артём, мне надо на урок, – сказала она, глядя ему прямо в глаза, стараясь, чтобы голос не дрожал. Коридор постепенно пустел, звонкие голоса удалялись. Они остались почти одни в нише у химической лаборатории. Из-за полуоткрытой двери тянуло запахом реактивов и старой мебели.

– Успеешь, – махнул он свободной рукой, – Давай познакомимся нормально. Я, между прочим, не монстр. Могу быть милым. – Он наклонился чуть ближе, и его голос стал интимным, настойчивым. – Ты же новенькая, тебе тут без поддержки тяжело. А я могу многое. Показать город, познакомить с нужными людьми... Ты же видишь, я не какой-то шкет. У меня связи. Отец с Костровскими дела ведёт. Могу и тебе помочь, если захочешь.

Алиса почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Не от его слов, а от тона, от этого пронизывающего взгляда, который словно раздевал её. Она сделала шаг назад, упираясь спиной в стену.

– Мне не нужна твоя помощь, – чётко сказала она. – И знакомиться дальше я не хочу. Пожалуйста, отойди.

Его улыбка не дрогнула, но в глазах что-то изменилось – заблестело холоднее, острее. Он выпрямился, и его лицо вдруг потеряло всю наигранную доброжелательность.

– Лисицына, до тебя реально туго доходит, я смотрю, –

проговорил он, и его голос стал низким, почти шипящим. Теперь в нём звучала не притворная слащавость, а едкая, концентрированная злоба. Он снова шагнул вперёд, сокращая дистанцию до минимума, и Алиса инстинктивно прижалась к стене. – Я к тебе по-хорошему. Вежливо. А ты меня как последнего лузера посылаешь.

– Я не посылаю, я просто не хочу с тобой общаться, – выдохнула она, чувствуя, как в груди сжимается холодный ком. Она оглянулась – коридор был почти пуст. Вдали, у окна, кучка старшеклассников что-то бурно обсуждала, не обращая на них внимания. Ни Ильи, ни Стеши, ни Макса рядом не было. Стеша, как она знала, сейчас была где-то с Ромой Горячевым – после того, как Алиса сама дала ему контакты подружки, они стали активно переписываться, и на переменах Стефания всё время искала встречи с ним.

– Артём, оставь меня в покое, – повторила она, и в её голосе наконец прорвалась злость. Ей было неприятно до тошноты: его рука, до боли сжимавшая запястье, этот запах, этот взгляд, полный недоброй, липкой настойчивости.

– А я вот думаю, что не оставлю, – сказал он тихо. Он поднял руку и грубо, без всякой нежности, сжал её подбородок пальцами, заставляя смотреть на себя. Алиса застонала от боли, пытаясь отодвинуть голову, но его хватка была железной. – Слушай сюда внимательно. Я даю тебе время подумать до завтрашнего дня. И вот какой расклад нас ждёт.

Он сделал паузу, наслаждаясь её испугом. Его глаза сузи-

лись.

– Если ты соглашаешься мне помочь позлить Макса и сыграть со мной в отношения на публику – погулять пару недель, за ручку по школе походить, может, даже поцеловаться где-нибудь при всех – я тебе и твоей Стеши любимой ничего не сделаю. Более того, даже защищу. Знаешь, какой у неё Ромка оказался? – Он усмехнулся, и эта усмешка была отвратительной. – Не такой уж он милый ромашковый мальчик, каким кажется. У него интересы... специфические. И фотки он любит собирать. Девчачьи. А твоя подружка, я слышал, уже парочку таких ему отправила. – Алиса почувствовала, как кровь стынет в жилах. – Так вот, если ты будешь хорошей девочкой, я могу поговорить с Ромкой. Чтобы он эти фотки не использовал... не так, как может. И чтобы Стеша твоя не рыдала потом в туалете от стыда.

– Ты... ты угрожаешь ей? – прошептала Алиса, и её голос предательски задрожал. Страх за подругу, внезапный и острый, пронзил её сильнее, чем собственная опасность.

– Я не грожу, я предлагаю сотрудничество, – поправил он, наконец отпуская её подбородок. На коже остались красные следы от его пальцев. – Это вариант "А". А теперь вариант "Б". Если откажешься... – он наклонился к её уху, и его шепот стал ядовитым, чётким, как удар ножом, – То я устрою всем вам самый настоящий кошмар. И Стеша твоя от Горячева своего любимого огребёт так, что потом заречётся вообще парням фотки слать. И ты у нас быстро мерзкими слу-

хами обрастёшь – про тебя такого по школе пушу, что вообще из города поскорее свалить захочешь. И Максима твоего какие-нибудь отморозки в подворотне поймают и отправят на больничную койку до конца учебного года. Ясно? У меня друзей хватает. Не таких, как эти школьные щенки, а настоящих. Которые за пачку соток всё сделают.

Сердце Алисы колотилось так, словно пыталось вырваться из грудной клетки. В ушах звенело. Она смотрела на его жестокое, самодовольное лицо и чувствовала полную беспомощность. Он говорил не просто чтобы напугать – он верил в то, что говорит. И она тоже верила. После нападения на неё и отца в арке мир перестал быть безопасным местом. Здесь, в этой школе, среди детей богатых родителей, тоже были свои тёмные законы.

– Почему тогда сразу его просто не изобьёшь? – выдавила она, пытаясь найти логику в его безумии. – Зачем мне это всё? Ты же хочешь Максу навредить.

– Потому что в первую очередь я хочу, чтобы пострадало его самолюбие, а не тело, – отрезал Василенко, и его глаза вспыхнули ненавистью. Такая откровенная, голая ненависть, что Алиса невольно сжала голову в плечи. – Хочу, чтобы он почувствовал, что это такое, когда у тебя уводят девушку. Чтобы он видел, как ты со мной гуляешь, как смеёшься на мои шутки. Чтобы он сгорал от злости и ничего не мог сделать. Это больнее, чем сломанные рёбра. Понимаешь?

Теперь всё стало на свои места. Это была месть. Месть

Максиму Кострову за что-то. Возможно, за Катю Ветрову, как говорила Лена. Или просто за то, что Максим был тем, кем Артём никогда не станет – любимцем школы, человеком с настоящим, а не купленным уважением.

– Но вы же и не встр... – начала было Алиса, пытаясь сказать, но Артём резко перебил.

– Заткнись, – он снова сильнее сжал её скулы, заставляя зажмуриться от боли. – Закрой рот. Я всё сказал. Даю тебе день на раздумья. Завтра на большой перемене жду у спортзала. Ответишь. И, Алиса... – он отпустил её и сделал шаг назад, его лицо снова стало гладким, почти безразличным. – Не вздумай бежать к Костру или к Аксёновым с этими сказками. Если я услышу, что он ко мне подходит с вопросами, всё начнётся сразу. И начну я со Стеши. Она сейчас так счастлива со своим Ромкой... Будет жалко, если это счастье так быстро закончится.

Он повернулся и, не оглядываясь, быстрыми шагами скрылся в конце коридора, свернув за угол.

Алиса осторожно выглянула из-за двери кабинета химии. Её ноги были ватными, в глазах стояли слёзы от унижения, страха и бессильной ярости. Она прижала ладони к лицу, пытаясь унять дрожь. Что делать? Рассказать Максу? Но тогда Артём сразу исполнит свои угрозы. Стеша... Боже, Стеша, которая так доверяла Роме, которая сейчас летала от счастья. Алиса не могла подвергнуть её такой опасности.

Она глубоко вздохнула, вытирая глаза тыльной стороной

ладони, и решила пройти к своему классу. И тут её взгляд упал на фигуру, стоящую у окна в противоположном конце коридора. Влад Матросов. Он прислонился к подоконнику, скрестив руки на груди, и смотрел прямо на неё. Не улыбался, не подмигивал – просто смотрел. Его лицо было невозмутимым, но в глазах читалось какое-то странное напряжение. Он видел. Видел, как Василенко ушёл. Видел её расстроенное лицо. Сколько он наблюдал? Слышал ли что-то?

Их взгляды встретились на секунду. Алиса быстро отвела глаза, чувствуя новый прилив стыда. Она повернулась и почти побежала к кабинету истории, её шаги отдавались гулким эхом в пустом теперь коридоре. Сердце бешено колотилось, а в голове крутилась только одна мысль: завтра. Что она скажет ему завтра?

Звонок на урок прозвенел прямо над её головой, резкий и неумолимый. Алиса толкнула дверь кабинета и влетела внутрь, едва успев до того, как учительница начала перекличку. Она села за первую свободную парту, положила голову на сложенные руки и закрыла глаза, пытаясь заглушить хаос в душе. Запах учебников, обычно раздражающий, сейчас казался почти успокаивающим – он был реальным в отличие от сюрреалистичного кошмара, который только что разыгрался в коридоре. Но образ Василенко с его холодными глазами и угрозами, и взгляд Матросова, полный немого вопроса, не отпускали её.

Школьный коридор после большой перемены напоминал

улей, в котором пчёлы внезапно замерли, заслышав приближение медведя. Гул голосов, смех, шуршание рюкзаков – всё это стихло, когда Максим Костровский, отойдя от своей компании, остановился у окна, чтобы ответить на сообщение. Его высокая, подтянутая фигура, обычно расслабленная и уверенная, сейчас излучала лёгкое раздражение – он пропустил несколько сообщений от отца, касающихся бизнеса, и это всегда выводило его из себя. Солнечный луч, пробивавшийся сквозь стекло, высвечивал пылинки, танцующие в воздухе, и падал на его сдвинутые брови. Он стоял, уткнувшись в экран телефона, пальцы быстро стучали по стеклу в ответ, когда кто-то окликнул его.

– Макс.

Голос прозвучал сбоку, неуверенно и тихо. Максим медленно поднял взгляд. Перед ним стоял Влад Матросов, обычно такой шумный и самоуверенный, а сейчас – съёжившийся, с беспокойно бегающим взглядом. Парень переминался с ноги на ногу, его пальцы нервно теребили молнию на олимпийке. За его спиной, в нескольких метрах, у своего шкафчика, замерла Алиса. Она невольно наблюдала за этой сценой, её инстинкты, обострившиеся после недавней нападки Василенко, заставляли насторожиться. Её пальцы непроизвольно сжали ручку шкафчика, металл был холодным под кожей.

– Можно тебя на пару минут? – выдохнул Влад, кивая в сторону пустого угла коридора, где висели старые стенгазеты

про профориентацию.

Максим удивлённо выгнул бровь, оценивающе окинул Влада взглядом. Что-то в его позе, в дрожании нижней губы, говорило не просто о нервном возбуждении, а о страхе. Страхе перед ним. Это было непривычно. Максим вздохнул, сунул телефон в карман джинсов и кивнул.

– Давай.

Они отошли, и гул в коридоре постепенно возобновился, но Алиса не сводила с них глаз. Она видела, как Влад что-то быстро и взволнованно говорит, жестикулируя. Видела, как спина Максима вдруг напряглась, плечи приподнялись, словно у хищника, почуявшего добычу. Её собственное сердце забилось тревожно, предчувствуя беду. Василенко. Это должно было быть связано с ним. После ужасной встречи у кабинета химии она провела весь урок в тревожных мыслях, пытаясь придумать выход, но каждый вариант казался тупиковым. Рассказать – значит подставить Стешу. Промолчать – позволить этому мерзкому типу продолжать свои игры. А теперь ещё и Влад вмешался.

В углу коридора пахло старыми книгами и мелом. Влад, отведя Максима подальше от любопытных ушей, запустил пальцы в свои светлые, коротко стриженные волосы.

– Ты чего, Матрос? – спросил Максим, скрестив руки на груди. Его голос был низким, спокойным, но в этой тишине он звучал как предупреждение. – Прямо по стеночке ползёшь. Говори давай, у нас урок через пять минут.

– Только пообещай не бить меня... – прошептал Влад, и его голос дрогнул.

Это было всё, что нужно было услышать Максиму. В его голубых, обычно насмешливых глазах, вспыхнул холодный, стальной огонь. Он не сделал ни шага вперёд, но всё его тело будто увеличилось в размерах, нависло угрожающей тенью. Воздух вокруг стал густым и тяжёлым.

– Ты серьёзно начинаешь с этого? – спокойно спросил Максим, и его спокойствие было страшнее любой ярости. – После всего, что я говорил в раздевалке? После того, как ты видел, что было с Василенко? Ты думаешь, моё терпение безгранично?

– Дай, пожалуйста, рассказать до конца! – быстро, почти истерично выпалил Влад, подняв руки ладонями вперёд, как будто отгораживаясь от невидимого удара. Его лицо побелело. – Пожалуйста, Макс!

Максим замер, изучая его. Страх во Владе был настоящим. Не тот расчётливый страх, который бывает у подхалимов, а чистый ужас. Костров медленно кивнул, разжав скрещенные руки, но не расслабляясь.

– Говори. Но если это очередная тупая шутка...

– Короче, Василенко... – Влад глотнул воздух, его глаза метнулись в сторону Алисы, которая всё так же стояла у шкафчика, притворяясь, что копается в рюкзаке. – В общем, Василенко к ней пристаёт, потому что мы поспорили с ним и...

Он не успел договорить. Рука Максима молнией выстрелила вперёд, схватила Влада за складки школьной рубашки на груди и с силой прижала его к холодной стене, украшенной потрёпанным плакатом «Будущее за нами!». Звук удара спиной о бетон был глухим, но отчётливым. Несколько старшеклассников, проходивших мимо, замерли, заинтересованно уставившись.

– Я, КАЖЕТСЯ, СКАЗАЛ... – голос Максима прозвучал уже не как шипение, а как низкий, рычащий гром, от которого у Влада задрожали колени, а группка младшеклассников шарахнулась в сторону. Его глаза расширились, в них отразился чистый ужас. Казалось, ещё секунда – и он расплчется.

– ДОСЛУШАЙ! ОН САМ ПОДОШЁЛ! – выкрикнул Влад, слова понеслись из него водопадом, спотыкаясь и перекрывая друг друга. – Услышал про наш с тобой спор в раздевалке! Подслушал, блин! И говорит, что вместо тебя поспорит со мной на те же десять тыщ! Макс, я клянусь, я это не из-за денег сделал! Клянусь байком своим!

Максим не ослабил хватку. Его пальцы впились в ткань так, что костяшки побелели. Лицо было каменной маской, но в глазах бушевала буря.

– А из-за чего, просвети меня?! – его дыхание стало горячим и тяжёлым. – Из-за того, что Катька Ветрова на меня до сих пор смотрит, а он как щенок за ней бегаёт? Это что, месть такая? Через Алису?

– Не знаю! – замотал головой Влад, с трудом глотая слюну. – Он бы всё равно полез к ней, я же знаю его! Он после той истории с тобой только ещё больше взбесился! Я поспорил, чтобы обезопасить её хоть немного, честно! Я... я поставил условие! Сказал, чтобы он не причинял ей физического вреда, чтобы она не пострадала, чтобы только словами, флиртом! Это было одно из условий спора, клянусь, Макс! Я подумал... если уж он всё равно будет лезть, то хоть будет знать, что если тронет её – проиграет! Я хотел хоть чуть-чуть помочь! Тупо, да, понимаю! Но я думал, это сработает!

Длинная пауза повисла между ними. Максим не отводил своего ледяного взгляда от испуганного лица Влада, будто пытаясь прочесть в его глазах правду. Шум коридора был где-то далеко, будто за стеклянной стеной. Дыхание Влада было прерывистым, свистящим.

– А сейчас тогда зачем всё это рассказываешь мне? – голос Костровского наконец потерял свою ледяную остроту, но рубашку одноклассника он всё ещё не отпускал. В нём прозвучало недоверие, смешанное с зарождающимся пониманием.

– Я видел, как он на прошлой перемене слишком жёстко её зажать пытался, в углу у кабинета химии, – Влад говорил быстрее, видя, что его слушают. – Она отбивалась, а он не отставал. Я забеспокоился. Мне не понравилось всё это, мне не нравится, что на неё напали так... И я... я просто испугался, что он перейдёт границу. И мне станет за себя мерзко. Вот и рассказал. Макс, я не хотел, чтобы она пострадала,

честно! Я просто... ошибся.

Слова «напали так» будто дотронулись до какой-то раны внутри Максима. Он знал о нападении на Егора Лисицына – слухи в их кругу расползались мгновенно. Его отец вчера за ужином что-то мрачно говорил о «неровных методах конкурентов». И теперь эта тень падала и на Алису. Максим почувствовал, как ярость внутри него, кипящая и разрушительная, начала остывать, превращаясь в решимость.

Он медленно разжал пальцы. Освобождённый Влад пошатнулся, опёрся плечом о стену, делая глубокий, дрожащий вдох.

Максим отступил на шаг. Он смотрел на Влада, на его испуганное, но искреннее лицо. Парень не врал. Он был глуп, наивен и по-своему запутан, но он не хотел зла. В его поступке была извращённая, подростковая логика защиты.

– Верю, Матрос, – наконец, тихо сказал Максим. Он протянул руку. Тот несмело посмотрел на протянутую ладонь, затем медленно выпрямился и, после секундного колебания, пожал её. Рукопожатие было крепким, мужским. – Но больше так не делай. Не ставь на людей. И уж тем более не на неё. Понял?

– Понял, – кивнул Влад, облегчённо выдыхая. Цвет начал понемногу возвращаться к его щекам. – Спасибо, что... не разнёс.

– Пока не разнёс, – поправил его Максим, и в уголке его губ дрогнуло что-то, отдалённо напоминающее усмешку. –

Теперь иди. И никому ни слова. Особенно Василенко. Пусть хоть бабки тебе отдаст.

Влад быстро кивнул и, пошатываясь, растворился в толпе учеников, спешащих на урок. Максим остался стоять один. Он провёл рукой по лицу, чувствуя накопившуюся усталость. Потом его взгляд нашёл Алису. Она всё так же стояла у шкафчика, но уже не притворялась, а смотрела прямо на него, её голубые глаза были широко раскрыты, полны вопросов и тревоги. Он видел, как она вздрогнула, когда их взгляды встретились.

Максим развернулся и твёрдыми, быстрыми шагами направился к ней.

Он подошёл так близко, что она инстинктивно отступила на полшага, прижавшись спиной к холодному металлу шкафчиков. Но он не дал ей отдалиться, мягко, чтобы не напугать, поставив ладонь на шкафчик рядом с её головой, не задевая её.

– Сейчас ответь мне честно, хорошо? – его голос прозвучал неожиданно мягко, почти ласково, но в этой мягкости была стальная нить. Будто он просил ребёнка признаться, кто разбил вазу, обещая не ругать. – Ничего не утаивай.

Алиса молча смотрела на него, её губы слегка приоткрылись. Она видела остатки гнева в его глазах, но также и что-то другое – озабоченность, которая заставила её сердце биться чаще.

– Что? – выдохнула она.

– Сталкивалась с Василенко на прошлой перемене? – спросил он, не отводя взгляда. – Возле химии?

Она замолчала. Её взгляд потупился, уставившись в узор на его рубашке. Пальцы сжали ремень рюкзака так, что побелели. Она вспомнила тот угол, запах реактивов из приоткрытой двери кабинета, холодные пальцы Артёма на её запястье и его скрипучий голос, угрожающий навредить Максиму и Стеше. Стыд, отвращение и страх скрутили её желудок в тугой узел.

Максим увидел её реакцию. Ему не нужны были слова. Он слегка присел, опускаясь на уровень её лица, чтобы она не чувствовала себя подавленной его ростом. Его движение было плавным, почти бережным.

– Лисёныш, – сказал он тихо, и это прозвище, которое он использовал раньше лишь в шутку, теперь прозвучало серьёзно, по-взрослому. – Я же спрашиваю, не молчи. Василенко к тебе приставал на прошлой перемене? Он тебя трогал?

Она закусила губу, заставляя себя поднять на него глаза. В его взгляде не было осуждения, только ожидание и тот самый огонёк, который одновременно пугал и успокаивал. Алиса инстинктивно потёрла запястье, на котором еле видно проступал синяк. Макс кинул взгляд на синеющие костяшки, но ничего не сказал, лишь сильнее сжал челюсть, чтобы не напугать Лисицыну своим гневом.

– Да, – наконец выдавила она из себя, и это слово прозвуч-

чало как щелчок замка. – Он... он пытался.

– Почему промолчала? – спросил Максим, и в его голосе впервые прозвучала лёгкая, сдерживаемая досада. – Я же просил тебя, чтобы ты рассказывала о таких моментах. Стеше сказала? Илье? Мне? Нет? Почему?

– Не хотела, чтобы тебя снова за драку к директору вызывали... – прошептала она, и её голос дрогнул. – Ты и так из-за меня влип... А ещё он угрожал... Тебе и Стеше...

– Алис, – он перебил её, и его голос стал ещё мягче, но от этого не менее весомым. Она подняла на него глаза, и он увидел в них не только страх, но и заботу о нём. Это тронуло его сильнее, чем он ожидал. – Встреча с Лидией Петровной – это вообще самая меньшая из моих проблем, слышишь? Если я прошу тебя о чём-то, если я говорю, чтобы ты не скрывала такое, то я осознаю все последствия своих действий кристально чисто. Я взрослый мужчина, в конце концов. Тебе не нужно беспокоиться о таких вещах. Твоя задача – не молчать.

– Но как же... – начала она, чувствуя, как горячая волна стыда и одновременно благодарности подкатывает к горлу. – Ты же...

– Лисёныш, милая, – он наклонился чуть ближе, и его горячее дыхание, пахнущее мятной жвачкой, обдало её лицо. Он говорил тихо, почти шёпотом, так, чтобы слышала только она. – Я – мужчина. Если ты до сих пор не заметила. – В его голубых глазах, обычно таких насмешливых, сейчас го-

рел тёплый, огонь серьёзности. – И все проблемы свои и своей женщины я должен решать сам. А её задача – радоваться жизни, учиться, рисовать свои картины в блокноте и не думать ни о чём плохом. Не бояться ходить по школьным коридорам. Ясно?

Слова обожгли её. Не только из-за их содержания, но из-за того, как они были сказаны. Без привычной наглости, без шутки. С полной, непоколебимой уверенностью. Она почувствовала, как по щекам разливается жар, который, казалось, должен был осветить весь коридор. Даже кончики её ушей, выглядывающие из-под рыжих прядей, чуть ли не светились розовым.

– Я не твоя женщина, – прошептала она, и её собственный голос показался ей детским и слабым.

Максим выпрямился, отстраняясь, и на его губах появилась та самая знакомая, чуть дерзкая усмешка, но сейчас в ней было что-то новое – нежность.

– Это пока, – просто сказал он. – Ладно, мне нужно по делам. Держись сегодня рядом со Стешей или с кем-нибудь из наших. Не ходи одна.

– Стой! – она инстинктивно схватила его за рукав, когда он сделал шаг, чтобы уйти. Её пальцы впились в ткань. – Куда ты? Что за «дела»? Максим, не надо...

Но уйти они никуда не успели. Пронзительный, оглушительный звонок на урок прозвенел прямо над их головами, заставив Алису вздрогнуть и зажмуриться. Звук заполнил

коридор, и ученики дружно зашевелились, потянувшись к дверям кабинетов.

Максим аккуратно высвободил рукав из её пальцев, но не отстранился.

– Пошли на физику, – сказал он, мягко подталкивая её в сторону их кабинета. – Потом разберусь. И не смотри на меня так, будто я сейчас на войну ухожу. Всё будет нормально.

Она хотела возразить, спросить, что он задумал, но он уже шёл впереди, расчищая ей путь в толпе своим широким плечом. Его спина была прямой, решительной. Алиса последовала за ним, чувствуя, как беспокойство клубится у неё внутри, смешиваясь с тем странным, тёплым чувством, которое он оставил после своих слов. Не справившись с эмоциями, Алиса нежно ухватила за его пальцы. Максим, не оборачиваясь, улыбнулся и поудобнее перехватил её руку.

Учитель, Александр Викторович, мужчина с седыми висками и вечно усталым видом, уже раскрывал журнал. Алиса скользнула на своё место рядом со Стешей, которая встретила её вопросительным взглядом. Максим сел сзади, рядом с Ильёй, который сейчас с интересом разглядывал свою подругу и друга.

– Что это было? – прошептала Стеша, наклоняясь к Алисе, пока Александр Викторович что-то бубнил про закон Ома. – Вы с Костром там чуть ли не нос к носу... и он такой... напряжённый. Мы не стали подходить. Что случилось?

Алиса вздохнула, открывая учебник. Весь урок она не

могла сосредоточиться. Цифры и формулы на доске плыли перед глазами. Она чувствовала взгляд Максима у себя в затылке, тёплый и тяжёлый. Наконец, не выдержав, она наклонилась к Стеше, прикрывая рот ладонью.

– Василенко, – прошептала она так тихо, что это было почти движение губ. – На прошлой перемене... он опять.

Стеша резко обернулась к ней, её серые глаза стали тёмными от тревоги.

– Опять? Что сделал? Ты почему молчала? – её шёпот был более громким, отрывистым. – Я же тебе говорила, если что – сразу нам!

– Он зажал меня в углу у химии, – Алиса говорила быстро, украдкой поглядывая на учителя, который чертил на доске схему. – Говорил всякие мерзости... угрожал.

– Угрожал? Чем? – Стеша схватила её за руку под партой, её пальцы были холодными. – Алис, говори!

– Он сказал... что если я не соглашусь с ним встречаться для виду, чтобы позлить Макса, то он тебе навредит. Через Горячева. И Максу тоже обещал проблемы устроить. Говорит, у него друзья есть, не школьные... – Алиса чуть не подавилась словами, ей было стыдно и страшно произносить это вслух, даже шёпотом. – И что он знает, что ты Роме фотки скидывала...

Стеша побледнела так, что её светлые волосы казались единственным цветным пятном на лице. Она отпустила руку Алисы и прижала ладони к щекам.

– О боже... – выдохнула она. – Он... он что, про мои...

– Не подробно, но намекнул, что у Ромы есть что-то на тебя. И что если я не буду слушаться, он всё это использует. – Алиса сглотнула ком в горле. – Я не хотела тебе говорить, боялась напугать. А сегодня Влад Матросов всё выложил Максу. И Макс теперь... он сказал, что разберётся. Мне страшно, Стень. Он так сказал... «по делам». И выглядел...

– Как бульдозер, который намерен снести стену, – закончила за неё Стеша, мрачно кивнув. Она знала Максима лучше. Видела его в таком состоянии – холодном, целеустремлённом и опасном. Она тяжело вздохнула, опустив руки на парту, и её пальцы снова нашли руку Алисы, сжали её крепко. – Слушай, Алис. Он прав в одном. Тебе не надо за него беспокоиться в плане последствий. Лидия Петровна его ругает, родители ругают, но для него это – фон. Он умеет добиваться своего и выкручиваться. А насчёт Василенко... – Стеша сжала губы. Она ненавидела всех, кто пользовался чужой слабостью. – Может, и правильно. Иногда только так они понимают. Ты послушайся его. Держись сегодня рядом. И не переживай. Он не даст себя в обиду. И тебя – тем более.

– Но как же твои фотки? – прошептала Алиса, и её голос дрогнул. – Если он что-то сделает...

– Со мной разберёмся потом, – твёрдо сказала Стеша, и в её глазах вспыхнула решимость, которую Алиса видела в ней редко. – Я сама дура, что вообще что-то кому-то скидывала. Но это моя проблема. Не позволяй этому уродцу шанта-

жировать тебя через меня. Поняла? Если что – мы все вместе. Я, Илья, Макс. Мы справимся. А сейчас ты послушайся Максима. Держись рядом. И, Алис... – она наклонилась ещё ближе, её шёпот стал почти неслышным. – Спасибо, что рассказала. И что пыталась меня защитить. Ты настоящий друг.

Их перешёптывание прервал сухой голос Александра Викторовича.

– Лисицына, Аксёнова. Если вы уже закончили обсуждение личных дел, может, расскажете нам, чему равен коэффициент удельного сопротивления меди? Или у вас своя, более интересная физика?

Девочки вздрогнули и уткнулись в учебники, покраснев. Остаток урока прошёл в напряжённой тишине, нарушаемой только монотонным голосом учителя. Алиса ловила каждое слово Стеши, пытаясь успокоить себя. Но в груди сидел холодный камень. Она украдкой обернулась. Максим сидел, откинувшись на спинку стула, с виду спокойный, но его пальцы ритмично постукивали по поверхности парты. Илья что-то тихо говорил ему на ухо, и Максим коротко кивал.

Наконец, звонок с урока прозвенел, разрывая напряжённую тишину. Александр Викторович нехотя отпустил класс.

Едва прозвучал последний звук, Максим резко встал, так что его стул с грохотом отъехал назад. Он не стал собирать вещи, просто сунул учебник в рюкзак на ходу.

– Илюха, – бросил он через плечо, – Займи Алису и Стешу. Не отпускай их.

– Куда ты? – спросил Илья, но было уже поздно.

Максим одним движением расталкивая застывших у выхода одноклассников, выскользнул в коридор. Его шаги были быстрыми, тяжёлыми, отдающимися эхом в почти пустом кабинете.

Алиса замерла на секунду, сердце упало. «По делам». Эти слова прозвучали в её голове как приговор. Не думая, почти не осознавая своих действий, она вскочила с места, смахнула свои вещи в рюкзак и бросилась к двери.

– Алиса, стой! – крикнула ей вслед Стеша, но та уже вылетела в коридор.

Она увидела его спину, удаляющуюся в сторону лестницы, ведущей в спортзал и к раздевалкам. Не раздумывая, она побежала за ним.

– Максим! – позвала она, но он не обернулся, лишь ускорил шаг.

Коридор был почти пуст, звонок на перемену только прозвенел. Её собственные шаги гулко отдавались по кафельному полу. Она бежала, пытаясь догнать его, чувствуя, как страх за него перекрывает всё остальное. Он не должен был делать что-то глупое один. Не из-за неё.

Он свернул за угол, ведущий к мужским раздевалкам. Алиса остановилась, запыхавшись. Оттуда доносились приглушённые голоса. Затем они резко стихли.

И тут раздался гневный крик Максима, да такой, что она сама от испуга вздрогнула. В следующую секунду дверь от-

крылась и парни из параллельного класса посыпались оттуда как горох из банки, кто-то спотыкался, кто-то на ходу застёгивал пуговицы рубашки. Когда последний вышел, он быстро закрыл за собой дверь, бросив на неё последний испуганный взгляд.

Алиса застыла, прижав ладонь ко рту. Всё её тело охватила ледяная дрожь. Началось.

Глава 13

Максим толкнул дверь в мужскую раздевалку так, что та с грохотом ударилась об стену, и все разговоры внутри оборвались, словно кто-то выключил звук. Воздух, насыщенный запахом пота, старого дерева и дешёвого дезодоранта, застыл. Парни, кто переодевался, кто сидел на лавках, кто просто болтал, замерли, повернув головы к входу. В их глазах отразилось сначала любопытство, а затем, когда они увидели его лицо, настороженность и даже страх. Максим не просто вошёл – он ворвался, как буря, и от него исходила такая энергетика подавленной ярости, что стало физически душно.

Он не стал оглядываться, его взгляд, холодный и фокусированный, как лезвие, сразу нашёл свою цель. В дальнем углу у шкафчиков стоял Артём Василенко, полуобнажённый, только в спортивных штанах, вытирая полотенцем шею после физры. Он что-то говорил своему приятелю, похабно ухмыляясь, но, почувствовав внезапную тишину и тяжесть воцарившегося напряжения, осторожно, как в замедленной съёмке, обернулся. Его взгляд столкнулся с пылающим взглядом Костровского.

– Всем выйти, – прозвучал голос Максима. Спокойный. Слишком спокойный, с металлической нотой, от которой по спине у некоторых пробежали мурашки. Он даже не повысил тон, но каждое слово было отчеканено и падало в тишину,

как камень в колодец. — Я сказал, выйти всем. Прямо сейчас.

Парни переглянулись, недоумение и нежелание ввязываться боролись на их лицах. Один из них, Семён, попытался неуверенно улыбнуться.

— Костёр, чё такое-то? Мы же почти переоделись...

— ВЫШЛИ! — это уже был не голос, а рёв, сорвавшийся с самых глубин глотки. Он эхом ударился о кафельные стены, заставив всех вздрогнуть. Максим сделал шаг вперёд, его кулаки сжались, сухожилия на руках выступили, как тросы. — КРОМЕ ВАСИЛЕНКО! Быстро!

Этого было достаточно. Никто не хотел оказаться на пути этого урагана. Зашелестела одежда, застучали подошвы по кафелю. Ребята, накидывая футболки на голову и хватая рюкзаки, потоками устремились к выходу, стараясь не смотреть на Максима и Артёма. Через минуту раздевалка опустела. Дверь захлопнулась с тихим щелчком, оставив их наедине — хищник и его явно испуганная добыча.

Тишина снова сгустилась, но теперь она была звонкой, напряжённой, как струна перед разрывом. Максим не спеша прошёл вдоль ряда шкафчиков, его тяжёлые кроссовки отбивали мерный, угрожающий такт по полу. Он остановился у первой же лавки, где валялась чья-то серая спортивная футболка. Наклонился, взял её. Материал был грубым, пахнущим потом. Медленно, с преувеличенной аккуратностью, он начал наматывать её на правый кулак, плотно обтягивая костяшки. Каждое движение было размеренным и угрожаю-

щим.

Артём наблюдал за этим, и его уверенность, с которой он только что похабничал, быстро таяла. Он попытался встать в стойку, выпрямить плечи, но это выглядело жалко. Горло его сжалось.

– Я смотрю, у тебя память вообще отшибает напрочь, – начал Максим всё тем же спокойным, леденящим голосом, выпрямляясь во весь рост. Он был выше и шире в плечах. – Кажется, в прошлый раз, когда я тебя предупредил, до тебя не дошло. Или специально решил проверить, насколько я серьёзен? Говорил ведь: к Алисе не подходить. Не трогать. Даже взгляд в её сторону не кидать. Ты что, глухой?

– Костровский, слушай... – начал Артём, но голос его предательски дрогнул. – Ты чо лезешь, а? Может, у нас там свои мутки с ней, ты не в курсе. Тебе-то какое дело?

– Твои мутки, – Максим сделал ещё шаг, сокращая дистанцию до полуметра. Он был так близко, что Артём чувствовал его дыхание. – Заключаются в том, что из-за таких отбросов, как ты, она теперь боится в одиночку до соседнего кабинета дойти. Она оглядывается. Она вздрагивает. И знаешь, что самое интересное? Твои дешёвые подкаты только заставляют её держаться ко мне ближе. За это, конечно, спасибо, – его губы искривились в безрадостной усмешке. – Но мне не нравится, когда девушка, которая мне небезразлична, чувствует себя не в безопасности. Мне это очень, очень не нравится, Артём.

Он вдруг положил свободную левую руку на плечо Василенко, будто по-дружески. Прикосновение было тяжёлым, как гиря.

– Слышь, Костёр, давай без... – Артём попытался отстраниться, но было поздно.

Кулак, обмотанный толстой тканью, вписался ему в солнечное сплетение со всей силой, на которую был способен Максим. Раздался глухой, мясистый звук, и воздух с шипением вырвался из лёгких Артёма. Он не закричал – не смог. Лишь издал хриплый, бессильный стон, согнулся пополам, судорожно схватившись за грудь. Глаза его закатились, лицо исказила гримаса немой агонии. Он рухнул на колени, едва удерживаясь от падения вперёд.

Максим не дал ему опомниться. Он наклонился, схватил Артёма за волосы и грубо выпрямил его, заставив смотреть себе в лицо. После чего нанёс несколько быстрых ударов по лицу.

– Запомни раз и навсегда, – прошипел он, и в его голосе зазвучала ледяная, нечеловеческая ярость. – Алиса Лисицына – под моей защитой. Это не значит, что она моя собственность. Это значит, что если к ней подойдёт ещё один урод с грязными намёками или, не дай бог, рукой, я найду этого урод. И вправлю ему мозги обратно в череп через задницу. Понятно?

Артём, задыхаясь, пытался кивнуть, слезы боли и унижения выступили у него на глазах, кровь от разбитого носа по-

текла по подбородку.

– Я... понял... – выдохнул он, с трудом выговаривая слова.

– Нет, не понял, – Максим тряхнул его за волосы. – Говори чётко. Ты больше никогда не подойдёшь к Алисе. Не заговоришь с ней. Не посмотришь в её сторону. Если увидишь её в коридоре – развернёшься и пойдёшь другой дорогой. Если услышишь, как кто-то про неё гадит – ты вступишься, как за родную сестру. Или мне доложишь. Это новый закон школы. Его придумал я. Ты его первый адепт. Повтори.

– Я... не подойду... – хрипел Артём.

– ВСЁ! – рявкнул Максим прямо ему в лицо.

– Я не подойду, не заговорю, не посмотрю! – выпалил Василенко, его тело била мелкая дрожь. – Клянусь!

Максим внимательно посмотрел ему в глаза, ища хоть каплю лукавства. В этих глазах не оказалось и тени сопротивления — только первобытный страх, какой бывает у загнанного зверя. Артём впервые видел Максима таким разъярённым, и от этого осознания его воля рассыпалась в пыль. Этого было достаточно. Он разжал пальцы, и Артём рухнул на кафель, съёжившись калачиком и тихо постанывая.

– И передай всем своим друзьям-придуркам, – добавил Максим, уже отворачиваясь и срывая с кулака мокрую от пота футболку. Он бросил её на пол рядом с лежащим парнем. – Чтобы донесли до каждого. Моё терпение кончилось. Следующему, кто её тронет, я не просто нос разобью. Я так его покалечу, что он будет ходить с палочкой до самого гроба.

Уяснил?

Со стороны Артёма послышался невнятный звук, похожий на рыдание. Максим больше не смотрел на него. Он поправил свою собственную футболку, глубоко вздохнул, пытаясь сбросить с себя остатки ярости, и направился к выходу. На пороге он остановился, оглянулся. Василенко всё ещё лежал на полу.

– И встань уже. Стыдно, блин, – бросил он напоследок и вышел, хлопнув дверью.

Яркий свет школьного коридора ударил в глаза после полумрака раздевалки. Максим щурился, чувствуя, как адреналин понемногу отступает, оставляя после себя пустоту и лёгкую дрожь в коленях. Он ненавидел такое. Ненавидел необходимость опускаться до уровня этих отбросов, использовать силу. Но иного выбора не было. Мир его отца, мир бизнеса и тихих угроз, уже прорвался в его школьную жизнь в лице Алисы, и теперь правила игры изменились. Нужно было защищать своё.

Алиса стояла в нескольких метрах от двери, прислонившись к стене. Она не сидела на лавочке с другими девочками, не болтала с кем-то. Она ждала. Её лицо было бледным, голубые глаза – огромными от тревоги. Как только дверь открылась, она оттолкнулась от стены и практически бросилась к нему, забыв о всех правилах приличия и школьных условностях.

– Максим! – её голос сорвался на высокую, испуганную

ноту. Она подбежала так близко, что он почувствовал лёгкий запах её шампуня. – Ты... ты цел? Что там было? Он тебя?..

Она схватила его за руку выше локтя, её пальцы впились в мышцу, холодные и дрожащие. Её взгляд лихорадочно скользил по его лицу, ища синяки, ссадины, любые следы борьбы.

Максим почувствовал, как что-то тёплое и щемящее разливается у него в груди, смывая последние остатки злости. Он не ожидал такой реакции. Он думал, она будет злиться на него за очередную драку, за насилие. А она... беспокоилась. Искренне, по-настоящему.

– Всё спокойно, Лисёныш, – сказал он, и его собственный голос прозвучал неожиданно мягко, почти ласково. Он положил свою свободную руку поверх её пальцев, сжимавших его руку. – Всё в порядке. Я цел и невредим. Просто... провёл воспитательную беседу с Василенко.

– Какую ещё беседу? – Алиса не отпускала его, её глаза сверлили его. – Я слышала крик... Ты его...

– Он получил то, что заслужил, – твёрдо прервал он её, но без грубости. – И теперь он точно усвоил, что к тебе подходить не стоит. Никогда. Так что можешь расслабиться. По крайней мере, с этой стороны угрозы больше нет.

Он видел, как её плечи немного опустились, будто с них сняли невидимый груз. Но страх в её глазах не исчез полностью. Он сменился чем-то другим – пониманием, благодарностью, но и новой тревогой.

– Спасибо, – прошептала она, наконец ослабив хватку, но не отпуская его руку. – Но, Макс... это из-за меня. Опять из-за меня драка. Теперь тебя могут...

– Алиса, – он перебил её снова, наклонившись чуть ближе, чтобы говорить тише, для неё одной. Вокруг уже начали собираться зеваки, перешёптываясь, но он их игнорировал. – Послушай меня. Это не из-за тебя. Это из-за него. Из-за того, что он – отморозок. Ты ни в чём не виновата. Ни в том, что он к тебе полез, ни в том, что я ему за это вломил. Это мой выбор. Я бы сделал это для любой девчонки из нашего класса, чтобы тебя не смущало. – Он солгал, и сам знал об этом. Для других он бы, может, и не полез в драку с такой яростью. Но ей не нужно было это знать. – Просто запомни: ты здесь не одна. У тебя есть я. И Илюха. И Стеша. Мы за тебя. Всегда.

Она посмотрела на него, и в её глазах что-то дрогнуло. Слезы? Нет, она сдержалась. Она кивнула, коротко, решительно.

– Я знаю, – сказала она тихо. – Спасибо. Просто... после того, что было вчера с папой... мне страшно. Кажется, что угроза может прийти откуда угодно. Стеша же по-любому рассказала.

Максим сжал её пальцы в ответ, стараясь передать хоть каплю уверенности. Он потянул её к себе и заключил в объятия, успокаивающе погладив по голове.

– Я знаю, что страшно, – сказал он. – Но ты сильная. Силь-

нее, чем думаешь. Ты же сама не испугалась тогда в арке, полезла на того ублюдка. И сегодня не испугалась ждать здесь. Держись, Лис. Мы разберёмся со всем. Со всеми угрозами. По одной.

Он отпустил её, понимая, что слишком долго держит, и что сплетники уже вовсю строчат в телеграм-чатах. Алиса тоже отступила на шаг, оправив прядь рыжих волос за ухо.

– Идёшь на историю? – спросила она, пытаясь вернуть обыденность в голос.

– Иду, – кивнул он. – Только пройду умыться. Встретимся в кабинете.

– Хорошо.

Она повернулась и пошла по коридору, всё ещё прямая, но уже без той скованной напряжённости в спине. Максим смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом. Затем он вздохнул, разжал кулаки, которые всё ещё были сжаты, и пошёл к умывальникам. Вода была ледяной. Он плеснул её на лицо, смывая невидимую грязь драки, пытаясь смыть и тяжёлые мысли. Василенко решён. Но это была лишь одна мелкая рыбёшка в мутной воде. Отец всё чаще говорил за ужином о Лисицыных и их фармацевтическом заводе. О том, что они лезут не на свой рынок. О том, что Петров, главный конкурент его отца, недоволен. И где-то в этой взрослой игре теперь была замешана Алиса. Хрупкая, рыжая, умеющая так яростно смотреть девчонка. И Максим понимал, что его драки в школьной раздевалке – это всего лишь детские игры

по сравнению с тем, что может грянуть. Но пока он мог, он будет защищать её здесь, в этих стенах. А там... посмотрим. Он вытер лицо рукавом и направился к кабинету истории, чувствуя на себе десятки любопытных взглядов. Пусть смотрят. Пусть боятся. Иногда страх – это единственный язык, который все понимают.

Неделя после инцидента с Василенко пролетела в каком-то сюрреалистичном водовороте. Уроки, домашние задания, украдкой перехваченные взгляды в школьных коридорах – всё это смешалось в единый поток, уносящий к долгожданным выходным. Напряжение после драки и разговора с отцом хоть и не исчезло, но притупилось, отступив на задний план перед простой радостью от предвкушения встречи с друзьями. А Василенко перевёлся в другую школу, опасаясь снова столкнуться с Костровским. Субботнее утро было хмурым, с низкими серыми тучами, но это не испортило настроения. Кафе «Подсолнух», расположенное в двух кварталах от школы, стало их стихийно выбранной штаб-квартирой – уютное место с запахом свежей выпечки, деревянными столами и большими панорамными окнами, за которыми копошился уже почти безлистный город.

Алиса пришла одной из первых, заказала у окна большой стол на четверых и устроилась, глядя на редких прохожих. Мысли её, как всегда, метались между приятным и тревожным: вчерашний разговор с мамой о том, что «здесь всё не так просто», тёплая благодарность в глазах Максима после

истории в раздевалке, и постоянный, фоновый страх за отца, чьё лицо до сих пор носило следы того нападения. Она вздрогнула, когда холодная рука легла ей на плечо.

– Мечтаешь? – прозвучал весёлый голос Стеши. Девушка упала на соседний стул, скинув с плеча ярко-розовую куртку. – Я аж бежала, думала, опоздаю. Илюха, как всегда, ковырялся с каким-то болтом на своём мотоцикле.

– А Макс? – не удержалась Алиса, сразу пожалев о прямолинейности вопроса.

Стеша хихикнула, подмигнула.

– Задержался. Говорил, отцу нужно было отчёт какой-то помочь составить. Приедет. Не переживай, Лис, твой рыцарь не заблудится.

Алиса покраснела и отвязалась, принявшись изучать меню с преувеличенным вниманием. Вскоре подошёл Илья, шумный, с раскрасневшимися от ветра щеками, и следом, буквально через пять минут, появился Максим. Он вошёл неспешно, сдержанно кивнул Алисе, и в его взгляде мелькнуло что-то тёплое, знакомое, от чего захотелось улыбаться. Он выглядел уставшим, но собранным, в простой тёмной толстовке и джинсах.

– Ну, что, заказываем? – рубанул воздух Илья, хлопнув ладонью по столешнице. – Я умираю с голоду. Две порции картошки фри, двойной чизбургер и ванильный коктейль. Девочки, не стесняйтесь, сегодня мы платим.

Заказ оказался стандартным: горы картошки, молочные

коктейли разных цветов и несколько бутербродов. Когда еду принесли, началась привычная, уютная болтовня, которая заставила Алису на время забыть о всех тревогах. Она облокотилась на плечо Стеши, чувствуя, как расслабляются зажатые мышцы спины.

– Ой, Галчонок нас сожрёт вместе со своим «Гранатовым браслетом», – простонала Стеша, ковыряя в картошке. – Я до сих пор не могу понять, почему Куприн не мог просто написать «они любили друг друга, но не могли быть вместе». Зачем столько страданий и этот несчастный браслет?

– Да ладно тебе, – фыркнул Илья, отхлебнув коктейль. – Это же классика, в ней вся соль. Кстати, я тебе на день рождения такой браслет подарю, идёт? Настоящий, гранатовый.

– О боже, ты специально? – Стеша закатила глаза с притворным разочарованием, но в уголках её губ играла улыбка. – Мне само слово «гранат» уже в кошмарах мерещится. Представляю, как буду на экзамене: «Тема страданий в произведении...» и всё, ступор.

Алиса рассмеялась, поддавшись общему настроению.

– Хахах, а я бы съела гранатового пирожного, – сказала она, глядя на свою клубничный коктейль. – В Москве в одном кафе такие делали, с шоколадным ганашем и кисловатой ягодной начинкой. Обьединение.

– О, здесь самое вкусное, кстати! – оживился Илья, указывая вилкой в сторону витрины с десертами. – Их шеф-кондитер – бывшая москвичка. Должно быть похоже.

Максим, до этого молча наблюдавший за разговором, вдруг отодвинул стул.

– Я сейчас, – коротко сказал он и направился к кассе, расположенной у входа.

– Ой, Алиска, я забыла тебе рассказать! – Стеша тут же переключила внимание, схватив подругу за руку. – Моя любимая рок-группа, «Северный Ветер», приезжает к нам в город через две недели! Билеты уже в продаже. Давай сходим с тобой на концерт, пожалуйста! Там будет нереально круто, я обещаю!

Лисицына широко улыбнулась. Мысль о громкой музыке, толпе и возможности выплеснуть накопленное напряжение казалась заманчивой.

– Звучит... – начала она, но тут вмешался Илья.

– Оп-па! – он протянул слово, и его взгляд, полный едкого веселья, устремился к кассе. Все повернулись. – Алиска, у тебя жениха увести пытаются. Смотри-ка, какая нахалка.

Алиса почувствовала, как кровь отхлынула от лица, а потом прилила обратно, горячей волной. У кассы Максим действительно разговаривал с девушкой. Незнакомка. Высокая, стройная блондинка в модном бежевом пальто и с идеально уложенными волосами. Она что-то оживлённо говорила, жестикулируя, и на её лице играла лёгкая, уверенная в своей неотразимости улыбка. Алису будто ударило током. Комок недовольства, горячий и колючий, сгустился где-то под рёбрами, сдавил грудь. Она заставила себя отвести взгляд,

впиться пальцами в прохладную поверхность своего стакана.

«Что я делаю? – зашипел внутри неё рациональный голос. – Мы же ничего не обещали друг другу. Он свободен. Я сама выстраиваю стену, так чего теперь ревновать, как дура?»

Но это шипящее, иррациональное чувство не слушало доводов разума. Оно грызло изнутри, заставляя следить за исходящим краем глаза. И вот она увидела, как та девушка, смеясь, положила руку на плечо Максима. Лёгкое, фамиллярное прикосновение. Алиса почувствовала, как её собственные брови самопроизвольно сдвинулись, а губы плотно сжались. Она сделала глубокий вдох, пытаясь вернуть контроль над лицом.

– Что за группа, Стеш? – выдавила она из себя, насильно поворачиваясь к подруге, но голос прозвучал неестественно высоко.

Илья фыркнул.

– Да ладно, Лис, – сказал он, и в его тоне не было злобы, только привычное зубоскальство. – Я ж вижу, как у тебя лицо побагровело от злости. Не отнекивайся. Прямо дым из ушей идёт.

– Илюха! – огрызнулась Стеша, но было поздно.

Алиса замолчала, снова украдкой глянув на кассу. И тут произошло то, что заставило её сердце сделать странный, болезненный кульбит. Максим, выслушивая что-то говорившую девушку, мягко, но недвусмысленно снял её руку со своего плеча. Он не отстранился резко, просто убрал её, как

убирают назойливую ветку с пути. А потом он повернул голову и прямо указал подбородком на их стол. Его губы шевельнулись, он что-то сказал. Выражение лица незнакомки изменилось: уверенная улыбка сползла, сменившись лёгким разочарованием и любопытством. Она посмотрела в их сторону, оценивающе скользнув взглядом по Алисе, потом пожала плечами, сказала ещё что-то и отошла, помахав на прощание рукой.

Облегчение, нахлынувшее на Алису, было таким острым и сладким, что её чуть не затошнило от собственной реакции. Она опустила глаза, чувствуя, как жар спадает с щёк.

Максим тем временем что-то заказал у кассирши, расплатился и направился назад к столу. В руках у него, кроме сдачи, была небольшая картонная коробочка с прозрачным окошком, из-за которого виднелся кусочек пирожного тёмно-рубинового цвета.

– Ооо, наш рыцарь вернулся с трофеями! – пропел Илья, широко улыбаясь. – И из битвы с местной сиреной вышел победителем. Поздравляю, Макс. Ну, что, Алиска, теперь-то признаешься, что чуть не съела ту блондинку взглядом?

Максим сел, поставил коробочку прямо перед Алисой.

– Это тебе. Гранатовое. На пробу.

– Спасибо, – прошептала она, отодвигая коктейль, чтобы освободить место.

– А про ту... ну, блондинку? – не унимался Илья. – Кто это была? Старая знакомая?

Максим вздохнул, отхлебнул свой шоколадный коктейль.

– Не знаю кто. Подошла, представилась Олей, сказала, что видела меня на каком-то городском собрании с отцом. Пыталась попросить номер телефона.

За их столом на секунду воцарилась тишина, которую нарушал только гул голосов и шипение кофемашины.

– И? – выдавил Илья, подталкивая локтем под столом Алису, которая вся превратилась в слух.

– И я не дал, – пожал плечами Максим. Сказал он это так спокойно и буднично, как если бы сообщал о погоде. – Объяснил, что отдыхаю с друзьями.

Илья засвистел.

– Вот это поворот! Макс Костровский, сердцеед местного разлива, отшивает явную охотницу за богатыми наследниками. Мир сошёл с ума. Алиска, ты что на него такого наслала, а? Гипноз?

– Заткнись, Илюха, – с лёгкой улыбкой сказал Максим, но в его глазах мелькнула тень. Не раздражения, а чего-то более глубокого. Он посмотрел на Алису. – Она просто не в курсе была.

«Не в курсе чего? – пронеслось в голове у Алисы. – Что ты со мной? Или что между нашими отцами идёт какая-то тихая война?» Мысль о бизнес-конфликтах, о которых она лишь догадывалась, слушая обрывки разговоров родителей, снова накрыла её холодной волной. Этот простой жест – пирожное, отказ дать номер – вдруг показался жестом на фоне

минного поля.

– Ну, спасибо, что прояснил, – сказала она, пытаясь звучать легко, и открыла коробочку. Пирожное действительно выглядело аппетитно. – А то я уже тут за тебя поволновалась.

– Зря, – коротко ответил Максим, и его нога под столом случайно коснулась её ноги. Он не отодвинулся. Алиса тоже.

– Ладно, хватит личные дела выносить, – снова вступила Стеша, спасая ситуацию. – Вернёмся к нашим баранам. Концерт! Алиса, идёшь?

– Я... мне нужно родителей спросить, – сказала Алиса, отламывая кусочек пирожного вилкой. Оно оказалось идеальным: сладкий шоколад и терпкая, чуть горьковатая ягода. – После всего, что было... они могут быть против.

– Мы с Ильёй тоже идём, – кивнул Максим. – Так что, если что, можем группой. Так спокойнее будет.

Его слова «спокойнее будет» прозвучали с такой нехарактерной для него осторожностью, что Алиса взглянула на него пристальнее. Он думал о её безопасности. Не только от школьных придурков вроде Василенко. Он думал о чём-то большем. О той тени, что висела над её семьёй.

– Хорошо, – согласилась она. – Я спрошу.

Разговор плавно перетёк на предстоящие экзамены, а затем и на вечный спор Стеши и Ильи о мотоцикле.

– Ты просто себе шею свернёшь, когда выпадет снег, – с искренним беспокойством в голосе говорила Стеша брату. – Эти ваши гололёды, а ты на своём железе...

– Да будет тебе! – отмахивался Илья. – Я же не дурак, по льду гонять. Опыт есть.

– Опыт падения в кювет в прошлом году? – парировала сестра.

Алиса слушала их перепалку, доедала пирожное и чувствовала, как та тёплая тяжесть в груди – смесь благодарности, симпатии и нарастающей тревоги – медленно растекается по всему телу. Она поймала взгляд Максима. Он смотрел на неё не отрываясь, и в его глазах была какая-то глубокая, серьёзная сосредоточенность, будто он пытался прочесть что-то на её лице. Илья что-то говорил, Стеша смеялась, а между ними, над столом, висел невысказанный вопрос. Что будет дальше? Успеют ли они просто погулять, сходить на концерт, посидеть вот так в кафе, прежде чем взрослые игры, в которые играли их отцы, окончательно ворвутся в их хрупкий, только что построенный мир?

Алиса отломилла последний кусочек пирожного. Оно было сладким. Слишком сладким, и эта сладость уже отдавала легкой горечью предчувствия.

Глава 14

Понедельник и вторник прошли без приключений, за исключением того, что Илья заболел в субботу после молочных коктейлей. Среда начиналась как обычно. Русский язык и алгебра прошли тухло. Перемена тянулась неестественно долго. Алиса сидела на своём месте, перебирая страницы учебника, но буквы расплывались перед глазами. Она чувствовала на себе взгляды – любопытные, оценивающие, некоторые даже завистливые. Максим, отсидев пару минут за своей партой, встал и подошёл к окну, прислонившись к подоконнику и уставившись во двор. Его поза была напряжённой, кулаки до сих пор слегка сжаты. Тишина в классе была зыбкой, нарушаемой лишь приглушённым шёпотом.

Стеша, обычно такая болтливая, сидела, уткнувшись в телефон, её пальцы листали ленту. Вдруг её лицо, ещё секунду назад оживлённое, стало абсолютно бесцветным. Губы побелели и начали мелко-мелко дрожать. Она замерла, немигающим взглядом впиваясь в экран, будто пытаясь понять, не ошиблась ли она.

– Стеш? – тихо окликнула её Алиса, почувствовав неладное.

Но подруга не реагировала. Она лишь глубже вжалась в спинку стула, её плечи сжались. Со стороны окна, где у своего привычного места стояла компания баскетболистов во

главе с Ромой Горячевым, послышался сдержанный, но отчётливый смешок. Не весёлый, а злорадный, ядовитый. Алиса медленно подняла голову и встретилась взглядом с Ромой. Тот, поймав её взгляд, лишь ухмыльнулся и помахал своим телефоном, явно демонстрируя, что источник кошмара Стеши у него в руках.

– Что там? – прозвучал резкий вопрос Максима. Он уже подошёл к Стеше, его интуиция, отточенная годами дружбы с Ильёй и сестрой, звенела тревогой. Не церемонясь, он потянулся, чтобы выхватить телефон из её окоченевших пальцев.

Стеша дёрнулась как от удара током, с диким ужасом в серых глазах. Она вжала аппарат в грудь, прикрыв его руками, и отпрянула от Максима, будто он был не другом, а чем-то заразным и страшным. Этот порывистый, инстинктивный жест ударил Максима как пощёчина. На его лице промелькнуло сначала недоумение, затем боль – её реакция была ему в новинку, она ранила. Но, увидев абсолютный страх на её лице, он сдержался, лишь нахмурил брови.

– Н-не смотри, – прошептала Стефания, и её голос сорвался на жалкую, заикающуюся мольбу. Слезы уже наворачивались на её ресницы, делая глаза огромными и беззащитными.

– А мне можно? – спросила Алиса. Её голос был тихим, но твёрдым. Она осторожно положила руку на плечо подруги, чувствуя, как та вся дрожит. – Стеш, дай посмотреть. Мы же с тобой.

Дрожащей, не слушающейся рукой Стеша медленно, будто под гипнозом, повернула экран телефона к Алисе. На нём была открыта страница в социальной сети – печально известный паблик «Подслушано 69 школа», куда сливали все местные сплетни, слухи и компромат. В центре экрана, набранная крупным шрифтом, красовалась запись: «Наша скромница!». А под ней – фотография. Не постановочная, не из инстаграма. Это было явно сделанное на телефон, немного размытое, но отчётливое фото. На нём Стеша, в своей комнате, улыбалась в зеркало. На ней было красивое, кружевное нижнее белье нежно-розового цвета. Фотография была интимной, личной, такой, которую отправляют только тому, кому безгранично доверяют.

Воздух вырвался из лёгких Алисы. Она почувствовала, как холодная волна ярости поднимается от самых пят, сжимая горло. Она посмотрела на Стешу, затем перевела взгляд на Рому. Тот стоял, скрестив руки на груди, с самодовольной, мерзкой ухмылкой на лице. Его друзья перешёптывались и хихикали.

– З-зачем? – едва слышно выдохнула Стефания, глядя прямо на Горячева. Её голос был тихим, разбитым. А потом он сорвался в отчаянный крик, полный боли и предательства: – Зачем ты так?!

Рыдая, она вскочила и, закрыв лицо руками, выбежала из класса. Дверь захлопнулась с оглушительным стуком и тут же от инерции начала медленно открываться с противным

скрипом.

Алиса сначала инстинктивно сделала шаг, чтобы броситься следом, но ноги словно приросли к линолеуму. Её охватила леденящая, всепоглощающая ярость. Она медленно обернулась к компании у окна. Её взгляд, обычно спокойный или насмешливый, сейчас был подобен осколку льда.

– Что там? – Максим положил тяжёлую руку на её плечо, его голос был низким, требовательным. Он видел, как изменилось её лицо, как напряглась каждая мышца.

Алиса не отвечала сразу. Она смотрела на Рому, её губы плотно сжались. Потом, не отрывая от него взгляда, она прошептала Максиму, но так, что слова прозвучали на разрыв.

– Кактус слил Стешины фотки в белье. На страницу сплетен.

Она почувствовала, как рука на её плече вдруг сжалась с такой силой, что стало больно. Максим замер на секунду, и по его спине прошла волна напряжения, которую можно было ощутить физически. Потом он медленно, очень медленно убрал руку с её плеча. Его лицо стало каменным, только в глазах, таких обычно насмешливых и голубых, загорелся холодный, нечеловеческий огонь. Он сделал шаг вперёд, затем ещё один, направляясь к баскетболистам. Каждый его шаг отдавался в наступившей гробовой тишине класса.

– Ты думаешь, – начал Максим, и его голос был тихим, но он резал слух, как ржавая пила, – Если Илюха на больничном, тебе никто морду не украсит, придурок?

Он остановился в метре от Ромы. От него действительно будто исходил жар, аура чистой, неконтролируемой ярости. Он смотрел на Горячева так, будто уже видел его поверженным, будто оценивал, с какого удара начать.

– Как у тебя вообще поднялась рука такое сделать, зная, что мы с Аксёновым тебя за это по кафелю размажем к херам? Ты что, совсем мозгов не имеешь? Или думал, твоя команда тебя спасёт?

Алиса оставалась на месте, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони. Она чувствовала ту же ярость, что и Максим, но её смешивалось с жгучим чувством предательства – за Стешу, за её доверчивость, за её разбитое сердце.

– Слушай, Костёр, – вздохнул Рома, делая вид, что всё это его не волнует. Он даже расслабленно оперся о подоконник. – Я что ли виноват, что у Стешки мозгов не хватило не отправлять такие фотки парням? Сама виновата, дура. – Он неприятно, по-змеиному, ухмыльнулся, бросая взгляд на своих приятелей, которые поддержали его смешком. – И вообще, ты меня тут не пугай. У меня целая баскетбольная команда есть, а ты один сюда припёрся, без Аксёнова. Что ты сделаешь нам, а? Пятеро на одного – это не твои формулы.

Его друзья, трое здоровых парней, привыкших к победам на площадке, обменялись уверенными взглядами и усмехнулись, сдвинувшись чуть ближе, образуя полукольцо вокруг Максима.

Ответом стал кулак. Короткий, резкий, как выстрел. Мак-

сим не стал ждать, не стал парировать слова. Он просто ударил. Со всей силой, накопленной за годы драк, занятий боксом и чистой ярости за слёзы Стеши. Удар пришёлся прямоком в ровный, холёный нос Романа. Раздался отвратительный, влажный хруст.

Горячев даже не успел понять, что происходит. Выражение самодовольства не успело смениться на удивление или боль. Он просто отлетел назад, ударившись затылком о стекло, и осел на пол, зажимая лицо руками. Из-под его пальцев тут же хлынула алая кровь.

На секунду воцарилась шоковая тишина, которую тут же разорвали крики. Трое друзей Ромы кинулись на Максима одновременно. Драка вспыхнула мгновенно и яростно. Костровский бился как дикий зверь, его движения были резкими, точными и невероятно сильными. Он не отступал, он шёл вперёд. Ударом в корпус отправил одного из нападавших на парты, с грохотом опрокинув стулья. Получил скользкий удар в челюсть от второго, но тут же ответил жёстким апперкотом, после которого тот захрипел и отступил, хватаясь за лицо.

Алиса отступила на пару шагов, прижимаясь к стене, чтобы не мешать и не попасть под раздачу. Она смотрела, затаив дыхание, её сердце колотилось где-то в горле. Она видела, как ярость пляшет в его глазах, как каждый мускул его тела напряжён до предела. Он защищал честь их подруги, и в этот момент он не был ни наглым хулиганом, ни сыном биз-

несмена. Он был просто Максимом, который не мог стерпеть подлости.

Но силы были неравны. Из коридора, привлечённые шумом, выскочили ещё двое парней из баскетбольной команды. Увидев поле боя и своего капитана на полу, они без раздумий вступили в драку. Максим, занятый с двумя другими, не сразу заметил подкрепление. Они сзади схватили его за руки, пытаясь скрутить. Он рванул с нечеловеческой силой, его мышцы напряглись, и на секунду показалось, что он сбросит их обоих. Но в этот момент оправившийся первый нападавший присоединился к ним. Втроём им удалось сдержать его ярость, скрутить руки за спину и силой поставить на колени перед поднимающимся с пола Ромой.

Горячев поднялся, его лицо было искажено злобой и болью. Нос распухал, кровь размазана по щеке и подбородку. Он вытер её тыльной стороной ладони, глядя на униженного, но не сломленного Максима.

– Видишь, – сипло, но с торжеством произнёс он, стоя над коленопреклонённым Костровским. – Нас шестеро, а ты один. И Стеша твоя, дура полнейшая, нахрен мне не сдалась, но выставить её фотки было весело. Видел, как у неё губы побелели и задрожали, когда она увидела? – Он хрипло рассмеялся. – Зато сейчас и ты получишь по своей морде смазливой. Думаешь, я боюсь тебя так же, как все вокруг?

В этот момент что-то внутри Алисы оборвалось. Ярость, холодная и ослепляющая, перехлестнула через край. Она не

думала о последствиях, о том, что она девушка, что она может получить сдачи. Она видела, как унижают того, кто только что защищал её лучшую подругу. Видела мерзкую ухмылку на лице предателя. И этого было достаточно.

– Да я сама, урод, тебя убью! – её крик, хриплый и дикий, прорезал гул в классе.

Она ринулась вперёд, не раздумывая. Словно разъярённая рыжая лисица, она вцепилась в Рому, который не ожидал такого поворота. Её длинные ногти впились ему в щёки, она била кулаками по лицу, по плечам, по груди, не отдавая отчёта в своих движениях. Её ярость придавала ей неожиданную силу.

– Ублюдина! Как ты посмел? Она к тебе с душой, а ты как козёл последний себя повёл! – она шипела, а её удары, хоть и не такие сокрушительные, как у Максима, были отчаянными и болезненными.

Рома, оглушённый и морально, и физически, в ужасе отпрянул, потеряв равновесие, и свалился на пол. Он беспомощно прикрывался руками, а Алиса, уже забралась сверху, не прекращала свою атаку. Класс замер в шоке.

Друзья Ромы, державшие Максима, остолбенели. Они смотрели на эту сцену, не решаясь вмешаться. Бить девчонку? Даже в их понятиях это было за гранью.

– Ненормальная! Уберите её! – заорал Рома, пытаясь вернуться из-под града ударов. Его лицо уже было исцарапано, на щеке и виске выступила кровь.

Но его команда не двигалась. Они смотрели то на него, то на Алису с таким же недоумением, как и все. Кто-то из одноклассников уже снимал на видео эту невероятную картину для блога: хрупкая дочь фармацевтических магнатов в ярости избивает звезду баскетбольной команды. Кто-то откровенно ржал, указывая пальцем на униженного Горячева. А младшеклассницы, столпившиеся в дверях, смотрели на Алису с открытым восхищением: вот она, настоящая рыжая бестия.

Максим, воспользовавшись замешательством, рванул, сбросил с себя ослабевшие хватки и ошеломлённо уставился на Алису. Впервые за долгое время на его лице было чистое, ничем не прикрытое изумление. Он видел её раздражённой, напуганной, улыбающейся, но такой – яростной, дикой, прекрасной в своём гневе – он не видел никогда и никого. И что-то глубоко внутри него сжалось и расправилось тёплой, щемящей волной.

Именно в этот момент из коридора донёсся резкий, нервный топот каблуков. Все узнали эту походку. Алёна Геннадьевна, завуч по учебной части, женщина с острым взглядом и репутацией беспощадной.

Максим ловко обхватил Алису поперёк талии и оттащил в сторону, стаскивая с лежащего Ромы. Затем он быстро развернул её к себе спиной, встав между ней и остальными баскетболистами, приняв защитную позу. Когда из-за двери показалась строгая фигура завуча, картина была следующей:

Максим Костровский, с красной щекой и разбитой губой, стоит, прикрывая своей спиной взъерошенную, тяжело дышащую Алису. Рома Горячев сидит на полу, прижимая к лицу окровавленную ладонь, его друзья стоят вокруг в нерешительности. В классе – полный разгром: опрокинутые парты, разбросанные учебники.

– Я не поняла? – грозный, ледяной голос Алёны Геннадьевны прорезал тишину. Она обвела взглядом всю сцену, её тонкие брови поползли к волосам. – Что здесь происходит? Объясните немедленно! Вам что тут, зверинец?

Максим, не отводя взгляда от завуча, наклонился к уху Алисы. Его губы почти коснулись её кожи, и он прошептал быстро, тихо, так, чтобы слышала только она, в интонации звучала гордость.

– Сумасшедшая. Молчи, я всё объясню.

Потом он выпрямился и сделал шаг вперёд, его лицо приняло выражение показного спокойствия, смешанного с лёгкой досадой.

– Алёна Геннадьевна, всё в порядке. Просто небольшое недоразумение.

– Недоразумение? – завуч фыркнула, указывая на окровавленного Рому. – Это вы называете недоразумением? Горячев, встань! Все, причастные к этой драке, немедленно ко мне в кабинет! И ты, Лисицына, тоже. Я хочу услышать, что за «недоразумение» привело к такому погрому.

Путь в кабинет завуча был унижительным шествием под

прицелом десятков глаз. Максим шёл первым, выпрямив спину, но Алиса видела, как нервно дёргается мышца на его скуле. Она шла следом, пытаясь привести в порядок растрёпанные волосы и сбитое дыхание. Позади, поддерживаемый друзьями, ковылял Рома.

Кабинет Алёны Геннадьевны пахло строгостью, старыми книгами и кофе. Она села за массивный стол, жестом указав им встать перед ним.

– Ну, Костровский, будьте добры, просветите. С чего началось?

Максим перевёл взгляд на Алису, потом на Рому. В его глазах мелькнул холодный расчёт.

– Горячев и его команда начали приставали к Лисицыной. Словами. Неприличными. Я попросил остановиться. Не послушались. Завязалась потасовка. Я защищал одноклассницу.

– Это ложь! – хрипло выкрикнул Рома, прижимая к носу платок, который ему дал завуч. – Он первый ударил! Без причины! А она, – он ткнул пальцем в сторону Алисы, – Она на меня набросилась, как психичка! Посмотрите на меня!

Алёна Геннадьевна пристально посмотрела на Алису.

– Лисицына, это правда? К вам приставали?

Алиса почувствовала, как под взглядом завуча внутри всё сжимается. Она знала, что должна поддержать версию Максима. Но мысль о том, чтобы лгать преподавателю, вызывала отторжение. Она посмотрела на Максима. Он почти незамет-

но мотнул головой, его взгляд говорил: «Доверься». И она вспомнила его шёпот: «Молчи, я всё объясню». Вспомнила фотографию Стеши. Вспомнила его ярость, которую он обрушил на обидчиков. И решила.

– Да, – тихо, но чётко сказала она. – Они... говорили гадости. Максим заступился.

– Видите! – торжествующе произнёс Максим, но завуч резко подняла руку.

– Тихо, Костровский. Я ещё не закончила. – Она обвела всех троих тяжёлым взглядом. – Я не слепая и не глухая. По школе уже ползут слухи. Я знаю про ту паблик-страницу. И я догадываюсь, что истинная причина этой драки где-то там. – Она указала пальцем на лежащий возле неё смартфон. – Но факт остаётся фактом: вы устроили побоище в учебном классе. Это недопустимо. Горячев, ты отвечаешь за действия своей компании. Костровский, за применение физической силы. Лисицына... – она запнулась, разглядывая девушку, – За участие в потасовке, что для ученицы крайне нехарактерно и неприемлемо.

Она взяла листок бумаги и начала что-то быстро писать.

– Вы все получаете строгий выговор с занесением в личное дело. Родителей вызову в школу. А сейчас – все в кабинет. Завтра с утра – к директору. Она решит, что делать дальше. Возможно, речь пойдёт о временном отстранении от занятий. Свободны.

Они вышли в коридор, гробовое молчание висело между

ними. Рома, бросив на них злобный взгляд, поплёлся в сторону медпункта, поддерживаемый друзьями. Максим и Алиса остались одни в пустом коридоре.

Он обернулся к ней. Его лицо в казалось уставшим, но не сломленным.

– Спасибо, – тихо сказал он. – За то, что поддержала версую.

– А что было на самом деле? – спросила Алиса, глядя ему прямо в глаза. – Ты же знаешь, почему он это сделал. Со Стешей.

Максим глубоко вздохнул, провёл рукой по волосам.

– Знаю. Потому что он мразь и Василенко постарался. А я не смог стерпеть. Когда увидел её лицо... И твоё. – Он посмотрел на неё, и в его взгляде было что-то неуловимо мягкое. – Ты была невероятной там. Я такого ещё не видел.

Алиса почувствовала, как по щекам разливается жар. Она опустила глаза.

– Я просто... разозлилась.

– Это заметно, – он чуть улыбнулся уголком рта, но улыбка была без прежней наглости. – Ладно, иди найди Стешку, она, наверное, вся в слезах в какой-нибудь кабинке заперлась.

Туалет в школе выглядел безупречно – мраморные стены, хромированные смесители и мягкое освещение от точечных светильников создавали атмосферу стерильного спокойствия, которая так контрастировала с бурей эмоций внутри.

Алиса медленно открыла тяжёлую дверь, отделанную матовым пластиком под дерево. Звонок на урок уже отзвенел, поэтому длинное помещение с рядом белых кабинок было пустынным. Тишину нарушало лишь тиканье капель из одного крана и... тихие, сдавленные всхлипы, доносившиеся из самой дальней кабинки.

Сердце Алисы сжалось.

Она осторожно прошла по холодному кафельному полу, её шаги отдавались глухим эхом в этой пустоте. Остановившись у последней двери, она прислушалась. Плач стал чуть громче – это были те самые рыдания, когда человек пытается сдержаться, но слёзы прорываются сквозь пальцы и предательскую дрожь в горле.

– Стеш? – тихо позвала Алиса, почти прижавшись губами к щели между дверью и косяком. Её голос прозвучал неожиданно громко в этой тишине. – Это я... Откроешь? Тут больше никого нет...

Наступила пауза, наполненная лишь прерывистым дыханием из-за двери. Потом послышался щелчок засова, и дверца, скрипнув, отворилась на несколько сантиметров. В щели показалось заплаканное лицо Стефании. Её серые глаза, обычно такие яркие и озорные, теперь были красными, опухшими и полными такого стыда и боли, что Алисе стало физически тяжело.

– Войди, – прошептала Стеша голосом, сорванным от слёз.

Алиса вошла в тесное пространство кабинки. Стефания стояла, прислонившись к стенке, её пальцы судорожно сжимали края школьной блузки. Увидев подругу, её лицо снова исказила гримаса горя, и слёзы хлынули с новой силой.

– Мне так стыдно, – вырвалось у неё, слова тонули в рыданиях. – Я такая дура, зачем я вообще ему что-то скидывала? Как я могла...

Она закрыла лицо руками, и её плечи затряслись. Алиса не стала ничего говорить. Она просто шагнула вперёд, обхватила подругу и крепко, по-настоящему крепко прижала к себе. Стеша уткнулась лицом в её плечо, и всё её тело сотрясали беззвучные, но от этого ещё более пронзительные рыдания.

– Ты не виновата, – наконец сказала Алиса, глядя её по спине через тонкую ткань блузки. Её голос был тихим, материнским. – Слышишь? Ты не виновата. В том, что он оказался придурком и подонком, нет твоей вины. Ты просто ошиблась в человеке. Это случается со всеми.

– Как мне теперь в школу ходить, Лис? – выдохнула Стефания, отстраняясь и смотря на подругу мокрыми от слёз глазами. – Все видели... все знают... Я даже не могу найти в себе силы в класс зайти теперь. Мне кажется, все смотрят и смеются.

Её голос дрожал от отчаяния. Алиса взяла её лицо в ладони, заставив посмотреть на себя.

– Тогда не пойдём. Пойдём домой. Я заберу твои вещи из

класса, и мы уйдём. Сейчас же. Идёт?

Стеша смотрела на неё с недоверием, смешанным с жадной надеждой.

– Правда? – прошептала она. – Можем уйти? Но тебя будут ругать... и уроки...

– Ничего, – перебила её Алиса, уверенно улыбаясь, хотя внутри сама сомневалась в последствиях. – Я всё объясню родителям. Меня не будут сильно ругать. А уроки... подождут. Сейчас важнее ты. Я пойду за вещами, а ты жди меня здесь, хорошо? Никуда не выходи.

Стефания кивнула, шмыгнув носом, и снова уткнулась в платок, который Алиса достала из кармана своей юбки.

– Хорошо, – прошептала она. – Я жду тебя.

Алиса вышла из туалета и быстрым шагом направилась к своему кабинету. Коридоры были пустынные, лишь из-за закрытых дверей доносились голоса учителей. Она чувствовала холодок на спине – осознание, что сейчас придётся врать или как минимум уклоняться от правды. Но ради Стеши она была готова на многое.

Она приоткрыла дверь в класс. Урок математики вела Ирина Олеговна – строгая женщина лет пятидесяти с идеальной укладкой. Все ученики сидели, уткнувшись в тетради, решая пример на доске.

– Входите, не стойте в проёме, – не оборачиваясь, сказала учительница, услышав скрип двери.

Алиса вошла и закрыла дверь. Все взгляды устремились

на неё – любопытные, сочувствующие, некоторые даже зло-
радные, а какие-то с восхищением. Она почувствовала жар
на щеках, но подняла подбородок.

– Лисицына, почему опаздываете? – Ирина Олеговна на-
конец обернулась, её взгляд за стеклами очков был недоволь-
ным и оценивающим.

– Простите, пожалуйста, – начала Алиса, стараясь гово-
рить чётко и убедительно. – Стефании Аксёновой очень пло-
хо. У неё... сильно кружится голова, и поднялось давление.
Я должна проводить её домой.

Учительница нахмурилась, отложив указку.

– Плохо? Насколько? Может, вызвать скорую или школь-
ного врача?

– Нет, нет, не нужно, – поспешно сказала Алиса, чувствуя,
как её сердце колотится. – Ей просто нужно полежать дома.
Она уже в гардеробе ждёт. Я просто заберу наши вещи.

Преподавательница пристально посмотрела на неё, слов-
но пытаясь прочитав между строк. В классе повисла тиши-
на.

– Хорошо, – наконец вздохнула она. – Забирайте вещи.
Но, Алиса, предупреждаю: если это способ избежать кон-
трольной, которая запланирована на завтра, последствия бу-
дут.

– Это не так, – твёрдо сказала Алиса, направляясь к пар-
там. – Я всё намерстаю.

Она быстро собрала рюкзак Стеши, аккуратно уложив

учебники и тетради, потом свой. Под взглядами всего класса она чувствовала себя как под микроскопом, но не позволяла себе дрогнуть. Закончив, она кивнула учительнице и вышла в коридор, плотно закрыв за собой дверь.

Стеша ждала её у выхода из туалета, всё так же бледная и поникшая. Алиса протянула ей рюкзак.

– Всё, пошли. Сейчас выйдем и вызовем такси.

Они спустились по широкой лестнице из светлого мрамора, прошли через просторный холл с огромными окнами, захватив куртки и вышли на крыльцо. Осенний воздух был прохладным и свежим после школьной духоты. Алиса уже достала телефон, чтобы открыть приложение такси, как вдруг сверху, со второго этажа, донёсся громкий крик.

– КОСТРОВСКИЙ!

Обе девушки вздрогнули и подняли головы. Из открытого окна их класса математики высунулся Максим. Его лицо было сосредоточенным, волосы растрёпаны.

– Сейчас же вернись! – следом в окне показалась разгневанная Ирина Олеговна, пробирающаяся к однокласснику через парты, её голос звучал металлически резко. – ЗАВТРА ЖЕ С ОТЦОМ К ДИРЕКТОРУ!

Максим не стал ничего отвечать. Он ловко перекинул ногу через подоконник, и, прежде чем учительница успела схватить его за рукав, он уже спрыгнул на ухоженный газон под окном, мягко приземлившись на согнутые ноги. Он встряхнулся, как собака после купания, и лёгкой, пружинистой по-

ходкой направился к ним.

– Сумасшедший, – невольно вырвалось у Алисы, но в её голосе звучало скорее изумлённое восхищение, чем осуждение.

Максим, подойдя, усмехнулся своей обычной, немного наглой ухмылкой, но сейчас в ней читалась усталость.

– И это ты мне после сегодняшнего говоришь? – он кивнул в её сторону, и его взгляд скользнул по её лицу, задержавшись на глазах чуть дольше, чем необходимо. – Сильно, конечно.

– О чём это вы? – тихо спросила Стеша, всё ещё держась за рукав Алисы. Её заплаканные глаза с недоумением перебегали с одного на другого.

– Чуть позже покажем, – ответил Максим, его голос стал серьёзнее. – Подождите, пока я такси вызову.

Он достал телефон, быстрыми движениями вызвал машину.

– Через пять минут будет.

Они молча пошли по асфальтовой дорожке к главным воротам школы. Над ними нависали оголённые ветви старых лип. Молчание было неловким. Алиса чувствовала взгляд Максима на себе, но не решалась посмотреть в ответ.

Такси, серебристый седан бизнес-класса, подъехало точно вовремя. Водитель, мужчина в строгой рубашке, вышел и открыл заднюю дверь.

– Садитесь, пожалуйста.

Первой зашла Стеша, устроившись посередине широкого дивана заднего сиденья. Алиса села слева от неё, прижавшись к дверце. Максим, скользнув взглядом по салону, сел справа от Стефании, так что они оказались все трое вплотную друг к другу. Пространства было достаточно, но Стеша инстинктивно съёжилась, и они сидели почти плечом к плечу.

Машина тронулась, мягко и бесшумно. В салоне пахло свежей кожей и ароматизатором с ноткой бергамота.

– Так о чём вы говорили у школы? – наконец спросила Стеша, нарушая тишину. Её голос был уже чуть твёрже, но в нём всё ещё звучала уязвимость.

– А, это уже выложили, – усмехнулся Максим, глядя в окно на мелькающие дома. Он достал свой телефон, покопался в нём несколько секунд, и на его лице появилась смесь злорадства и триумфа. – Смотри.

Он протянул телефон Стеше, держа его так, чтобы Алиса тоже могла видеть. На экране было открыто видео – запись с чьего-то телефона, немного трясущаяся, но отчётливая. Это был их класс. На видео Максим, с лицом, искажённым яростью, наносил удар Роме Горячеву, затем дрался с его друзьями.

Стефания приложила руку ко рту, её глаза стали огромными. Она увидела, как Максима скрутили, как он оказался на коленях.

– О Боже... – прошептала она.

– Смотри-смотри, – тихо сказал Максим, и в его голосе появились новыенотки – гордости, может быть, даже восхищения. – Дальше интересней.

И тут на видео, с резким криком, в кадр ворвалась Алиса. Её крик, хриплый и дикий, раздался и в салоне такси: «Да я сама, урод, тебя убью!» Даже водитель слегка дёрнулся, бросив взгляд в зеркало заднего вида.

На записи рыжеволосая девушка, казавшаяся такой хрупкой, налетела на Горячева, повалила его на пол и вцепилась в него, как фурия, её удары были отчаянными и яростными.

Стеша смотрела, не отрываясь, её дыхание участилось. Когда видео закончилось, она замерла на секунду. А потом её лицо снова исказила гримаса, но на этот раз не стыда или горя, а чего-то иного. Её губы задрожали, глаза наполнились новыми слезами.

– Ты чего?! – почти одновременно выдохнули Максим и Алиса, увидев, как слёзы снова катятся по её щекам.

– Мне так повезло с вами, – вырвалось у Стефании, её голос срывался на высоких, счастливых нотах сквозь рыдания. – У меня никогда таких подруг не было... никогда... – она повернулась к Алисе и обхватила её за шею, притягивая к себе в крепких, почти душащих объятиях. – Спасибо тебе. Спасибо-о-о-о...

Потом, не отпуская Алису, она развернулась и другой рукой так же обхватила за шею Максима, притянув его к себе. Они оба не успели среагировать.

– И тебе спасибо, Максимка, – всхлипывала она, прижимаясь щекой то к одной голове, то к другой, абсолютно не замечая, в какое положение поставила друзей.

Максим оказался притянут вплотную. Его лицо теперь находилось всего в паре сантиметров от лица Алисы. Он замер, его голубые глаза широко распахнулись от неожиданности. Он видел каждую ресничку на её глазах и едва заметную дрожь на её губах. Он чувствовал тепло её кожи и лёгкий, яблочный аромат её шампуня, смешанный с запахом её дыхания – сладковатым от выпитого ранее компота.

Алиса тоже застыла. Её мир сузился до его глаз, таких близких, таких ясных. Она видела в них не привычную насмешку, а растерянность, удивление и что-то ещё – тёплое, глубокое, что заставило её сердце бешено застучать где-то в горле. Она чувствовала его дыхание на своей коже, видела, как дрогнула мышца на его скуле. Вся драка, весь шум, весь стыд Стеши – всё это отступило, растворилось в этом крошечном пространстве между ними, заполненном тишиной такси и прерывистым дыханием их подруги.

Она не могла отвести взгляд. Он тоже.

Это длилось всего несколько секунд – вечность, застывшая в капле времени. Стеша, всё ещё плача от благодарности, не осознавала, что творит. А они, застывшие в этом неловком, тесном, невероятно близком контакте, чувствовали, как между ними пробежала искра – тихая, но яркая, как вспышка в темноте. Это была не просто физическая бли-

зость. Это было внезапное осознание друг друга без масок, без защитных колючек и раздражённых взглядов. Он видел в её глазах не раздражение, а ту же самую растерянность, что бушевала в нём, смешанную с уязвимостью и чем-то ещё, что заставляло его кровь бежать быстрее. Она видела в его взгляде не наглого хулигана, а того самого «Хатико», о котором говорила Стеша, – преданного, яростного в защите своих, и вдруг невероятно смущённого этой близостью.

Потом Стеша наконец ослабила хватку, отстранилась, вытирая лицо рукавом. Пространство между ними снова появилось, но ощущение этой близости, этого электрического напряжения, повисло в воздухе, густое и осязаемое.

– Вас куда посадить? – спросил водитель, нарушая атмосферу.

Максим первым опомнился. Он откашлялся, отодвинулся чуть дальше на сиденье, его уши заметно покраснели.

– Улица Садовая, дом восемнадцать, пожалуйста, – сказал он, и его голос прозвучал немного хрипло.

Алиса отвернулась к окну, чувствуя, как жар разливается по её щекам и шее. Она смотрела на мелькающие огни, но видела только его глаза, такие близкие, такие голубые. И понимала, что что-то изменилось. В её чувствах к нему.

Ключ повернулся в замке с глухим, усталым щелчком. Алиса переступила порог дома, и привычный запах свежего кофе и лавандового освежителя обнял её, как успокаивающее одеяло. Она машинально наклонилась, чтобы снять

обувь, и тут же замерла. В прихожей, рядом с её розовыми кроссовками, стояли отцовские дорогие броги и мамины лодочки. Сердце упало куда-то в пятки, а в горле тут же пересохло. Они дома. В час дня. Это было ненормально.

Она застыла на месте, прислушиваясь. Из гостиной доносился приглушённый, но напряжённый разговор. Слова были неразборчивы, но тон – деловой, озабоченный. Папин голос, низкий и размеренный, перебивался более взволнованным, мелодичным – маминым. Алиса сделала глубокий вдох, пытаясь унять дрожь в пальцах, и, не надевая тапочек, на цыпочках подошла поближе к приоткрытой двери в гостиную.

– Егор, я просто не могу не переживать, – доносился встревоженный голос Ирины. – Вся эта история с тендером на ту землю у реки... Ты же сам говорил, местные держатся за свои участки мёртвой хваткой. Мы же чужаки для них, в их глазах мы пришли всё отобрать. А этот...

– Ира, успокойся, дорогая, – ответил Егор, и в его голосе слышалась усталая уверенность. – Мы всё делаем по закону. Документы в порядке, предложение выгодное для города – новые рабочие места, модернизация старого завода. Это же не какая-то рейдерская захват, а инвестиции.

– По закону! – мама фыркнула, и послышался звук, будто она поставила кружку на стол с лишней силой. – А ты думаешь, их это остановит? У него, я слышала, уже все судьи на крючке. Он же этот лакомый кусок себе метил, а тут мы со своим фармацевтическим проектом. Ты не видел, как он на

совете инвесторов смотрел на нас? Как будто мы ему лично в тарелку плюнули.

Алиса прижалась к прохладной стене, её дыхание застряло в груди. О ком шла речь? Какой-то бизнесмен был недоволен их вмешательство. Им вставляли палки в колёса.

– Он может сколько угодно смотреть, – твёрдо прозвучал голос отца. – У нас есть поддержка в мэрии, мы прошли все экологические экспертизы. Да, будут проволоочки, бумажная волокита, попытки саботировать через санитарные службы или поставщиков – я к этому готов. Но открыто нападать они не посмеют. Слишком громко.

– А на детей посмеют? – вдруг тихо, почти шёпотом, спросила мама, и в её голосе прозвучала такая глубокая материнская тревога, что у Алисы по спине пробежали мурашки. – Алиса в новой школе... Я слышала, как там подростки делятся по кланам, по фамилиям. Вдруг он своего сына подговорит, чтобы...

– Не накручивай себя, Ирочка, – папа сказал мягче, и слышался звук шагов, будто он подошёл к ней. – Наша девочка умная и сильная. И мы её не оставим. А что до этого мальчика – он не показался мне плохим, я думаю, что они подружатся. Это же дети. Они не должны втягиваться во взрослые разборки.

– В этом городе? – горько усмехнулась мама. – Здесь всё переплетено. Семья, бизнес, школа... Ты сам говорил, что здесь честь семьи важнее всего. А наша честь для них – это

угроза их благополучию.

Алиса отшатнулась от двери, чувствуя, как холодный пот выступает на спине под школьной блузкой. Так вот оно что. Её подозрения оказались верны. Её могут ненавидеть как дочь Лисицыных, которые пришли со своим большим бизнесом и «лезут на их рынок», как говорил когда-то Максим, не понимая всей глубины своих слов. И родители скрывали это от неё, пытались оградить.

– Лисёнок? – мамин голос прозвучал прямо перед ней, и Алиса вздрогнула, как пойманная на месте преступления.

Ирина Лисицына стояла в проёме гостиной, держа в руках пустую кружку. На её лице, обычно таком умиротворённом и мягком, читалось удивление, быстро сменившееся материнской тревогой. Она была в домашних льняных брюках и просторной блузе, её каштановые волосы собраны в небрежный пучок.

– Ты чего так рано? – спросила она, отставляя кружку на комод. Её глаза, того же голубого оттенка, что и у дочери, внимательно сканировали Алису с ног до головы, будто ища признаки болезни или травмы. – Тебе плохо стало? Что-то болит? Температура?

– Алиса? – из гостиной выглянул Егор. Он был в рубашке с расстёгнутым воротником, без пиджака, что для него в рабочее время было редкостью. Его взгляд, пронизательный и умный, сразу же оценил ситуацию. Он подошёл ближе, положив руку на плечо жены. – Всё в порядке? Почему ты не

в школе?

Алиса почувствовала, как подступил ком к горлу. Она крепче сжала лямку рюкзака, ощущая его непривычную тяжесть. Её ладони вспотели. И её собственная история, которую она принесла, вдруг показалась мелочью на фоне этих взрослых, опасных игр.

– Да, со мной всё в порядке, – выдохнула она, стараясь говорить ровно. – Можно поговорить с вами? Тут... такое дело.

Родители переглянулись. В этом быстром, беззвучном обмене взглядами проскользнуло беспокойство, но также и готовность выслушать. Егор кивнул, его бородатая щека дрогнула в лёгкой усмешке.

– Конечно, солнышко. Проходи.

Алиса прошла в гостиную. Комната, залитая осенним солнцем, выглядела уютно и безопасно: папино кожаное кресло, мамина софа, заваленная декоративными подушками, огромные окна, выходящие в сад. Но сейчас эта безопасность казалась хрупкой, иллюзорной, словно тонкий лёд над тёмной водой взрослых конфликтов. Она опустилась на диван, поставив рюкзак на пол. Родители устроились рядом: мама слева, папа справа, создавая своим присутствием непроницаемый, любящий барьер.

– Солнышко, что случилось? – нервно спросила Ирина, её пальцы сплелись в замок на коленях, костяшки побелели. Она всегда волновалась за дочь сверх меры, особенно после переезда, боясь, что она замкнётся в себе. – Говори, не томи.

Ты вся бледная.

– Пожалуйста, только не ругайтесь... – Алиса стыдливо опустила голову, глядя на узор персидского ковра под ногами. Ей было неловко, почти по-детски. Она – отличница, тихая, примерная девочка – а теперь ей предстоит рассказывать о драке. И ещё она чувствовала себя предательницей, подслушавшей их тайные страхи. – Я... я влипла.

– Дочка, не пугай нас, – вздохнул Егор, его голос звучал спокойно, обезоруживающе. Он откинулся на спинку дивана, сложив руки на животе. – Мы не будем ругаться, пока не выслушаем. Говори, что случилось. По частям.

Алиса подняла глаза, переведя взгляд с мамы на папу и обратно. Их лица выражали только ожидание и заботу, без тени предварительного осуждения. Это придало ей немного смелости.

– Вас вызывают завтра к директору... – она выдохнула. – За драку.

Повисла тишина. Такая густая и полная, что можно было услышать тиканье старинных напольных часов в углу комнаты. Родители смотрели на своё чадо в полнейшем, абсолютном недоумении, практически не моргая целую минуту. Ирина даже приоткрыла рот, а Егор медленно приподнял бровь.

– Ты... подралась? – наконец, осторожно, словно проверяя, правильно ли он расслышал, спросил Егор. В его голосе не было гнева, лишь чистое изумление.

– Да, пап, я подралась, – подтвердила Алиса, и её собственный голос прозвучал ей чужим. Она никогда раньше не произносила таких слов.

– Почему? – тут же уточнила Ирина, наклоняясь к дочери. Её глаза сузились, в них читался аналитический склад ума – она пыталась выстроить логическую цепочку. – Кто-то тебя задел? Обидел? Ты защищалась?

Они оставались спокойными, но удивление было таким искренним, почти комичным, что Алисе стало немного легче.

– В общем, тут такое дело... – Алиса замялась. Она понимала, что говорить о фотографиях Стеши – не самая лучшая идея. Это было слишком личное, слишком грязное. Но родителям нужна была правда, чтобы защитить её завтра. Она подняла на маму умоляющий взгляд, пытаясь донести до женщины мерзость поступка без подробностей. – Один мальчик... он сделал кое-что **ОЧЕНЬ** некрасивое по отношению к моей подруге. Прямо очень, мам. Такую гадость... – она замолчала, видя, как в маминых глазах мелькает понимание. Ирина выросла в маленьком городке, она знала, какую форму может принимать подростковая жестокость.

– Максим за неё заступился, – продолжила Алиса, уже увереннее. – Но их было пятеро, и они собирались его избить. Хотя он и мог с ними справиться, наверное... но я так сильно разозлилась... – она снова опустила взгляд, её пальцы теребили край школьной юбки. – И, в общем... ну, сама

в драку полезла. Потом нас разняли.

– Я правильно понял, – медленно проговорил Егор, потирая переносицу, – Что ты заступилась за подругу и за друга, который её защищал, и нас за это вызывают к директору? Без учёта контекста?

– Да, – кивнула Алиса, чувствуя, как на глаза наворачиваются предательские слёзы от облегчения. Они не кричали. Они слушали.

– Дочка, – мама положила свою тёплую ладонь поверх её холодных, сцепленных пальцев. Её прикосновение было успокаивающим. – Скажи, что именно сделал тот мальчик. Не обязательно подробности, но чтобы мы завтра могли правильно выстроить защиту у директора. Это важно.

– Мам... – Алиса снова замялась, чувствуя жар на щеках.

– Милая, не бойся, мы понимаем, – мягко сказала Ирина, поглаживая её руку. – Это что-то... связанное с фотографиями? Или перепиской?

– Да, – сдалась Алиса, чувствуя, как с неё сваливается огромный груз. – Это связано с фотографиями. Не моими. Стешиными. Он их... выложил.

– Дальше не объясняй, – твёрдо кивнул Егор, и его лицо стало серьёзным, даже суровым. Он обменялся с женой долгим взглядом, в котором читалось и родительское негодование, и понимание всей глубины ситуации. – Ну и ну, весело у тебя жизнь здесь начинается, – он вдруг усмехнулся, но в усмешке не было упрёка, скорее, горьковатая ирония. – Но,

солнце, помни, что дракой нельзя всё решить. Хотя... – он вздохнул, – В некоторых ситуациях это единственный язык, который понимают хамы. Я не одобряю, но понимаю.

– Да, пап, я понимаю, – тихо сказала Алиса.

– Ты не пострадала? – снова вклинилась мама, уже по-настоящему осматривая её. – Синяков нет? Тебя не били?

– Нет, мам, меня не трогали. Я... я сама напала, – призналась Алиса, и на её губе дрогнула смущённая улыбка. – Максим меня потом оттащил.

Родители переглянулись, и на их лицах наконец расцвели улыбки – облегчённые, понимающие, даже немного гордые.

– Ну, что ж, – сказал Егор, поднимаясь. – Значит, завтра идём на разбор полётов. Не волнуйся, дочка. Мы на твоей стороне. А теперь иди, умойся, приведи себя в порядок. И садись за уроки.

Алиса кивнула, чувствуя, как огромная тяжесть спадает с плеч. Она обняла обоих родителей – крепко, быстро – и поспешила к себе в комнату.

Дверь закрылась за ней с тихим щелчком. Комната встретила её тишиной и порядком. Рисунки на мольберте, полки с книгами, мягкий плед на кровати. Здесь, в четырёх стенах, она могла быть собой. Она сбросила рюкзак, умылась прохладной водой, смывая следы напряжения с лица, и переоделась в удобные спортивные штаны и старую футболку.

Затем она села за письменный стол, разложила учебники и тетради. Предстояло наверстать пропущенное. Математика.

Ненавистная, сложная, но необходимая. Она открыла учебник на теме, которую они проходили сегодня – тригонометрические уравнения. Теперь нужно было разобраться самой.

Она погрузилась в работу. Шёпот формул, скрип ручки по бумаге, шуршание страниц. Сначала было трудно, мысли упрямо возвращались к сегодняшнему дню: к ярости в глазах Максима, к слёзам Стеша, к тому невероятно близкому моменту в такси, когда их лица оказались в сантиметрах друг от друга, а дыхание смешалось. И к обрывкам взрослого разговора, который она подслушала. Она отгоняла эти образы, заставляя себя сосредоточиться на синусах и косинусах. Постепенно мир сузился до строчек в тетради. Она решала пример за примером, выводила корни, проверяла решения. Упрямая сосредоточенность, которую она обычно направляла на рисунки, теперь помогла ей с математикой.

За окном медленно темнело. Золотой свет сменился багровым закатом, а потом и глубокими синими сумерками. Алиса включила настольную лампу, отбрасывающую тёплый круг света на стол. Она уже разобралась с алгеброй, перешла к геометрии, потом к русскому – нужно было написать сочинение-рассуждение. Время текло медленно, убаюкивающе.

Она почти закончила с английским, переводя скучный текст про экологию, когда на прикроватной тумбочке завибрировал и заиграл весёлый рингтон её телефона. Алиса вздрогнула, оторвавшись от тетради. На экране светилось имя: «Илья Аксёнов».

Она на секунду замерла, затем отложила ручку и взяла трубку.

– Алло? – сказала она, и её голос прозвучал немного сипло от долгого молчания.

– Приве-е-ет, наша героиня! – в трубке раздался жизнерадостный, чуть хрипловатый от болезни голос Ильи. В нём слышалось привычное озорство, но также и какая-то задумчивость. – Как самочувствие? Кости целы? Маникюр не пострадал? Я смотрю, ты там не только рисовать, но и когти выпускать мастерица!

Алиса невольно улыбнулась, откидываясь на спинку стула.

– Привет. Маникюр, к сожалению, придётся восстанавливать, – ответила она, разглядывая свои повреждённые ногти. – А так, вроде жива.

– То-то я смотрю! – засмеялся Илья. – Видел, видел, как ты этого уроды Горячева по кафелю катала! Блин, я ржал до слёз, когда пересматривал! Ты там прям как рыжая фурия! Наш Костёр после этого, я тебе скажу, смотрел на тебя как замороженный. Будто впервые увидел. Да и все в школе только об этом и говорят. Ромашка наш теперь не только с разбитым носом, но и с разбитой репутацией – над ним весь день ржут, что его девчонка побила. Красота!

Алиса слушала, и странное чувство – смесь стыда и гордости – шевельнулось внутри.

– Он этого заслужил, – тихо сказала она.

– Ещё как заслужил! – тут же согласился Илья, и его голос внезапно стал серьёзнее, потеряв шутливую окраску. Наступила короткая пауза, в которой слышалось только его дыхание. – Слушай, Алиса... я, собственно, не только чтобы поржать позвонил.

– А зачем? – спросила она, насторожившись.

– Хочу сказать тебе спасибо, – проговорил Илья, и его слова прозвучали неожиданно искренне, без привычного пафоса или кривляния. – За Стешку. За то, что ты для неё сделала сегодня. И не только сегодня. За то, что ты вообще появилась.

Алиса замерла, сжимая телефон в руке.

– Она мне всё рассказала, – продолжил Илья. Его голос был тихим, – Как ты её из туалета вытащила, как вещи собрала, как с директором говорила... и как до этого на Рому набросилась. Она говорит, что у неё никогда такой подруги не было. Которая не сплетничает за спиной, а сразу лезет в драку. И знаешь... у меня тоже такой подруги не было. – Он снова помолчал. – Я её, сестру-то, люблю очень. Дуреха она, конечно, с фотками напортила жесть, но она добрая и наивная. И я видел, как ей было одиноко до тебя. Все эти девчонки вокруг – они не друзья. А ты настоящая подруга. Так что спасибо. Огромное.

В горле у Алисы встал ком. Глаза неожиданно затуманились. Она смотрела в тёмное окно, за которым мерцали редкие огни, и чувствовала, как что-то тёплое и щемящее раз-

ливается по груди.

– Да брось, Илюх, – прошептала она, с трудом выдавливая слова. – Я просто... я же тоже её друг.

– Это и ценно, – твёрдо сказал он. – Ну, ладно, не буду тебя растрёпывать. Завтра в школу идёшь? Или под арестом дома?

– Иду, конечно, – ответила Алиса, вытирая ладонью предательскую слезинку. – Родители в курсе, они на моей стороне.

– Ну, и отлично! – снова вернулся в его голос привычный задор. – Значит, завтра встретитесь, обсудите дальнейший план по защите чести и достоинства Аксёновой и Костровского. И, кстати, передаю привет от Костра – он, мямля, сам позвонить постеснялся, но интересовался, как ты. Говорит, если что – звони. В любое время.

– Передай, что я в порядке, – сказала Алиса, и её сердце сделало глупый, радостный кульбит.

– Обязательно. Ну, всё, героиня, не засиживайся. Учи уроки, красавица. Спокойной ночи.

– Спокойной, Илья. И... тебе спасибо.

– Не за что. Держись.

Связь прервалась. Алиса ещё какое-то время сидела, держа в руках тёплый телефон, и смотрела в темноту за окном. Звонок Ильи, его слова, его благодарность – всё это было ново, неожиданно и бесконечно ценно. Она чувствовала, как её страхи и сомнения понемногу отступают, сменяясь другим

чувством – принадлежности. Она больше не чужая здесь. У неё есть друзья, которые готовы за неё драться и за которых она готова драться. И это стоило всех сегодняшних волнений.

Она глубоко вздохнула, поставила телефон на зарядку и снова повернулась к учебникам. Но теперь на её лице играла лёгкая, спокойная улыбка. Завтра будет непростой день – разговор с директором, возможно, новые сплетни. И где-то на горизонте маячили тени взрослых конфликтов, о которых говорили родители, тени, которые могли дотянуться и до неё. Но сейчас, в тишине своей комнаты, под тёплым светом лампы, она чувствовала себя защищённой. У неё за спиной были родители. Рядом – друзья. А впереди... впереди была новая страница жизни в этом маленьком, странном, но уже ставшим немного родным городке. И, как ни странно, это её больше не пугало. По крайней мере, не так сильно, как прежде.

Глава 15

Алиса стояла возле раковины и чистила зубы, когда раздался звонок телефона, лежащего в кармане пижамы. Сердце забилося тревожно. Кто мог звонить так рано?

На экране светилось имя «Стеша».

– Алис? – в трубке раздался встревоженный, почти дрожащий голос.

– Да, что такое? – вытащив зубную щётку изо рта, спросила девушка, сплёвывая пасту в раковину. Голос подруги звучал так, что казалось, что она вот-вот заплачет. – Что случилось?

– Ты же сегодня идёшь в школу? Тебя не наказали?

Стеша говорила быстро, а её слова сбивались в один тревожный поток.

– Нет, всё в порядке. Я уже собираюсь. Стень, – Алиса упёрлась рукой с щёткой в раковину, стараясь говорить неторопливо, чтобы успокоить подругу. – Что такое?

Тишина в трубке длилась пару секунд, затем послышался глубокий, неровный вздох облегчения.

– Мне страшно одной идти... – прошептала Стеша, и её голос стал совсем тихим и как будто потерянным. – Можно я до тебя доеду, и мы вместе пойдём в школу...?

Алиса удивлённо моргнула, но тут же кивнула, будто подруга могла её видеть. Похоже, вчерашние события оставили

сильное впечатление. Она снова представила себе бледное, искажённое ужасом лицо Стеши, её дрожащие губы, когда она смотрела на телефон. Конечно, одной ей будет невыносимо.

– Ну да, – твёрдо сказала она. – Без проблем. Давай.

– Я уже готова, пока я до тебя доберусь, ты как раз соберёшься, да? – в голосе Стеши послышалась слабая надежда.

– Да, мой папа нас отвезёт. Приезжай.

– Спасибо! – голос Стеши легкий, уже явно более свободный от тревоги.

И связь прервалась.

Алиса постояла ещё секунду, глядя на своё отражение в зеркале. Рыжие волосы растрёпаны, голубые глаза с небольшими мешками подчёркнуты лёгкой усталостью. Она торопливо умылась, привела себя в порядок, надела школьную форму – белую блузку, тёмно-синюю юбку-плиссе и гольфы. Волосы собрала в привычный высокий хвост, отчего лицо стало казаться строже. Из окна своей комнаты она увидела, как на улице медленно поднимается солнце, окрашивая крыши домов в нежные персиковые тона своими лучами. Городок просыпался, но для неё он теперь был не просто тихим местом, а полем скрытых битв.

Она вышла на кухню, где уже царило утреннее оживление. Запах свежесваренного кофе, горячих оладьев и ванили из кухни витал в воздухе, создавая иллюзию абсолютного уюта. Мама в домашнем халате порхала у плиты,

переворачивая на сковороде золотистые кружочки теста. Её лицо выглядело безмятежным, но Алиса знала – это только видимость. После вчерашнего разговора, подслушанного ею, эта идиллия казалась хрупкой.

– Солнышко, садись, сейчас я оладьи положу, – щебетала мама, улыбаясь ей через плечо. – Спала хорошо? Голова не болит?

– Всё хорошо.

Отец уже сидел за столом, просматривая что-то на экране планшета. Он был в дорогом, отлично сидящем на нём костюме, его рыжеватые с сединой волосы были аккуратно уложены назад. На лице – привычная сосредоточенность делового человека, но, заметив дочь, он отложил гаджет и улыбнулся.

– Доброе утро, принцесса. Готова к новым подвигам?

– Доброе, пап, – Алиса поцеловала родителей в щёки и присела на стул. Её взгляд скользнул по ним, и в памяти снова всплыли обрывки их вчерашнего разговора. Ком в горле снова дал о себе знать.

В этот момент раздался звонок в дверь. Родители удивлённо подняли головы, переглянувшись. Кто это мог быть в такую рань?

– Это Стеша, наверное, – торопливо сказала Алиса, вставая. – Она не хотела одна в школу идти, и я позвала её.

– Что же ты сразу не сказала? – мама широко улыбнулась, а всё её лицо озарилось искренней радостью. – Открывай

скорее и ведем подружку за стол. Ой, я так рада познакомиться! – она захлопала в ладоши, как девочка, и принялась доставать из шкафа дополнительные тарелку, приборы и кружку.

Алиса поспешила к двери, чувствуя лёгкое волнение. Стеша стояла на пороге, неловко переминаясь с ноги на ногу. Она была в опрятно выглядящей школьной форме, её светлые волосы заплетены в тугую косу, но лицо... Лицо было бледным, глаза, обычно такие ясные и весёлые, были опухшими и испуганными. Наверное, она плакала вчера весь вечер. В руках она нервно теребила ремешок своей сумки.

– Привет, – тихо сказала Алиса, отступая в сторону и пропуская её внутрь. – Проходи. Всё хорошо.

– Привет... – Стеша зашла, её взгляд скользнул по просторной, светлой прихожей, обставленной дорого, но уютно. – Мне... немного неудобно... – прошептала она, снимая туфли. – Я и так напросилась с тобой...

– Ты чего? – Алиса мягко потянула её за руку. – Всё хорошо. Проходи. Мои родители будут рады познакомиться с тобой.

– Привет? – мягко улыбаясь, из кухни осторожно показала Ирина. Она словно боялась спугнуть гостью. На ней теперь был накинут лёгкий кардиган поверх халата. – Меня Ира зовут, я мама Алисы. Зови просто по имени.

– Здравствуйте, – явно смущённая таким неприкрыто добрым отношением девушка улыбнулась, и на её щеках вы-

ступил лёгкий румянец. – Меня зовут Стефания, можно просто Стеша.

– Какое красивое имя! Проходи-проходи, не стой в дверях. Мы как раз завтракаем.

Разувшись, Стеша робко последовала за Алисой на кухню. Егор встал из-за стола, его высокая, внушительная фигура могла бы напугать, но его улыбка была тёплой и открытой.

– Пап, познакомься, это Стеша.

– Здравствуйте, – так же смущённо поздоровалась одноклассница, опуская взгляд. – Очень приятно.

– И мне, – Егор кивнул, отодвигая стул. – Проходи, присаживайся. Не стесняйся, мы здесь все свои.

– Тебе с чем оладушки, моя хорошая? – Ирина склонилась над сковородой, её голос звучал тепло и ласково. – С вареньем малиновым или со сгущёнкой? Чай или кофе? Может, какао?

Алиса видела, как растерялась её подруга от такого стремительного гостеприимства. Стеша замерла, её серые глаза метались от лица Ирины к Алисе, ища поддержки. Она выглядела так, как будто снова оказалась перед тем Ромой Горячевым, которым он был до той ужасной ситуации - смущённой и совершенно потерянной.

Алиса не смогла сдержать улыбку.

– Мам, я сама ей чай налью, – вмешалась она, подходя к шкафу. – А Стеша больше любит с вареньем.

– Хорошо-хорошо, – лучезарно улыбаясь, мама продол-

жила своё прерванное порхание у плиты, перекладывая гору золотистых оладий в большую фарфоровую тарелку.

Стеша осторожно присела на краешек стула рядом с местом Алисы. Егор снова устроился напротив, отложив планшет.

– Стеша, расскажи-ка: как в школе приняли нашу Алиску? – задал он вопрос, его голос был спокойным, располагающим к беседе. – Она нам мало что рассказывает, всё больше в своей комнате рисует.

Блондинка оживилась, кажется простой вопрос помог ей немного расслабиться.

– Хорошо, – она закивала и её руки перестали так сильно дрожать. – Мы с Ильёй и Максимом сразу с ней подружились. Остальные тоже хорошо отнеслись, сразу её вопросами стали заваливать, про город большой, про то, как тут у нас... – наконец, на её губах дрогнула слабая улыбка. – Она у нас сразу звездой стала. Все интересовались.

– Это хорошо, – кивнул Егор, его взгляд стал немного пристальнее. – Напомни, пожалуйста, фамилию. Твоих друзей.

– Аксёновы мы с Ильёй, – сказала Стеша, – А Максим Костровский.

На этой фразе в разговоре произошла короткая пауза, в воздухе повисла лёгкая, едва уловимая неловкость. Родители Алисы переглянулись – быстрый, беззвучный обмен взглядами, в котором мелькнуло что-то подозрительно настороженное. Алиса поймала этот взгляд, и холодок снова пробе-

жал по спине. Наверное, они снова подумали, что у детей какие-то своеобразные отношения складываются.

– Твой отец очень приятный человек. Мы вместе сейчас работаем, – продолжил Егор, его лицо снова стало невозмутимым, но в голосе появилась лёгкая деловая отстранённость.

– Спасибо, – Стеша активно кивнула, видимо, рада, что тема знакома. – Папа с дядей вместе «дело держат».

– Именно! – Егор отпил глоток кофе, и его взгляд на секунду встретился с взглядом жены. Ирина, поставив тарелку с оладьями на стол, села рядом.

– Держи, – Алиса поставила перед подругой кружку с ароматным чаем и села рядом, стараясь разрядить атмосферу. – Ешь, не стесняйся, мама мастер на оладьи.

– Спасибо, – Стеша кивнула и взяла вилку.

– Алис, – сказал Егор, обращаясь к дочери, но его слова были адресованы всем за столом. – Мы вчера разговаривали с директором и договорились, что встретимся на большой перемене. Ты тоже подойди в кабинет, хорошо?

Стеша сжалась, как если бы её ударили. Она стыдливо опустила глаза, и её пальцы снова вцепились в край юбки. Вина и страх наполнили её сгорбленную фигуру.

– Хорошо, пап, – кивнула Алиса, чувствуя, как подруга напряглась.

Тишина за столом стала тягостной. Наконец, Стеша подняла голову, её губы задрожали.

– Извините... – неожиданно выпалила она, и все удивлённо повернулись к ней. – Это из-за моей глупости началась драка, и теперь вас отвлекают от работы... Я... я так виновата...

Её голос оборвался. Алиса хотела что-то сказать, но мама опередила её.

– Солнышко, – ласково позвала Ирина что, заставило блондинку поднять глаза от юбки и оглядеться. К удивлению, все присутствующие за столом не выглядели рассерженными. Наоборот, на их лицах читалось понимание и сочувствие. – Ты ни в чём не виновата. Никто не смог бы заставить нашу дочь кидаться с кулаками на мальчика. Алиса не стала бы без необходимости так себя вести, поэтому, могу предположить, что это только для твоей защиты. Тебе вовсе не за чем извиняться. – Ирина ловко обошла острые углы, не упоминая напрямую о фотографиях, волнуясь о чувствах девушки. – И вообще, мы рады, что у Алисы, наконец, появились настоящие друзья. В Москве она была не слишком дружелюбной. И мы переживали, что здесь совсем замкнётся.

– Это нам очень повезло, что Алиса к нам перевелась, – оживилась Стеша, и в её глазах блеснули слёзы благодарности. Она вытерла их тыльной стороной ладони и неуклюже улыбнулась. – Она такая... смелая. И добрая. Вчера... я не знаю, что бы без неё делала.

– Вижу-вижу, – улыбнулась Ирина, и её взгляд смягчился.

– Ну, кушайте, девчонки, а не то опоздаете.

Завтрак продолжился в более спокойной атмосфере. Стеша, почувствовав себя принятой, стала более разговорчивой: рассказывала про себя, про школу, про учителей, конечно же, осторожно избегая темы вчерашнего скандала. Алиса в это время наблюдала за родителями. Папа вёл себя как обычно – спокойно, уверенно. Он задавал вопросы и шутил, но когда их взгляды пересекались, в его глазах читались тревога и беспокойство. Мама тоже старалась казаться весёлой. Но её руки иногда нервно поправляли салфетку, а взгляд надолго останавливался на дочери. Внешнее их спокойствие контрастировало с внутренней озабоченностью вчерашними событиями.

Наконец, завтрак закончился. Девушки собрали тарелки и помогли Ирине убрать со стола, а затем отправились в прихожую одеваться.

– Я вас подвезу, – сказал Егор, надевая пальто. – У мне по пути. Совещание в мэрии.

Дорога до школы заняла не больше десяти минут. Егор вёл машину плавно, лишь изредка отвлекаясь от дороги на беседу с девочками. Алиса сидела на заднем сиденье рядом с подругой и смотрела в окно. Знакомые улицы: маленькие домики с палисадниками, старая площадь с фонтаном, который уже не работал, – всё это, что несколько часов назад сосуществовало в её сознании с понятиями «гармонии» и «идиллии» теперь было наполнено новым смыслом со скры-

тыми связями и драматизмом. Она думала о предстоящей встрече с директором, о том, что скажут родители и о взгляде, которым обменялись они при упоминании Костровских.

Стеша сидела, съёжившись, и безостановочно теребила прядь волос. Её дыхание было частым, прерывистым.

– Всё будет хорошо, – тихо сказала ей Алиса, накрыв её холодную ладонь своей. – Я же с тобой.

– Они все будут на меня смотреть, – прошептала Стеша, её голос дрожал. – Все будут знать... шептаться...

– Пусть шепчутся, – твёрдо ответила Алиса, хотя внутри сама сжималась от подобных мыслей. – Ты сильнее этого. Мы сильнее.

Машина остановилась у знакомых чугунных ворот школы. Здание из красного кирпича, с высокими окнами, выглядело обыденно и даже уютно, но сейчас оно казалось Стеше крепостью, полной врагов. Она замерла, не решаясь открыть дверь.

– Ну, девчонки, успехов, – обернулся Егор, и его улыбка была ободряющей. – Алиса, на большой перемене – не забывай. Стеша, держись. Помни, что правда всегда на твоей стороне.

– Спасибо, – еле слышно пробормотала блондинка.

Алиса открыла дверь, вышла и протянула руку подруге.

– Пошли. Вместе.

Стеша посмотрела на протянутую руку, затем на решительное лицо Алисы. Она глубоко вдохнула, словно собира-

ясь нырнуть в ледяную воду, и взяла её руку. Её ладонь была влажной и холодной.

Они переступили порог школы. В холле было шумно и многолюдно, как всегда утром. Группы учеников разного возраста толпились у стендов, смеялись, обсуждали что-то. И сразу же, как только они появились, несколько взглядов устремилось на них. Вернее, на Стешу. Алиса почувствовала, как рука подруги дёрнулась, пытаясь выскользнуть, но она крепче сжала её пальцы.

– Не смотри на них, – сказала она сквозь зубы, глядя прямо перед собой. – Иди с гордо поднятой головой. Ты не сделала ничего плохого.

Они прошли через холл, направляясь к лестнице. Шёпот следовал за ними, как змеиное шипение. «Смотри, это Аксёнова...», «Горячев её фотки слил...». Алиса чувствовала, как Стеша всё больше съёживается, её шаги становятся короче, будто она хочет исчезнуть.

В этот момент из-за поворота лестницы появился Максим. Он шёл быстро, с привычной уверенной походкой, в руке болтался небрежно накинутый на плечо рюкзак. Увидев их, он резко остановился, и его голубые глаза мгновенно оценили ситуацию: бледное, испуганное лицо Стеши, её дрожащую руку в руке Алисы, шепот вокруг.

Он не стал подходить сразу, давая им пространство. Но его взгляд встретился с взглядом Алисы, и в нём она прочитала нечто большее, чем простое «привет». Была твёрдая

поддержка и понимание, что заставило её сердце ёкнуть. Он кивнул им едва заметно, как бы говоря: «Идите, я здесь».

Этот маленький жест придал Алисе сил. Она потянула Стешу за собой на лестницу.

– Видишь? Максим здесь. Всё будет нормально, – шепнула она.

– Он... он же тоже из-за меня влип, – прошептала Стеша, поднимаясь по ступенькам.

– Он сделал то, что должен был сделать любой друг. И Илья бы сделал, будь он здесь.

Они поднялись на второй этаж, где был их класс. Коридор здесь был чуть менее людным. Стеша наконец выдернула руку и прижалась спиной к стене, закрыв глаза.

– Я не могу... – выдохнула она. – Я не могу зайти туда, Алис. Все будут пялиться...

Алиса обернулась и увидела, что Максим подошёл ближе, но остановился в паре метров, не вмешиваясь. Он стоял, засунув руки в карманы джинсов, и его взгляд был пристально устремлён на них. Он ждал.

– Стеша, послушай меня, – Алиса взяла её за плечи, заставляя открыть глаза. – Ты зайдёшь туда со мной. И мы сядем за нашу парту. И если кто-то посмеет сказать хоть слово, или посмотреть косо, я... ну, ты знаешь, что я могу. – Она попыталась улыбнуться, и эта улыбка получилась немного диковатой, но искренней.

Стеша смотрела на неё, и в её серых глазах медленно, с

трудом, но загорался огонёк. Огонёк доверия.

– И Максим рядом, – добавила Алиса, кивнув в его сторону.

Костровский, услышав своё имя, сделал шаг вперёд.

– Да, я тут, – сказал он просто. Его голос был низким, спокойным. – И никого к вам близко не подпущу, можете не сомневаться. Так что, Аксёнова, соберись. Мы уже столько всего прошли, неужели из-за каких-то идиотских взглядов сдадимся?

Его слова подействовали. Стеша выпрямила спину, сглотнула и кивнула.

– Хорошо... Хорошо, попробую.

Они двинулись к двери класса. Максим шёл чуть сзади, создавая незримый, но ощутимый барьер между ними и остальным миром. Когда Алиса толкнула дверь, и они вошли, в классе на секунду воцарилась тишина. Все повернулись. Десятки глаз уставились на Стешу.

Алиса почувствовала, как та снова замирает, но тут же взяла её за руку и решительно повела к их парте у окна.

– Всем доброе утро, – громко и чётко сказала она, бросая вызов любопытным взглядам. Её голос прозвучал удивительно уверенно.

Некоторые одноклассники смущённо пробормотали ответные приветствия, другие просто отвернулись. Максим прошёл к своей парте сзади, сел и положил ноги на перекладину, приняв вид полнейшего безразличия, но его взгляд

скользил по классу, отмечая каждого, кто слишком пристально смотрел на девочек.

Стеша опустила на стул рядом с Алисой и уткнулась взглядом в парту. Её плечи всё ещё были напряжены.

– Дыши, – прошептала ей Алиса, доставая учебники. – Всё позади. Самые трудные шаги уже сделаны.

Она украдкой посмотрела на Максима. Он смотрел в окно, его профиль был задумчив. Потом он повернул голову, и их взгляды снова встретились. Он подмигнул ей. Одно быстрое, почти неуловимое движение. И этого было достаточно, чтобы лёгкая, тёплая волна разлилась по её груди, отгоняя страх перед предстоящей встречей с директором и тени взрослых конфликтов, маячившие на горизонте. Пока они были вместе – вчетвером, а сегодня втроём – они могли справиться со всем. По крайней мере, она хотела в это верить.

Спустя пару минут, пока Алиса доставала учебники и тетради из рюкзака, а Стеша всё ещё сидела, уставившись в одну точку на парте, к ним медленно, с нерешительными улыбками, стали подходить девчонки из их класса. Первыми приблизились Юля и Оля, которые обычно сидели на задних партах и больше интересовались сплетнями, чем учёбой, но сейчас их лица выражали искреннее сочувствие. За ними, перешёптываясь, подтянулась Ленка, подруга Стеши, с которой они иногда ходили в столовую.

– Стешка, привет, – тихо, почти шёпотом сказала Юля, осторожно присаживаясь на край их парты, чтобы не при-

влекать лишнего внимания всего класса. Её карие глаза были полны беспокойства. – Ты не переживай так из-за этого придурка. Честное слово.

– Да, не переживай, – подхватила Оля, облокотившись о соседнюю парту. Она поправила очки на носу и посмотрела на Стешу с такой открытой жалостью, что та невольно съёжилась. – Он тот ещё идиот, Рома-то. Все это уже поняли. Ты не виновата ни в чём.

Блондинка зашугано подняла голову, оглядев их подозрительным, испытующим взглядом. Её пальцы, всё ещё сжатые в кулаки на коленях, дрожали. Алиса, наблюдая со стороны, затаила дыхание. Она видела, как в глазах подруги мелькает страх – страх очередной издевки, маскирующейся под участие. Этот страх был таким же живым и острым, как утром у школьных ворот. Но, присмотревшись, Алиса уловила в лицах одноклассниц не злорадство, а настоящее, пусть и немного растерянное, сочувствие. Юля даже протянула руку, словно хотела погладить Стешу по плечу, но остановилась, боясь нарушить хрупкие границы.

– Девочки, – прошептала Стефания, и её голос сорвался на хрип. Она отвела взгляд, уставившись на трещинку в старом паркете. – Мне так стыдно... просто не передать... как же теперь все смотрят...

– Ой, Стен, было бы чего стыдиться! – вдруг всплеснула руками Ленка, пробившись вперёд. Её круглое лицо с веснушками выражало неподдельное возмущение. Она присела

на корточках рядом с партой, чтобы быть на одном уровне с Стешей, и заговорила быстро, горячо. – У тебя там фигура – просто загляденье! Я честно, когда фотку увидела, чуть её не облизала, такая ты там красивая! Прямо как модель с обложки!

Стеша аж подпрыгнула на стуле от неожиданности, а её бледные щёки вдруг залились густым румянцем. Она раскрыла рот, чтобы что-то сказать, но слова застряли.

– Вот именно! – подхватила Юля, ободряюще кивая. Её собственные щёки тоже порозовели от эмоций. – Ты там такая... ну, красивая. А то, что бельё... Ну, оно же не прозрачное, да? И не какое-то там... – она замялась, ища слова, – А обычное, красивое. Считай, как в купальнике на пляже. Только и всего.

– Да-да, точно! – закивала Оля. – Все сейчас такое носят. Ничего такого. Это он, Горячев, последний мудака, что такое выложил. У него самого, наверное, мозгов с горошину. А ты ничего не сделала. Я вон тоже такое отправляла Коломину, – девушка пожала плечами, будто не видела в этом ничего такого.

- Коломину? - Лена сморщила нос.

- Ну, да.

Алиса сидела молча, слушая этот поток поддержки. В её груди, туго сжатой тревогой за подругу, начало медленно оттаивать что-то холодное. Она видела, как напряжение в плечах Стеши понемногу спадает, как её сцепленные пальцы по-

степенно разжимаются. Это было не то, чего она ожидала. Она готовилась к шепотам за спиной, к косым взглядам, к откровенным насмешкам. Но вместо этого – эти три девушки, не самые близкие подруги, стояли здесь и, краснея и запынаясь, пытались сказать Стеше то, что, возможно, и сами хотели бы услышать в подобной ситуации. В этом была какая-то пронзительная, неловкая человечность, которая тронула Алису до глубины души. Она почувствовала внезапный прилив тепла к этим одноклассницам, к этому классу, к этому странному городку, где сплетни летели быстро, но и поддержка могла прийти неожиданно.

– Ой, кстати, Стеш, – Ленка, видимо, решив, что тема исчерпана, перешла на более безопасный, девичий тон, понизив голос до доверительного шёпота. – Скажи честно, где такое бельё купила? А то я тоже похожее хочу. Цвет такой классный, розовый.

Стеша окончательно растерялась. Она перевела взгляд с Ленки на Юлю, потом на Олю, и на её губах дрогнула первая за сегодня неуверенная, робкая улыбка. Она была похожа на подснежник, пробивающийся сквозь лёд.

– В... в «Афродите», на центральной, – выдавила она наконец, и голос её звучал уже чуть твёрже. – В прошлом месяце мама подарила.

– О, я знаю этот магазин! – оживилась Юля. – Там такие крутые вещи! В следующий раз, если пойдёшь, возьми меня с собой, а?

– И меня! – добавила Оля.

Разговор постепенно перешёл в обычное девичье русло – обсуждение магазинов, новых коллекций, учёбы. Стеша понемногу включалась, односложно отвечала, кивала. Она ещё не смеялась, но уже не плакала. Её спина выпрямилась. Алиса наблюдала за этим преобразованием, и в её собственной душе стало немного спокойнее. Возможно, не всё потеряно. Возможно, здесь, в этой школе, есть не только враги и сплетники.

В этот момент резкий, громкий звук звонка, заставил всех вздрогнуть. Урок начинался. Девчонки поспешно разбежались по своим местам, кивнув на прощание Стеше и Алисе. В класс вошла Ольга Игоревна, учительница литературы, с стопкой тетрадей в руках. Её строгий взгляд скользнул по классу, на секунду задержавшись на Стеше, но ничего не сказав. Видимо, она уже была в курсе вчерашних событий.

– Открываем тетради, записываем число, – прозвучал её ровный, безэмоциональный голос. – Тема сегодняшнего урока – анализ лирики Серебряного века. Блок. «Незнакомка».

Алиса машинально открыла тетрадь, вывела дату. Но мысли её были далеко от Блока. Она чувствовала, как по спине пробегают мурашки от напряжения. Она украдкой взглянула на Стешу. Та сосредоточенно выводила в тетради заголовки, её лицо было спокойным, уже не таким потерянном. Потом Алиса перевела взгляд через плечо на Максима. Он сидел, развалившись на стуле, одной рукой подпирая голову,

и смотрел в окно. Казалось, он полностью погружён в созерцание осеннего неба. Но Алиса знала – он тоже ждёт. Его спокойствие было обманчивым, как тихая вода перед бурей.

Урок литературы тянулся мучительно долго. Ольга Игоревна говорила о символизме, о двойственности образа. Слова сливались в монотонный поток. Алиса ловила себя на том, что снова и снова прокручивает в голове возможные сценарии разговора с директором. Что скажет папа? Как отреагирует мама? Не поставят ли её на учёт? А вдруг отчислят? Нет, это маловероятно, но... Мысли путались, создавая хаос. Она пыталась сосредоточиться на стихах, но строчки Блока «И каждый вечер, в час назначенный...» почему-то наводили её только на мысли о том самом «часе назначенном» – большой перемене.

Звонок с урока прозвучал как выстрел. Алиса вздрогнула. Класс зашумел, задвигали стульями, зазвенели голоса. Она медленно начала складывать учебники в рюкзак, чувствуя, как ладони становятся влажными.

– Лисицына, Костровский, – раздался у неё над ухом спокойный голос Ольги Игоревны. Учительница стояла рядом с партой девочек, её лицо было непроницаемым. – Вас просили подойти в кабинет директора на большой перемене. Не опаздывайте.

– Хорошо, – кивнула Алиса, не поднимая глаз.

Преподавательница задержалась на секунду, её взгляд смягчился.

– Всё нормально будет, – тихо добавила она и пошла к своему столу.

Эти три слова, сказанные суровой литераторшей, почему-то придаде Алисе сил большее, чем вся поддержка одноклассниц. Она глубоко вдохнула, пытаясь унять дрожь в коленях. Рядом Стеша положила руку ей на плечо.

– Всё будет хорошо, – прошептала она, и в её глазах читалась такая же тревога, но теперь смешанная с решимостью. – Твои родители с тобой. И... он с тобой.

Она кивнула в сторону Максима, который уже подходил к их парте, перекинув рюкзак через плечо. Его лицо было серьёзным, без тени обычной хулиганской ухмылки.

– Пойдём? – просто спросил он, глядя на Алису.

Она кивнула, встала. Ноги были ватными. Она поправила юбку, взяла рюкзак. Стеша обняла её быстро, крепко.

– Я жду здесь, – сказала она. – Расскажешь всё.

Алиса ещё раз кивнула и вместе с Максимом вышла в коридор. Дверь класса закрылась за ними, отсекая привычный шум и оставляя их в полупустом, звонком пространстве школьного коридора. Звук их шагов по линолеуму отдавался эхом. Алиса шла, глядя себе под ноги, чувствуя, как ком в горле растёт с каждой секундой.

– Эй, – тихо сказал Максим, идя рядом. Он смотрел не на неё, а вперёд, но его плечо почти касалось её плеча. – Не вешай нос. Мы же не на расстрел идём.

– Ага, – выдавила она. – Просто к директору. Из-за драки.

Из-за того, что я напала на человека. Из-за того, что моя семья – новые, чужеродные элементы в вашем идеальном городе.

Она не планировала говорить всё это, но слова вырвались сами, горькие и обиженные.

Максим резко остановился, заставив её тоже замереть. Он развернулся к ней, и его голубые глаза стали тёмными.

– Слушай сюда, Лисёныш, – сказал он, и его голос звучал негромко, но с такой силой, что она невольно подняла на него взгляд. – Во-первых, ты напала на подонка, который заслуживал в десять раз больше. Во-вторых, твоя семья – не «элементы». То, что происходит между акулами бизнеса к нам не имеет отношения. Это разборки взрослых. Поняла?

Он говорил так уверенно, так твёрдо, что Алиса на миг забыла о своём страхе. Она видела в его глазах не просто поддержку друга, а что-то большее – защиту, ответственность и даже гнев за неё.

– Но директор... – начала она, но он перебил.

– Директор – женщина умная. Она всё выслушает. А родители... – он сделал паузу, и углы его губ дрогнули в лёгкой, ободряющей усмешке. – Твои родители, я слышал, на твоей стороне. Они не дадут тебя в обиду. И мои... – он запнулся, и тень пробежала по его лицу, но он тут же отмахнулся. – Ну, в общем, мы всё решим. Вместе.

Он произнёс последнее слово особо, отчеканив каждый слог. «Вместе». Оно повисло в воздухе между ними, тёплое

и тяжёлое от обещания.

– А если... если меня отчислят? – выдохнула Алиса, выдавая свой самый большой страх.

Максим фыркнул.

– Да с чего бы? За драку на почве защиты чести подруги? Это ж почти подвиг по нынешним меркам. В худшем случае – выговор, может, пару дней отработки. Мы с Ильёв прошлой весной пол-кабинета разнесли на географии, и то обошлось. А тут – явная провокация и моральный ущерб. Так что расслабься.

Его уверенность была заразительной. Алиса почувствовала, как дрожь в руках понемногу стихает. Она посмотрела на него – на его высокую, уверенную фигуру, на решительный взгляд, на лёгкую улыбку, которая теперь играла на его губах. Он казался... надёжным. Скалой, о которую можно было опереться.

– Спасибо, – прошептала она.

– Не за что, – он махнул рукой и снова тронулся в путь. – Просто запомни: ты не одна. Никогда. Пока я здесь.

Они дошли до конца коридора, где массивная дверь кабинета директора, обитая тёмным деревом, казалась входом в иной мир. Оттуда уже были слышны разговоры родителей.

Стеша осталась одна. Она прижалась спиной к прохладной кафельной стене, сложив руки на груди, и попыталась унять дрожь в пальцах. В ушах ещё звенели обрывки её соб-

ственных мыслей и обещание Алисы: «Всё будет хорошо». Но сердце стучало тревожно, будто предупреждая о чём-то.

Она не могла просто стоять и ждать. Эта неподвижность, это ожидание – оно сводило с ума, заставляя вновь и вновь прокручивать в голове вчерашний кошмар: взгляд Ромы, холодный и насмешливый, уведомление на телефоне. Ей нужно было двигаться. Куда угодно. Лишь бы отвлечься.

Стеша оттолкнулась от стены и медленно пошла по длинному коридору. Её шаги по линолеуму отдавались гулко и одиноко. Она свернула в сторону спортивного крыла – там обычно было пустынно в это время, после обеда, когда основные уроки физкультуры уже закончились. Здесь пахло по-другому: не пылью и мелом, а потом, старым деревом паркета и синтетическим покрытием беговых дорожек. Воздух был прохладнее. Она шла, глядя себе под ноги, на выцветшие разметки на полу, пытаясь сосредоточиться на их чётких линиях, а не на хаосе внутри.

Именно поэтому она почти не заметила, как в конце коридора, у большого окна, выходящего на старый школьный стадион, сгрудилась знакомая, ненавистная теперь компания. Пять высоких, поджарых фигур в спортивных костюмах и дорогих кроссовках. Друзья Романа Горячева. Сердце Стеши провалилось куда-то в пятки, а ноги сами собой замерли. Она хотела развернуться и уйти – быстро, бесшумно, пока её не заметили. Но было поздно.

– О, смотрите-ка, кто к нам пожаловал, – раздался знако-

мый, нарочито громкий голос. Это был Саша Бурков, один из основных игроков команды, парень с лицом ангела и взглядом змеи. Он оторвался от подоконника и сделал несколько неспешных шагов в её сторону, за ним потянулись остальные. – Аксёнова. Как настроение? Краснеть уже научилась или ещё нет?

Стеша попыталась сделать вид, что не слышит, и продолжила идти, глядя прямо перед собой, но её путь уже преградил ещё один парень – Коля, которого в команде звали «Столб» из-за роста. Он просто встал перед ней, скрестив руки на широкой груди.

– Куда так спешишь? – спросил он, и в его голосе не было злобы, было какое-то скучающее, развлекающееся любопытство. – Пришла показать новую коллекцию? У тебя только розовое было на тех фото или и другое есть?

Его слова, произнесённые с такой неприкрытой, похабной усмешкой, ударили Стешу прямо в солнечное сплетение. Воздух вырвался из лёгких со свистом. Она почувствовала, как лицо заливается жаром, а потом мгновенно холодеет. В глазах потемнело.

– Может, другое покажешь? – подхватил третий, низенький и вертлявый, его звали Димка. Он отошёл к двери, ведущей в мужскую раздевалку, и приоткрыл её с преувеличенной любезностью. – Вон, в раздевалке, например. Там и свет хороший, и уединение. Мы культурно постоим, полюбуемся. Грязный, дружный хохот прокатился по коридору, отска-

кивая от стен и возвращаясь к Стеше многократным эхом. Этот звук был хуже любого удара. Он разрывал её изнутри, выставляя на всеобщее обозрение её боль, её стыд, её унижение. Слёзы подступили к глазам, предательски горячие. Она сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони, пытаясь болью заглушить желание расплакаться тут же, на глазах у этих уро- дов. Как же было обидно! Обидно до физической тошноты. И так одиноко. Алисы, Максима, Ильи – никого рядом не было. Она была одна против пяти. И сил противостоять их наглому, тупому хамству у неё не оставалось.

– Ну, что, молчишь? – Бурков сделал ещё шаг, и теперь он был совсем близко. От него пахло потом и каким-то резким одеколоном. – Или стесняешься? Да ладно, мы свои ребята. Рома наш, хоть и в занят, тебе передаёт привет, кстати. Говорит, спасибо за материал – прославила его на всю школу.

– Отстаньте, – выдавила Стеша, но её голос прозвучал тонко, сдавленно, как у мыши. Он не произвёл никакого впечатления, только вызвал новый взрыв смеха.

– Ой, испугалась! – скомандовал Димка. – Да мы не кусаемся. Просто пообщаться хотели. Ты ж теперь звезда, Аксёнова. Должна с народом общаться.

Именно в этот момент, когда отчаяние и стыд уже готовы были перелиться через край и заставить её убежать или закричать, сзади, со стороны основного коридора, раздались чьи-то тяжёлые, неторопливые шаги. Не те, что у школьников – быстрые, стучащие. А именно тяжёлые, чуть шаркаю-

щие, будто человеку было совершенно наплевать на всё вокруг, и он никуда не спешил.

Все, включая Стешу, невольно обернулись на звук.

Из полумрака прохода вышел Игорь Царёв.

Он был высок, даже выше баскетболистов, но его высота была другой – не спортивной и подтянутой, а какой-то грузной, основательной. Широкие плечи под тёмной, потрёпанной кожанкой, взлохмаченные тёмно-русые волосы, падавшие на лоб, тяжёлый, немного отрешённый взгляд из-под густых бровей. Игорь Царёв был легендой школы, но легендой мрачной. Он появлялся редко, мог пропадать неделями, а когда приходил – с ним никто не связывался. Даже самые отчаянные хулиганы обходили его стороной. Ходили слухи, что он связан с какими-то взрослыми разборками на районе, что у него за спиной тюрьма. Стеша, как и большинство, побаивалась его. Он был из другого мира, непонятного и угрожающего.

Игорь остановился в паре метров от группы, его взгляд медленно скользнул по лицам баскетболистов, а затем остановился на Стеше. В его серых, почти стального цвета глазах не было ни любопытства, ни насмешки. Был лишь холодный, оценивающий интерес.

Наступила тишина. Грубый смех оборвался, словно его перерезали ножом. Баскетболисты переглянулись, в их позах появилась неуверенность. Царёв молчал.

Затем Игорь неспешно подошёл к Стеше. Он не сказал ни

слова, просто поднял руку и положил свою тяжёлую, тёплую ладонь ей на плечо, притягивая к себе. Прикосновение было неожиданным, но не грубым – скорее, властным, утверждающим. Стеша вздрогнула, но не отпрянула. От него пахло табаком, холодным осенним воздухом и чем-то ещё – металлом, может быть, или кожей.

Игорь притянул её чуть ближе к себе, поворачиваясь к компании так, чтобы она оказалась как бы под его защитой. Потом он наклонил голову и неожиданно прижался своей щекой к её виску. Это был странный, интимный жест, полный необъяснимой близости. Стеша замерла, её сердце бешено заколотилось, но уже не только от страха.

– Слышь? – голос Игоря был низким, хрипловатым, как будто он редко им пользовался. Он обращался к Буркову, но не повышал тона. В его интонации было что-то такое усталое и презрительное, что от неё стало холодно. – А ты завидуешь ей? Чо, одни трусы и те от бати достались, вот и цепляешься?

Саша Бурков смутился. Его наглое выражение лица сползло, сменившись растерянностью. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, попытаться отшутиться, но Игорь его перебил, даже не дав начать.

– Вы если блондиночку мою обижать будете, – продолжил Царёв, и теперь его голос приобрёл лёгкую, почти незаметную опасную окраску, – Я ваш обожаемый мяч баскетбольный в жопу каждому по очереди запихаю. Ясно?

Он произнёс это так спокойно, так буднично, словно об-

суждал погоду. Но в этих словах не было и тени шутки. Это было обещание. Жёсткое и неоспоримое.

Димка попытался улыбнуться, сделать вид, что это всё игра.

– Царь, да чо ты... – начал он, но его улыбка получилась кривой и нервной. – Мы же шутим просто. Ничего такого.

– Шутка, – перебил его Игорь, и теперь он уже смотрел на Димку, и его взгляд заставил того отступить на шаг, – Это когда смешно. А мне не смешно было. И ей тоже, – он указал на затихшую девушку глазами, – А ты девчонку унижаешь за то, что твой дружбан – кретин полнейший.

Он снова повернул голову, и его щека снова коснулась виска Стеши. Она стояла, затаив дыхание, не смея пошевелиться. Вся её вселенная сузилась до этого тёплого прикосновения, до низкого голоса у неё над ухом, до запаха табака и кожи. Страх никуда не делся, но к нему примешалась какая-то дикая, необъяснимая благодарность и... интерес. Она никогда так близко не видела Игоря Царёва.

– Так что, – закончил Игорь, обводя всю компанию тем же тяжёлым, неспешным взглядом, – Ещё хоть слово про эти фотки услышу – каждый из вас следом за Горячевым в травмпункт отправится. Ясно?

– Ясно... – нестройно, покорно прозвучало в ответ. Баскетболисты опустили глаза, отступили к окну, сделав вид, что снова увлечены видом на стадион. Их боевой дух испарился без следа.

Только тогда Игорь убрал руку с плеча Стеши и, наконец, отодвинулся. Он опустил взгляд на неё. Его лицо вблизи оказалось молодым, но уставшим. На скуле виднелся небольшой шрам, а в уголках глаз залегли тонкие морщинки – не от смеха, а от привычки щуриться. В его взгляде теперь не было той ледяной угрозы, но и теплоты особой не читалось. Была какая-то отстранённость, будто он уже мысленно был далеко отсюда.

– Пошли, заяц, – сказал он просто, кивнув головой в сторону противоположного выхода из коридора. – Нечего на придурков смотреть.

И он пошёл, не оглядываясь, уверенный, что она последует. Стеша, всё ещё в состоянии лёгкого шока, семенящими шажками бросилась за ним, боясь отстать. Они свернули в соседний, более узкий и тёмный коридор, где обычно хранился спортивный инвентарь. Здесь пахло резиной и пылью. Игорь остановился, обернулся и прислонился к стене, скрестив руки на груди. Он смотрел на неё, и теперь в его взгляде появилось что-то вроде ленивого любопытства.

Стеша стояла перед ним, сжимая и разжимая пальцы. Адреналин понемногу отступал, оставляя после себя дрожь в коленях и странную пустоту в голове. Она подняла на него глаза – серые, как у неё самой, но совсем другие.

– С-спасибо... – выдохнула она наконец, и её голос снова прозвучал тонко и неуверенно.

Игорь хмыкнул, коротко и беззвучно.

– Не за что, – пробурчал он. – Просто не люблю, когда сволочи нападают стайей. Особенно на тех, кто слабее.

Его слова могли бы прозвучать обидно, но в его устах они были просто констатацией факта. Стеша почувствовала, как снова краснеет.

– Я не слабая, – возразила она тихо, но с внезапной для самой себя искоркой упрямства.

Игорь поднял бровь, и углы его губ дрогнули в чём-то, отдалённо напоминающем улыбку.

– Вижу, – сказал он. – Видел, как ты вчера Костра отчитывала в столовой. Голосок, может, и тонкий, а взгляд – огонь. Сегодня просто не в форме была. От фоток этих.

Он упомянул фотографии так естественно, без тени похабного интереса, как о чём-то само собой разумеющемся, что Стеше стало немного легче. Она кивнула, опустив взгляд на свои туфли.

– Да... Глупо вышло.

– Не глупо вышло, – поправил он резко. – Он – мудака. Такие всегда найдут, к чему прицепиться. Если бы не фотки, нашёл бы что-то другое. Рот кривой, или смех дурацкий, или ещё какую-нибудь хрень. Цель не в тебе, а в том, чтобы самоутвердиться. Ты просто попала под раздачу.

Он говорил это с такой взрослой, уставшей уверенностью, будто видел подобное сотни раз. Стеша слушала, и её страх перед ним начал понемногу таять, сменяясь острым любопытством.

– Почему... ты заступился? – рискнула она спросить.

Игорь пожал одним плечом, его взгляд стал рассеянным, будто он смотрел куда-то сквозь стены.

– Сказал же – не люблю несправедливость. Да и... – он замолчал на секунду, как будто взвешивая слова. Потом его взгляд снова сфокусировался на ней, стал более внимательным, изучающим. – Блондинки с серыми глазами всегда были моей слабостью. Особенно когда они смотрят так, будто готовы либо заплакать, либо пойти в рукопашную. Интересное сочетание.

Он сказал это так, как будто делал нейтральное наблюдение о погоде, но в его голосе скользнула какая-то едва уловимая, тёплая нотка. Намёк? Или просто констатация факта? Стеша не поняла. Её сердце ёкнуло, но мозг отчаянно сигнализировал: осторожно, это Царёв, он опасен, он не из твоего круга.

– Я... я не знала, – пробормотала она, чувствуя, как снова заливается краской.

Ей было неловко и... приятно? Да, где-то глубоко внутри, под слоем страха и непонимания, шевельнулось что-то приятное. Внимание такого парня льстило. Особенно после всего, что произошло с Ромой.

– Теперь знаешь, – заключил Игорь и оттолкнулся от стены. Он вытащил из кармана кожанки пачку сигарет, посмотрел на неё, потом сунул обратно, будто вспомнив, где находится, – Ты чего одна тут шляешься? Где твоя банда? Рыжая

и два клоуна?

Его описание друзей заставило Стешу невольно тронуться уголком губ. «Рыжая и два клоуна». Это было удивительно точно.

– У директора, – выдохнула она. – Разбор полётов из-за вчерашнего... – она не стала уточнять. Он и так всё знал, наверное. В школе все знали.

Игорь кивнул, словно что-то обдумывая.

– Ну, они справятся, – заключил он. Потом помолчал. Воздух в коридоре был прохладным и неподвижным. – Ты... не обращай внимания на этих идиотов. У них мозги в одном месте. Завидуют, наверное, что кто-то таким девчонкам как ты нравится, – она недоумённо хлопнула глазами, но он не дал ей задуматься над своими словами, – Ладно, заяц. Иди к своим. Твои друзья, наверное, уже вышли от директора. А то опять влипнешь во что-нибудь без присмотра.

Он снова назвал её «зайцем». Это прозвище звучало одновременно и покровительственно, и... ласково? Нет, наверное, это просто его манера.

– А ты? – спросила она, не зная, что ещё сказать.

– А я пойду туда, где мне положено быть, – ответил он загадочно. – Увидимся. Может быть. И, Стефания... – он впервые назвал её по имени, и от этого её имя в его устах прозвучало как-то особенно, значимо. – Держи голову выше. Не давай мразям собой помыкать. Ты сильнее, чем кажешься.

С этими словами он развернулся и пошёл вглубь коридо-

ра, к запасному выходу, который, как все знали, почти всегда был закрыт, но, видимо, не для него. Его широкая спина в кожанке медленно растворилась в полумраке.

Стеша осталась стоять одна в тихом коридоре. В ушах ещё звенел его низкий голос: «Блондинки с серыми глазами всегда были моей слабостью». Что это было? Подача? Искренний комплимент? Или просто способ сказать «не парься»? Она не знала. Всё внутри перепуталось: благодарность за спасение, остаточный страх перед его репутацией, лёгкое головокружение от неожиданной близости и этот странный, тёплый след от его слов.

Она медленно пошла обратно, к кабинету директора. Её шаги теперь были твёрже. Дрожь в руках утихла. Может, Игорь Царёв и был пугающим и странным, но сегодня он оказался тем, кто встал на её сторону без всяких условий. И в этом был какой-то особый, горький смысл.

Подойдя к знакомой двери, она снова прислонилась к стене, уже не так беспомощно. В голове продолжался сумбур. Рома, фотографии, унижение... и вдруг – Игорь, его тяжёлая рука на плече, его щека у её виска, его спокойная, раздавившая обидчиков уверенность. Мир перевернулся с ног на голову ещё раз. И теперь она ждала друзей не только с тревогой, но и с новой, смутной мыслью, которую даже сама себе боялась сформулировать.

Глава 16

Разговоры в кабинете директора смолкли, когда Максим, держащий Алису за своей спиной, словно живой щит, прошёл в кабинет первым. Его широкие плечи блокировали её от взглядов, а рука, лежавшая на дверном косяке, была напряжена, будто готовилась в любой момент оттолкнуть опасность. Воздух в кабинете был густым от напряжения, пах старыми книгами и дорогими духами – смесь, которая заставила сердце Алисы учащённо забиться. Она мельком увидела своего отца, Егора Лисицына, в его безупречном тёмно-синем костюме, стоявшего рядом с высокой, строгой женщиной с чёрными волосами – Элиной Костровской. Их позы были зеркальными – скрещённые руки, чуть отставленная нога, лица, застывшие в масках холодной деловой вежливости. Напротив, в плюшевых креслах, сидели родители Ромы Горячева: полная женщина в ярко-розовом костюме с золотыми пуговицами и её муж, коренастый, лысеющий мужчина с тяжёлым взглядом.

– Явились! – всплеснула руками женщина в розовом, её голос прозвучал пронзительно и фальшиво. Её глаза, маленькие и блестящие, как у птицы, мгновенно оценили Алису с ног до головы. – Посмотрите, на вид такая приличная девочка...

– Не нападайте, – сурово, но без повышения тона перебил

её Максим, сделав шаг вперёд и окончательно выводя Алису из-за своей спины. Он не смотрел на женщину, его взгляд был устремлён прямо на директора, но каждое слово было точно в цель. – Ваш Рома тоже с виду приличный мальчик.

Алиса увидела, как уголок рта её отца дрогнул в почти неуловимой улыбке, а его взгляд, скользнув по Максиму, стал чуть теплее, оценивающим и – да, уважительным. Этот беглый, безмолвный кивок мужского понимания заставил что-то внутри Алисы дрогнуть.

– Ты про моего сына гадости не придумывай! – взвизгнула мать Горячева, её щёки залились нездоровым румянцем.

– А вы про наших детей, – таким же грозным, но куда более контролируемым тоном заявила Элина Костровская. Она не повышала голос, но каждый слог звучал отточенно и холодно, как лезвие. – Мы здесь чтобы разобраться, а не обмениваться оскорблениями. Хотя вы, кажется, уже начали без нас.

– Не грубите моей жене, – вступился мужчина, сидящий в кресле. Он тяжело поднялся, и его тучная фигура на мгновение заслонила свет от окна. – Она расстроена.

– Ваша жена тут всех чуть ли не матами обложила, пока мы ждали, а мы грубим? – рыжая бровь Егора взметнулась вверх. Он медленно повернул голову в сторону мужчины, и в его спокойных, умных глазах вспыхнул опасный огонёк. – Может, вам сначала стоило научить её вести себя в присутствии директора учебного заведения, а уже потом учить дру-

гих? Моя дочь предоставит факты. А факты, как известно, вещь упрямая.

– Так, давайте все успокоимся и выслушаем детей, – пожилая женщина за массивным дубовым столом – Лидия Петровна – устало вздохнула и сняла очки, протерев их краем пиджака. Её лицо, испещрённое морщинами, выражало профессиональную усталость и решимость довести дело до конца. – Проходите, Максим, Алиса.

Максим слегка подтолкнул Алису вперёд, и они подошли к своим родителям. Алиса почувствовала, как ладонь отца мягко ложится ей на плечо – твёрдое, ободряющее прикосновение.

– Здравствуйте, – тихо, но чётко сказала Алиса, обращаясь к Элине.

Женщина ей мило, по-настоящему улыбнулась, и в её голубых глазах, таких же, как у сына, мелькнуло тепло и любопытство.

– Добрый день, – поздоровался Максим, протягивая руку Егору.

– Здравствуй, – улыбнувшись уголком губ, ответил Егор, крепко пожимая его руку. Их взгляды встретились на секунду дольше, чем требовало простое приветствие. – Спасибо, что был рядом.

– И так, – директриса указала рукой на вошедших детей, её голос приобрёл официальные, ровные интонации. – Что произошло, Алиса? Расскажи, пожалуйста, со своей точки

зрения. Без эмоций, по фактам.

Алиса сделала глубокий вдох, чувствуя, как все взгляды впиваются в неё. Она собрала волю в кулак.

– Давайте я, – вызвался Костровский, снова делая шаг вперёд.

– Нет, – мягко, но не допуская возражений, сказала Лидия Петровна. – Я спросила девочку. Продолжай, Алиса.

– Рома Горячев повёл себя крайне некрасиво по отношению к моей подруге, Стефании Аксёновой, – начала Алиса, заставляя голос звучать ровно. – Он без её согласия выложил в общий доступ её личные фотографии. Максим, узнав об этом, вступился. На большой перемене ребята из баскетбольной команды – их было шестеро – зажали Максима и собирались его избить. Я не смогла стоять в стороне, когда моих друзей обижают, и тоже вступила в... конфликт.

– Ложь! – громко, срывающимся на крик голосом запротестовал Рома, который до этого сидел, надувшись, в углу. Он вскочил, его лицо исказила злоба. – Она всё врет! Я ничего не выкладывал! Это Стеша сама ко мне лезла, а потом напала эта, как сумасшедшая!

– Тихо, Роман! – Лидия Петровна повысила голос, и в её интонации прозвучала сталь. – Ты выскажешься, когда придёт твоя очередь. Продолжай, Алиса.

Женщина, сидевшая рядом с Горячевым, громко, презрительно фыркнула.

– Ты ему чуть глаза не выцарапала, а говоришь «кон-

фликт»! Не стыдно такое рассказывать? Воспитанная девочка из хорошей семьи, а ведёшь себя как уличная гопница!

Алиса почувствовала, как по спине пробежала волна жара. Она сжала кулаки, но прежде чем она успела что-то сказать, заговорил её отец.

– Воспитание моей дочери – моя забота, – сказал Егор, и его голос стал тише, но от этого только опаснее. – И я горд, что она не прошла мимо, когда творилась несправедливость. А ваши упрёки в её адрес звучат особенно цинично, учитывая, что ваш сын – инициатор всей этой грязной истории.

– Вы что, не можете воспитать свою дочь? – устало, с преувеличенным раздражением спросил отец Горячева, обращаясь к Егору. – Чтобы не лезла в чужие разборки и не царапалась, как кошка?

– Вы не научили своего сына мужским манерам, уважению к чужой частной жизни и элементарной порядочности, а я виноват, что моя дочь заступает за друзей? – парировал Егор, и на его лице появилась холодная, почти хищная улыбка. – Может, это у вас проблемы с воспитанием? Или с пониманием того, что такое моральный ущерб?

– Мой сын сказал, что он ничего не сделал! – взвизгнула мать Ромы.

– А вся школа может это опровергнуть, – зло, сквозь стиснутые зубы выдал Максим. Он больше не мог молчать. Его голубые глаза, обычно такие светлые, потемнели от ярости. Он повернулся к Роме, и его взгляд стал таким острым, что

тот невольно отпрянул. – Ваш Рома тот ещё выскочка и засранец, который понятия не имеет, что такое мужское поведение. Сплетничает, подставляет, а когда получает по заслугам – прячется за мамину юбку и врёт.

– Ты как разговариваешь, мелкий...?! Да я тебя... – зарычал отец Горячева, делая угрожающий шаг в сторону Максима.

– Держите язык за зубами, если не хотите проблем! – зло, отчеканивая каждое слово, выпалила Элина. Она встала между мужчиной и своим сыном, и её стройная фигура вдруг показалась неприступной крепостью. – Вы угрожаете моему ребёнку в кабинете директора? У вас вообще есть представление о границах?

Наступила тягостная пауза. В воздухе висела непробиваемая стена взаимной ненависти. И тут Рома, видя, что его родители не справляются, решил нанести удар ниже пояса. Он снова поднялся, и на его лице расплылась наглая, злобная усмешка.

– О, защитник наш выискался! – с гадкой, пренебрежительной усмешкой выплюнул он, уставившись на Максима. – Конечно, будешь за неё горой стоять. Особенно если под каблуком уже у неё сидишь, как цепной пёс. Все в школе видели, как вы чуть ли не зажимаетесь по углам. Наверное, уже всё попробовали? Или ведёшь себя как рыцарь, чтобы к ней под юбку скорее залезть.

Слова повисли в воздухе, грязные и липкие. Алиса почув-

ствовала, как вся кровь отливает от лица, а потом приливает обратно, обжигая щёки. Унижение и ярость затмили разум.

Но Максим среагировал быстрее. Со скоростью пантеры он рванулся вперёд, миновал попытку отца Ромы загородить путь и схватил того за грудки рубашки. Сильным рывком он прижал Горячева к стене, рядом с книжным шкафом. Зазвенели стёкла.

– Повтори, – прошипел Максим, его лицо было в сантиметрах от перекошенного от страха лица Ромы. Голос его был низким, хриплым от сдерживаемой ярости. – Повтори, что ты только что сказал. Я тебе челюсть на место вправлю, чтобы ты больше никогда не смог гавкнуть.

– Максим! – крикнула директор.

– Костровский, отпусти! – рявкнул отец Ромы.

Но Максим не слышал. Его взгляд был прикован к Горячеву, в котором не осталось и тени наглости. В этот момент Алиса, преодолев оцепенение, бросилась к ним. Её ладонь легла поверх сжатой в белый узел руки Максима, впившейся в воротник рубашки Горячева.

– Макс, – её голос прозвучал тихо, но с такой чёткой, недрогнувшей интонацией, что слова будто врезались в гулкую тишину кабинета. Её пальцы сомкнулись вокруг его костяшек, сжимая их не для того, чтобы оторвать, а чтобы напомнить: она здесь. – Отпусти. Он этого не стоит. Не здесь. Не для нас.

Она смотрела ему прямо в глаза, и в её взгляде не было ни

мольбы, ни паники – лишь спокойная, непоколебимая уверенность, пробивающаяся сквозь пелену его ярости. Максим застыл, его грудь тяжело вздымалась. Взгляд метнулся от её лица к её руке, сжимающей его кулак, затем к перекошенной от ужаса физиономии Ромы. Казалось, он замер на острие ножа. Потом, с тихим, сдавленным стоном, который вырвался скорее от внутренней борьбы, чем от физического усилия, его пальцы разжались, один за другим, отпуская помятую ткань. Он отшатнулся, сделав резкий, прерывистый вдох, и его дыхание по-прежнему было тяжёлым, но теперь в нём слышалось и облегчение.

– Прости, Лис, – сказал он, подталкивая подругу обратно к родителям.

Рома, пошатываясь, сполз по стене, поправляя помятую рубашку.

– Всё, – ледяным голосом сказала Лидия Петровна. Она поднялась из-за стола, и её лицо выражало бесповоротное решение. – Этого достаточно. Роман Горячев, твоё поведение, как в отношении Стефании Аксёновой, так и здесь, в моём кабинете, неприемлемо. Ты отстраняешься от занятий на неделю. Официальный выговор будет занесён в личное дело. О дальнейших последствиях – возможно, переводе в другой класс или даже школу – мы поговорим с твоими родителями отдельно, после того как они выплатят моральную компенсацию семье Аксёновой и принесут публичные извинения. Что касается драки... – она перевела взгляд на Али-

су и Максима. – Максим, Алиса, ваши действия, хотя и понятны, не являются методом решения конфликтов в стенах школы. Вы получаете по замечанию. Но, учитывая обстоятельства и провокацию, они не будут занесены в досье. На этом разбор окончен. Родители Горячевы, остаются в моём кабинете для приватной беседы.

Родители Ромы, бледные и злые, сели на место. Дверь закрылась, и в коридоре воцарилась тишина. Егор первым выдохнул, расслабив плечи. Он повернулся к Элине и протянул руку.

– Егор Лисицын. Очень признателен вашему сыну. Он вёл себя как настоящий мужчина.

– Элина Костровская, – ответила женщина, пожимая его руку. Её улыбка теперь была искренней и усталой. – И мне хочется извиниться, что ваш первый опыт общения со школой в нашем городе оказался таким... ярким. Максим много рассказывал об Алисе. Теперь вижу, что ничего не преувеличил, девочка действительно очень впечатляющая.

– Ма-ам, – смущённо позвал юноша, призывая мать не продолжать, на что все остальные лишь улыбнулись.

Он потупил взгляд, потрогал затылок, и на его щеках появился лёгкий румянец. Это было так непохоже на его обычную самоуверенность, что Алиса невольно улыбнулась.

– Алиса, – сказала Элина, обращаясь к ней. – Рада наконец познакомиться. Спасибо, что успокоила моего сорванца. Он иногда забывает, где находится.

– Приятно познакомится, – смущённо кивнула Алиса. – И... спасибо вам.

– Не за что, милая, – Элина ласково коснулась её плеча.

Егор перевёл взгляд на юношу, и на лице его появилось выражение, которое Максим видел раньше лишь мельком — откровенное, безоружное одобрение. Он шагнул к нему, и его рука, привыкшая к рукопожатиям на переговорах, легла на Максимово плечо с неожиданной отеческой простотой.

— Спасибо, сынок, — произнёс Егор, и в его обычно твёрдом голосе прозвучала тёплая, глубокая нота. — За то, что был рядом с ней. И за то, что смог услышать её сегодня и отпустить. Это порой сложнее, чем ринуться в бой.

Максим стоял, слегка опустив голову, будто тяжесть этих слов требовала от него особой собранности. Он кивнул, не находя сразу подходящих слов, его взгляд сам собой потянулся к Алисе.

— Она... она не должна была через это проходить, — наконец выговорил он, и в его сбивчивых словах было больше искренности, чем в любой гладкой фразе.

— Не должна, — согласился Егор, и его глаза сощурились в короткой, понимающей улыбке. — Но раз уж пришлось, хорошо, что ты был там. Всё сделал как надо.

Они собрались уходить. Элина, поправляя сумочку, тихо сказала Егору, так что Алиса, стоявшая рядом с Максимом, едва расслышала:

– Мне искренне жаль, Егор, что вы с семьёй попали в та-

кую... сложную ситуацию с бизнесом здесь, в городе. Не все методы конкуренции одинаково чисты.

Егор лишь тяжело вздохнул и кивнул, не вдаваясь в подробности.

– Таковы реалии. Благодарю за понимание.

Алиса нахмурилась, уловив обрывок фразы. «Ситуация с бизнесом»? Что это значит? Всё стало ещё хуже? Но её мысли прервал Максим, который осторожно дотронулся до её локтя.

– Пойдём? – спросил он тихо.

Она кивнула. Они двинулись по коридору в сторону кабинетов. За спиной оставался гул голосов из обители директора и тихий разговор их родителей. Алиса шла рядом с Максимом, чувствуя странную смесь облегчения, усталости и тёплой, необъяснимой благодарности, которая согревала её изнутри, несмотря на холодок неясной тревоги, поселившейся где-то глубоко после слов Элины.

Прошло несколько дней, и после волнений и разговоров в кабинете директора, обычные школьные дни казались Алисе невероятно спокойными и даже немного скучными. Радовало одно - Илью выписали и он, наконец, снова не замолкал ни на минуту на перемене. Казалось, копил все слова, которые мог, пока не видел друзей.

Солнечный свет, пробивавшийся сквозь высокие окна коридора второго этажа, лениво пылил на паркет, окрашивая

его в тёплые медовые тона. Воздух пах мелкой пылью, старыми книгами и ароматом чьих-то духов – смесь, ставшая уже привычной. Алиса прислонилась спиной к прохладному окну, глядя на свою подругу. Стеша, опёршись локтями на широкий подоконник, уставилась на осенний двор, где ветер гонял по асфальту жёлтые кленовые листья.

– Ну, так что насчёт концерта? – снова спросила Алиса, пытаясь вернуть внимание Стеши к разговору. – Ты точно идёшь? Через две недели же. Говорят, будет круто, группа из Питера приезжает.

– А? Да, наверное, пойду, – рассеянно ответила Стефания. Её пальцы нервно теребили край школьной юбки, а взгляд всё скользил куда-то мимо, будто она ждала кого-то или чего-то. После истории с фотографиями и заступничества Игоря Царёва она была не в себе – задумчивая, но не подавленная, а скорее, сосредоточенная на чём-то внутреннем. – Просто не знаю, с кем. Илья со своей Аней пропадает, вы с Максом... – она запнулась и покосилась на подругу. – В общем, одной, наверное, не хочется.

– Мы с тобой ходим, конечно, – тут же предложила Алиса, улыбаясь. – И Максим с Ильёй наверняка захотят. Устроим компанией.

– Может быть, – кивнула Стеша, но её внимание внезапно обострилось. Она выпрямилась, и её серые глаза, обычно такие открытые, сузились, став внимательными, почти хищными. Алиса проследила за её взглядом и увидела его.

Игорь Царёв появился из-за поворота коридора, ведущего к лестнице в спортзал. Он шёл не спеша, почти небрежно, его высокая, крепкая фигура двигалась с той особой, расслабленной уверенностью, которая сразу выделяла его из толпы. На нём были чёрные рваные джинсы, просторная серая толстовка с капюшоном, накинутым поверх русых, чуть выующихся волос, и потрёпанные кеды. Он не смотрел по сторонам, его взгляд был устремлён куда-то вдаль, будто весь этот школьный шум и суэта были для него лишь фоном, не стоящим внимания. Его лицо, с резкими, выразительными чертами и постоянной лёгкой тенью небритости на щеках, было невозмутимым.

– Подожди, – тихо, но твёрдо прошептала Стеша, отталиваясь от подоконника. Её голос прозвучал так решительно, что Алиса даже вздрогнула. – Я... на секунду.

И прежде чем Алиса успела что-то сказать, Стефания быстрыми шагами направилась к Игорю. Она возникла перед ним так неожиданно, что он инстинктивно отшатнулся, едва не врезавшись в неё. Его серые глаза, обычно полуприкрытые от скуки, резко открылись, выразив мгновенное удивление, которое тут же сменилось привычной насмешливой маской.

– Привет, – выдохнула Стеша, и её щёки моментально покрылись лёгким, предательским румянцем. Она стояла, слегка запрокинув голову, чтобы смотреть ему в лицо, и её пальцы сцепились за спиной в нервном замке. – Ты сегодня тоже

решил в школу прийти?

Игорь замер, оценивающе окинув её взглядом с ног до головы. Уголок его рта дрогнул в едва заметной, чуть издевательской ухмылке.

– Привет, заяц, – он хмыкнул, слегка выгнув бровь. Его голос был низким, хрипловатым, будто от недосыпа или сигарет. – Ну, мама заставила, пришлось идти. Не могу же я вечно её расстраивать, правда?

В его тоне сквозила такая откровенная ирония по поводу самого понятия «пришлось идти», что Стеша невольно улыбнулась.

– Ясно, – кивнула она, чувствуя, как язык вдруг стал ватыным.

Она хотела сказать что-нибудь ещё, задержать его, продлить этот миг, но мозг отказывался выдавать хоть одну умную мысль. К её счастью, Игорь сам продолжил диалог. Он медленно, с преувеличенной небрежностью прислонился плечом к стене рядом с плакатом о предстоящих олимпиадах, скрестив руки на груди.

– Ты не боишься вот так при всех подходить ко мне? – спросил он, и в его глазах вспыхнул знакомый, опасный огонёк озорства. Он наклонился к ней чуть ближе, понизив голос до шёпота. – До брата твоего быстро дойдёт, он же тебе не даст житья, если узнает, что разговаривала со мной.

Стеша почувствовала, как по спине пробежали мурашки – не от страха, а от того, как он произнёс эти слова. Будто

они делились какой-то большой, важной тайной.

– Илья иногда слишком много на себя берёт, – ответила она, нахмурившись, но в её голосе слышалась не злость, а скорее лёгкое раздражение. Она сделала шаг ближе, сократив дистанцию между ними до почти неприличной. – Я не обязана его во всём слушаться. Я сама решаю, с кем мне разговаривать.

– Ого, – протянул Игорь, и его ухмылка стала шире, почти одобрительной. Он медленно покачал головой, его взгляд скользнул по её лицу, задержавшись на губах, потом снова встретился с её глазами. – Какая ты бунтарка, оказывается. А с виду – тихая, скромная девочка с косичкой. Облик обманчив.

– А ты с виду – опасный, нелюдимый хулиган, который всех сторонится, – парировала Стеша, неожиданно для себя самой набравшись смелости. Её сердце колотилось где-то в горле. – А на самом деле тогда заступился за меня, как настоящий джентльмен. Так кто здесь кого обманывает?

Игорь замер. На секунду его насмешливая маска сползла, и в его глазах мелькнуло что-то искреннее, почти удивлённое. Затем он рассмеялся – тихим, бархатным смехом, который грелся где-то глубоко в груди.

– Джентльмен, – повторил он, растягивая слово, будто пробуя его на вкус. – Меня так ещё никогда не называли. Обычно – оторва, бандит. А тут – джентльмен.

Он оттолкнулся от стены и сделал ещё полшага вперёд.

Теперь между ними оставалось не больше тридцати сантиметров. Стеша почувствовала запах его одежды – осенний ветер и одеколон с нотами табака. Ей стало дурно от собственной смелости.

– Может, я и есть джентльмен, – продолжил он, его голос стал ещё тише, почти шёпотом, предназначенным только для неё. – Только очень избирательный. Не для всех открываю эту свою... благородную сторону.

– И для меня открыл? – спросила Стеша, и её собственный голос прозвучал хрипловато от волнения.

– Для тебя – да, – просто сказал Игорь, и в его глазах не было ни шуток, ни подначки. Была простая, прямая констатация факта, от которой у Стеши перехватило дыхание. Он посмотрел на её губы, затем снова в глаза. – Потому что ты не испугалась. И не побежала жаловаться. И даже сейчас стоишь здесь, хотя пол-школы на нас уже пялится.

Стеша инстинктивно обернулась. Действительно, из дальнего конца коридора пара девятиклассниц с интересом наблюдала за ними, перешёптываясь. А совсем рядом стояла группа восьмиклашек. Она почувствовала прилив досады, но не отступила.

– Пусть смотрят, – пожала она плечами, стараясь выглядеть равнодушной. – Мне всё равно.

– Вот видишь, – Игорь кивнул, и в уголке его рта снова заплясала та хитрая, одобрительная усмешка. – Настоящая бунтарка. Мне такие нравятся. Опасные.

– Я не опасная, – запротестовала Стеша, но её губы сами растянулись в улыбку.

– О, ещё какая опасная, – парировал он. – Подойдёшь ко мне на глазах у всей школы, заговоришь, заставишь всех вспомнить, что я вроде как учусь здесь... Да ты, зайка, можешь вообще всё перевернуть с ног на голову, если захочешь.

Он назвал её «зайка» нежнее, чем в тот день, и это прозвище, звучавшее из его уст, обожгло её, как поцелуй. Она потупила взгляд, внезапно смутившись.

– Я не... я не хочу ничего переворачивать, – пробормотала она.

– А зря, – сказал Игорь, и его голос снова стал обычным, чуть отстранённым. Он отстранился, сделав шаг назад, и пространство между ними снова наполнилось прохладным воздухом коридора. – Иногда стоит. Жизнь тогда интереснее становится. Ну ладно, мне пора. Мамка заставила прийти, но это не значит, что я должен тут до вечера торчать. Увидимся, бунтарка.

И он, не дожидаясь ответа, развернулся и пошёл прочь той же неспешной, уверенной походкой, растворившись за поворотом, ведущим к запасному выходу.

Стеша стояла на месте ещё несколько секунд, чувствуя, как жар медленно спадает с её щёк, оставляя после себя странную, сладкую дрожь внутри. Затем она глубоко вздохнула, поправила косу на плече и, стараясь сохранить спокой-

ное выражение лица, вернулась к Алисе.

Алиса наблюдала за всей сценой, широко раскрыв глаза. Она видела, как Стеша подошла к Игорю, как они разговаривали, как он наклонился к ней, а она не отступила. Видела, как её подруга улыбалась – той особой, смущённо-счастливой улыбкой, которую Алиса раньше видела только в её разговорах о Роме. Но сейчас в этой улыбке было что-то новое – не девичья влюблённость, а что-то более взрослое, заинтересованное и даже вызывающее.

– Ну, что, проводила своего рыцаря в сияющих доспехах из толстовки? – спросила Алиса, как только Стеша подошла. Её голос звучал лёгким, но в нём явно читалось любопытство.

Стеша вздохнула и прислонилась к подоконнику рядом, глядя в сторону, куда ушёл Игорь.

– Не дразни, – тихо сказала она, но в её тоне не было обиды.

– Я не дразню, – Алиса повернулась к ней, опершись о подоконник боком. Её голубые глаза изучали лицо подруги. – Я просто... в шоке, честно. Стеш, это же Игорь Царёв. Тот самый, который появляется в школе раз в полгода и на которого все смотрят как на какого-то призрака или бандита. И ты... ты с ним разговариваешь. Более того, он с тобой разговаривает. Что происходит?

Стеша помолчала, глядя на свои руки. Потом подняла на Алису взгляд, и в её серых глазах читалась смесь смущения

и решимости.

– В тот день... после того, как ты ушла с Максом к директору, я решила пройтись, – начала она медленно. – И наткнулась на друзей Ромы. Они стали прикалываться над фотками. Говорили гадости. А Игорь... он просто появился. Как из-под земли. И встал рядом. И сказал им, чтобы они заткнулись. А потом... он меня за собой увёл. Чтобы я не слушала эту грязь.

– Ого, – выдохнула Алиса. – И что, он тебя... защитил, получается? Просто так?

– Да, – кивнула Стеша, и на её губах появилась та самая, странная улыбка. – Он назвал меня «своей блондиночкой» и сказал, что если они тронут меня, он им мячи баскетбольные в самые неподходящие места запихает. Это было так круто.

Алиса слушала, и её мозг лихорадочно пытался сопоставить образ угрюмого, вечно отсутствующего Царёва с этим поступком.

– И сегодня ты сама к нему подошла, – констатировала Алиса.

– Я хотела сказать спасибо, – быстро сказала Стеша, но её щёки снова порозовели. – Ну, и... посмотреть. Он такой... другой. Не как все эти пацаны в школе, которые только и знают, что хвастаться деньгами родителей или спортивными достижениями. Он... настоящий какой-то. Грубый, да. Но честный.

– Стеш, – осторожно начала Алиса, – Ты же понимаешь,

кто он? Все говорят, что у него проблемы, что он связан с какими-то сомнительными ребятами, что он может быть опасен.

– Я знаю, что говорят, – резче, чем предполагала, ответила Стеша. Она выпрямилась и посмотрела на Алису прямо. – Но я видела, каким он вчера был. Он не опасен для меня. Он... помог. Когда все остальные либо смотрели, либо смеялись. Даже Илья и Макс были заняты. А он – нет. Он просто был рядом.

В её голосе прозвучала такая твёрдая уверенность, что Алиса отступила. Она видела, как подруга преобразилась за один день. Из застенчивой, вечно смущающейся девчонки она становилась... сильнее. И, похоже, Игорь Царёв был частью этой трансформации.

– Ладно, – сдалась Алиса, поднимая руки в знак мира. – Ты взрослая, сама всё видишь. Просто... будь осторожна, хорошо? И, кстати, а что он тебе сегодня сказал? Вы там почти нос к носу стояли, – она игриво шевельнула бровями.

Стеша засмушалась, но глаза её горели.

– Он спросил, не боюсь ли я с ним разговаривать при всех. Сказал, что Илья меня за это съест. А я ответила, что Илья слишком много на себя берёт. А он... – она замялась, улыбаясь. – Он сказал, что я бунтарка. И что я ему нравлюсь.

– Вау, – протянула Алиса, впечатлено качая головой. – Прямо флиртовал, значит.

– Немного, да, – призналась Стеша, и её улыбка стала ши-

ре. – Но не как все. Не как Рома, который сразу слащавым становится. Он... как будто проверял. Шутил, но не насмеялся. И назвал меня «зайкой» снова.

– «Зайкой»? – Алиса выгнула бровь. – Мило. Очень побандитски.

– Отстань, – засмеялась Стеша, толкая подругу плечом. – Просто... он другой. И мне с ним интересно. И не говори никому, особенно Илье, ладно? Он точно с ума сойдёт и устроит сцену. А я не хочу, чтобы он лез. Это... моё. Пока.

Она посмотрела на Алису умоляющим взглядом, в котором была и просьба, и доверие.

– Хорошо, – серьёзно кивнула Алиса. – Никому не скажу. Клянусь. Это наш с тобой секрет. Но обещай, что если что-то пойдёт не так, ты сразу ко мне придёшь. Или к Илье, или к Максусу. Мы все тут для тебя.

– Обещаю, – тепло сказала Стеша, обнимая подругу за плечи. – Спасибо, Лис. Ты лучшая. И знаешь... после всего этого дерьма с Ромой, после этих фоток... Мне казалось, я вообще никогда больше не решусь с кем-то заговорить. А он... он как будто дал понять, что всё это ерунда. Что я не та, кем меня пытались выставить. И это... это очень много значит.

Они постояли так молча, глядя в пустеющий коридор. Звонок на урок должен был вот-вот прозвенеть.

– Ну, что, – вздохнула Алиса, – Пора на литературу. Галкина сегодня обещала тест, помнишь? Надо идти готовиться

к мучениям.

– Да, – согласилась Стеша, но её мысли явно были далеко. Она ещё раз бросила взгляд в ту сторону, где скрылся Игорь, затем решительно тряхнула головой, будто стряхивая грёзы. – Пойдём. А про концерт... да, давай сходим все вместе. Будет весело.

И они, взявшись под руки, направились к своему кабинету, оставляя за спиной пустой подоконник.

Глава 17

После уроков они договорились встретиться у главных ворот школы. Стеша, ещё немного бледная, но уже с твёрдым огоньком в глазах, ждала их, переминаясь с ноги на ногу. Илья, как всегда, висел на Максиме, что-то оживлённо рассказывая и жестикулируя. Алиса подошла последней, накинув лёгкую куртку поверх школьной формы. Осенний воздух был прохладен и свеж, пах прелыми листьями и дальним дымком.

– Ну, что, команда спасателей в сборе? – с напускной серьёзностью спросил Илья, оглядывая всех. – Куда двигаем? Прямо в эпицентр сплетен или куда подальше?

– В парк, – твёрдо сказала Стеша, подхватывая Алису под руку. Её голос звучал уже увереннее, чем утром. – Нам нужно проветрить головы. А вы, – она кивнула на парней, – Можете идти следом и нести сумки почётного эскорта.

– О, слушаюсь и повинуюсь, ваше высочество, – с пафосом поклонился Илья, снимая с плеча Стеши её рюкзак. – А ты, Костёр, неси сумку твоей принцессы. Смотри, не урони, а то она тебя этим же рюкзаком и приложит, как я вчера видел.

Максим лишь усмехнулся, но без раздражения, и легко подхватил рюкзак Алисы, перекинув его через плечо рядом со своим.

Они пошли по тихим улочкам города, минуя площадь, где уже зажигались фонари. Дома, в основном двухэтажные, с резными ставнями и палисадниками, выглядели уютно и спокойно. Но Алиса знала, что под этой патриархальной оболочкой кипели свои страсти, и её семья оказалась в самом центре водоворота. Мысль об этом, как всегда, вызывала тяжёлый ком в груди. А ещё мысли о будущем. Москва. Строгая, знакомая, огромная Москва ждала её после выпускного. Родители уже обговаривали планы – престижный вуз, карьера, жизнь в большом городе. Это было логично, правильно... и безнадёжно далеко от всего, что начинало здесь складываться. От Стеши, от этой странной, размеренной жизни в провинции, от... него. Она украдкой посмотрела на Максима, который шёл чуть впереди, споря с Ильёй о чём-то хоккейном. Его профиль на фоне золотящегося неба казался таким чётким и родным. И от этой мысли стало одновременно тепло и страшно.

– Эй, Лис, отзовись! – голос Ильи вырвал её из раздумий. – Спросил тебя: в Москву точно собралась? Бросишь нас, бедных провинциалов?

Алиса вздрогнула, поймав на себе сразу три взгляда – любопытный Ильи, сочувствующий Стеши и... внимательный, изучающий взгляд Максима. Он замолчал и смотрел на неё, будто ждал ответа с таким же напряжением, как и все.

– Ну... да, – выдохнула она, стараясь говорить легко. – Родители хотят, чтобы я поступала в МГУ. Архитектура или

дизайн. Там больше возможностей.

– Возможностей для чего? – не унимался Илья. – Для того чтобы сойти с ума в пробках и никогда не видеть солнца из-за смога? Мы и тут красиво жить можем. Правда, Костёр?

– Каждый выбирает своё, – парировал Максим, но его голос прозвучал как-то плоско, без обычной живости. Он снова отвернулся, и Алисе показалось, что его плечи напряглись. – Кому-то мегаполис, а кому-то... – он не договорил, лишь пожал плечами.

– А тебе что, Макс? – спросила Стеша, пытаясь разрядить атмосферу. – Тоже в столицу рванёшь, кольца отцовской империи покорять?

– Не знаю, – честно ответил он, засунув руки в карманы джинсов. – Ещё не решил. Может, и останусь. Здесь тоже есть, за что держаться.

Его последние слова он произнёс так тихо, что их почти заглушил шум проезжающей машины. Но Алиса услышала. И почувствовала, как что-то ёкнуло внутри – смесь надежды и боли. Она снова посмотрела на него, но он уже шёл вперёд, и выражение его лица скрыла тень от листвы.

Парк встретил их тишиной и прохладой. Позднее солнце, уже не такое жаркое, золотило пожелтевшие листья клёнов и берёз, рассыпанные по узким асфальтовым дорожкам. Воздух пах сырой землёй, прелой листвой и дымком отдалённого костра. На центральной аллее, где стояли скамейки с выцветшей от времени зелёной краской, было почти безлюдно

– лишь пара мам с колясками вдалеке да стайка воробьёв, оживлённо копошившаяся под лавкой.

– О, свобода! – воскликнул Илья, сбрасывая рюкзаки на одну из скамеек. – А теперь, дорогие дамы, наблюдайте за высшим пилотажем братской любви!

И прежде чем Стеша успела что-то сообразить, он громко, на весь парк, заявил:

– Знаете, а моя сестрёнка, оказывается, героический поступок совершила! Котёнка из лужи вытащила! Прямо как спасатель МЧС, только в юбке!

Стеша замерла, её лицо выразило полное недоумение.

– Илья, о чём ты? – начала она, но он уже продолжал, обращаясь к невидимым зрителям:

– Да-да, только представьте! Видит бедное мокрое создание, и – бац! – сама в лужу, пытаясь его поймать! Героизм, да и только! Почти утопла за котёнка!

Осознание медленно, а потом стремительно накатило на Стефанию. Её серые глаза округлились, затем сузились до щёлочек. Илья, довольный своим рассказом, даже не заметил, как её руки сжались в кулаки.

– Илья... – прозвучало низко и опасно.

– Что, сестрёнка? – он обернулся к ней с невинной улыбкой.

– Я... ТЕБЯ... УБЬЮ! – с громким воплем Стеша рванулась за ним.

Илья, хихикая, как сумасшедший, метнулся к большому

дубу и начал носиться вокруг него, ловко уворачиваясь. Его смех и её гневные крики нарушили парковую идиллию. Стеша, с развевающейся за спиной косой, была похожа на разъярённую фурию. Илья то приседал, то резко менял направление, постоянно оглядываясь и корча рожицы.

– Стеня, родная, успокойся! – кричал он, едва успевая увернуться от её попытки схватить его за капюшон куртки. – Я же по-доброму! Ты сама рассказала, как котёнка вытащила, а я просто добавил драматизма! Мол, героический поступок, почти как спасти тонущего ребенка! Он же оценил!

– Так вот что ты Роме тогда сказал, что я сама в эту лужу свалилась, пытаюсь его поймать?! – заорала Стефания, её щёки пылали ярким румянцем от бега и ярости. – Я тебе руки-ноги повыкручиваю!

Илья фыркнул, перепрыгнул через низкую ограду клумбы и припустил к фонтану, который уже не работал. Стеша, не раздумывая, последовала за ним, её кроссовки хлюпали по мокрой траве.

На лавочке неподалёку, укутанные в тёплые куртки, сидели Максим и Алиса. Они наблюдали за этой суматохой, и оба не могли сдержать смеха. Алиса прикрывала рот ладонью, но её плечи предательски тряслись. Максим откинулся на спинку скамьи, его голубые глаза искрились весельем, и широкий, беззаботный смех разносился по тихому парку.

– Бедный Илюха, – проговорила сквозь смех Алиса. – Кажется, сегодня ему не сносить головы.

– Да он сам попросился, – усмехнулся Максим, следя за тем, как Стеша наконец-то настигла брата у фонтана и начала дубасить его по спине. – Но выживет. Они всегда так.

Он повернулся к ней, и его смех постепенно стих, сменившись более спокойным, задумчивым выражением. Тишина, воцарившаяся между ними после шума погони, была густой и насыщенной. Алиса почувствовала это напряжение и инстинктивно отодвинулась на скамейке, но пространства было мало.

– Представь, – начал он вдруг, его голос прозвучал тихо, почти задумчиво. Алиса повернула к нему голову, и солнечный луч, пробившийся сквозь листву, упал на её рыжие волосы, заставив их вспыхнуть. – Представь, если бы мы с тобой так же друг за другом бегали?

Она фыркнула, отводя взгляд к пруду, где утки мирно плавали по гладкой воде. Внутри всё сжалось. Мысли о Москве, о временности всего этого, заставили её ответить резче, чем она планировала.

– С чего бы это? Ты же, наверное, сразу бы сдался, – сказала она, пытаясь сохранить лёгкий, шуточный тон.

– Клянусь, – продолжил Максим, наклоняясь чуть ближе, так что она почувствовала тепло его плеча рядом со своим. Его голос стал ниже, интимнее, предназначенным только для неё. – За один поцелуй я бы сразу сдался тебе. Без боя. Капитулировал на милость победителя.

Лицо Алисы помрачнело. Улыбка соскользнула, словно её

сдуло резким ветром. Она почувствовала, как в желудке сжимается холодный узел. В голове всплыли обрывки разговоров: голос Матросова в раздевалке, его наглое предложение пари, и потом – слова Василенко: "И, между прочим, я слышал, он на тебя даже спор заключил. Так что небось тоже использует для своих целей." Она тогда отмахнулась, но семя сомнения упало в почву и проросло колючим чертополохом. А потом был тот случай в кафе на прошлой неделе, когда какая-то миловидная блондинка, улыбаясь во все тридцать два зуба, подошла к нему в кафе и, игнорируя компанию, начала кокетничать с Максимом, попросив номер телефона. Она до сих пор помнила тот приступ немой, ядовитой злости, который сковал её тогда.

– Ты чего? – голос Максима вернул её к реальности. Он насторожился, развернулся к ней всем корпусом, и его брови сдвинулись в лёгкой тревоге. – Я тебя обидел? Я не хотел, можешь воспринимать как шутку...

– Нет, – быстро сказала Алиса, заставляя себя выдохнуть. Она смотрела на свои руки, сцепленные на коленях. Голос звучал глухо, отстранённо. Защитная стена, которую она пыталась выстроить против своих чувств и против него, дала трещину, и сквозь неё хлынула обида и боль от возможного предательства. – Просто... у тебя осталось пару дней, верно, чтобы начать встречаться со мной?

Она произнесла это тихо, почти шёпотом, не глядя ему в глаза. В её голосе звучала не обида, а какая-то усталая го-

речь, как будто она уже смирилась с предательством, которого не было. Нахмурившись, она увела взгляд в сторону, где Стеша снова поймала Илью за капюшон и начала его трепать.

Максим замер. Его лицо выразило полное недоумение, смешанное с нарастающим беспокойством. В горле у юноши встал ком от странного предчувствия и той интонации, которой она это сказала.

– А потом что? – нервно усмехнувшись, спросил он, пытаюсь поймать её взгляд. Его голос звучал напряжённо, продолжая натягивать улыбку. – Ты в тыкву превратишься в полночь и у меня шанса не будет или что? Или ты прям сейчас в Москву умотаешь, а меня с хрустальной туфелькой оставить решила? Я не понял.

– Спор проиграешь, – резко выпалила Алиса, наконецглянув на него. В её голубых глазах, обычно таких ясных, теперь клубилась буря обид и разочарований. Они так чётко отражали огорчение, что Максим невольно сглотнул, почувствовав укол в самое сердце.

Однако его взгляд всё ещё выражал полнейшую растерянность.

– Не понял? – переспросил он, медленно, словно разбирая каждое слово. – Какой спор? О чём ты?

– Я всё знаю, – зло прошипела Алиса, её пальцы впились в ткань её юбки. Она наклонилась к нему, чтобы Стеша и Илья не слышали. – Про ваш спор с Матросом на меня. Что если ты начнёшь со мной встречаться до конца месяца, то он

тебе десять тысяч отдаст. А если нет – ты ему. У тебя срок истекает, да? Вот и клеишься из последних сил, только вот в кафе та девочка помешала, наверное, план сорвался?

Глаза Кострова буквально полезли на лоб. Он отпрянул, как от удара током, и его лицо исказилось смесью шока и нарастающего гнева. Он поперхнулся воздухом.

– ЧЕГО-О-О?! – удивлённо и громко протянул он, привлекая внимание всё ещё бегающих друзей. Илья и Стеша на секунду прекратили возню, переглянулись, но, видя серьёзность сцены, решили не подходить, притворно продолжив тихую перепалку.

– Я слышала, как он тебе предлагал это в раздевалке перед физрой, – продолжала Алиса, уже тише, видя его реакцию. В её голосе появились нотки неуверенности.

– Ага? – Максим прищурился, его голос стал низким и насмешливым. – А дальше-то ты слышала? До конца подслушала, моя маленькая шпионка?

– Н-нет, – неуверенно качнула головой девушка, отводя глаза и заливаясь краской. Она вспомнила тот момент у мужской раздевалки, как Стеша потянула её за руку, не дав услышать ответ. – Стеша увела. Но потом Артём Василенко...

– Василенко? – перебил Максим, и его лицо стало каменным. – Так вот откуда ноги растут. Этот мудень ещё и языком молотъ успевает в перерывах между юбками. Слушай, – он резко соскочил с лавки и встал перед ней на одно колено, прямо на влажную листву. Он взял её холодные кисти в

свои большие, тёплые ладони, заставив её встретиться с ним взглядом. – Я за это предложение ему чуть морду там не расквасил в той же раздевалке. Прямо тогда же. Так что НИ С КЕМ, слышишь, НИ С КЕМ я на тебя не спорил, поняла?

Он смотрел ей прямо в глаза, так серьёзно, что девичье сердце дрогнуло и забилось чаще. В его взгляде не было ни капли лукавства, только чистая, обжигающая искренность и... обида.

– Я не такой уболюдок, чтобы ставки на девчонок делать, – продолжил он, и его голос дрогнул от эмоций. – Ты меня даже оскорбила таким мнением. Думаешь, я из-за денег? Или из-за какого-то дурацкого пари с Матросом? Я что, по-твоему, пустой и подлый?

Он обиженно выдохнул, отвернулся и отпустил её руки, но не встал с колена. Его плечи слегка ссутулились, и в этой позе он вдруг показался Алисе не самоуверенным хулиганом, а маленьким ребёнком, которого несправедливо осудили.

В груди у Алисы что-то ёкнуло, а потом разлилось тёплым, стыдливым потоком. Она поняла, что совершила ошибку. Доверилась сплетням и намёкам Василенко, а не ему. Вспомнила, как он защищал её на физре, как отчаянно дрался за честь Стеши, как смотрел на неё в такси... Этот взгляд нельзя было подделать. И она, планируя уехать, пыталась оттолкнуть его, найти причину, чтобы не позволить себе чувствовать то, что чувствовала. Но это была плохая причина.

Несправедливая.

– Прости... – пролепетала она, резко хватаясь за его руки. Слова было еле разобрать из-за её быстрой речи. – Правда, прости. Не знаю, почему вдруг решила, что ты согласился на такое... Просто после того, что сказал Василенко, и после... Ай, прости, Максим.

Она запнулась, чувствуя, как жар поднимается к щекам. Но в следующую секунду, словно желая загладить вину, она подалась ближе, крепче сжимая его ладони. Её пальцы дрожали.

Максим медленно поднял на неё взгляд. Обида в его глазах постепенно таяла.

– А может, ты злишься из-за чего-то другого? – он спросил после паузы, и в его голосе снова появился знакомый игривый, немного хитрый оттенок. Он наклонился к ней, стараясь поймать её взгляд. – Из-за ситуации с той девчонкой в кафе? Когда мы все там сидели, а какая-то блондинка подошла ко мне за номером телефона?

Алиса вспыхнула, как маков цвет. Она резко отодвинулась, насколько позволила скамейка.

– С чего бы мне злиться из-за этого?! – выпалила она, её голос прозвучал слишком высоко и резко, выдавая с головой. – Ты что, вообще?! Мне абсолютно всё равно, с кем ты там флиртуешь! Я и сама отсюда скоро уеду, так что твои дела меня не касаются!

Последнюю фразу она выкрикнула почти отчаянно, как

будто пытаюсь убедить в этом прежде всего себя. Максим замер. Исчезла даже тень улыбки. Его лицо стало непроницаемым, лишь в глазах мелькнула какая-то сложная, быстрая мысль.

– А я и не флиртовал, – парировал он наконец, его голос стал ровным, но в нём появилась стальная нотка. – Я ей вежливо сказал, что сейчас не свободен. И показал на тебя глазами.

– На меня? – Алиса вытаращила глаза, сбита с толку этим поворотом. – Ты что ей сказал?

– Что у меня есть девушка, – он пожал плечами, делая вид, что это очевидно, но взгляд его был пристальным, испытующим. – И что она, то есть ты, сидит прямо здесь и смотрит на нас таким взглядом, что можно замерзнуть. Она потом быстро смылась.

Алиса сидела, переваривая эту информацию. Сердце забилось от чего-то сладкого и тревожного одновременно. «Девушка». Он назвал её своей девушкой. Пусть даже в шутку, для отмазки. Но почему от этих слов внутри стало так тепло, так больно и так страшно? Потому что это – иллюзия. Временная. Как и всё здесь. Она сжала губы, пытаясь загнать обратно эти опасные чувства.

– Ну, что, ревнуешь меня? – не унимался Максим, его улыбка вернулась, но стала уже другой – более вопрошающей. В ней читалась надежда и какая-то неуверенность, которую он тщательно скрывал.

– Вот ещё! – она надулась, сложив руки на груди, и отворачиваясь, но краска на её щеках выдавала её с головой. – Да кому ты нужен со своим самолюбованием! И потом, я же сказала – я уеду. Так что не строй из себя... не придумывай ничего.

Последние слова прозвучали почти шёпотом, больше для себя. Максим в ответ не расхохотался, как она ожидала. Он просто смотрел на неё, и в его глазах было что-то тяжёлое, понимающее.

– Значит, уедешь, – повторил он тихо. – Ну, что ж... Значит, будем наслаждаться тем, что есть. Пока есть.

Он произнёс это так просто, но в этих словах была такая обречённая решимость, что у Алисы перехватило дыхание. Он не сопротивлялся её планам. Он... принимал их. И это было в тысячу раз хуже, чем если бы он стал спорить или уговаривать. Потому что это значило, что он серьёзен.

– Что у вас тут? – раздался голос Стеши. Она и Илья, наконец уставшие от беготни, подходили к скамейке, запыхавшиеся и весёлые. На лицах у обоих были улыбки.

– Как что? – ответил ей Илья, лукаво подмигивая. – Признание в любви, посвящение в личные рыцари, да? Я по глазам вижу – атмосфера накалилась!

– Нет, просто объяснял принцессе, что не торговец живым товаром, – нахмурился Макс, снова надевая маску привычного хулигана. Но взгляд его, брошенный на Алису, был всё ещё тёплым и серьёзным.

– В смысле? – Илья удивлённо хлопнул глазами, опускаясь на траву рядом со скамейкой. – Она себе типа раба личного захотела или что?

– Помнишь ту хрень, которую Матрос выдал? – спросил Максим, откидываясь на спинку скамейки и закидывая руки за голову. Но поза была немного напряжённой.

– А, про спор? – Аксёнов оживился, его лицо сразу стало серьёзным. – Ты всё-таки спросила? – он повернулся к Алисе, и в его глазах читалось одобрение.

– Ага, можно и так сказать, – язвительно бросил Костровский.

– Помню-помню, – закивал блондин, и его обычная шутиливость куда-то испарилась. – Я думал Максим его в шкафчик утрамбует, придурка этого. Ух, Алиска, видела бы ты, как там вся раздевалка тряслась от ужаса, когда наш герой тебя неприкосновенной объявил. Чётко так: "Алису не трогать. Понравилась мне, не спору. И обижать не дам." Матрос потом неделю ходил, как шелковый.

Стеша села рядом с Алисой и обняла её за плечи.

– Вот видишь? – тихо сказала она. – А ты сомневалась. Он за тебя горой. Даже если... – она запнулась, не договорив про отъезд, но её взгляд говорил, что она всё понимает.

Алиса молчала. Она смотрела на Максима, который теперь что-то доказывал Илье, жестикулируя. Сердце её билось неровно, разрываясь между теплом, которое дарили эти люди, и холодным, рациональным планом будущего, где для

них не было места. А он... он не сопротивлялся. Он просто был здесь и тянулся к ней, несмотря ни на что.

– Ладно, хватит сидеть, – вдруг объявил Максим, поднимаясь. Его лицо снова озарила привычная, бесшабашная улыбка, но в глазах осталась глубокая тень. – Пойдёмте, прогуляемся до пруда, покормим уток. А то уже темнеть начинает.

Они двинулись по узкой асфальтовой дорожке, ведущей вглубь парка к старому пруду. Стеша и Илья шли впереди, всё ещё перебраниваясь из-за истории с котёнком, но уже без прежнего остервенения – теперь в их голосах слышались лишь усталые от смеха нотки. За ними, на расстоянии пары шагов, шли Максим и Алиса. Тишина между ними была густой, насыщенной невысказанным, но уже не неловкой, а скорее трепетной, как натянутая струна, готовая зазвучать от малейшего прикосновения.

Алиса смотрела под ноги, на жёлтые кленовые листья, хрустевшие под её кроссовками. Воздух стал ещё холоднее, и она потянула молнию на лёгкой куртке до самого верха. Мысли путались, металась от его слов – «будем наслаждаться тем, что есть» – к холодной, неумолимой реальности билетов, вузовских сайтов и разговоров родителей за ужином. Москва была не просто городом. Это была стена, вырастающая между ней и этим мгновением, этим парком, этим мальчишкой, чьё плечо иногда касалось её плеча, когда дорожка сужалась.

– Холодно? – его голос, тихий и совсем рядом, заставил её вздрогнуть.

– Немного, – кивнула она, не глядя на него.

– Давай я, – он без лишних слов снял с себя свою олимпийку на флисе, тёмно-синюю, с выцветшим логотипом какой-то рок-группы на спине, и остался в одной толстовке. – На, надень поверх куртки. Я не замёрзну.

– Не надо, – запротестовала она, но он уже накидывал её ей на плечи. Ткань была тёплой от его тела и пахла чем-то чистым – стиральным порошком с оттенком свежего воздуха и едва уловимым, знакомым теперь запахом его кожи. Этот аромат обволок её, и стало не по-осеннему тепло. – Спасибо.

– Не за что, – он улыбнулся уголками губ, засунув руки в карманы джинсов. Потом, после паузы, добавил, глядя прямо перед собой на спину Ильи: – Знаешь, я сейчас, на скамейке, когда ты про спор сказала... Я не обиделся. Ну, то есть обиделся сначала, конечно. Но потом понял.

– Понял что? – осторожно спросила Алиса, наконец подняв на него взгляд.

– Что ты просто испугалась. Не меня, а... всего этого. Того, что между нами происходит. И пытаешься найти причину оттолкнуть меня, чтобы потом не было больно. Потому что ты уезжаешь.

Он говорил это спокойно, без упрёка, просто констатируя факт. И от этой его пронзительной пронизательности у Алисы засосало под ложечкой. Она хотела возразить, сказать, что

это не так, что она просто реалистка, но слова застряли в горле комом. Потому что он был прав.

– Я не собираюсь отказываться, – продолжил он, и его голос приобрёл ту самую уверенность, которая уже звучала раньше. Он замедлил шаг, и они немного отстали от Стеши с Ильёй. – От своих чувств. От того, что я к тебе испытываю. Даже если у тебя в планах Москва, а у меня здесь – отец, бизнес и всё остальное. Даже если это глупо, нелогично и закончится болью. Я не умею по-другому. Если что-то нравится – я за это держусь до последнего.

Он остановился и повернулся к ней. Его голубые глаза в сгущающихся сумерках казались тёмными и невероятно серьёзными. В них не было ни тени привычной насмешки.

– Я не прошу тебя что-то менять, Алиса. Не прошу оставаться. Я просто хочу, чтобы ты знала. Что ты для меня – не пари, не прихоть, не способ убить время. Ты... ты как этот парк осенью. Яркая, неожиданная и такая красивая, что дух захватывает. И даже если ты уедешь, воспоминание об этом останется. А я... я буду держаться за это воспоминание. Пока есть хоть какая-то надежда.

Он говорил так искренне, что у Алисы защемило в груди. В ней бушевала буря противоречий. Рациональная часть кричала, что это безумие, что нужно оборвать всё сейчас, пока не стало ещё больнее. Что она не имеет права впутывать его в свои недолговечные школьные романы, когда у неё уже распланирована жизнь. Но другая часть, тёплая, трепе-

щущая и такая же искренняя, как его слова, цеплялась за эту надежду. Может, не всё потеряно? Может, можно как-то совместить? Но как? Родители никогда не согласятся. Да и его отец... мысль о бизнес-конфликте, о котором она знала лишь по обрывочным разговорам отца, как ледяная вода окатила её.

– Максим... – начала она, и её голос дрогнул. Она сжала края его ветровки в кулаках, чувствуя, как тепло ткани смешивается с холодком страха внутри. – Ты не понимаешь... Это не просто я уеду. Это... всё сложнее. Наши семьи... ты же знаешь.

– Знаю, – коротко кивнул он, и его лицо на мгновение стало суровым. – Но это их война. Не наша. Я в эти взрослые разборки не лезу и лезть не собираюсь. Мой отец может строить козни твоему отцу сколько угодно. Это не имеет никакого отношения к тому, что я чувствую к тебе.

– А если имеет? – вырвалось у неё, и она сама испугалась резкости своего тона. – Если это повлияет? Если из-за этого... тебе будет плохо? Или мне? Ты думал об этом?

– Думал, – ответил он без колебаний. – И решил, что это риск, на который я готов. Потому что возможность быть рядом с тобой для меня важнее. Страх – это просто страх. Его можно пережить. А вот думать о том, что струсил и отпустил – с этим жить гораздо хуже.

Он протянул руку и осторожно, будто боясь спугнуть, смахнул прядь рыжих волос, выбившуюся из её хвоста и при-

липшую к щеке. Его пальцы едва коснулись её кожи, но от этого прикосновения по всему телу пробежали мурашки.

– Я не заставляю тебя отвечать мне тем же. Не требую никаких обещаний. Просто... давай не будем притворяться, что между нами ничего нет. Давай будем честны. Хотя бы друг с другом.

Алиса смотрела ему в глаза, и её защитные стены, возведённые с таким трудом, дали глубокую трещину. В них было столько силы, столько упрямой, мальчишеской веры, что ей захотелось поверить вместе с ним. Хотя бы на время. Хотя бы пока она здесь.

– Я... боюсь, – прошептала она, и это было самое честное признание за весь день.

– Я тоже, – признался он, и его губы тронула лёгкая, понимающая улыбка. – Но, кажется, вместе нам будет не так страшно.

Впереди Стеша обернулась и крикнула:

– Эй, влюблённые черепахи! Вы там вообще двигаетесь или замерли? Утки уже спать ложатся!

– Идём, идём! – отозвался Максим, не отводя от Алисы взгляда. – Решай. Можешь просто кивнуть. Или покачать головой. Давай просто наслаждаться сегодняшним вечером. Без Москвы, без споров, без взрослых. Просто мы. Договорились?

Алиса закусила губу. Разум продолжал бунтовать, но сердце, это предательское сердце, уже вынесло свой вердикт. Она

медленно, почти невесомо кивнула.

– Договорились.

Улыбка, озарившая его лицо, была такой яркой, такой беззащитно-счастливой, что у неё снова ёкнуло в груди. Он не стал ничего больше говорить, просто развернулся и пошёл дальше по дорожке, но теперь его шаг был легче, а плечи расправлены.

Они догнали остальных у самого пруда. Вода была тёмной, почти чёрной, лишь кое-где отражая последние полосы багряного заката на небе. Утки, толстые и важные, неспешно плавали у самого берега, ожидая угощения. Илья уже раскопал в своём рюкзаке полпачки какого-то печенья и начал крошить его в воду.

– На, владычица утиного царства, – протянул он Стеше несколько крошек. – Управляй раздачей провизии.

Стеша с достоинством приняла «провизию» и начала кормить уток, что-то приговаривая им тихим, ласковым голосом. Илья прислонился к перилам деревянного мостика и наблюдал за ней с какой-то непривычной нежностью в глазах.

Алиса и Максим остановились чуть поодаль, у старой ивы, ветви которой склонились к самой воде. Они молча смотрели, как утки с азартом хватают крошки, а последний свет дня тает в облаках. Рука Максима случайно коснулась её руки, и он не отодвинул её. Алиса тоже не стала отдергивать свою. Их мизинцы едва соприкоснулись, и это крошечное прикосновение говорило больше, чем любые слова.

Через некоторое время Илья оторвался от перил и подошёл к Алисе.

– Лис, пойдём, поможешь мне найти ещё печенья в моём рюкзаке, а то я, кажется, его на дне где-то закопал, – сказал он с такой неестественной для него деловой серьёзностью, что стало ясно – это предлог.

Максим встретился с ним взглядом, и между ними пронеслось какое-то беззвучное понимание. Максим едва заметно кивнул.

– Да, конечно, – сказала Алиса, с некоторым облегчением отвлекаясь от напряжённой близости.

Они отошли на несколько шагов к скамейке, стоявшей в стороне под огромным дубом. Илья порылся в рюкзаке, действительно достал смятую пачку печенья и протянул её ей.

– На, держи, – а сам сел на скамейку, закинув ногу на ногу. – Садись, – кивнул он на место рядом.

Алиса села, сжимая пачку в руках. Она чувствовала, что Илья хочет поговорить о чём-то важном, и внутри снова заворочалось от тревоги.

– Слушай, Лис, – начал он, не глядя на неё, а наблюдая, как Максим что-то тихо говорит Стеше у воды. Его обычная шутливость куда-то испарилась, остался только какой-то неожиданно взрослый, серьёзный Илья. – Я тут кое-что заметил. Ты вся из себя железная леди, Москва, планы, всё по полочкам... а внутри, кажется, паника полнейшая.

Алиса вздрогнула и хотела возразить, но он поднял руку,

останавливая её.

– Не отнекивайся. Я с сестрой живу, я в женских метаниях кое-что понимаю. Ты боишься. Того, что между тобой и Костром. Боишься, что если позволишь себе что-то почувствовать, то будет больно, когда придётся уезжать. И ещё, – он наклонился ближе, понизив голос, – Ты боишься, что если что-то начнётся, это как-то повлияет на бизнес твоего отца. Или на самого Макса. Потому что ваши папаши, мягко говоря, не в восторге друг от друга.

Она молчала, и её молчание было красноречивее любых слов. Она сжала пачку печенья так, что она хрустнула.

– Я не знаю, что делать, Илья, – выдохнула она наконец, и голос её предательски задрожал. Она смотрела на свои колени, чувствуя, как на глаза наворачиваются предательские слёзы. Она ненавидела эту слабость. – Я не хочу никого ранить. И себя тоже. Я просто хотела тихо доучиться и уехать. А теперь... теперь всё перевернулось. И эти чувства... они такие сильные, что я даже не знаю, как с ними справиться. И мысль о том, что придётся всё это оборвать, просто потому что так надо... она меня убивает.

Илья внимательно слушал, не перебивая. Потом он вздохнул и положил свою руку поверх её сжатых в кулаки ладоней.

– Слушай, Алиска. Я тебе как друг, как человек, который знает Максима с пелёнок, скажу. Ты слишком много на себя берёшь. И слишком много думаешь о последствиях. Ты же не замуж за него выходишь, в конце концов. Ты просто поз-

воляешь себе быть счастливой здесь и сейчас. А что будет дальше – жизнь покажет.

– Но Москва... – начала она.

– А Москва никуда не денется, – перебил он. – И знаешь что? Ты, наверное, думаешь, что Макс – это такой укоренённый местный дуб, который ни за что отсюда не сдвинется. Так вот – забудь. Он не дуб. Он... он как река. Может течь куда угодно, если захочет. Ты не представляешь, на что он способен ради того, что ему важно.

Он помолчал, глядя на фигуру друга у воды.

– Если между вами действительно что-то серьёзное получится, если ты будешь в Москве, а он захочет быть с тобой – он уедет. Сто процентов. Он не тот, кто сдаётся из-за расстояния или из-за мнения отца. Он упрямый, как сто ослов, и если вбил что-то в голову – всё, приехали. Так что твои страхи по поводу «я уеду, и всё кончится» – они немного преувеличены. Конечно, это будет непросто. Но невозможно – нет.

Алиса смотрела на него широко открытыми глазами. Эти слова, такие простые и уверенные, как будто немного сдвинули тяжёлую каменную глыбу у неё на душе.

– Правда? – прошептала она.

– Клянусь здоровьем своего мотоцикла, – он сделал серьёзное лицо, но в глазах мелькнула искорка привычного озорства. – Он уже сейчас готов горы свернуть, чтобы ты на него не хмурилась. А уж если вы действительно будете

вместе... Да он хоть на край света поедет, если ты там будешь. Так что расслабься. Живи сегодняшним днём. Дай этому шанс. А там видно будет.

Он встал, потянулся и хлопнул её по плечу.

— Ладно, миссия психолога-любителя выполнена. Иду спасать остатки печенья от ненасытной сестры. А ты подумай над моими словами.

Он ушёл обратно к мостику, оставив Алису одну на скамейке. Его слова крутились у неё в голове, смешиваясь со словами Максима. «Он уедет... если захочет быть с тобой». Сердце забилось чаще от вспыхнувшей вдруг безумной надежды. Может, и правда не всё так безнадёжно? Может, можно не бежать от этих чувств, а просто принять их, как дар?

Она подняла глаза и увидела, что Максим смотрит на неё через плечо. Он стоял спиной к закату, и его силуэт вырисовывался тёмным на фоне багряного неба. Он улыбался ей — нежно, по-другому. И в этой улыбке было столько тепла и обещания, что холодок страха внутри стал понемногу таять.

Возможно, Илья был прав. Возможно, не нужно было так бояться будущего. Возможно, стоило просто позволить себе быть счастливой в этом осеннем парке, с этим мальчишкой, чья толстовка всё ещё грела её плечи, а мизинец всё ещё помнил тепло его прикосновения. Она медленно встала и пошла к нему, к воде, к уткам, к этому мгновению, которое, вопреки всем планам и страхам, принадлежало только им.

Воздух был густым от запаха подгоревшего масла, тушёной капусты и сладкого компота. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь высокие, слегка запылённые окна, выхватывали из полумрака длинные ряды деревянных столов, за которыми теснились ученики. Гул голосов, звон посуды, смех – всё это создавало привычный, почти успокаивающий фон. Ребята сидели у окна, за одним из столиков, доедая свой скромный обед. На тарелках у девочек дымились остатки макарон по-флотски, у Максима – две сосиски в тесте и стакан киселя. Он ел быстро, почти не глядя на еду, его взгляд то и дело скользил по залу, будто оценивая обстановку, а потом возвращался к Алисе, сидевшей напротив.

Стефания ковыряла вилкой в макаронах, её движения были медленными, рассеянными. Она почти не говорила, лишь изредка кивала в ответ на реплики друзей. После всего, что случилось она всё ещё чувствовала себя разбитой в стенах школы, будто её внутренний стержень, такой крепкий раньше, дал трещину. Стыд, гнев и благодарность к друзьям перемешались внутри в один тяжёлый, неподъёмный ком. Она ловила на себе взгляды одноклассников – кто-то смотрел с сочувствием, кто-то с любопытством, а кто-то быстро отводил глаза. Каждый такой взгляд был как укол булавкой.

– Всё холодное уже, – вдруг тихо сказала она, отодвигая тарелку. Её голос звучал устало, без привычной энергии. Она подняла глаза на друзей, и в её серых, обычно таких ясных глазах, Алиса увидела тень той самой растерянной девочки

из туалета. – Простите, я... я хотела повторить стих по литературе перед уроком. Галкина обещала спрашивать. Можете без меня пообедать? Вы долго в очереди стояли...

– Без проблем, – отозвался Максим, закидывая в рот последний кусок хлеба. Он жевал, глядя на неё с лёгкой, понимающей усмешкой. – Я ж знаю, что у тебя всегда проблемы со стихами. Ты их как заклинания учишь, а они всё равно вылетают из головы. Иди, разбирайся с твоим Пушкиным. Только не запутайся в строфах.

Алиса улыбнулась, протягивая руку через стол и слегка касаясь пальцами Стешиной ладони. Это прикосновение было тёплым и ободряющим.

– Если нужно, то, конечно, иди, – сказала она мягко. – Мы тут посидим. Не переживай. Увидимся в классе.

– Спасибо вам, – Стеша кивнула, и в её голосе послышалась искренняя, глубокая благодарность. Она быстро собрала свои вещи и встала. – Я быстренько в туалет и потом сразу в класс. Увидимся там.

Она улыбнулась им, но улыбка получилась какой-то хрупкой, вымученной. Развернулась и пошла меж столов, ловко лавируя между стульями и спинами одноклассников. Её светло-розовая кофта и белая юбка мелькнули в дверном проёме и исчезли в коридоре.

Ребята смотрели ей вслед, и на их лицах отразилась смесь заботы и облегчения.

– Приятно видеть её снова такой... ну, почти оживлённой,

– хмыкнула Алиса, потягивая остывший компот. Сладковато-кислый вкус брусники разлился по языку. – Хотя видно, что ей всё ещё тяжело. Эти взгляды...

– Это точно, – согласился Максим, отодвигая свою пустую тарелку. Он облокотился на стол, сложив руки перед собой, и его взгляд стал пристальным, изучающим. – Но она крепкая. Выдержит. Особенно теперь, когда знает, что мы за неё горой. И ты, между прочим, здорово её тогда поддержала. Из туалета вытащила, домой проводила. Не каждый на такое способен.

Алиса почувствовала, как по щекам разливается лёгкий румянец. Она опустила глаза на свой стакан, вертя его в пальцах.

– Да я ничего особенного не сделала, – пробормотала она. – Просто... подруга же. Так и должно быть.

– Должно, но не всегда бывает, – вздохнул Максим. – Здесь, в этом городке, люди часто дружат не потому что хотят, а потому что их семьи дружат. Или не дружат. А ты... ты приехала и сразу начала всё ломать. Стешу из одиночества вытащила, меня... – он запнулся, поймав её взгляд, и странная, смущённая улыбка тронула его губы. – Ну, короче, заставила пересмотреть некоторые взгляды на жизнь.

– Ого, – Алиса фыркнула, но внутри что-то теплое ёкнуло. – А я и не знала, что обладаю такой разрушительной силой. Может, мне в диверсанты податься?

– Может, – он ухмыльнулся, и в его глазах вновь забле-

стели знакомые искорки озорства. – Только вот цель у тебя какая-то странная. Вместо того чтобы вражеские объекты взрывать, ты сердца покоряешь. И, судя по всему, неплохо справляешься.

Он произнёс это так легко, почти небрежно, но слова повисли в воздухе между ними, наполненные новым смыслом. Илья сделал вид, что сейчас блеванёт. Алиса замерла, чувствуя, как сердце начинает биться чаще. Она хотела что-то ответить, отшутиться, как обычно, но слова застряли в горле. Вместо этого она просто смотрела на него, на его тёмные, чуть растрёпанные волосы, на упрямый подбородок, на губы, которые сейчас растянулись в этой его, чуть наглой, но такой искренней улыбке.

Шум столовой отдалился, превратившись в глухой гул. Они сидели, смотря друг на друга, и в этом взгляде было столько невысказанного, что воздух, казалось, начал трещать от напряжения.

А в это время Стеша, свернув в боковой коридор, почти вбежала в девчачий туалет. Она чувствовала, как внутри всё сжимается от комка стыда и злости. Ей нужно было побыть одной, умыться холодной водой, прийти в себя. Она зашла в дальнюю кабинку, щёлкнула замком и на секунду прислонилась лбом к прохладной пластиковой стенке, закрыв глаза. Глубокий вдох. Выдох. «Всё пройдёт, – пыталась убедить себя она. – Всё наладится. У меня есть друзья. Настоящие.»

Она уже собиралась выйти, как дверь туалета с грохотом распахнулась, и внутрь ввалилась небольшая, но шумная компания. По голосам Стеша сразу узнала Катю Ветрову и её верных спутниц – Риту Богатову и Анютку Семёнову.

– Чёртова Лисицына! – вдруг в ярости, срывающимся на шипение голосом выпалила Катя. Звук был таким злобным, что Стеша невольно замерла, прислушиваясь. – Опять она возле Макса крутится! В столовой видели? Сидят, глазки строят! Достала уже, эта рыжая московская штучка!

Стеша сжала кулаки внутри карманов своей кофты. Ногти впились в ладони.

– Ну, Кать, не кипятись, – прозвучал более спокойный, но тоже недобрый голос Риты. – Максим сам не дурак, поиграется и бросит. Такие, как она, долго не задерживаются.

– Да он на неё смотрит как... – Катя не договорила, её голос дрогнул от обиды и зависти. Стеша представила её лицо – наверняка покрасневшее, с поджатыми губами. – Я ей устрою такой буллинг, что она взвоят и в школу другую переведётся, гадина! Намешаю про неё таких сплетен, что даже её богатенький папаша не отмоемся! Сделаю её жизнь здесь адом, вот увидите! Начну с мелочей – испорчу тетради, куртку в гардеробе изрежу, потом...

Слова лились, ядовитые, продуманные. Стеша слушала, и сначала её охватил холодный ужас. Потом ужас сменился волной такой бешеной, всепоглощающей ярости, что в глазах потемнело. Алиса. Её подруга. Та, которая за неё вступи-

лась, которую она только что оставила там, в столовой, беззащитную перед этими... этими гадинами. Нет. Так нельзя.

Щелчок замка прозвучал громко, как выстрел. Дверь кабинки распахнулась. Стеша вышла наружу. Её лицо было бледным, но абсолютно спокойным. Только глаза – серые, холодные, как сталь – горели таким ледяным огнём, что у трёх девушек, разом замолчавших, перехватило дыхание.

Они уставились на неё – Катя, Рита, Аня. На лицах мелькнуло удивление, затем настороженность, а у Кати – ещё и злорадная усмешка.

– О, смотрите кто тут, – протянула Катя, выпятив подбородок. – Сама героиня сплетен. Чего слушаешь, Аксёнова? Или тебе тоже косточки перемыть?

Стеша не ответила. Она медленно, с невозмутимым видом прошла мимо них к раковинам, как будто собиралась помыть руки. Девчонки переглянулись, недоумевая. Но в следующее мгновение Стефания резко развернулась. Её движение было стремительным, точным, как удар змеи. Она оказалась перед Катей, её рука взметнулась и вцепилась в воротник модной блузки соперницы. Сильным рывком она прижала Ветрову к кафельной стене, так что та крикнула от неожиданности, а её спинка с глухим стуком ударилась о плитку.

– Я говорю тебе это, Катя, один раз, – произнесла Стеша. Её голос был тихим, почти ласковым, но в нём звенела такая стальная хладнокровная угроза, что у Риты и Ани по спине пробежали мурашки. Она наклонилась ближе, так что их ли-

да оказались в сантиметрах друг от друга. Стеша смотрела прямо в испуганные, расширившиеся глаза Кати. – Если ты хоть пальцем тронешь Алису, если хоть одну гадость про неё скажешь или сделаешь, я от тебя мокрого места не оставлю. Ты поняла меня?

Катя пыталась вырваться, но хватка Стеши была железной. От страха и унижения на её глазах выступили слёзы.

– Но ты же видишь... – попыталась она возразить, её голос дрожал. – Она же лезет к Максиму! Она...

– Вижу, что Максиму она нравится, да, – перебила её Стефания, не повышая тона. Её пальцы впились в ткань блузки сильнее. – Вот только Алиса в этом не виновата. Он сам к ней лезет. И если ему с тобой не интересно – это твои проблемы, а не её. Запомни: Алиса – моя подруга. И я её не отдам на растерзание таким завистливым курицам, как ты. Не вздумай её запугивать или унижать. Иначе я тебе глаза выцарапаю, и все твои сплетни в одно ухо войдут, а в другое вылетят вместе с мозгом. Поняла?

Последнее слово она произнесла с такой леденящей душу чёткостью, что Катя лишь беспомощно кивнула, не в силах вымолвить ни звука.

– Умница, – Стефания удовлетворённо кивнула, но злость, кипевшая внутри, никуда не делась. Её пальцы разжались, отпуская помятый воротник. Она отступила на шаг, всё так же глядя на Катю, которая, пошатываясь, выпрямилась и прижалась спиной к стене, пытаясь отдышаться. Рита

и Аня стояли как вкопанные, не решаясь вмешаться.

Стеша почувствовала, как дрожь пробегает по её рукам. Адреналин отступал, оставляя после себя пустоту и усталость. Сорвать на Ветровой всю накопленную за эти дни злость было бы так просто. Но ей хватило скандалов. Она резко развернулась и, не глядя на ошеломлённую троицу, вышла из туалета.

Коридор был пустым, прохладным. Она прислонилась к стене, закрыв глаза, и сделала несколько глубоких, прерывистых вдохов. Сердце колотилось как бешеное. «Боже, что я наделала...» – пронеслось в голове. Но тут же пришло другое чувство – твёрдое, почти гордое. Она защитила подругу. Сделала то, что должна была сделать. Даже если для этого пришлось стать на мгновение такой же жёсткой и безжалостной, как те, кто обижал её саму.

Стих, который она собиралась повторять, теперь казался абсолютно неважным, какой-то далёкой, глупой формальностью. Ей нужно было проветриться, остудить голову, прийти в себя перед уроком. Решив не возвращаться в класс сразу, она свернула в сторону запасного выхода, который вёл в маленький внутренний дворик школы. Туда редко заходили ученики, особенно в обед. Там будет тихо.

Глава 18

Стук её собственного сердца заглушал шум школы, оставшийся за тяжёлой металлической дверью запасного выхода. Стеша выскочила во внутренний дворик, и осенний воздух, холодный и влажный, ударил ей в лицо, как ушат воды. Она сделала несколько резких, прерывистых вдохов, пытаясь сбить дрожь в руках и унять адреналин, который всё ещё гудел в жилах, как высоковольтная линия. Её ладони были влажными, а в груди бушевала странная смесь – ярость за то, что пришлось опускаться до уровня Кати Ветровой, и какое-то дикое удовлетворение от того, что она смогла постоять не только за себя, но и за Алису. Она была не просто жертвой сплетен, она стала защитником. Это чувство было новым, острым и немного пугающим.

Именно в этот момент, не глядя под ноги, она с размаху, со всей силой своего раздражения, пнула дверь ногой, чтобы она захлопнулась. Дверь, тяжёлая и неподатливая, с грохотом ударилась о что-то мягкое, а затем её отбросило обратно. Стеша едва успела отпрянуть, чтобы та не ударила её по лбу.

– Ого.

Голос прозвучал спокойно, почти лениво, прямо перед ней. Из-за двери, прислонившись к грубой кирпичной стене, сделал шаг назад Игорь Царёв. Он сохранял бесстрастное выражение лица, лишь чуть приподняв одну бровь, будто на-

блюдал за интересным, но не особо удивительным природным явлением. В его длинных пальцах тлела сигарета, тонкая струйка сизого дыма поднималась в сырой воздух и тут же растворялась.

– Ты прям бешеный кролик теперь, а не заяц, – заметил он, медленно затягиваясь. Его серые глаза скользнули по её лицу, отмечая запыхавшиеся щёки, блестящие от возбуждения глаза, сжатые в кулаки пальцы. Он не выглядел испуганным или даже удивлённым. Скорее, заинтересованным.

Стеша, всё ещё на взводе, резко выдохнула. Вид Игоря, его спокойствие, его отстранённость – всё это действовало на неё как красная тряпка на быка. Он стоял здесь, в своём привычном чёрном худи с капюшоном, и смотрел на неё так, будто видел насквозь. И видел не только её гнев, но и ту уязвимость, что пряталась под ним.

– Отстань! – зло насупилась она, её голос прозвучал резко, почти по-детски.

Игорь лишь усмехнулся уголком губ. Усмешка была лёгкой, почти невидимой, но от этого не менее выразительной.

– Я ещё не пристава́л, – всё так же спокойно парировал он, выдыхая дым вверх, к серому небу. Его взгляд скользнул по её фигуре, и в нём мелькнуло что-то оценивающее. – Ты сама ко мне прибежала.

Её щёки залились новым румянцем, на этот раз от смущения. Она чувствовала себя глупо. Эта внезапная встреча, её нелепый выход – всё это разрушало образ крутой защит-

ницы, который она только что пыталась выстроить в туалете. Она потупила взгляд, но тут же заставила себя поднять голову. Нет, она не позволит ему себя смутить.

– А мог бы уже, – выпалила она, но в её голосе уже не было прежней злости, только усталая бравада.

Она чувствовала, как адреналин отступает, оставляя после себя пустоту и странную, щемящую усталость. Ей хотелось чего-то, что заглушило бы этот внутренний шум. Какой-то дерзости, какого-то выхода за рамки. Её взгляд упал на сигарету в его руке.

Не раздумывая, почти на автомате, она протянула к нему руку.

– Дай закурить?

Игорь скосил на неё недовольный взгляд, саркастично вздёрнув одну бровь ещё выше. Он медленно, нарочито лениво, затянулся снова, давая ей понять, что не спешит выполнять её просьбу.

– А ещё чего? – его голос прозвучал насмешливо. – Твой брат меня после такого живьём сожрёт, нет уж. Он младшую сестрёнку свою как хрустальную вазу бережёт, все знают. А я не в восторге от перспективы объяснять Илье Аксёнову, почему его ненаглядная Стенька, образец прилежания и скромности, пристрастилась к табаку в моём благородном обществе. Он хоть и клоун, но когда дело доходит до тебя, становится опасным зверем.

– А он и не узнает, – парировала Стеша, делая пару сги-

бающих движений пальцами, требуя сигарету, - Давай. Одну затяжку.

В её голосе звучал вызов. Она сама не понимала, зачем ей это. Она не курила. Вернее, пробовала пару раз из любопытства с подругами, да так и закашлялась. Но сейчас это казалось символом чего-то нужного – взрослости, бунта, способа стереть с себя остатки того унижительного стыда, что лип к ней после истории с фотографиями. И ещё... быть может, способом привлечь внимание этого странного, отстранённого парня, который вдруг стал её защитником, а теперь смотрит на неё с таким... понимающим безразличием.

Игорь усмехнулся уже откровеннее, и в его глазах вспыхнули искорки азарта.

– Ты даже затягиваться не умеешь, – заявил он, и в его тоне появилась снисходительная, почти преподавательская нота. – Щас как закашляешься, вся школа сбежится. И я буду виноват. Нет, спасибо, не надо мне проблем с твоим братцем и с твоей новой грозной подружкой.

Его слова про Алису, сказанные таким тоном, задели её. Но не потому, что были обидными, а потому, что в них чувствовалось какое-то... уважение? Или просто констатация факта? Стеша не стала это анализировать. Её раздражение, смешанное с желанием доказать ему, что он ошибается, достигло пика.

Закатив глаза с преувеличенным презрением, она сделала резкий, решительный шаг вперёд. Расстояние между ни-

ми сократилось до сантиметров. Она уловила запах табака, смешанный с каким-то дорогим одеколоном, и запах осенней сырости от его худи. Не глядя ему в глаза, быстрым, почти воровским движением, она выхватила сигарету у него изо рта.

Игорь опешил. Его бесстрастная маска на миг дрогнула, выразив чистое удивление. Он даже не успел среагировать, как кончик сигареты уже был прижат к её губам.

Стеша затянулась. Глубоко, решительно, подавив инстинктивный кашель, который попытался вырваться из горла. Дым, едкий и горький, заполнил её рот, прошёл в лёгкие, обжёг их изнутри. Она не поморщилась. Не закашлялась. Она просто затянулась так, будто делала это уже сотню раз – спокойно, бесстрашно, глядя при этом прямо в его широко раскрытые глаза. В них она увидела отражение своей дерзости, своей внезапной решимости.

Затем она медленно, нарочито демонстративно, выдохнула. Не в сторону, а прямо ему в лицо. Тонкая струйка дыма поползла к нему, окутала его черты, заставила его слегка прищуриться.

И в этот миг что-то в нём переключилось. Удивление испарилось, сменившись чем-то тёмным, хищным и бесконечно довольным. Его губы растянулись в широкой, откровенно голодной ухмылке. Он выглядел как сытый хищник, который только что получил подтверждение, что его добыча сама идёт в лапы.

– Флиртуешь, заяц? – прозвучал его голос, низкий, бархатистый, полный намёка. Он, не спеша, не отрывая от неё взгляда, взял сигарету обратно из её ослабевшей руки. Его пальцы слегка коснулись её кожи, и от этого прикосновения по её руке пробежали мурашки.

Стеша не ответила. Она стояла, чувствуя, как жар разливается по всему телу, от кончиков ушей до пяток. Дерзость её поступка наконец дошла до неё. А он... он смотрит на неё так, будто это был самый интересный спектакль в его жизни. И в его взгляде не было осуждения. Было ожидание. Предвкушение. Как будто он ждал, когда она сделает следующий шаг. И знал, что она его сделает.

И тут в голове у Стеши, абсолютно не к месту, пронеслась мысль. Не о курении. Не о Кате. Не об Алисе. Мысль была проста, почти примитивна, и родилась она из этой густой, напряжённой тишины, из его пристального взгляда, из той смеси ярости, уязвимости и странного влечения, что бушевала у неё внутри. «А что, если...» Мысль оборвалась, не сформировавшись до конца, но оставила после себя чёткий, почти физический образ. Образ поцелуя. Дерзкого, неправильного, такого, который стёр бы всё на свете. Поцелуй с тем, кого все боятся. С тем, кто видел её униженной и всё равно встал на её сторону. С тем, кто сейчас смотрел на неё, как на забавную, но опасную игрушку.

Она поняла это. Поняла, что он сам спровоцировал её на этот шаг. Своим отказом, своей насмешкой он вывел её на

эту территорию, где действуют его правила, и теперь наблюдал, осмелится ли она.

И она осмелилась.

Не сказав ни слова, всё ещё глядя ему в глаза, Стеша сделала ещё один шаг вперёд, окончательно стирая и без того почти несуществующее расстояние между ними. Её дыхание участилось, но теперь не от злости. Её сердце колотилось так, что, казалось, его стук слышен на весь дворик. Она подняла подбородок, бросив ему безмолвный вызов.

Игорь не отступил. Он лишь опустил взгляд на её губы, затем снова поднял его на её глаза. Ухмылка не сходила с его лица.

– Ну? – прошептал он, и в этом одном слове было всё: и приглашение, и насмешка над её нерешительностью.

Это и стало последней каплей. Стеша, больше не думая, поднялась на носки, схватила его за воротник худи, дёрнула на себя и прижалась губами к его губам.

Это не был нежный, романтический поцелуй. Это было жёсткое, почти злое, отчаянное действие. Поцелуй, в котором была и благодарность за защиту тогда, в коридоре, и ярость за сегодняшний день, и желание забыться, и стремление доказать ему и самой себе, что она не та испуганная зайчиха, за которую он её держал. Её губы были сухими, движение – резким и неумелым. Она просто прижалась к нему, закрыв глаза, и весь мир сузился до ощущения его тёплых, чуть шершавых губ, до запаха табака и одеколона, до его рук,

которые медленно, без суеты, опустили её на талию и прижали её к себе с такой силой, что у неё перехватило дыхание.

Он ответил ей. Не сразу. Сначала он замер, будто давая ей понять, что это её инициатива, её территория. А потом взял управление на себя. Его поцелуй стал властным, уверенным, опытным. Он показал ей, как это делается по-настоящему. Он отучил её губы от той робкой, детской неуверенности, заставил ответить. В какой-то момент Стеша забыла, где находится, забыла про школу, про фотографии, про Катю. Существовал только этот дворик, этот холодный кирпич за её спиной, к которому он её мягко прижал, и этот парень, который целовал её так, будто хотел стереть в порошок все её прежние представления о том, какими должны быть поцелуи.

Их шумное дыхание заставляло спину покрыться мурашками, а крепкая хватка на талии, грозила Стефании ватными ногами, которые уже отказывались стоять.

Он был первый, кто отстранился. Не спеша, как будто отрываясь от чего-то очень вкусного. Его потемневшие глаза теперь смотрели на неё с откровенным удовлетворением и искоркой весёлого удивления.

– Вот это да, – выдохнул он хриловато, и его губы снова растянулись в той же хищной ухмылке. – А ты, оказывается, не только когти выпускать мастерица.

Стеша стояла, пытаясь отдышаться. Губы горели, в голове шумело, а ноги были ватными. Стыд, восторг, смущение и какая-то дикая гордость – всё это перемешалось внутри в

один неразборчивый клубок. Она не знала, что сказать. Она только что поцеловала Игоря Царёва. Самого Игоря Царёва!

Он отпустил её, сделал шаг назад и снова поднёс к губам сигарету, которую всё это время сжимал в пальцах. Затянулся, выдохнул в сторону и кивнул на школу.

– Звонок на урок через пару минут, – сказал он просто, будто ничего особенного не произошло. – Не опаздывай, а то твоя свита начнёт искать. А меня сочтут не самой приятной компанией для такой принцессы, как ты.

И, не дожидаясь её ответа, развернулся и неспешной, развалистой походкой направился к дальнему концу двора, к забору, за которым, видимо, его и ждал привычный путь за территорию школы. Но на секунду остановился, будто что-то вспомнил.

– Кстати, – он обернулся через плечо и серьёзно собранно продолжил, – Пусть твоя рыжая одна не ходит нигде.

И ушёл.

Но его слова не достигли её в полной мере. Стеша смотрела ему вслед, всё ещё не в силах пошевелиться. Потом медленно, будто в тумане, подняла руку и прикоснулась пальцами к своим губам. Они всё ещё пылали. В ушах отдавалось эхо его слов: «Флиртуешь, заяц?»

Она не знала, что это было. Бунт? Ошибка? Начало чего-то? Но одно она знала точно: страх, который сковывал её с утра, тот комок стыда и неуверенности – он куда-то исчез. Его вымел этот дерзкий, нелепый, пьянящий поступок. Она

глубоко вздохнула, расправила плечи и, бросив последний взгляд на пустой теперь дворик, направилась обратно к двери в школу. Предстоял урок литературы. И жизнь, внезапно, снова казалась полной неожиданных и очень острых поворотов.

Школьный коридор после последнего урока гудел, как потревоженный улей. Учителя торопливо запирали кабинеты, ученики стаями сновали к гардеробу, обмениваясь планами на вечер и сплетнями о прошедшем дне. Алиса, прислонившись к прохладной кафельной стене рядом со входом в спортзал, слушала обсуждение, которое развернули её друзья. Солнечный луч, падающий из высокого окна, разбивался о пылинки в воздухе и выхватывал из полумрака коридора их лица. Стеша, перекинув через плечо тяжёлый рюкзак, жестикулировала, а Илья, как обычно, висел на Максиме, то и дело толкая его плечом.

– Так что, все определились с предметами на день самоуправления? – Стефания подняла бровь, оглядывая компанию. Осенний свет мягко касался её светлых волос, заплетённых в привычную тугую косу. Её голос звучал уже гораздо увереннее, чем пару дней назад, хотя в глазах ещё иногда мелькала тень недавнего потрясения. – Я буду вести историю у семиклашек. Думаю, про рыцарей и замки расскажу, это им должно понравиться.

– Я взяла литературу, – откликнулась Лисицына.

– Я думала, ты будешь вести химию или биологию, – Стеша пожала плечами, повернувшись к Алисе. – Неожиданно.

Алиса улыбнулась, поправляя ремень своего рюкзака. Ей нравилась эта затея – один день, когда старшеклассники могли почувствовать себя учителями.

– Ну, я люблю книги, поэтому подумала, что литература мне нравится больше, – объяснила она, стараясь говорить легко. – Вот и взяла себе пятый и шестой класс. Буду с ними «Муму» читать, наверное. Или «Капитанскую дочку». Только вот как их усадить и заставить слушать – понятия не имею.

– А химию забрал я, – кивнул Максим, отстраняясь от стены. Он стоял чуть поодаль, его руки были засунуты в карманы чёрных джинсов, а взгляд блуждал где-то между Алисой и пыльным плакатом о здоровом образе жизни на противоположной стене. После разговора в парке между ними оставалась лёгкая, невидимая струна напряжения – неловкость, смешанная с чем-то тёплым и невысказанным.

– Ты и химия? – Стеша вздёрнула бровь, её серые глаза выразили чистое недоумение. – Ты же на химии в прошлом году чуть лабораторию не взорвал, помнишь? Когда смешал что-то не то с чем-то не тем?

– Да ты посмотри на него, – Илья, не выдержав, громко рассмеялся и схватил друга за бицепс в немом, преувеличенном восхищении. Его лицо, всегда оживлённое, сейчас светилось чистейшим озорством. – Он так горяч, что горелки

сами вспыхнут на опытах! Представляю, войдёт в класс в белом халате, такой весь серьёзный, скажет: «Дети, сегодня мы будем изучать экзотермические реакции», а сам такой – бац! – и у него фартук задымится от одного только взгляда! Наш Костёр – живое пламя, ему только спички не хватает!

Максим фыркнул, стряхивая руку Ильи, но уголки его губ дрогнули в сдержанной улыбке.

– Я под присмотром Галины Сергеевны буду, она меня не отпустит на самоуправление одного, – пояснил он. – Буду ассистентом, так сказать. Колбочки подавать, реактивы. А взрывать что-нибудь, может, и правда покажу, если попросят. Для наглядности.

– Осторожно, – снова вклинилась Стеша, – А то у нас вместо дня самоуправления день МЧС получится.

Алиса не могла сдержать лёгкой усмешки. Она смотрела на эту троицу – на Илью, который сейчас изображал, как Максим в ужасе отпрыгивает от внезапно вспыхнувшей колбы, на Стешу, качающую голову, и на самого Максима, который терпеливо сносил шутки друга. В этой обычной, бытовой сцене было что-то такое уютное и настоящее, что на мгновение заставило забыть о всех сложностях.

– Боже, вы, ребята, точно дружескую любовь друг к другу испытываете? – вздохнула Лисицына, делая шаг вперёд. Её голос прозвучал нарочито уставшим, но в нём слышалась тёплая нота. – Ты так, Илья, девушку себе не найдёшь, если на одного Максима смотреть будешь. Вечно вы как сиамские

близнецы.

Наступила короткая, неловкая пауза. Илья перестал гримасничать, его лицо внезапно приняло самое невинное и озадаченное выражение, какое только можно себе представить. Он моргнул своими светлыми, чуть раскосыми глазами, посмотрел на Алису, затем на Максима, потом на Стешу, которая тут же прикрыла рот ладонью, явно пытаясь скрыть улыбку.

– А я, вообще-то... – начал Илья, нарочито медленно, растягивая слова, как будто сообщая великую государственную тайну. Он выпрямился, выпятил грудь и провёл рукой по своей короткой светлой щетине. – У меня, между прочим, девушка есть.

Эффект был, как от разорвавшейся бомбы. Алиса и Максим удивлённо уставились на него, их лица выразили полнейшее, абсолютное непонимание. Стеша же не выдержала и фыркнула, а потом залилась тихим, счастливым смешком, качая головой.

– Чего? – первым очнулся Максим. Его голос прозвучал так, будто он только что узнал, что земля на самом деле плоская. Он оторвался от стены и сделал шаг к другу, нахмурившись. – Когда у тебя девушка появилась? И почему ты ничего не сказал мне?

В его тоне сквозила не столько обида, сколько чистое, неподдельное изумление. Они с Ильёй делились всем с детства – от первых ссадин до секретов про родителей, от пла-

нов на будущее до обсуждения девочек. И вдруг такое.

– Так, в смысле... – Илья развёл руками, его лицо выразило искреннее удивление, будто он и правда считал, что все в курсе. – Мы же три месяца уже вместе, я разве не говорил? Мы с тобой в прошлую субботу в «Кванте» на бильярде были, я же тебе тогда показывал её фотки в телефоне!

– Ты мне показывал фотку какого-то нового мотоциклетного шлема и рассказывал, как чуть не улетел в кювет, пытаясь обогнать трактор! – возмущённо парировал Максим. – Про девушку ни слова!

– Ну, может, и промолчал, – Илья засмутился, почесав затылок, но тут же снова расплылся в широкой, самодовольной улыбке.

– Ой, ребята, он такие серенады ей в трубку поёт по вечерам, – мечтательно, с преувеличенным умилением вздохнула Стеша, подмигивая Алисе. – Я как-то случайно подслушала. Такой нежный, такой романтичный! Прямо не Илья, а какой-то трубадур из средневековья. «Солнышко моё, зайка, я по тебе скучаю...»

Она снова захихикала, а Илья покраснел до корней волос.

– Стеня! – зашипел он, делая вид, что хочет её придушить. – Молчать! Это священные тайны сердца! И вообще, вы что, думали, такой красавчик как я до сих пор без пары? – продолжил он, обращаясь уже ко всем, и снова принял позу непревзойдённого ловеласа. Он выпрямил спину, поднял подбородок и сделал такой взгляд, от которого, каза-

лось, должны были падать в обморок все окрестные голубки. – Ну, вы даёте, да я само воплощение идеала! Ум, красота, чувство юмора, мастер спорта по уворачиванию от домашних обязанностей! Кто устоит?

Все рассмеялись. Даже Максим, который всё ещё смотрел на друга с подозрительным прищуром, не удержался и ухмыльнулся.

– Ладно, ладно, хвастайся меньше, – сказал Максим, толкнув Илью плечом, но уже беззлобно. – Представляй уже свою принцессу. Кто она? Откуда? Как звать? И главное – когда познакомишь?

– О, это целая история, – оживился Илья, его глаза загорелись тем самым огнём, который появлялся, когда он собирался рассказывать что-то увлекательное. Он вытащил из кармана джинсов свой телефон, быстрыми движениями пальцев разблокировал его и начал листать галерею. – Держите, полюбуйтесь. Зовут Аня. Анна, если официально. Она из третьей школы. Учится на отлично, между прочим. И не то чтобы ботаник, просто умная очень. И красивая. Смотрите.

Он протянул телефон сначала Алисе. На экране светилась фотография: на фоне осеннего парка, усыпанного жёлтыми листьями, стояла девушка с тёмными, почти чёрными волосами, заплетёнными в две толстые косы. У неё были большие карие глаза, веснушки на носу и открытая, чуть застенчивая улыбка. Она была в простой коричневой куртке и джинсах,

а в руках держала ветку с красными ягодами рябины.

– Красивая, – искренне сказала Алиса, передавая телефон Максиму. – Очень милая.

Максим взглянул на снимок, и его лицо смягчилось. Он кивнул, одобрительно.

– Нормальная, – заключил он, возвращая телефон Илье, но в его голосе слышалась тёплая, одобрительная нота. – А что, не хвастался, действительно симпатичная. Как познакомились?

– На соревнованиях по лёгкой атлетике между школами в конце июня, – с гордостью начал Илья, снова листая фотогалерею. Он показал ещё несколько снимков: они вместе в кафе, оба с кружками какао; на фоне кинотеатра; смешное селфи, где Илья корчит рожу, а Аня смеётся, прикрывая лицо ладонью. – Я бежал стометровку, сорвал мышцу на финише. Упал, короче. А она была там как волонтер, с аптечкой. Ко мне первая подбежала. Такой ангел во плоти, представляете? Перевязку сделала, потом до медпункта проводила. А я, естественно, не мог упустить шанс – номер телефона выпросил. Ну, и пошло-поехало.

Он говорил с такой неприкрытой нежностью и восторгом, что это было даже немного непривычно. Обычно Илья – это фонтан шуток, сарказма и лёгкого бахвальства. А сейчас в его голосе звучала совершенно другая, более трепетная интонация.

– Ой, да он у нас совсем растаял, – не унималась Стеша,

поддразнивая брата. Она облокотилась на его плечо, заглядывая в телефон. – Помню, как он первый раз перед свиданием час перед зеркалом торчал, спрашивал, какую футболку надеть. «Стень, а эта не слишком кричащая? А эта не делает меня похожим на павлина?» Я чуть со смеху не умерла.

– Заткнись ты, – буркнул Илья, но беззлобно, продолжая улыбаться. – Так вот, ребята, обязательно познакомлю. Может, в эти выходные куда-нибудь вместе сходим? В кино или в то новое антикафе в центре? Аня очень хочет с вами познакомиться, я ей столько про вас рассказывал.

– Про меня тоже? – с наигранной обидой спросила Стеша.

– Особенно про тебя, – ухмыльнулся Илья. – Рассказал, какая ты у меня замечательная, добрая и смелая сестра. Ну, и про твою неловкую историю с фотографиями, конечно, не забыл. Шучу, шучу! – поспешил он добавить, видя, как лицо Стеши нахмурилось. – Не рассказывал, естественно. Твои тайны при мне.

Алиса слушала, и на душе у неё становилось тепло. Этот простой, светлый разговор, эта возможность посмеяться и помечтать о простых вещах – свиданиях, дружеских встречах – была как бальзам после всех недавних потрясений. Она смотрела на Илью, который с таким жаром показывал фотки и рассказывал об Ане, и думала, как здорово, что у него появилось такое светлое чувство. И в то же время где-то глубоко внутри щемило.

– Конечно, познакомимся, – сказала она, заставляя себя

улыбнуться. – Очень интересно. Только смотри, чтобы она нас не испугалась. Особенно после рассказов про то, как мы тут друг друга от мячей защищаем и по мордам бьем.

– О, она уже в курсе про ваши подвиги, – засмеялся Илья, убирая телефон. – Я ей всё подробно изложил. Сказал, что мои друзья – самые отчаянные головы в школе. Она, кстати, очень впечатлилась. Сказала, что хочет на такую дружбу посмотреть.

– Ну, если она выдержала твои рассказы, значит, девушка стойкая, – с лёгкой усмешкой заметил Максим. Он перевёл взгляд на Алису, и в его глазах на секунду мелькнуло что-то неуловимое – то ли вопрос, то ли понимание. – Придётся соответствовать.

Разговор постепенно сходил на нет. По коридору прошла последняя кучка учеников, торопясь на автобус. Из открытой двери учительской донесся смех. Осенний вечер за окном сгушался, окрашивая небо в сиреневые и лиловые тона.

– Ладно, пора по домам, – вздохнула Стеша, надевая капюшон своей розовой куртки. – А то мама будет волноваться. Илья, ты нас проводишь?

– А как же, мои прекрасные дамы, – с пафосным поклоном ответил Илья, подхватывая свой рюкзак. – Ваш рыцарь с блестящим шлемом и не менее блестящей дамой сердца в телефоне к вашим услугам. Костёр, ты с нами?

Максим кивнул, но его взгляд снова задержался на Алисе.

– Да, провожу, – сказал он тихо. – Надо же убедиться, что

наша Лиса до дома благополучно доберётся. А то мало ли какие хулиганы в осенних сумерках рыщут.

Он произнёс это с лёгкой, почти шутиливой интонацией, но в его словах слышалась неподдельная забота. Алиса почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Она натянула свою куртку, пряча в карманах внезапно вспотевшие ладони.

– Ну, что, пошли, – сказала она, стараясь звучать как можно естественнее. – А то и правда стемнеет.

Они двинулись по пустеющему коридору к выходу. Илья шёл впереди, что-то напевая себе под нос и время от времени заглядывая в телефон, вероятно, переписываясь с Аней. Стеша шагала рядом с ним, поддразнивая его. Алиса и Максим шли сзади, и тишина между ними была не тяжёлой, а какой-то особенной, наполненной невысказанными словами и тёплым пониманием.

За пределами школы их встретил свежий, уже по-настоящему осенний воздух. Фонари на улице только начинали зажигаться, отбрасывая на асфальт длинные, дрожащие тени.

– Ну, что, до завтра, – сказала Стеша, обнимая Алису на прощанье. – И не забудь, завтра на литературе Галкина обещала тест устроить. Готовься.

– Постараюсь, – улыбнулась Алиса.

Илья махнул рукой, уже отходя в сторону своего дома.

– Всем спокойной! Макс, не задерживай нашу москвичку!

И они разошлись. Алиса и Максим остались вдвоём на почти пустой улице. Наступила та самая тишина, которая бы-

вает только в маленьких городках осенним вечером – умиротворяющая, нарушаемая лишь далёким лаем собаки да шелестом листьев под ногами.

– Пойдём?

– Пойдём, – кивнула Алиса.

Они зашагали по знакомой дороге к её дому. Первые несколько минут шли молча, но это молчание было комфортным. Алиса думала о том, как Илья, вечный шутник и балагур, нашёл себе девушку и, судя по всему, был по-настоящему счастлив. Это вызывало у неё странную смесь радости за друга и лёгкой грусти.

– Знаешь, – наконец нарушила тишину Алиса, её голос прозвучал задумчиво. – Я очень рада за Илью. Он выглядит таким... одухотворённым. Не думала, что он способен на такие чувства.

Максим посмотрел на неё, и в уголках его глаз появились лучики морщинок от улыбки.

– Да, он серьёзно втюрился, – согласился он. – Я, честно говоря, тоже в шоке был. Но в хорошем смысле. Он заслуживает счастья. И Аня, судя по всему, девушка что надо.

– Это так здорово, когда люди находят друг друга, – продолжила Алиса, глядя под ноги на узор из жёлтых кленовых листьев. Её голос стал тише, почти шёпотом. – И неважно, где и как. Главное – это чувство.

– Да, – просто сказал Максим, и в его голосе прозвучала какая-то глубокая нота.

Они прошли ещё несколько шагов, и Алиса почувствовала, как напряжённое молчание между ними снова нарастает, но теперь оно было наполнено невысказанным. Она знала, о чём они оба думают. Об этих странных, сложных чувствах, которые росли между ними, как паутина, красивая и хрупкая.

– А у нас... – начал Максим, но запнулся. Он замедлил шаг, его взгляд стал серьёзным. – А у нас что, Алиса? Мы же тоже... Я имею в виду...

Он не закончил, словно боялся спугнуть момент. Алиса почувствовала, как сердце забилося чаще. Она знала, что он хочет сказать. И сама хотела поговорить об этом, но страх перед будущим, перед неизбежным отъездом, сковывал её.

– Макс, – начала она, останавливаясь и поворачиваясь к нему. Её голос дрожал. – Ты знаешь, что я уеду после выпускного. К другой жизни.

– Знаю, – кивнул он, и его лицо стало каменным, но в глазах читалась боль. – Ты уже говорила. Но разве это значит, что мы не можем... что мы должны игнорировать то, что происходит между нами сейчас? Разве чувства имеют срок годности?

– Не имеют, – прошептала Алиса, опуская глаза. – Но они могут причинить боль. И тебе, и мне. Зачем начинать что-то, что обречено с самого начала?

– А кто сказал, что обречено? – он сделал шаг ближе, и его пальцы осторожно коснулись её руки. – Жизнь непред-

сказуема, Лис. Ты сама только что сказала – главное чувство. А у меня... у меня к тебе чувства. Сильные. И я не хочу их прятать только потому, что ты когда-то уедешь. Я хочу быть с тобой здесь и сейчас. Пока ты здесь.

Его слова были такими искренними, такими обжигающе честными, что у Алисы перехватило дыхание. Она подняла на него глаза и увидела в его взгляде ту самую уязвимость, которую он обычно прятал за маской хулигана. Это был тот самый Максим, которого знала только она и, может быть, Илья. Романтик. Хатико, как говорила Стеша.

– Я... – начала она, но голос предательски дрогнул. Она хотела сказать, что тоже чувствует что-то. Что его присутствие согревает её, что его шутки раздражают и смешат одновременно, что его защита даёт ощущение безопасности, которого так не хватало в этом новом городе. Что мысль о нём заставляет её сердце биться чаще. Но слова застряли в горле, скованные страхом будущей разлуки и болью, которая последует за ней, – Я не хочу тебя обидеть, – выдохнула она вместо этого, отводя взгляд. – Ты замечательный, Максим. И я... я очень ценю тебя. Как друга. Как человека, который всегда рядом. Но...

– Но ты боишься, – закончил он за неё, и в его голосе прозвучала горечь. – Понятно.

Он отпустил её руку и отступил на шаг. Его лицо снова стало непроницаемым, но Алиса видела, как он сжимает кулаки, пытаясь справиться с эмоциями.

– Ладно, – сказал он тихо. – Не будем об этом. Давай просто дойдём до твоего дома.

Они снова зашагали, но теперь тишина между ними стала тяжёлой, неловкой. Алиса чувствовала, как слёзы подступают к глазам. Она ненавидела себя за эту слабость, за этот страх. За то, что не может решиться на что-то настоящее из-за призрачного будущего.

Внезапно она остановилась и резко повернулась к нему.

– Знаешь что? – сказала она, и её голос прозвучал неестественно громко в вечерней тишине. – Давай... давай поговорим о чём-нибудь другом. О чём угодно. О школе. О дне самоуправления. О... о чём-нибудь смешном.

Она смотрела на него умоляющим взглядом, и в её глазах читалась паника. Паника от того, что они зашли слишком далеко, от того, что она не готова к этому разговору, от того, что её собственные чувства пугали её больше, чем что-либо ещё.

Максим смотрел на неё несколько секунд, его лицо было невыразительным. Затем он медленно кивнул.

– Хорошо, – сказал он, и в его голосе не было ни злости, ни обиды. Была просто усталость и понимание. – Давай поговорим о чём-нибудь другом. Например, о том, как ты собираешься удержать внимание пятиклашек на «Муму». У тебя есть план?

Алиса почувствовала, как напряжение немного спадает. Она слабо улыбнулась.

– Честно? Ни малейшего, – призналась она. – Думаю, просто буду читать им выразительно. А если не будут слушать... не знаю. Может, расскажу какую-нибудь страшилку про школу.

– Страшилку? – Максим приподнял бровь, и в его глазах снова мелькнула искорка привычного озорства. – Типа про призрака учительницы математики, которая является по ночам к тем, кто не делает домашку?

– Что-то вроде того, – хихикнула Алиса, чувствуя, как лёд между ними понемногу тает. – Или про библиотечного гнома, который крадёт непрочитанные книги.

– О, это уже интереснее, – ухмыльнулся Максим. – А я, наверное, буду пугать своих химиков историями о студентах, которые неправильно смешали реактивы и превратились в слизней. Хотя, учитывая мою репутацию, они мне, наверное, и так поверят.

Они снова зашагали, и разговор постепенно перешёл на более лёгкие темы – об учителях, о планах на выходные. Но под этой поверхностной болтовней у обоих оставалось невысказанное. Чувства, которые они только что едва не обнажили, теперь тихо тлели внутри, как угольки под пеплом.

Когда они подошли к её дому, Алиса обернулась к Максиму. Вечерние тени уже полностью скрыли его лицо, но она видела, как он смотрит на неё тем же внимательным, тёплым взглядом.

– Спасибо, что проводил, – сказала она тихо.

– Всегда пожалуйста, – ответил он. – Спокойной ночи, Лис.

– Спокойной ночи, Максим.

Она повернулась и пошла к подъезду, чувствуя его взгляд на своей спине. Когда дверь лифта закрылась за ней, она прислонилась к стене и закрыла глаза. В груди было тяжело и пусто одновременно. Она понимала, что только что убежала от чего-то важного. От чего-то, что могло изменить всё. Но страх перед будущим, перед болью расставания, оказался сильнее. Сильнее даже тех тёплых, щемящих чувств, которые он вызывал в ней.

Она поднялась в свою комнату, включила свет и подошла к окну. Максим всё ещё стоял на улице, его силуэт чётко вырисовывался в свете фонаря. Он смотрел на её окно, и даже на расстоянии она чувствовала его вопрос. Затем он медленно повернулся и ушёл, растворившись в осенней темноте.

Алиса опустила на кровать и уткнулась лицом в подушку. Она думала об Илье и его Ане, об их счастье, таком простом и настоящем. И думала о себе и Максиме. О том, что они могли бы иметь, если бы она была смелее. Но она была трусихой. Самой настоящей.

Глава 19

Гостинная в доме Аксёновых тонула в мягком вечернем свете настольной лампы. Стефания, свернувшись калачиком на широком диване цвета топлёного молока, листала ленту в телефоне. На экране мелькали фотографии одноклассников, мемы, реклама. Но её мысли были где-то далеко, возвращаясь к сегодняшнему дню, к тёплому вечернему воздуху и смеху друзей. Тишину нарушал только мерное тиканье ходиков на каминной полке да голос её брата.

– Анюточка моя, солнышко, – доносилось из прихожей. Илья расхаживал из угла в угол, его босые ноги шлёпали по прохладному паркету. Голос звучал настолько слащаво, мёдово и просительно, что у Стеши непроизвольно скривилось лицо. – Ну, так получилось же. Я заболел, а потом эта история у друзей... Ну, не злись, моя девочка, пожалуйста. Я же по тебе скучал, как сумасшедший.

Стефания закатила глаза. Она отложила телефон на бархатную подушку и уставилась в потолок, где играли блики от лампы. Ей было одновременно смешно и противно слушать эти нежности. Её брат-двойняшка превратился в сентиментального щенка, и это зрелище было неестественным, как будто кто-то подменил его личность.

– Фу, меня сейчас реально вывернет, – громко сказала она, чтобы он услышал. – Илюх, да очнись ты. Ты же обычно

так только над кем-то прикалываешься.

Илья на секунду высунул голову из прихожей, показал ей язык, и тут же, не прерывая разговора, продолжил ворковать в трубку:

– Ты же знаешь, я бы с радостью... Да, конечно... Завтра? Обязательно. Я тебе и цветы принесу, какие хочешь – розы, тюльпаны, ну, или там, хризантемы... Что? Нет, я не считаю хризантемы цветами для кладбища, кто тебе такое сказал? Ладно, ладно, ромашки тогда... Ромашки милые, да...

Стеша фыркнула и снова схватила телефон.

– Слышали бы тебя Макс с Алиской, их бы хохот пробрал до слёз, – пробормотала она, но уже беззлобно. В глубине души она была рада за брата. Видеть его таким – мягким, уязвимым, по-настоящему влюблённым – было странно, но это вызывало тёплую волну нежности. Она вспомнила, как он сегодня показывал фотки Ани, и его глаза сияли, как у ребёнка, нашедшего клад.

Она снова уткнулась в экран, прокручивая сторис. Внезапно в верхней части экрана всплыло уведомление. От Игоря Царёва. Стеша замерла, её пальцы непроизвольно сжали корпус телефона. Сердце ёкнуло, сделав в груди неловкий кульбит. Она не ожидала, что он напишет. После того поцелуя, после его внезапной защиты в школе, между ними повисло нечто невысказанное, туманное и тревожащее.

Она открыла сообщение. Оно было коротким, без лишних слов: «Заяц, ты как там? Никто не доставал?»

Прозвище «Заяц» заставило её губы дрогнуть в едва уловимой улыбке. Это было что-то личное, от него. Она украдкой покосилась в сторону прихожей. Илья, увлечённый разговором, теперь вполголоса что-то рассказывал Ане про школьные приключения, и в его тоне снова проскальзывали привычные нотки бахвальства.

Она набрала ответ, тщательно подбирая слова, чтобы звучать непринуждённо: «Привет) Нет, всё хорошо. А что?»

Отправляляла и затаив дыхание ждала. Через несколько секунд появилось уведомление, что он печатает. Потом перестал. Потом снова начал. Стеша прикусила нижнюю губу. Её нервы были натянуты, как струны. Она представляла его: высокого, немного угрюмого, с пронзительными серыми глазами, которые видели всё насквозь. Парня, о котором в школе ходили легенды и слухи, связывающие его с тёмными делами. Парня, который поцеловал её в порыве злости и страсти, и после которого мир перевернулся.

Наконец пришёл ответ: «Ну, если будут доставать – пиши. Я приду разберусь».

Стеша почувствовала, как по спине пробежали мурашки. В его словах не было слащавой заботы, как у Ильи. Была какая-то грубоватая, мужская ответственность. Обещание защиты, которое звучало как закон природы. И это волновало её гораздо больше. Она быстро ответила: «А просто так ты не придёшь? Нужно, чтобы что-то случилось, если захочу тебя увидеть?»

Отправила и тут же испугалась своей смелости. Она снова уставилась на экран, следя за индикатором набора. Он снова начал печатать, потом остановился. Промежуток был таким долгим, что Стеша уже начала думать, что спугнула его, что он сейчас исчезнет, как призрак. Пальцы её похолодели. Но затем индикатор снова задвигался, и после ещё одной паузы пришло сообщение: «Если захочешь меня увидеть – приду без проблем. Мне чаще появляться в школе?»

Стефания не сдержала смущённого хихиканья. Оно вырвалось у неё тихим, счастливым звуком. Она прикрыла рот ладонью, но было поздно.

– Чего ты там? – раздался голос Ильи. Он стоял в дверном проёме, прислонившись к косяку, и смотрел на неё с любопытством. Телефон он уже убрал, но на лице всё ещё играла довольная улыбка после разговора с Аней.

– Ничего, – быстро ответила Стеша, чувствуя, как кровь приливает к щекам. Она потупила взгляд в экран, стараясь казаться занятой. – Просто смешной мем попался.

Илья прищурился. Его взгляд, всегда острый и насмешливый, скользнул по её лицу, по рукам, сжимающим телефон.

– Мем, – повторил он с недоверием. – Ага, конечно. И от этого «мема» у тебя щёки как у сумасшедшего бурундука, который нашёл тройной запас орехов. Давай, признавайся, Стеня. Кто это тебе пишет, что ты так зарделась? Не Максим же, он у Лисицыной ушами хлопает.

– Отстань, – отмахнулась Стеша, пытаясь встать, но Илья

блокировал ей путь, уперев руки в боки.

– Ой, нет, сестрёнка, – запел он, и в его голосе снова появились те слащавые нотки, но теперь они были окрашены братским подшучиванием. – Мы же одна семья. Мы же всё делим. Я тебе про Аню рассказал, а ты от меня таишься? Нечестно. Я же всё вижу. У тебя тот самый взгляд.

– Какой ещё взгляд? – фыркнула Стеша, но почувствовала, как предательская краска заливает её шею и уши.

– Взгляд влюблённой зефирки, – безжалостно констатировал Илья. – Тот самый, что был у меня, когда я первый раз с Аней на свидание собрался. Глаза блестят, губы сами в улыбку, а внутри, я чувствую, всё переливается, как газировка. Ну, кто он? Одноклассник? Кто-то из параллели? Или... – он сделал драматическую паузу, его глаза расширились. – Или это таинственный незнакомец из интернета? О, мамочки, Стеня, только не говори, что ты в аське познакомилась с сорокалетним грузчиком из Воронежа! Папа убьёт! А потом я! А потом мы оба воскресим его и убьём снова!

Он разыгрывал целую трагедию, хватаясь за сердце и закатывая глаза, и Стеша не выдержала – рассмеялась, уже искренне, сбрасывая напряжение.

– Дурак, – выдохнула она, шлёпнув его по плечу. – Никакого грузчика. И вообще... это не твоё дело.

– Всё, что касается моей единственной и неповторимой сестры – моё дело, – заявил Илья, но теперь его тон стал серьёзнее. Он присел на край дивана, его лицо потеряло шу-

товское выражение. – Серьёзно, Стеня. Всё в порядке? Тот парень... он нормальный? Не какой-нибудь козёл, который потом фотки по школе раскидает?

Его слова задели её за живое. После истории с Ромой она стала гораздо осторожнее. Но с Игорем... это было другое. Он сам защитил её тогда. Он казался опасным, но в его опасности была какая-то странная надёжность.

– Он нормальный, – тихо сказала Стеша, отводя взгляд. – Он... он не такой, как все. Но в хорошем смысле. И он уже помогал мне.

Илья внимательно посмотрел на неё, изучая её лицо. Потом медленно кивнул.

– Ладно, – сказал он. – Верю на слово. Но если что – ты мне сразу. Я и Макс в два счёта любого козла в фарш превратим. Даже если он из Воронежа и сорокалетний. Договорились?

Сердце Стеши упало. Она знала, что Илья не дурак, и его интуиция братской близости работала безотказно. Но мысль о том, чтобы рассказать ему про Игоря, вызывала в ней настоящий животный страх. Илья мог быть прекрасным братом, но он был ещё и лучшим другом Максима. А Максим, с его неприязнью к «плохим парням» и гиперопекой над близкими, наверняка воспринял бы эту связь в штыки. Да и сама Стеша до конца не понимала, что происходит между ней и Царёвым. Это было слишком ново и слишком хрупко.

– Да брось ты, – отмахнулась она, стараясь говорить как

можно естественнее. – С Алиской переписываюсь, про завтрашнюю литературу. Ты же знаешь, как она паникует перед уроками.

Илья, кажется, поверил. Он пожал плечами и повалился на диван рядом с ней, устроившись поудобнее.

– А, ну, ладно. Кстати, насчёт Алисы... Макс сегодня вернулся какой-то пришибленный. Звонил, говорил, что провожал её, но что-то у них там опять не сложилось. Опять она его отшила, наверное. Бедный Костёр, горит, а её не согреть.

Стеша вздохнула, на мгновение отвлекшись от своих мыслей.

– Они оба идиоты, – сказала она с лёгкой грустью. – Чувства есть, а оба боятся. Она – уехать, он – что станет как его отец. Сплошные баррикады из страхов.

– Зато мы с Аней молодцы, – самодовольно заявил Илья, закинув руки за голову. – Никаких баррикад. Только честность и взаимопонимание. И любовь, конечно. Моя девочка – просто ангел. Знаешь, что она мне сегодня сказала?

Он повернулся к сестре, и его глаза снова загорелись тем самым влюблённым блеском.

– Она сказала, что гордится мной. Что я настоящий мужчина, который не боится показывать свои чувства. Представляешь? – Его голос стал тише, почти шёпотом. – Мне так хорошо с ней, Стеня. Так... спокойно. Как будто я нашёл ту самую гавань, про которую все пишут в дурацких стихах.

Стеша смотрела на брата, и её охватила странная смесь

умиления и зависти. Ей тоже хотелось такой простой, ясной уверенности. Но её чувства к Игорю были совсем другими – острыми, колючими, полными вопросов и тревоги. Она снова посмотрела на телефон. Сообщение Игоря висело в чате, как неразорвавшаяся граната. Он спросил, нужно ли ему чаще появляться в школе. Для неё. Это было невероятно.

Не выдержав, она открыла чат с Алисой. Ей нужно было поделиться этим с кем-то, иначе она взорвётся. Алиса была единственной, кто знал о Игоре и кто не стал бы её осуждать.

«Аль, ты не поверишь!» – быстрыми пальцами набрала она. – «Только что переписывалась с Игорем. Он сам написал! Спросил, как я, и сказал, что если что – придёт разберётся. А потом я спросила, а просто так придёт, если я захочу его увидеть. И он ответил: «Если захочешь меня увидеть – приду без проблем. Мне чаще появляться в школе?» Аль, я в ауте! Что это значит?»

Она отправила сообщение и прижала телефон к груди, как будто это могло унять бешеный стук сердца. Илья, заметив её движение, поднял бровь.

– Опять пишешь? – спросил он. – Ты сегодня какая-то нервная.

– Просто общаюсь, – буркнула Стеша, не глядя на него. Её взгляд был прикован к экрану, ожидая ответа.

Через минуту телефон завибрировал. Алиса ответила быстро, как всегда. «СТЕНЯ!!!» – начиналось сообщение, и Стеша уже представила её восклицающий голос. – «Это же

просто космос! Он сам предложил приходить в школу ради тебя! Это типа... он хочет быть ближе? Это серьёзно! Ой, я так за тебя рада! Ты же втрескалась по уши, да? Признавайся!»

Стеша снова захихикала, на этот раз громче. Энтузиазм Алисы был заразительным. Она чувствовала, как лёгкое головокружение от счастья охватывает её. «Не знаю, втрескалась или нет, – написала она в ответ. – Но когда он пишет, у меня бабочки в животе. И я боюсь сказать Илье. Он же с ума сойдёт. И Макс тем более.»

Ответ Алисы пришёл почти мгновенно. «Понятное дело. Но это твоя жизнь, Стеня. Если тебе с ним хорошо – пробуй. Только будь осторожна. Он всё-таки... ну, ты знаешь. Но я на твоей стороне! Держи меня в курсе!»

Стеша улыбнулась. Поддержка Алисы значила для неё очень много. Она уже собиралась написать что-то в ответ, как вдруг почувствовала, как диван прогнулся под весом Ильи, который наклонился, пытаясь заглянуть в её экран.

– Ой, да что ты там такое секретное? – протянул он с преувеличенным любопытством. – Дай посмотреть, с кем это наша Стеша так оживлённо беседует?

– Отстань! – почти взвизгнула Стеша, инстинктивно прижимая телефон к себе. Паника, острая и холодная, пронзила её. Она видела, как удивление сменило шутливое выражение на лице Ильи. Его брови поползли вверх.

– Стефания? – спросил он уже без шуток. Его голос стал

серьёзным, братским, тем, каким он говорил, когда чувствовал, что что-то не так. – Ты чего? Что-то случилось?

– Нет! – слишком быстро ответила она. – Всё нормально. Просто... личное. Можно же иметь личное пространство?

Илья откинулся назад, изучая её взглядом. Его глаза сузились. Он не был дураком. Он видел её панику, её смущённый смех, её попытки скрыть экран. И между ними была та самая связь двойняшек, которая позволяла чувствовать ложь за версту.

– Ладно, – наконец сказал он, но в его тоне явно звучало недоверие. – Храни свои секреты. Но помни, если что – я всегда тут. Даже если этот секрет – какой-нибудь гопник с района.

Сердце Стеши сжалось. Фраза «гопник с района» прозвучала как прямое попадание. Илья, конечно, не знал про Игоря, но его интуиция била точно в цель. Она молча кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

Илья, вздохнув, поднялся с дивана.

– Ладно, пойду уроки делать. А то завтра на истории Романова опять будет пытаться. Спокойной, сестрёнка.

– Спокойной, – прошептала она.

Он ушёл в свою комнату, оставив Стешу одну в полумраке гостиной. Она опустила телефон на колени и закрыла глаза. В ушах ещё звенел его голос: «гопник с района». А в памяти всплывало лицо Игоря – не гопника, а сложного, замкнутого парня, который мог быть невероятно нежным в один момент

и ледяным – в другой. Который защитил её, когда она была в самой низшей точке. Который теперь писал ей «Заяц» и спрашивал, не приходите ли ему в школу.

Она снова взяла телефон и открыла чат с Игорем. Его последнее сообщение всё ещё висело там. Она медленно, тщательно набрала ответ: «Можешь приходить. Если захочешь.»

Отправила. И сразу же добавила: «Но будь готов, что мой брат может устроить допрос. Он что-то заподозрил.»

На этот раз Игорь ответил почти сразу: «Не бойся. Справлюсь. Спокойной ночи, Заяц.»

Стеша улыбнулась, прижав телефон к губам. Страх никуда не делся, но его теперь перекрывало тёплое, щемящее чувство предвкушения. Она думала о завтрашнем дне. О том, что, возможно, увидит его в школе. О том, что между ними что-то началось – хрупкое, опасное и невероятно волнующее. И о том, что ей придётся это скрывать ото всех, особенно от Ильи. Эта мысль была тяжёлым камнем на душе, но пока что она была готова нести его. Ради этих мурашек по коже. Ради этого сообщения: «Спокойной ночи, Заяц». Ради чувства, что кто-то, такой же одинокий и колючий, как она сама в последнее время, увидел в ней что-то стоящее.

Она выключила лампу и осталась сидеть в темноте, глядя на тусклый свет фонаря за окном. В доме было тихо, только из комнаты Ильи доносился приглушённый звук музыки. Стеша думала об Алисе и Максиме, об их сложных чувствах и страхах. Думала об Илье и его простом, светлом счастье.

И думала о себе. О том, что её собственная история только начиналась, и никто не мог сказать, куда она приведёт. Но впервые за долгое время она чувствовала не просто интерес, а жгучую, живую вовлечённость в собственную жизнь. И это было страшно. И прекрасно.

Осенний свет, бледный и холодный, лился из высоких окон коридора, рисуя на полированном линолеуме длинные, искажённые прямоугольники. Алиса добралась до шкафчика 217. Металл был холодным, отзывался на прикосновение пальцев ледяным уколом. Замок щёлкнул, дверца с тихим скрипом поддалась. Внутри – аккуратный порядок: учебники, папка с заветными эскизами, забытая бутылка воды. Она уже потянулась за алгеброй, как чья-то ладонь с размаху ударила по металлу рядом с её рукой. Глухой, оглушительный лязг прокатился по коридору, дверца захлопнулась, едва не прищемив её пальцы.

Алиса вздрогнула и резко обернулась.

Перед ней стояла Катя Ветрова. Идеальная, как с обложки журнала: русая волна волос, холодные глаза цвета зимнего неба, ядовитая улыбка, застывшая на губах, накрашенных розовым блеском. Сзади, как верные оруженосцы, маячили Рита Богатова с вечно недовольной гримасой и её младший брат Кирилл, который смотрел куда угодно, только не на Алису, краснея до корней волос.

– Спасибо, я бы сама справилась, – произнесла Алиса,

спокойно закидывая сумку на плечо. Внутри всё сжалось в тугую, трепещущий узел, но лицо осталось непроницаемым. В свете последних событий она поняла одну вещь: страх здесь – валюта, которой нельзя платить.

– Не за что, – сладко протянула Катя, медленно обводя её взглядом с ног до головы. В её голосе звенел лёд. – Ты чё возле Костровского вертишься? Как моль у лампы.

Алиса мысленно вздохнула. Очередная претендентка на трон. Стеша как-то обмолвилась, что Катя уже несколько лет строит глазки Максиму, но он её будто сквозь стекло видит. И Лисицына знала, что когда-нибудь они всё же столкнуться.

– Я вроде не верчусь, – парировала она, намеренно делая голос скучающим. – Просто хожу в школу. Как и ты. Разве что без свиты.

Рита фыркнула и скрестила руки на груди.

– Не умничай. С тобой разговаривают – отвечай нормально.

Алиса перевела взгляд на Риту, потом снова на Катю. Тишина повисла тяжёлой, липкой пеленой, сквозь которую пробивался лишь отдалённый гул из рекреации.

– Чего вы хотите? – наконец спросила она, подчеркнув множественное число.

– Чтобы ты от Макса отстала, – чётко, как гвоздь, вбила Катя. Улыбка исчезла, сменившись холодной решимостью. – Ты ему не пара. Ты тут новенькая. Твоя семья лезет, куда не просят. И ты лезешь.

Слова пахнули не школьной завистью, а чем-то взрослым и грязным. Отголоском родительских разговоров за закрытыми дверьми. Алиса почувствовала, как мурашки пробежали по спине, но она не дрогнула.

– А он в курсе твоего мнения о нашей паре? – Алиса улыбнулась, и в уголках её губ заплясали искорки дерзости. – Потому что он, знаешь ли, как-то не жалуется. Наоборот. Частенько захаживает. И сообщениями заваливает. Прямо не отвязаться.

Катя слегка побледнела, её ноздри дрогнули.

– Врёшь. Он так не делает.

– Ага, конечно, – Алиса флегматично осмотрела ногти. – Вчера, например, допоздна сидели. Обсуждали... ну, всякое. Он такой интересный, когда раскрывается. Мама моя очень любит, когда он приходит. Специально для него готовит малиновый пирог. А целуется он... ой. – Она прикрыла рот рукой, изображая лёгкое смущение, но глаза её смеялись. – Я, кажется, лишнее сказала.

– Ты что несешь? – прошипела Катя, делая шаг вперёд. Её щёки залились густым румянцем. – Он тебя даже не касался!

– А кто тебе сказал? – Алиса наклонилась ближе, понизив голос до интимного, доверительного шёпота. – Он может быть очень... страстным. Когда захочет. И, знаешь, у него получается это удивительно хорошо. У него очень нежные губы, а руки, м-м-м, – она закрыла глаза, будто вспоминая удовольствие, – Хочешь, подробнее расскажу? Как он...

– Заткнись! – почти крикнула Катя, и её голос сорвался на визгливую ноту. Она задрожала от ярости. Рита выглядела шокированной, а Кирилл, казалось, готов был провалиться сквозь землю. – Ты врешь! Он никогда...!

– Почему никогда? – Алиса откинулась назад, наслаждаясь эффектом. Её собственная ложь слегка шокировала её, но ощущение власти над ситуацией было опьяняющим. – Вчера же вечером и было. Может, потому что я ему нравлюсь? И, знаешь, он мне тоже. Очень. Особенно вот эта его манера...

В этот момент из-за угла донёсся знакомый голос.

– Алиска! Химия! Ты где? – это кричала Стеша.

Алиса, не отводя взгляда от побелевшей Кати, увидела периферией, как к ним быстрым шагом приближаются Стефания, Илья и Максим. Максим шёл впереди, его взгляд сразу же нашёл её, оценил напряжённую позу Кати и её спутниц, и его лицо стало каменным.

Катя, увидев их, попыталась взять себя в руки, но её дрожащие губы выдавали всё.

– Просто запомни, – тихо, но угрожающе сказала Алиса, прежде чем отвернуться. – Не лезь. Это больше не твоя территория.

Она сделала шаг навстречу друзьям, и её сразу же окружили. Стеша тут же встала между ней и Катей, сверкая глазами.

– Опять ты? Я же предупреждала! – бросила она в сторону Ветровой.

– Всё ок, Стень, – Алиса мягко потянула подругу за локоть. – Просто беседа была.

Максим подошёл вплотную. Его взгляд был тёмным, вопрошающим.

– Всё нормально? – спросил он, и его голос звучал низко, без привычной иронии.

– Абсолютно, – кивнула Алиса. Она почувствовала внезапный порыв, смесь бравады и желания подлить масла в огонь. Глядя прямо на Катю, которая наблюдала за ними, сжав кулаки, Алиса сказала громко и отчётливо, заискивающе кладя руку на мужское плечо, – Просто вспомнила, как ты умопомрачительно целуешься. Аж ноги подкашиваются. Правда, Катюша, мы же это обсуждали?

Катя аж подпрыгнула. Рита ахнула. Илья застыл с открытым ртом. Стеша смотрела на Алису, как на сумасшедшую.

А Максим... Максим и глазом не моргнул. Он лишь слегка приподнял бровь, а потом его губы растянулись в медленной, понимающей улыбке. Он шагнул вперёд, и прежде чем Алиса сообразила что к чему, его рука легла ей на талию, твёрдо и уверенно. Он притянул её к себе, развернул так, что её спина мягко упёрлась в соседний шкафчик. Его лицо оказалось в сантиметрах от её.

– Ну, да, – тихо, но так, чтобы слышали все, сказал он, и его голос стал бархатным, с хрипотцой. – А это мы ещё к самому вкусному не перешли. Там не то, что ноги, ты имя своё забудешь.

Его дыхание коснулось её губ. В его глазах плескались озорные, тёплые искры. Алиса замерла, сердце забилося где-то в горле. Это была игра, спектакль, но его близость была абсолютно реальной. Его тело, тёплое и сильное, прижималось к ней. Она видела каждую ресницу, каждую чёрточку на его лице. И он медленно, неотрывно глядя ей в глаза, наклонялся. Катя издала сдавленный звук, похожий на стон.

– ОГО! – оглушительно рявкнул Илья, хлопая себя по лбу.
– Так вот как вы уроки учите! Целоваться! А я-то думаю, почему у Макса по химии кол! Анна Викторовна! Анна Викторовна, идите сюда, тут научный эксперимент ставят!

Заколдованный круг разомкнулся. Максим отстранился, но рука на её талии осталась, лишь слегка ослабив хватку. На его лице играла смущённая, но довольная ухмылка. Алиса чувствовала, как жар стучит в висках, а щёки пылают.

– Илюха, идиот, – с фальшивой суровостью сказал Максим, но сам засмеялся.

Катя Ветрова, увидев это, резко развернулась и почти побежала по коридору, увлекая за собой ошеломлённую Риту и сконфуженного Кирилла.

– Ну, вы даёте, – прошептала Стеша, смотря на них то на одного, то на другого. – Прямо при всех... Я в ауте.

– Ничо вы, – хохотнул Аксёнов, – Прямо Бони и Клайд школьных разборок. Видели её лицо, она чуть не лопнула от злости.

Алиса мягко, но неуклонно высвободилась из-под руки

Максима. Дистанция. Нужна была дистанция. Этот спектакль зашёл слишком далеко, и её собственные нервы были на пределе. Она поправила блузку, избегая его взгляда.

– Идёмте, а то опоздаем, – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Они двинулись к кабинету химии. Илья шёл впереди, борюча что-то про «гормоны» и «непотребство при несовершеннолетних». Стеша пыталась его заткнуть. Максим шёл рядом с Алисой. Он больше не касался её, но его присутствие ощущалось физически, как тёплое поле.

– Жёстко ты её, – тихо сказал он, наклонившись к её уху.

– Она сама начала, – также тихо ответила Алиса, глядя прямо перед собой.

– А про то, как я целуюсь... – он сделал паузу, и в его голосе зазвучал смешок. – Это откуда инфа? Мечтаешь?

Алиса резко обернулась к нему, и их взгляды встретились. В его глазах не было насмешки, только любопытство и какая-то тёплая, дразнящая заинтересованность.

– Выдумала. Для красного словца, – честно призналась она, чувствуя, как снова краснеет. – Сработало же.

Он рассмеялся, коротко и искренне.

– Сработало. Но теперь всем будет интересно проверить. Особенно мне.

Она ничего не ответила, ускорив шаг. Внутри всё переворачивалось. Игра опасна, потому что грань между притворством и правдой становится слишком тонкой. Она солгала

Кате, но, глядя на него сейчас, понимала – в этой лжи была капля дикого, запретного желания.

Урок химии прошёл в каком-то тумане. Формулы и уравнения плясали перед глазами, не задерживаясь в голове. Алиса сидела, уставившись в учебник, но видела только его – как он наклонился, как смотрел на неё. Она чувствовала его взгляд у себя за спиной, тяжёлый и тёплый.

Стеша что-то шептала ей на ухо про Игоря, но слова долетали обрывками. Алиса кивала, машинально. Её мысли были заняты другим. Она выстроила дистанцию, отстранилась физически. Но что-то внутри было уже сдвинуто, перевёрнуто. Этот почти-поцелуй при всех, эта игра на публику – это было заявлением. И Катя это поняла. И, что страшнее, поняла она сама.

Звонок с урока прозвучал как избавление. Алиса быстро собрала вещи, стараясь не встречаться глазами с Максимом. Он что-то говорил Илье, смеялся. Казалось, его это несколько не смутило. А её – смутило до глубины души.

Она вышла в коридор, и холодный осенний свет снова упал на неё. Впереди был долгий день, полный уроков, взглядов и шёпотов за спиной. Она вздохнула, поднимая подбородок. Война за территории, казалось, только началась. И она, сама того не желая, сделала первый, очень рискованный ход. Теперь нужно было решить – отступить или идти вперёд, зная, что где-то там, в тени взрослых ссор, её ждут настоящие бури. Но сегодня, сейчас, она чувствовала странную,

окрывающую уверенность. Потому что она не одна. Потому что он подыграл. И от этого становилось и страшнее, и... безумно интересно.

Осенний вечер опустился на город мягко, словно усталый художник мазнул по горизонту размытой акварелью. Оранжевые фонари зажигались один за другим, рисуя на мокром асфальте дрожащие круги света. Илья Аксёнов вышел из школы с ощущением, что день прошёл не зря. Несколько часов назад он наблюдал, как Максим и Алиса разделали Катю Ветрову под орех, и теперь чувство удовлетворения приятно грешило где-то в груди. Но оно же требовало довести дело до конца. Стеша говорила, что Катя не успокоится. Илья знал это и без её слов. Он видел, как Ветрова смотрела на Алису — не просто со злостью, а с расчётом, с прицелом. Такие не отступают, они затаиваются и бьют в спину.

Поэтому, когда компания распрощалась у школьного крыльца, Илья не пошёл домой. Он достал телефон, набрал знакомый номер и через пять минут имел адрес Кати. Рома Матросов, который знал всё обо всех, снабдил его ещё и описанием дома — серое здание с синими балконами, третий подъезд, квартира четырнадцать. Илья усмехнулся. Информаторы работали лучше полиции.

Мотоцикл домчал его до нужного района за пятнадцать минут. Илья припарковался у обочины, снял шлем и неспешно направился к серому зданию с синими балкона-

ми. Дом оказался стандартной девятиэтажкой, каких в городе было десятки, — облупившаяся краска, ржавые качели во дворе, пара бродячих собак, дремлющих под скамейкой. Он с ходу нашёл нужный подъезд, но заходить не стал. Вместо этого замер, оглядывая двор. Кати видно не было. Он проверил время — без десяти пять. Вскоре из дверей появилась девушка, одна, без свиты. Высокая, русоволосая, в коротком пальто и с телефоном в руках. Она пересекла двор и села на лавочку у детской площадки. Илья подождал, пока она устроится, и лишь потом направился к ней.

Его шаги звучали на асфальте ровно и уверенно. Катя не сразу подняла голову — слишком увлеклась экраном. Илья отметил её позу: нога на ногу, чуть наклонённая голова, лёгкая полуулыбка. В интернетах она, видимо, чувствовала себя хозяйкой положения. Что ж, пора разрушать иллюзии.

— О, какие люди! — Илья подошёл совсем близко и присел на другой край скамейки, закинув ногу на ногу. — Ветрова, сидит одна, без охраны. Какая редкость! Обычно ты с Ритой за ручку гуляешь.

Катя вздрогнула и вскинула голову. Её холодные глаза расширились от удивления, а потом сузились.

— Аксёнов? — переспросила она, и в её голосе скользнуло раздражение. — Ты как тут оказался? Заблудился?

— Я? — Илья изобразил оскорблённую невинность и прижал руку к груди. — Никак нет. Искал тебя. Пришёл лично выразить восхищение.

— Восхищение? — Катя фыркнула, убирая телефон в карман. — С чего это?

— С твоей храбрости, конечно! — Илья наклонился к ней, понизив голос до театрального шёпота. — Подойти к Алисе Лисицыной вот так, в коридоре, при всех... Это ж надо иметь такие стальные... нервы. Я, знаешь, впечатлён.

Катя скривила губы.

— Я не пойду на поводу у твоих шуток, Аксёнов. Чего надо?

— А надо мне вот что, — Илья откинулся на спинку скамейки, закинув руки за голову. — Слушай, я тут слух один проверяю. Говорят, некая особа женского пола метит в охотницы на нашу Алису. Прямо вояжируешь, так сказать, на чужую территорию. И я подумал — надо предупредить. Дичь, дорогая, кусается.

Он выразительно посмотрел на неё, дожидаясь реакции. Катя фыркнула с явным снисхождением.

— Ты мне не указ, Аксёнов, — отрезала она. — И твоя драгоценная Лисицына сама напросилась. Накличет на себя внимание — получает. Тут все так играют.

— Игры, игры, — протянул Илья, качая головой. — Ты права, игры. Только вот в наших краях есть правила. И одно из них — не лезь к тем, кто сильнее.

— Сильнее? — Катя расхохоталась. — Она? Да она новенькая, у неё даже друзей нормальных нет, кроме вашей компашки.

— Ошибаешься, — Илья поднял палец. — У неё есть мы. И это, поверь, гораздо хуже, чем сотня виртуальных хейтеров.

Катя закатила глаза.

— Ты угрожаешь мне?

— Грозят — это когда ружьём машут, — Илья перевёл взгляд на её телефон, торчащий из кармана. — А я просто делюсь наблюдениями. Знаешь, как в дикой природе? Есть хищники, а есть те, кто делает вид, что они хищники, а на деле — так, мышки. Ты, Катюша, мышка. Бегаешь, пищишь, создаёшь видимость активности. Но когда приходит настоящая кошка... прыщик.

— Это я-то мышка? — Катя выпрямилась, и её лицо потемнело. — Да я в этой школе...

— В этой школе, — перебил Илья, — Ты никто без своих связей. Без Риты, без Кирилла, без папочкиных денег. Ты думаешь, они тебя защищают? Нет, они тебя держат на поводке. И стоит мне сказать одно слово...

Он не договорил, но его улыбка стала шире. Илья не собирался переходить к делу так быстро. Он любил разогревать аудиторию.

— Что за слово? — Катя сощурилась.

— Потом расскажу, — Илья махнул рукой. — Сначала давай о другом. Как дела? Как настроение? Как тебя внутренний компас привёл к мысли, что можно трогать Алису?

— Я её не трогала, — процедила Катя. — Она сама...

— Сама, сама, — закивал Илья. — Конечно, сама. Подставила лицо, чтобы ты по нему прошлась? Согласилась на роль жертвы? Нет, Катюш, тут всё проще. Ты полезла туда, куда не надо. И теперь я тебе объясняю — обратно надо.

— Или что? — она скрестила руки на груди.

Илья выдержал паузу. Он смотрел на неё, не мигая, и его ухмылка медленно таяла, сменяясь чем-то другим. Холодным. Серьёзным. Тем, что редко кто видел в Илье Аксёнове — обычно весёлом и несерьёзном.

— Или я лично прослежу, — голос Ильи стал тихим, — Чтобы в школе с тобой никто не разговаривал. Ни одна живая душа. Ты придёшь на перемену — и тишина. Ты сядешь за парту — и пустота вокруг. Ни Рита, ни Аня, ни Кирилл, никто. Я сделаю так, что ты станешь пустым местом. И твои папочкины связи тут не помогут.

Катя замерла. Она открыла рот, чтобы огрызнуться, но увидела его глаза — ледяные, без единой искры веселья — и осеклась. Это был не тот Илья, который отпускает шутки на каждом шагу. Это был сын своего отца, человек, который умел добиваться своего, человека, чья семья плотно дружила с Костровскими.

— Ты не посмеешь, — выдавила она.

— Посмею, — Илья слегка наклонился к ней. — И ты знаешь почему? Потому что мне плевать на твои игры. Мне плевать на твои амбиции. Но если ты хоть пальцем тронешь Алису... или Стешу... или кого-то из наших... я сотру тебя.

Как белку в трениках.

Катя вздрогнула. Она видела много нахалов в школе, но такой холодной уверенности не встречала. Илья не кричал, не угрожал физически — он просто констатировал факт. Как будто говорил о погоде.

— Ты мерзавец, — прошипела она.

— Я прагматик, — поправил Илья. — Есть разница. Мерзавец делает гадости ради удовольствия. Прагматик — ради результата. Мне нужен результат. Ты не трогаешь Алису — я не трогаю тебя. Просто, как в сказке.

Катя сжала кулаки, но молчала. Она смотрела на него, и в её взгляде плескалась злость — бессильная, жгучая.

— Я поняла, — процедила она.

— Вот и славненько, — Илья снова заулыбался, но улыбка не достигала глаз. — А ещё — не рассказывай об этом разговоре никому. Никому, слышишь? Если кто спросит — скажешь, мы просто поболтали. О погоде, о собаках, о том, как хреново в этом году учат физику. Договорились?

— Договорились, — Катя кивнула, но в её взгляде мелькало что-то, что подсказывало — она не собирается мириться с поражением.

— Умница, — Илья поднялся со скамейки, отряхнул куртку. — Рад был пообщаться. Передавай привет маме.

Он развернулся и зашагал прочь. Его шаги звучали ровно и уверенно, как и раньше. Он не оглядывался. Ему не нужно было видеть её лицо, чтобы знать — она смотрит ему в спину

с ненавистью.

Илья вышел за ворота двора и остановился. Вдохнул холодный воздух. Выдохнул. Сердце билось ровно, но внутри было тревожно. Он не хотел, чтобы Алиса или Стеша знали о его вмешательстве. Ему не нужно было быть героем — достаточно знать, что он защитил друга. Это было его личное дело, его маленькая победа в войне, о которой никто не должен был знать.

Он достал телефон и написал Стеше: «Буду позже, дела». Коротко и по делу. Никаких объяснений. Завтра он придёт в школу как обычно — с шутками, с ухмылкой, с видом человека, которому на всё наплевать. И никто не узнает, что он провёл вечер, пугая Катю Ветрову.

Илья сунул руки в карманы и зашагал к мотоциклу, оставленному за углом. Надел шлем, завёл двигатель и выехал на дорогу. Ветер бил в визор, а проезжающие огни отражались в тонированном стекле. В голове крутилась мысль — хватит ли одного предупреждения? Катя упряма, это он знал. Но и он был не из тех, кто отступает.

— Ладно, — пробормотал он себе под нос. — Посмотрим.

Глава 20

Илья смылся практически сразу, как всегда исчезая с той же внезапностью, с какой появлялся. Стеша проводила его взглядом, усмехнувшись про себя тому, как брат старательно делал вид, что ему куда-то срочно надо, хотя наверняка снова полезет решать какие-то свои тайные дела. Но сейчас её мысли занимало другое. Она перевела взгляд на Алису и Максима — те стояли чуть поодаль, у школьного крыльца, и между ними искрило то самое невысказанное, трепетное напряжение, которое Стеша уже видела раньше. Уголки её губ дрогнули в тёплой улыбке. Они были такими очевидно влюблёнными, что у неё самой в груди разливалось сладкое предвкушение — словно она смотрела начало любимого фильма, зная, что впереди много трогательных сцен.

– Ладно, голубки, не буду мешать, – негромко произнесла она себе под нос и, быстро чмокнув Алису в щёку, на секунду обняла Максима на прощание. Тот ответил сдержанным кивком, но в его глазах промелькнула благодарность. Стеша махнула рукой и, развернувшись, зашагала в сторону дома, решив срезать путь через парк.

Аллеи встретили её шуршанием листьев под ногами. Огромный пёстрый ковёр из кленовых, дубовых и берёзовых листьев устилал дорожки, и в лучах заходящего солнца всё это великолепие переливалось золотом, багрянцем и янта-

рём. Стеша шла неспеша, вдыхая прохладный воздух, пахнущий прелыми травами и далёким костром. В голове роились обрывки мыслей: радостная улыбка Алисы, внезапная мягкость Максима, даже Илья, его подколки и в то же время заметное потепление к новой подруге. Всё это сплеталось в уютный клубок, от которого на душе становилось теплее.

Она уже почти миновала центральную аллею, когда в конце, у старого фонтана с облупившейся нимфой, её внимание привлекла знакомая фигура. Сердце пропустило удар, а потом забилось быстрее. Игорь двигался неспешно, засунув руки в карманы кожаной куртки, и явно не замечал её. Стеша замерла на мгновение, чувствуя, как в груди вскипает колющее и сладкое волнение.

Не думая ни секунды, она отбросила все посторонние мысли и решительно ускорила шаг. Но даже почти перейдя на бег, она не поспевала за его длинными ногами. Игорь уже свернул в конец парка, где темнел корпус заброшенного дома культуры — мрачного здания с выбитыми окнами и граффити на стенах. Стеша, чуть запыхавшись, подбежала к входу и увидела, как сиротливо болтается на одной петле деревянная дверь, за которой только что исчезла его спина. Не колеблясь, она нырнула следом.

Внутри её встретил запах — густой, спёртый, смесь гнили, мокрой штукатурки и многолетней пыли. Стеша поморщила свой аристократичный нос, но упрямо двинулась вглубь. Сумрак разрезали косые лучи света, пробивающиеся сквозь

дыры в крыше, и в этом полумраке плясали пылинки. На первом этаже было пусто — только эхо её шагов да рваные афиши на стенах. Она подняла голову и заметила полуразрушенную бетонную лестницу с зияющими дырами, в которых виднелась арматура. Глубоко вдохнув, она сделала несколько неуверенных шагов. Убедившись, что лестница выдерживает её вес, Стеша осторожно поднялась на второй этаж.

Здесь гулял сквозняк, неся с собой запахи осени и далёкого дождя. В конце коридора из одной комнаты слышался шорох. Стеша сразу направилась туда, и в дверном проёме застыла, глядя на открывшуюся картину.

Игорь сидел на широком подоконнике, прислонившись спиной к раме. Одна его нога, согнутая в колене, упиралась в оконный проём, вторая свободно свисала вниз. В пальцах дымилась сигарета, и тонкая струйка дыма поднималась вверх, размываясь в свете. Его лицо было абсолютно безмятежно — серые глаза устремлены куда-то вдаль, за окно, где уже сгущались сумерки. В этот миг он казался сошедшим с обложки журнала, и Стеша невольно залюбовалась.

Под её ботинком предательски хрустнуло стекло. Игорь тут же обернулся, мгновенно теряя всю свою безмятежность. Его брови взметнулись вверх, а в глазах мелькнула растерянность.

– Ты чего тут...? – выдавил он, и его голос прозвучал непривычно мягко, без обычной колючести.

Стеша ничего не ответила, только посмотрела на сигарету.

Игорь проследил за ней, и уголки его губ дрогнули в усмешке. В памяти обоих всплыл тот поцелуй у запасного выхода — неожиданный, ошеломительный, когда она сама прижалась к его губам. Он быстро затушил сигарету о подоконник и щелчком отправил окурок в окно.

— Не обязательно каждый раз использовать сигареты как предлог, чтобы поцеловаться со мной, заяц, — его тон был насмешливым, но в голосе сквозила едва уловимая нежность.

Щёки Стефании залились румянцем, но она не отвела взгляда. Нахохлившись, она вздёрнула подбородок и вызывающе заявила:

— И не буду. Могу и без сигарет это сделать.

Игорь улыбнулся — слегка устало, словно слова её были детской забавой. Он медленно встал с подоконника и сделал пару шагов к ней, сокращая расстояние.

— Ты не ответила на мой вопрос, — напомнил он, и его серые глаза пристально впились в её лицо. — Что ты тут делаешь?

Стеша вскинула руки, словно это было самым очевидным в мире.

— Я увидела тебя и пошла следом.

— Зачем?

— Хотела провести с тобой время! Ты же мне редко пишешь, — она надула губы, точь-в-точь как капризная маленькая девочка, и демонстративно сложила руки на груди.

Царёв слегка удивлённо наклонил голову набок. В его

взгляде читалась добрая насмешка, но где-то в глубине плескалась та самая нежность, которую он так старательно прятал.

– Ты обиделась на это? – он осторожно, почти невесомо, заправил светлую прядь старшеклассницы за ухо. Она не отодвинулась, но и недовольного выражения не убрала.

– Нет, просто неприятно, – буркнула она.

– Я был занят.

– Всю неделю?

– Да, всю неделю. Прости, заяц, обещаю писать чаще. А теперь пошли отсюда, тебе здесь не место.

Он осторожно взял её за локоть и развернул к выходу, но неожиданно встретил сопротивление. Стеша упёрлась ногами в пол и заявила:

– Я уйду только при одном условии!

– Каком?

– Если ты меня сейчас выведешь отсюда, то только на свидание!

Игорь опешил. Его глаза расширились на долю секунды, а потом взгляд потемнел, стал серьёзным, почти жёстким. От его хоть немного спокойного выражения лица мало что осталось.

– Ты понимаешь, к чему ты сейчас всё ведёшь? – спросил он, и голос зазвучал глухо.

– Конечно, понимаю! – Аксёнова взмахнула руками, недовольно цокая. – Я же сказала: «СВИДАНИЕ», Игорь!

– Ты не поняла суть моего вопроса, – он сделал шаг ближе, и Стеша невольно отступила, упёршись спиной в дверной косяк. Его лицо оказалось совсем рядом, и она почувствовала запах табака. – Такие девочки как ты не встречаются с такими как я, и все это прекрасно понимают. Поэтому твой брат попытался отвадить меня ещё в прошлом году.

Стеша замерла. Новость оглушила её.

– Отв... что?

– Ну, конечно, он не сказал, – Игорь горько хмыкнул, и в его взгляде промелькнула тень старой обиды. – Ты, Стеша, местная принцесса среди обособленной свиты, и такие типы как я должны держаться от тебя подальше, в курсе? Ты думаешь, что слухи обо мне это просто слухи? Спешу тебя заверить, пока ты совсем не поплыла, я могу быть ещё хуже, чем обо мне говорят.

Между ними повисла тяжёлая тишина. Стефания смотрела в его серые глаза и видела там предупреждающий блеск, который буквально кричал: «Беги». Но она даже не подозревала, что в этот момент Игорь проклинал себя за каждое слово. Ему хотелось вернуть время вспять, взять всё обратно, прижать её к себе и поцеловать так страстно, чтобы тот первый поцелуй показался ей никчёмным. Но он знал: нельзя быть эгоистом. Должен дать ей выбор, сразу показать, как обстоят дела, а не прикидываться принцем, каким он никогда не был.

– Какая мне разница?! – вдруг зло выдохнула Стеша, вы-

рывающая его из мрачных мыслей. Она резко подалась вперёд, и её глаза сверкнули. – Мне нет никакого дела до того, кого ты там избиваешь или что происходит за пределами школы, если ты не пострадал! Почему я вообще должна об этом думать, когда ты ко мне относишься не так?

– А как я к тебе отношусь? – он зло ухмыльнулся, но ухмылка вышла натянутой.

– Хорошо ты ко мне относишься! И защитил меня в прошлый раз, и от вредных привычек бережёшь.

– Да, поэтому давай я сберегу тебя от ещё одной вредной привычки, и на этом всё.

– Вот как?! – она резко повысила голос, заставив его отшатнуться. Грудь её вздымалась от возмущения. – А зачем тогда написал мне?! И целовал меня зачем?! Ты в курсе, что украл у меня первый поцелуй?!

– Украл?! – Игорь окончательно выпал из реальности от такого заявления. – Эй, ты сама меня поцеловала!

– Ты меня спровоцировал! Слушай сюда! – Аксёнова схватила его за полы кожаной куртки и дёрнула на себя. Её лицо оказалось в считанных сантиметрах от его. – Ты дурочку из меня не делай, ясно?! Не верю, что ты поиграться захотел, учитывая, что про тебя и девочек вообще никогда никаких слухов не было, и сколько ты отверг девчонок. А если сам ко мне шаги навстречу делал, то зачем сейчас сливаешься?!

Игорь устало выдохнул. Его ладони накрыли её пальцы,

всё ещё сжимавшие кожу куртки.

– Я не сливаюсь, – тихо сказал он. – Тебе, дурёхе, шанс даю отступить. Чтобы потом не наслушалась гадостей из-за того, что связалась со мной. Тебя ВСЕ обсуждать будут, если ты не поняла.

– Меня и так все обсуждают, какое мне дело?! – выкрикнула она, и в голосе её звенело негодование.

На мгновение Игорь замолчал. Он смотрел в её горящие глаза и видел там нечто такое, что заставило его сердце сжаться. Упрямство. Искренность. И... любовь? Он не знал. Но что-то внутри него надломилось.

– Ладно, – неожиданно перебил он её, и его голос прозвучал почти мягко. – Стефания, я приглашаю тебя на свидание. Здесь рядом есть кофейня, давай выпьем вместе кофе.

Стеша замерла, а потом её лицо озарилось широкой, сияющей улыбкой. Вся её воинственность мгновенно испарилась, уступив место щенячьему восторгу.

– Идёт! – радостно воскликнула она и, подхватив юношу под руку, потащила его к выходу.

Когда они миновали полуразрушенный вход в заброшку и снова оказались на свежем воздухе, Стеша вдруг остановилась как вкопанная. В её глазах промелькнула внезапная догадка.

– погоди, – она упёрлась в него взглядом. – Ты сказал, что Илья тебя ещё в прошлом году отвадил?

– Да, – кивнул он, не пытаясь отрицать.

– То есть, я тебе давно нравлюсь? – она улыбнулась ещё шире, и в этой улыбке было столько ликования, что Игорь невольно хмыкнул.

– Давно, – подтвердил он без тени смущения. – Ещё тогда после соревнований по волейболу хотел подойти, но Аксён, только заметив, как я на тебя посмотрел, сразу как стена вырос.

– Ох уж этот засранец, – недовольно проворчала Стефания, но ворчание получилось незлым, скорее задумчивым.

Они двинулись дальше, и парк постепенно остался позади. Кофейня и впрямь оказалась рядом — маленькое уютное заведение с приглушённым светом, деревянными столами и запахом корицы, витающим в воздухе. Когда они вошли, колокольчик над дверью издал мелодичный звон.

Стеша огляделась, впитывая атмосферу. Ей нравились такие места — тихие, где можно было укрыться от всего мира. Игорь пропустил её вперёд и указал на столик у окна, за которым открывался вид на утопающую в сумерках улицу. Она с готовностью скользнула на диванчик, обитый тёмно-зелёным велюром, и подпёрла щеку рукой, наблюдая за ним.

Игорь взял два меню, но Стеша даже не притронулась к своему, просто бегло глянула, продолжая смотреть на него с лёгкой улыбкой.

– Что будешь? – спросил он, пролистывая страницы.

– Мокко с карамельным сиропом и вот это пирожное, «Осенний поцелуй», – ткнула она пальцем в фотографию де-

серта с кремом и ягодами. – А ты?

– Чёрный кофе. Без сахара.

– Ожидаемо, – фыркнула она, но в глазах плясали чёртики.

Игорь ничего не ответил, только уголок его рта дрогнул. Он подозвал официантку, сделал заказ и, когда та принесла напитки и тарелку с пирожным, на котором красовалась фигурная крошка из белого шоколада, решительно отодвинул счёт в сторону.

– Я плачу, – безапелляционно заявил он, видя, что Стеша уже потянулась к сумочке.

– Но...

– Никаких «но». Я мужчина.

Стеша надула губы, но спорить не стала. Вместо этого она обхватила чашку обеими ладонями и сделала первый глоток, блаженно прикрыв глаза. Мокко был горячим, сладким и идеально согревал.

– А теперь, – начала она, отставляя чашку и подаваясь вперёд, – Рассказывай. Что тебе нравится? Чем ты вообще живёшь, кроме как шататься по паркам и курить?

Игорь отпил кофе, задумчиво глядя в окно.

– Люблю играть на гитаре, – ответил он после паузы. Слова прозвучали буднично, но Стеша уловила в его голосе нотку смущения.

– На гитаре?! – её глаза загорелись. – Да ты что! Это же круто! Сыграешь мне как-нибудь?

– Могу серенаду спеть под твоим окном, – усмехнулся он, и в его серых глазах промелькнул озорной огонёк. – Чтобы у твоего брата инфаркт случился от такого зрелища.

Стеша взвизгнула от восторга, представив реакцию Ильи.

– Да! Давай! Это будет эпично! Он же лопнет от злости!

– Шучу, – оборвал он её веселье, но губы его всё равно тронула улыбка. – Не буду я под окнами ошиваться. Я не романтик, сразу говорю.

Стеша расхохоталась, звонко и заразительно. Её смех заполнил всё небольшое пространство, и даже пара посетитель за соседним столиком обернулась с улыбкой.

– Ты ужасный, – выдохнула она, вытирая выступившие слёзы. – Но мне это нравится.

Она отломил кусочек пирожного и отправила его в рот, задумчиво жуя. Потом вдруг спохватилась:

– Что тебе ещё нравится? Ну, кроме как дразнить меня?

Игорь посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом. Он пил кофе неторопливо, и казалось, обдумывает каждое слово.

– Мне нравится тишина, – сказал он наконец. – Когда можно просто сидеть и ни о чём не думать. Нравится, когда играет хорошая музыка. И... когда ты улыбаешься.

Последние слова он произнёс тише, почти шёпотом, но она услышала. Услышала и замерла, чувствуя, как сердце пропускает удар, а потом пускается в бешеный галоп. Щёки запылали, и она поспешно уткнулась в свою чашку, чтобы

скрыть смущение.

– Это... очень мило, – пробормотала она, но голос предательски дрогнул.

Игорь ничего не ответил, только чуть заметно улыбнулся и отвернулся к окну. За стеклом уже совсем стемнело, и фонари рисовали на мокром асфальте дрожащие круги света. В кафе было тепло, уютно, и Стеша чувствовала себя так, словно время замерло, позволив им побыть вдвоём в собственном маленьком мире.

Она доела пирожное, допила кофе и откинулась на спинку дивана, счастливо вздыхая. Игорь тоже закончил, и они ещё некоторое время просто сидели в тишине, которая была не неловкой, а удивительно комфортной.

Наконец Игорь поднялся первым.

– Пойдём, – сказал он, протягивая ей руку. – Уже поздно.

Стеша вложила свою ладонь в его, и от прикосновения тёплых, чуть шершавых пальцев по телу пробежала сладкая дрожь. Она позволила вывести себя из кафе, и на улице зябко поёжилась от прохлады. Игорь заметил это и без лишних слов набросил ей на плечи свою куртку, оставшись в одной толстовке.

– Спасибо, – прошептала она, кутаясь в пахнущую им кожу.

Они медленно пошли по тротуару, провожаемые шёпотом падающих листьев. Стеша исподтишка глядела на его профиль, очерченный светом фонарей, и не могла сдержать

улыбки. Всё складывалось как в какой-то невероятной сказке, и ей хотелось, чтобы этот вечер никогда не кончался.

— Знаешь, — вдруг заговорил Игорь, не глядя на неё, — Когда ты ворвалась в ту комнату в заброшке, я подумал, что ты сошла с ума. Но теперь... рад, что ты это сделала.

Стеша остановилась, заставляя остановиться и его. Она подняла голову и встретила его взгляд — глубокий, серьёзный, лишённый привычной насмешки.

— Я тоже рада. Очень рада.

Игорь кивнул, и что-то в его лице смягчилось. Он осторожно сжал её ладонь и повёл дальше, в сторону дома, где в окнах уже горел тёплый свет. Стефания шагала рядом, чувствуя, как в груди разливается щемящее, почти невыносимое счастье.

Едва тяжёлые автобусные двери с шипением закрылись за последним учеником, Ирина Игоревна захлопала в ладоши, собирая внимание расшумевшегося класса. Ребята, только что вывалившиеся из душного салона, потягивались и шурились на ярком утреннем солнце, лениво осматривая массивное серое здание музея с высокими колоннами и облезлыми гипсовыми барельефами над входом.

— Итак, все помнят правила? Не отстаём, ничего не трогаем руками, и я очень надеюсь, что никто не попытается примерить на себя экспонаты. Да, Максим? — класс взорвался короткими смешками, а Максим, стоявший чуть по-

одадь, развёл руками, мол, я вообще ни при чём, но на его лице играла та самая фирменная ухмылка, с которой он обычно и начинал свои представления.

Алиса, кутаясь в лёгкий вязаный кардиган, стояла рядом со Стешей и ловила на себе очередные взгляды одноклассников. С момента переезда в этот город она никак не могла привыкнуть к тому, что каждое её появление становится маленьким событием — то ли из-за столичного прошлого, то ли из-за того, что её семья мгновенно обросла слухами. Но сейчас внимание толпы было рассеяно: все перешёптывались о другом. В нескольких шагах от основной группы, прислонившись плечом к холодному камню колонны, стоял Игорь Царёв. Его высокая фигура в неизменной чёрной куртке, застывшая с видом крайней обречённости, дисгармонировала с цветастой толпой старшеклассников так сильно, будто сюда по ошибке затесался персонаж совсем другой истории. Он переминался с ноги на ногу и демонстративно пялился в телефон, всем своим видом показывая, что затащили его сюда исключительно насильно, и что он мысленно уже далеко отсюда.

— Вы посмотрите на него, — хмыкнул Илья, проследив за взглядом сестры. — Пришёл всё-таки. Святые угодники, какая честь.

Стефания лишь пожала плечами, старательно делая равнодушное лицо, хотя в груди у неё порхала целая стая бабочек. Она прекрасно знала, почему Игорь здесь. Знала с того

самого вечера в кафе, когда он, глядя в свою чашку с чёрным кофе, нехотя признался, что терпеть не может музеи, но ради неё готов вынести даже эту пытку. И теперь, когда он стоял в десяти метрах от неё, такой мрачный и неприступный для всех остальных, Стеша чувствовала себя обладательницей самого драгоценного секрета.

Ирина Игоревна тем временем выстроила класс в подобие организованной группы и повела ко входу. В фойе пахло воском, старой бумагой и ещё чем-то неуловимо пыльным, отчего сразу захотелось говорить шёпотом. Под высокими сводами гулко разносились шаги, и ребята поневоле притихли, разглядывая огромную мозаичную карту древнего мира на полу. К ним уже спешила экскурсовод — миниатюрная женщина с острым носиком и пучком седых волос, вооружённая указкой и бейджиком на лацкане строгого пиджака.

— Прошу за мной, — провозгласила она звенящим голосом, и класс потянулся в первый зал.

Экспозиция встречала посетителей витринами с керамикой и бронзовыми инструментами. Стеша шла рядом с братом, то и дело незаметно косясь в сторону. Игорь держался в хвосте группы, засунув руки в карманы и всем своим скучающим видом напоминая мученика, которого вели на плаху. Но каждый раз, когда Стеша оборачивалась, его серые глаза на долю секунды встречались с её, и в них мелькало что-то тёплое, почти неуловимое. Она тут же отворачивалась, пряча улыбку в уголки губ, а Игорь снова напускал на себя при-

вычную суровость, будто и не смотрел вовсе.

На третьем зале, когда экскурсовод увлечённо рассказывала про ритуальные маски, Илья вдруг замер и резко повернулся к сестре.

— Слушай, а что это ты на него всё время пялишься? — спросил он полушёпотом, кивая в сторону Царёва. Глаза его подозрительно сузились. — Он тебе что-то сделал?

Стеша вздрогнула так, будто её застали за кражей экспоната. Кровь прилила к щекам, и она мысленно выругала себя за неосторожность.

— Что? Я? — она округлила глаза, изображая искреннее удивление. — Да нет, просто странно видеть его здесь. Обычно же он везде сам по себе, вот я и... удивилась.

— Ага, удивилась, — Илья скрестил руки на груди, явно не купившись на её спектакль. — Пятый раз за пятнадцать минут. Смотри у меня, Стефания. Держись от него подальше, я серьёзно.

— Да с чего ты вообще взял, что я...

Но договорить она не успела. Экскурсовод, заметив шевеление в рядах, сделала паузу и уставилась на близнецов поверх очков.

— Молодые люди, у вас какие-то вопросы по экспонату? — поинтересовалась она ледяным тоном.

— Никак нет, — отрапортовал Илья с такой постной миной, что стоявшая рядом Алиса прыснула в кулак. — Всё предельно ясно.

— Вот и славно. Продолжим.

Стеша выдохнула, чувствуя, как отступает напряжение. Она быстро стрельнула глазами в конец группы и встретила короткий, понимающий взгляд Игоря. Он чуть заметно приподнял бровь — мол, попалась? — и отвернулся к витрине с каменными топорами. Стеша едва сдержала нервный смешок и, схватив Алису под руку, потащила её к следующему стенду.

— Что это было? — тихо спросила Алиса, успевшая заметить и взгляд подруги, и грозное лицо Ильи.

— Потом расскажу, — прошипела Стеша, — Просто Илья опять включает режим цербера.

Алиса понимающе кивнула и огляделась. Группа как раз вошла в просторный зал, посвящённый каменному веку. В центре возвышался огромный макет пещеры с восковыми фигурами первобытных людей, одетых в шкуры и вооружённых дубинами. У стен тянулись стеклянные витрины с накопечниками стрел, скребками и прочим древним инвентарём. Но настоящим хитом экспозиции был череп неандертальца, покоившийся на бархатной подушке в отдельной стеклянной пирамиде. Именно к нему, растолкав локтями товарищей, и устремился Максим.

— О, гляди, Илья! — восхищённо протянул он, прижимаясь носом к стеклу. — Это же твой двойник! Тот же рельефный лоб и выражение лица, будто я ему денег должен.

Класс дружно грохнул. Илья, стоявший с краю, побагро-

вел.

— Иди ты, Костровский, — беззлобно огрызнулся он, но сам невольно улыбнулся. — Много ты понимаешь в интеллектуальном выражении лица.

— Да ладно тебе, — Максим хлопнул его по плечу. — Если серьёзно, это ж наш далёкий предок. Можно сказать, твой пра-пра-пра... в общем, много раз «пра».

— Скорее уж твой, — парировал Илья. — Неандертальцы, как известно, были здоровенными и не особо умными. Идеальное совпадение.

Алиса, наблюдавшая за этой перепалкой, негромко рассмеялась. Ей нравилось, как Максим и Илья пикируются — в их дружеской ругани не было злости, только привычная, давно отрепетированная игра.

Максим, услышав её смех, тут же обернулся. Его голубые глаза сверкнули тем самым озорным огоньком, который Алиса уже научилась распознавать — он означал, что сейчас последует очередная выходка.

— Алиса, ты только посмотри на это безобразие, — он театрально указал на череп. — Илья утверждает, что это я. Но мы-то знаем правду. Иди сюда, сравнишь.

Алиса, помедлив, подошла к витрине и склонилась над стеклом. Ископаемый череп глядел на неё пустыми глазницами, скаля жёлтые зубы.

— Определённое сходство есть, — произнесла она с серьёзнейшим видом. — Особенно когда ты утром не выспал-

ся.

Максим ахнул, прижав руку к сердцу.

— Предательство! И это после всего, что между нами было!

— А что между вами было? — тут же влез Илья, и в его голосе зазвучали те самые ехидные нотки, которые не предвещали ничего хорошего. — Расскажите классу, нам очень интересно.

Алиса почувствовала, как у неё загораются щёки. Она быстро отвернулась, делая вид, что заинтересовалась соседней витриной с каменными орудиями. Максим же только хмыкнул и многозначительно пожал плечами, чем спровоцировал новую волну смешков.

Экскурсия продолжалась. Группа перетекала из зала в зал, и с каждым новым экспонатом Максим умудрялся отпустить какую-нибудь шутку: про византийские монеты он сказал, что это древние криптоинвесторы пытались расплатиться, а средневековый доспех окрестил «железным человеком на минималках». Илья неизменно парировал, Стеша смеялась, Алиса украдкой улыбалась, и даже суровая экскурсовод пару раз не сдержала лёгкой ухмылки, хотя и пыталась сохранять академическую строгость.

В зале древних цивилизаций, когда класс окружил огромный макет ацтекской пирамиды, Максим незаметно сместился в конец группы и пристроился рядом с Алисой. Их плечи почти соприкоснулись. Алиса инстинктивно напряглась, но

не отодвинулась.

— Не против, если я тут постою? — тихо спросил он, наклоняясь к самому её уху. — А то оттуда ничего не видно.

— Ты ростом под метр девяносто, тебе отовсюду видно, — заметила Алиса, не оборачиваясь.

— А ты заметила, — довольно констатировал Максим. — Я польщён.

Илья, стоявший впереди, обернулся и смерил их долгим взглядом. Стеша тоже покосилась и понимающе улыбнулась, но ничего не сказала. Алиса же сделала вид, что крайне увлечена историей ацтеков, хотя на самом деле не слышала ни слова из того, что вещала экскурсовод.

Когда группа двинулась дальше, в следующий зал, у одной из витрин возникла лёгкая заминка. Экскурсовод остановилась у стенда, чтобы подождать отставших, и класс рассыпался по помещению. Алиса замедлила шаг, разглядывая экспонаты в последней витрине. Здесь, на бархате цвета индиго, лежали древние украшения: янтарные бусы, потускневшие серебряные браслеты, головные уборы из бисера и тончайшие височные кольца. Свет софитов падал на них так, что каждая бусина, каждая царапинка на металле были видны до мельчайших подробностей.

Максим остановился рядом. Он ничего не говорил, просто смотрел на витрину, и его профиль, освещённый мягким музейным светом, вдруг показался Алисе совсем взрослым и серьёзным. Не было в нём сейчас ни ерничества, ни при-

вычной мальчишеской дерзости.

— Красивые, — тихо произнесла Алиса, кивая на бусы.

— Да, — согласился Максим так же негромко. — Знаешь, что интересно? Эти бусы пролежали в земле три тысячи лет. Их носили какие-то люди, они что-то для них значили. А потом их потеряли, забыли... и вот, спустя столько веков, кто-то их всё равно нашёл.

Он замолчал, и Алиса почувствовала, что её сердце начинает колотиться где-то в горле. Максим повернул голову и теперь смотрел не на бусы, а прямо на неё.

— Иногда то, что действительно важно, лежит прямо перед тобой, — произнёс он с лёгкой ухмылкой, но в голосе его звучало что-то очень серьёзное. — И дураком надо быть, чтобы не заметить. Я в последнее время стараюсь быть внимательнее.

Алиса замерла. Слова ударили под дых, и весь мир вокруг на мгновение перестал существовать — ни гомона одноклассников, ни гулкового эха шагов, ни даже собственного дыхания. Она видела только его глаза, ясные и бездонные, и чувствовала, как внутри что-то предательски тает, разливаясь теплом по всему телу.

В этот самый момент Илья, случайно отставший от группы и собиравшийся окликнуть друга, застыл на полпути. Он услышал последнюю фразу Максима, и брови его поползли вверх. Таким тоном Максим раньше не говорил ни с кем. Илья перевёл взгляд на Алису — та стояла бледная, с ши-

роко раскрытыми глазами, и в её лице читалась такая буря эмоций, что даже ему стало не по себе.

Стеша, заметив, что брат замер столбом, подошла ближе. — Ты чего? — шёпотом спросила она, но, проследив за его взглядом, тут же всё поняла.

Илья молча переглянулся с сестрой. В его взгляде читалось сложное чувство — смесь удивления, лёгкой тревоги и какого-то странного, неожиданного одобрения. Стеша чуть заметно кивнула и, взяв брата за рукав, потянула его в сторону. Они оба, не сговариваясь, отошли на несколько шагов, оставляя Максима и Алису наедине у витрины.

В тот же миг Стеша почувствовала на себе ещё один взгляд. Игорь стоял в противоположном углу зала, у колонны, и смотрел прямо на неё. Он больше не притворялся скупающим — теперь в его серых глазах горел совсем другой интерес. Стеша встретила его взгляд и едва заметно, уголками губ, улыбнулась. Игорь ответил коротким кивком, таким же незаметным для посторонних, и снова отвернулся к витрине с оружием, но теперь в его позе уже не было прежней отстранённости.

Алиса тем временем, справившись с внезапным параличом, сделала шаг назад. Её щёки пылали, а мысли метались испуганными птицами. Чувства к Максиму, которые она так старательно заталкивала поглубже, сейчас грозили выплеснуться наружу, и это пугало её до дрожи. Она не знала, имеет ли право на эти чувства, не знала, чем всё обернётся, и

больше всего на свете боялась, что он видит её смятение.

— Максим, я... — начала она, но голос предательски сорвался.

— Алиса, — он сделал шаг к ней, его голос звучал мягко и утешающе. — Я не хочу тебя пугать. Честное слово. Просто... я не могу больше притворяться, что ничего не вижу. И что ничего не чувствую.

Алиса замотала головой, отступая ещё на шаг. Ей вдруг стало душно, музейные стены давили на плечи, и захотелось немедленно бежать — прочь из этого зала, от его пронизывающего взгляда, от собственных чувств, которые грохотали в груди набатом.

— Нам надо догонять класс, — выпалила она, не глядя ему в глаза. — Сейчас начнётся следующая часть экскурсии, и Ирина Игоревна будет ругаться.

Не дожидаясь ответа, она сорвалась с места и почти бегом устремилась в проход, где исчезли остальные. Каблуки её ботинок гулко стучали по мраморному полу, и этот звук разносился под сводами, словно эхо её паники.

Максим остался один у витрины с бусами. Он проводил её взглядом, и на его лице промелькнуло выражение, в котором смешались растерянность, досада и какая-то особенная, щемящая нежность. Он не ожидал, что она так резко сорвётся, но и злиться не мог. Слишком хорошо понимал, что у неё внутри сейчас творится.

— Ну, и дурак, — тихо сказал он сам себе, усмехнувшись

краешком губ. Обернулся на витрину, где всё так же безмолвно лежали древние бусы, потускневшие от времени, но не потерявшие своей красоты. — Ладно, приятель, — обратился он к стеклянной пирамиде, — Если уж они три тысячи лет прождали, то я и подавно подожду.

Сунув руки в карманы, Максим медленно побрёл догонять класс. В душе его царил странный покой: он сказал главное, и теперь оставалось только набраться терпения. Алиса была напугана, но он видел в её глазах не только страх. Видел, как на секунду, прежде чем спрятаться за стеной паники, там промелькнуло то же самое чувство, что жило в нём самом.

Последний зал музея встретил их высокими сводами, затянутыми тёмно-синим бархатом, на котором мерцали крошечные лампочки, имитируя звёздное небо. В центре, под этим рукотворным космосом, на мраморном постаменте покоился главный экспонат — метеорит размером с баскетбольный мяч, окружённый экранами с проекциями его траектории. Стены были увешаны схемами и фотографиями, и весь зал казался храмом, посвящённым падению чего-то большего, чем просто камень.

Класс Ирины Игоревны, слегка оглушённый после долгой экскурсии, неторопливо рассыпался по помещению. Экскурсовод, утомлённо поправляя очки, что-то объясняла про химический состав метеорита, но большинство уже не слушало — ноги гудели, а впереди маячил автобус и свобода. Илья

стоял, прислонившись к прохладной стене и вполуха слушая рассказ, когда входная дверь с мягким шорохом открылась, и в зал потянулась цепочка учеников в форме другой расцветки — сине-белые галстуки против их красно-золотых.

Сначала он не придал этому значения. Мало ли, ещё одна школа на экскурсии. Но взгляд, пробежав по лицам вошедших, вдруг зацепился за что-то до боли знакомое, и сердце в груди дало сбой. У дальней витрины, разглядывая осколок метеорита, стояла Аня.

Илья выпрямился так резко, что Максим, стоявший рядом, чуть не пролил на себя воду из бутылки.

— Эй, полегче! Ты чего подскочил, как будто призрака увидел? — Максим проследил за его взглядом и сразу понял. — А-а-а, вот оно что.

Илья уже не слышал. Его лицо, обычно кривившееся в саркастичной усмешке или ленивом безразличии, преобразилось до неузнаваемости. Жёсткие линии скул смягчились, уголки губ поползли вверх сами собой, а в глазах загорелся тот самый особенный свет, который зажигается только при виде кого-то очень дорогого. Он даже ростом, кажется, стал ниже — словно весь его напускной апломб стек с плеч, оставив обычного семнадцатилетнего парня, влюблённого до дрожи.

— Аня! — позвал он, и его голос, обычно звучавший с ленцой или ехидством, теперь звенел почти мальчишеской радостью.

Девушка обернулась. Чёрные волосы, собранные в небрежный пучок с выбившимися прядями у висков, обрамляли лицо с большими карими глазами, которые при виде Ильи округлились от удивления. На губах расцвела улыбка — та самая, из-за которой он когда-то и потерял голову. Аня, забыв про свою группу, быстро пошла к нему навстречу, и в её походке сквозила та же радость.

— Илья! Вот уж не думала тебя здесь встретить, — она остановилась в шаге, словно не решаясь сразу броситься в объятия на глазах у двух школ.

Но Илья сам сократил расстояние. Он взял её за руку — так бережно, точно она была не живым человеком, а фарфоровой статуэткой, и переплёл свои пальцы с её. Жест вырвался произвольный, почти рефлекторный, и Аня, чуть покраснев, ответила мягким пожатием.

— У нас экскурсия, — сказал он, и в его голосе прорвались тёплые, бархатные нотки, каких Максим не слышал от него никогда. — А ты как здесь?

— Наш историк решил, что нужно приобщаться к культуре, — Аня чуть поморщила нос, и в этом жесте было что-то такое уютное и домашнее, что Илья смотрел на неё, не отрываясь. — Третий час уже тут бродим. Я умираю от скуки.

— Ну, теперь тебе будет веселее, — он сжал её ладонь крепче и, спохватившись, обернулся к своим.

Максим, наблюдавший за этой сценой с выражением глубочайшего изумления, ткнул Алису локтём.

— Ты видишь то же, что и я? — прошептал он. — Или я перегрелся?

— Тише ты, — шикнула Алиса, но её губы уже растягивались в улыбке. Сцена была и впрямь невиданная: Илья Аксёнов, главный скептик и насмешник, таял как мороженое на июльском солнце.

— Так, ребята, знакомьтесь, — Илья, чуть запнувшись, словно стесняясь собственной нежности, подвёл Аню ближе. — Это Аня. Моя девушка.

Последнее слово прозвучало так гордо и так трепетно одновременно, что у Алисы защемило сердце. Илья, который вечно ёрничал и подкалывал, сейчас смотрел на Аню с таким выражением, будто она была восьмым чудом света.

— Очень приятно, — Алиса улыбнулась искренне, без тени насмешки. — Я Алиса.

— А я Максим, — он широко ухмыльнулся и протянул руку для приветствия. — Тот самый друг, которого Илья постоянно доводит до нервного тика. Но сейчас я его не узнаю. Скажите честно, вы ему в кофе что-то подмешиваете? Он вообще на себя не похож.

Илья закатил глаза и пихнул Макса в плечо, но без обычной агрессии — скорее, по-братски.

— Завидуй молча, Костровский.

— Да кому завидовать-то? Ты глянь на себя, — Максим драматично приложил руку ко лбу, изображая обморок. — Илья Аксёнов — и краснеет! Пиши пропало, друзья. Ещё

немного, и он стихи начнёт читать.

Аня тихо рассмеялась, прикрывая рот ладошкой, и этот смех, словно колокольчик, окончательно растопил лёд. Илья посмотрел на неё с такой благодарностью, будто она только что спасла ему жизнь.

— Кстати, — Максим прищурился, — А что же ты, Илья, так долго скрывал от нас такое сокровище? Стыдился общества?

— Не скрывал, — буркнул тот, но уши предательски заалели. — Просто... момент не подворачивался.

— Ага, момент, — подхватил Максим. — Полгода, наверное, момент не подворачивался. Или ты боялся, что мы её напугаем?

— Скорее, что вы меня опозорите, — парировал Илья, и Алиса с Аней переглянулись, приснув от смеха.

Пока троица увлеклась беседой — Илья расспрашивал, что они сейчас проходят в школе, и как Аня добралась, а Максим то и дело вставлял шуточки, на которые Илья реагировал с непривычным добродушием — Стеша незаметно отступила в тень.

Она отошла к дальней витрине, где под стеклом покоились куски окаменевшего дерева, и сделала вид, что внимательно изучает экспонат. На самом деле её сердце колотилось где-то в горле, а взгляд то и дело скользил пытаясь отыскать Игоря, пропавшего из поля зрения.

Она хотела подойти, но не знала, как. В конце концов, они

не были парой — всего одно свидание, несколько долгих переписок по ночам да пара украденных поцелуев. Этого было мало, чтобы предъявлять права, но достаточно, чтобы внутри всё трепетало от одного его присутствия.

И вдруг чья-то горячая ладонь легла на её локоть. Стеша вздрогнула, но не успела даже пикнуть — сильная рука утянула её в сторону, за тяжёлую бархатную портьеру цвета запёкшейся крови, отделявшую экспозицию от служебного входа.

В полумраке, среди складок плотной ткани, пахнувшей пылью и старым театром, она оказалась прижатой к прохладной стене. Перед ней стоял Игорь — совсем близко, так, что она чувствовала жар его дыхания и видела каждую крапинку в серых глазах.

— Ты чего... — начала она шёпотом, но он перебил.

— Если бы не ты, я бы в жизни сюда не пришёл, — его голос звучал низко, с той самой ленивой усмешкой, от которой у неё подкашивались ноги. — Музеи — это пытка. Мозги засыхают быстрее, чем эти ископаемые. Так что сделай хоть что-нибудь, чтобы я не умер от скуки.

Стеша на мгновение замерла, вглядываясь в его лицо. Свет, пробивавшийся сквозь щель в портьере, рисовал на его скулах резкие тени. Выглядел он совершенно серьёзным — но в глубине зрачков плясали бесенята.

И тогда она, набравшись смелости, подалась вперёд и поцеловала его.

Поцелуй вышел коротким, почти невесомым, как прикосновение крыла бабочки. Но Игорь не дал ей отстраниться. Его рука скользнула по её талии и прижала крепче, а губы ответили с куда большей настойчивостью.

— Принимается, — выдохнул он ей в губы, и в следующую секунду поцеловал её сам — уже не нежно, а властно, забирая дыхание.

Стеша тихо ахнула, когда его ладони легли на её бёдра, приподнимая чуть выше, вжимая в стену. Поцелуй становился всё глубже и жарче, и она забыла, где находится. Забыла про экскурсию, про брата в соседнем зале, про то, что в любой момент их могут обнаружить. Остались только его руки, его губы и это пьянящее чувство полёта.

— Игорь, — прошептала она, с трудом разрывая поцелуй, — Мне пора... сейчас хватятся.

— Ещё рано, — он коснулся губами уголка её рта, затем скользнул ниже, к подбородку, к шее, оставляя дорожку лёгких, дразнящих поцелуев. — Твой брат сейчас занят — он воркует со своей девушкой, как голубь. Никто нас не увидит.

Стеша попыталась выскользнуть, но его руки держали крепко, и каждое движение лишь заставляло его прижиматься сильнее. Игорь целовал её щёки, виски, шею — так жадно, словно не мог насытиться, словно она была единственным источником кислорода в этом душном музее.

— Пожалуйста, — выдохнула она, уже не пытаясь скрыть дрожь в голосе, — Я сейчас с ума сойду от счастья.

Он замер. Медленно, неохотно, разжал объятия. Его ладони скользнули по её плечам, спустились к локтям и отпустили. В полумраке его глаза горели тёмным огнём, а на губах играла усмешка, от которой у Стеши всегда слабели колени.

— Беги, заяц, — тихо произнёс он. — На этот раз так и быть, отпущу.

Стефания, стараясь унять бешено колотящееся сердце, осторожно выглянула из-за портьеры. В зале всё было по-прежнему. Илья стоял к ней полубоком, держа Аню за руку и что-то увлечённо ей рассказывая, а Максим и Алиса переглядывались с понимающими улыбками, время от времени вставляя реплики. Её отсутствия никто не заметил.

Быстро чмокнув Царёва напоследок, она выскользнула обратно в зал, поправила волосы, одёрнула кофту и, нацепив на лицо безмятежное выражение, неторопливо подошла к Алисе. Та окинула её быстрым взглядом — слишком быстрым — и в её глазах промелькнуло лукавое понимание.

— Ну, и где ты была? — шепнула Алиса, чуть наклонившись к подруге.

— Экспонаты изучала, — Стеша попыталась придать голосу невинности, но щёки всё ещё пылали.

— Да-а? Интересный, видимо, экспонат. Судя по твоему виду, очень... захватывающий.

Стеша пихнула её локтем, и обе тихо прыснули.

Экскурсия подошла к концу. Экскурсовод, выбившаяся из сил, объявила, что на этом программа завершена, и классы

потянулись к выходу. Илья нехотя попрощался с Аней, и их расставание вышло таким трогательно-долгим, что Максим театрально закатил глаза и демонстративно отвернулся. Алиса, глядя на них, вдруг поймала себя на мысли, что завидует такой открытой, незамутнённой нежности. С ней и Максимом всё было иначе — запутаннее, страшнее, с оглядкой на вражду родителей, на собственные страхи.

Игорь ушёл, не прощаясь. Просто растворился в толпе у выхода, даже не обернувшись. Стеша проводила его коротким взглядом, и в её груди что-то сладко сжалось. Она не обижалась — понимала, что так надо. Их связь пока что существовала только в тених, за портьерами и в ночных мессенджерах, и выносить её на свет было рано.

В автобусе, усевшись на задние сидения своей компанией, они наконец-то смогли расслабиться. Илья, обычно самый молчаливый в плане личных тем, сегодня разливался соловьём.

— Вы не представляете, как я офигел, когда её увидел, — говорил он, не переставая улыбаться. — Думал, у меня галлюцинации от переутомления. Она же говорила, что их школа на экскурсию собирается через неделю. А тут — бац! — и она стоит у витрины. Я чуть не заорал на весь зал.

— Мы заметили, — ехидно вставил Максим. — Ты ещё «Анечка, солнышко» не сказал, но я ждал.

— Заткнись, Костёр, — но Илья даже не пытался скрыть, что ему приятно. — Ты просто завидуешь, что у тебя так не

получается.

Максим перевёл взгляд на Алису, сидевшую у окна, и чуть заметно улыбнулся.

— Ну, знаешь, у меня свои методы, — сказал он тихо, но так, чтобы Алиса слышала. Она сделала вид, что заинтересовалась пейзажем за окном, но уголки её губ дрогнули.

Стеша, сидевшая через проход, улыбалась, но мысли её витали далеко. Она прижимала телефон к груди, и на экране горело непрочитанное сообщение от Игоря: короткое «Спасибо за спасение. С меня кофе». Она ещё не ответила, растягивая удовольствие, но внутри всё пело.

Автобус катил по улицам городка, а за окнами проплывали знакомые пейзажи: центральная площадь с её старыми фонтанами, три главные улицы, утопающие в багряной листве, школа, похожая больше на старинную усадьбу. Алиса смотрела на этот город и чувствовала, как он понемногу становится не просто декорацией, а чем-то большим. Здесь были люди, которые ей дороги, здесь зарождались чувства, которые и пугали, и окрыляли одновременно.

— Эй, заснула? — голос Максима вывел её из задумчивости.

Он сидел рядом и протягивал ей наушник.

— Там, — он кивнул на свой телефон, — Плейлист, который я собрал. Говорят, музыка помогает, когда в голове слишком много мыслей.

Алиса взяла наушник, и в ухо полилась мягкая, инстру-

ментальная мелодия. Она взглянула на Максима, и он ответил ей долгим, тёплым взглядом, в котором читалось всё, что он пока не решался произнести вслух. Илья, заметив это, тихо фыркнул и отвернулся к окну, но даже его скептицизм сегодня дал трещину.

До школы оставалось всего несколько остановок, но каждому из них казалось, что этот день растянулся на целую вечность, а впереди ещё внеурочные занятия.

Глава 21

Осеннее солнце, огромное и багровое, медленно сползло к зубчатому горизонту крыш, заливая школьный двор густым, тёплым светом, который окрашивал асфальт в цвет старого золота и растягивал длинные, искажённые тени от деревьев и скамеек. Воздух, ещё днём прозрачный и прохладный, теперь казался тяжёлым и сладковатым. Внеурочные занятия давно закончились, и двор жил своей вечерней жизнью: стайки старшеклассников громко спорили у входа, пара влюблённых уединилась на дальней лавочке, а группа мальчишек азартно гоняла мяч у забора, их крики и смех разносились эхом в тихом воздухе. Алиса шагала рядом со Стешей, полуприкрыв глаза от косых лучей, и слушала её непрерывную, бурлящую болтовню о предстоящем школьном концерте.

– И представляешь, они будут играть прямо на сцене актового зала! Это же моя любимая группа, я все их альбомы знаю наизусть! Мы обязательно должны сходить, я тебе все песни потом переведу, если что! – Стефания жестикулировала так энергично, что её длинная коса хлестала по спине, а серые глаза сияли фанатичным восторгом. Её голос, обычно такой звонкий, сейчас звучал чуть хриловато от воодушевления. И Лисицына радовалась, что подруга, наконец, пришла в себя.

Алиса улыбалась, кивая, но её взгляд невольно скользнул через двор к дальней парковке, где у забора, залитые последними лучами солнца, стояли два мотоцикла. Рядом с ними, прислонившись к железным коням, виднелись знакомые силуэты. Максим, в чёрной косухе и потёртых джинсах, сидел верхом на своём байке, закинув одну ногу на подножку, а Илья, в такой же небрежной позе, стоял рядом, что-то оживлённо доказывая, размахивая руками.

– А вот и наши лихие наездники, – Стеша последовала за её взглядом и махнула рукой, ускоряя шаг. Её лицо озарила широкая, немного снисходительная улыбка. – Макс! Илюха! Вы чего тут торчите, как грифы на привязи? Ждёте, пока вас приручат?

Максим обернулся первым, и его лицо, освещённое закатом, растянулось в ухмылке, которая поначалу так раздражала Алису – самоуверенной, немного наглой, но теперь почему-то вызывающей у неё лёгкое тепло в груди. Он слегка откинул голову, и тёмные волосы упали на лоб.

– Ждём, пока вы, принцессы, соизволите закончить обсуждать наряды и прочие дамские штучки, – парировал он, его голос, немного хрипловатый от ветра и смеха, нёсся через двор. – Лисёныш, как тебе экскурсия по нашим диким землям? Впечатлила местная фауна?

Алиса, подойдя ближе, закатила глаза, но не смогла сдержать улыбки. Она перекинула лямку рюкзака на другое плечо, чувствуя, как усталость после дня растворяется в этой

простой, дружеской атмосфере.

– Потрясающе, – сказала она, подражая его тону. – Особенно кульминационная часть с побегом благородного рыцаря через окно от гнева феи-учительницы на последнем занятии. Прямо шекспировская драма.

– О, это не драма, это классика жанра под названием «Как не опоздать на встречу с дамой сердца», – хмыкнул Илья, слезая с мотоцикла и подходя к сестре. Он был в серой олимпийке нараспашку поверх чёрной футболки, и его светлые, чуть растрёпанные волосы казались медовыми в закатном свете. – Кстати, Стеш, ты ей про концерт-то рассказала уже или только начала свою обычную лекцию о величайшем культурном событии года?

– Только начала! – Стеша всплеснула руками, её лицо снова выразило восторг. – Алиса, ты представляешь! Уже через две недели, в субботу! К нам приедет «Северный Ветер», это моя самая любимая группа, я о-о-о-очень хочу сходить. Ты же идёшь? Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста! Мы возьмём билеты в первый ряд, я тебе куплю мерч, будем кричать вместе!

Илья фыркнул, закатывая глаза с таким драматизмом, будто наблюдал за церемонией коронации кота.

– Очередная жертва попадает в сети фанатского безумия моей сестры, – вздохнул он, обращаясь к Алисе. – Лис, подумай хорошенько. Это не просто концерт. Это ритуал. С заучиванием биографий, текстов песен и обязательным знани-

ем цвета носков солиста. Ты готова к такой жертве?

– Привыкать надо в процессе погружения! – парировала Стеша, толкнув брата плечом, но беззлобно. – А то сидишь тут на своём железном коне, важничаешь, а культурное развитие у тебя на уровне пещерного человека.

– У меня культурное развитие на уровне человека, который знает, как починить этот «железный конь», когда он ломается посреди ночи в тридцати километрах от дома, – огрызнулся Илья. – А это, поверь, куда полезнее знания года рождения басиста.

Алиса засмеялась, глядя на их привычную перепалку. В этой лёгкости, в этом ощущении «своих» было что-то невероятно ценное.

– Хорошо, хорошо, – улыбнулась она, поднимая руки в знак мира. – Я схожу с тобой, Стеша. Обещаю. Только дай мне сначала в уборную сбежать, а то мы полдня по коридорам болтались. Вернусь через пять минут, решим, как добираться.

– Героически терпи, – пафосно произнёс Максим, делая вид, что салютует ей. – Мы тебя здесь подождём. Не потеряйся в лабиринтах школьных туалетов, а то придётся организовывать поисково-спасательную операцию.

– Постараюсь, – бросила она через плечо и зашагала обратно к зданию школы, её рыжие волосы вспыхнули в последнем луче солнца, прежде чем она скрылась за углом.

Как только Алиса исчезла из виду, атмосфера среди остав-

шихся изменилась почти мгновенно. Веселье куда-то испарилось, сменившись напряжённым ожиданием. Максим перестал ухмыляться, его взгляд стал внимательным, блуждающим по двору. Илья прислонился к мотоциклу, задумчиво уставившись на небо. Даже Стеша притихла, нервно перебирая пряди своей косы.

Именно в эту тишину, нарушаемую лишь далёкими криками и рёвом уезжающих машин, медленно, словно из самой тени, вышел Игорь Царёв.

Он появился с другой стороны двора, двигаясь своей характерной, лениво-небрежной походкой, руки в карманах чёрных джинс, тёмная толстовка с капюшоном и накинутая поверх ветровка. Его лицо, обычно бесстрастное, сейчас было сосредоточенным, даже суровым. Он приблизился, не глядя ни на кого, и остановился в паре метров от группы, его глаза метнулись в сторону, где скрылась Алиса, а затем вернулись к Максиму.

– Там минивен чёрный у школы, за углом, у спортивного крыла, – проговорил он тихо, но так отчётливо, что каждое слово прозвучало как удар колокола. Он не смотрел на Илью или Стешу, его взгляд был прикован к Костровскому. – За рыжей вашей охотятся. Вы следите в оба. Сейчас будут брать.

Максим резко выпрямился на мотоцикле, его пальцы вцепились в руль так, что костяшки побелели. Голубые глаза сузились, в них вспыхнуло что-то дикое, опасное.

– Чё? – вырвалось у него, голос низкий, хриплый. – Ты чё

несёшь, Царь? Какая охота?

– Я же в прошлый раз говорил зайцу, чтобы рыжая одна не ходила, – Игорь медленно перевёл взгляд на Стешу, и в его обычно насмешливых глазах мелькнула неподдельная тревога. – Где она сейчас?

– Какой она тебе заяц?! – взорвался Илья, делая резкий шаг вперёд. Его лицо исказилось от внезапной злости и ревности, он сжал кулаки, готовый броситься на парня. – Ты к моей сестре вообще не прикасайся, понял? И от Алисы подальше держись со своими бреднями!

– Илюха, тихо, – резко оборвал его Максим, не отводя взгляда от Игоря. В его позе читалась готовность сорваться с места в любой момент. – Царь, говори конкретнее. Откуда инфа?

Но им не дали договорить.

– Макс!

Испуганный, пронзительный визг, полный чистейшего ужаса, разорвал вечернюю тишину и заставил кровь застыть в жилах у всех присутствующих. Алиса выскочила из-за угла школы, её лицо было бледным как мел, глаза широко распахнуты от страха. Она сделала всего пару шагов в их сторону, но из-за того же угла выскочили двое мужчин в тёмных, невзрачных куртках и спортивных штанах.

Всё произошло молниеносно, слишком быстро, чтобы мозг успел осознать. Один из них, коренастый, с коротко стриженными волосами, резко накрыл её рот своей большой,

грубой ладонью, заглушив второй попытку крика. Второй, повыше и тоньше, тут же подхватил её за ноги. Алиса отчаянно забилась, её ноги дёргались в воздухе, руки пытались оторвать ладонь от лица, но силы были неравны. Её рюкзак с грохотом упал на асфальт, из него выкатилась пачка тетрадей.

– ОТПУСТИТЕ ЕЁ! – рёв Максима был таким громким, таким звериным, что даже воробьи с ближайшего дерева взметнулись в небо с испуганным чириканьем. Он сорвался с мотоцикла, как пружина, и помчался через двор, сметая всё на своём пути, его ноги работали с нечеловеческой скоростью.

Следом, будто очнувшись от гипноза, рванули Илья и Игорь. Илья кричал что-то нечленораздельное, его лицо издавало ярость. Игорь бежал молча, но его глаза горели холодным огнём. Стеша замерла на месте на секунду, её рука инстинктивно поднялась ко рту, а затем она тоже бросилась вперёд с истошным воплем: «АЛИСА!»

Но расстояние было слишком велико. Похитители, действуя слаженно и профессионально, уже доволокли отчаянно сопротивляющуюся девушку до чёрного минивэна с тонированными стёклами, который вырулил из-за угла почти бесшумно. Задняя дверь отъехала, тело Алисы буквально бросили внутрь. Один из мужчин прыгнул следом, второй оббежал и запрыгнул на место рядом с водителем. Дверь захлопнулась. Раздался резкий, противный визг шин, запах горелой

резины ударил в нос. Минивэн рванул с места, резко развернулся и умчался вверх по улице, растворяясь в сгущающихся вечерних сумерках за поворотом.

Максим добежал до места, где только что была Алиса, буквально через секунду после того, как машина исчезла. Он замер, тяжело дыша, его грудь вздымалась, а лицо было искажено такой бессильной яростью, что казалось, он сейчас взорвётся. Он смотрел на пустое место на асфальте, на разбросанные тетради, на её голубой рюкзак, лежащий на боку.

– СУКА! – слово вырвалось из его горла хриплым, сдавленным воплем, полным отчаяния и ненависти. Он с размаху пнул стоящий рядом детский велосипед, прислонённый к забору. Тот с оглушительным грохотом полетел на асфальт, задев соседний, и оба рухнули в кучу искорёженного металла.

Илья, подбежав следом, остановился рядом, его дыхание тоже было сбитым. Он молча поднял рюкзак Алисы, отряхнул его и зажал в руках, его пальцы впились в ткань. Игорь подошёл последним, его лицо было каменным, лишь губы плотно сжаты. Стеша, добежав, схватила за грудь, пытаясь отдышаться, слёзы уже текли по её щекам.

– ТЫ! – Максим резко развернулся и рванул к Игорю. Он схватил его за грудки толстовки, с такой силой, что тот чуть не потерял равновесие. Голубые глаза Костровского пылали в сантиметрах от холодных глаз Царёва. – ОТКУДА ТЫ ЗНАЛ?! ГОВОРИ, БЛЯДЬ! Откуда ты знал, что они за ней?!

– Максим! – Стеша вцепилась в его руку, пытаясь оттянуть, её голос дрожал. – Прекрати! Он же пытался предупредить!

– А ты вообще не подходи к нему! – вклинился Илья, шагнув вперёд и попытался оттащить сестру. Его взгляд, полный подозрения и ревности, был направлен на Игоря. – С каких это пор ты, Царь, нашим благодетелем стал? Что тебе до нашей компании?

Игорь, не пытаясь вырваться из хватки Максима, лишь ухмыльнулся, но в ухмылке не было прежнего безразличия. Было что-то усталое и понимающее.

– Отпусти, придурок, – произнёс он спокойно,. – Я вообще-то предупредить хотел, пока не поздно. Ты чо кидаешься на меня, как на врага? У тебя мозги на месте?

Максим замер, его дыхание постепенно выравнивалось. Он с силой выдохнул, разжал пальцы и отступил на шаг, проводя рукой по лицу. На скуле у него вздувалась красная полоса от перенапряжения.

– Прости, – пробормотал он, голос сорванный. – Просто... чёрт возьми...

– Просто переживаешь за свою подружку, да, – Игорь кивнул, уже без тени насмешки, поправил помятую толстовку. – Понимаю. Но орать и бить посуду сейчас – не вариант. Вы же знаете, какие слухи про меня ходят по школе, – продолжил он, переводя взгляд с Ильи на Стешу. – Что я с мафией связан, что у меня руки по локоть в грязи и всё такое.

– Это бред, – фыркнула Стеша, но голос её звучал неуверенно. Она получила недовольный, предостерегающий взгляд от брата и увидела, как уголок губ Игоря дрогнул в лёгкой усмешке.

– Не совсем бред, – признался он, складывая руки на груди и отводя взгляд в сторону, где скрылась машина. Его лицо стало серьёзным, почти мрачным. – Но брат мой старший, Артём, действительно в этих... кругах крутится. И вот дошли до меня слухи, что один из местных бизнес-китов, который не в восторге от нового завода на окраине, заказал похищение дочки этого самого Лисицына. Чтобы припугнуть, надавить. А тебе, – он снова посмотрел на Стешу, и в его взгляде было что-то непростое, – Я об этом в прошлый раз, у запасного выхода, намекал. Говорил, чтобы она одна не шлялась.

– Какой ещё прошлый раз? – Илья выступил вперёд, снова пытаясь загородить сестру, его лицо выражало чистейшее негодование и беспокойство. – Стефания, о чём он говорит? Ты что, с ним тайно встречалась?

– Не твоё дело! – прошипела Стеша, и её щёки вспыхнули ярким румянцем. Она с вызовом посмотрела на брата, а затем на Игоря, но в её глазах читалось больше замешательства, чем гнева. – Лучше надо придумать, что делать! Куда они её могли повезти? Ты знаешь?

– Этого я точно не знаю, – Игорь пожал плечами, но его взгляд стал аналитическим. – Но логика подсказывает. Раз давление на отца – значит, увезут куда-то, где можно тихо

посидеть и подождать, пока папаша не сдастся. Какое-нибудь заброшенное место. Склад, ангар... старый завод, который её батя выкупил, например. Туда даже менты редко суются.

– Пиздец, – выдохнул Максим, снова хватаясь за голову. Он зажмурился, пытаясь собраться. Его руки всё ещё дрожали, но в голосе уже появилась стальная решимость. – На неё, блин, хоть жучок ставь теперь. Спутниковый маячок вшивай...

– ТОЧНО! – Стеша вдруг выпрямилась, как от удара током. Её слёзы моментально высохли, уступив место вспышке надежды. Серые глаза загорелись. – У меня! У меня есть карта, где она отображается! Мы же в прошлый раз обменялись геопозицией в приложении. Если телефон с ней, если они его не выбросили сразу...

Максим резко оживился, подлетев к девушке.

– Открывай! Быстро, Стень, не тяни!

Послушно, дрожащими от волнения пальцами, Стеша достала из кармана куртки свой телефон, разблокировала его и стала лихорадочно искать нужное приложение. Экран светился в наступающих сумерках, отражаясь в её широких глазах.

– Где-то здесь... Да! Вот! – она ткнула пальцем в иконку.

Все, как по команде, склонились над маленьким экраном, затаив дыхание. На карте города светилась маленькая, розовая иконка с фотографией улыбающейся Алисы. И она двигалась. Медленно, но неуклонно удалялась от иконки шко-

лы, ползя по виртуальным улицам в сторону промышленной зоны на окраине города.

– Они едут к старому заводу... – пробормотал Илья, всматриваясь. – Ты прав, Царь. Туда даже бомжи редко заходят.

– Илья, – голос Максима прозвучал твёрдо, без тени сомнений. Он уже смотрел не на карту, а в сторону парковки, где стояли их мотоциклы. – Твой мотик в порядке? Бензин есть?

– Да, только вчера из сервиса забрал, полный бак, – кивнул Илья, и его лицо тоже стало сосредоточенным, все шуточки куда-то испарились. – Едем?

– Отлично. Стеша, – Максим повернулся к девушке и осторожно, но твёрдо взял у неё телефон. – Я заберу твой телефон, с картой. А ты иди домой. Прямо сейчас. Вечером Илья тебе всё отдаст и расскажет.

– Эй, постойте! – Стеша вспыхнула, её серые глаза наполнились возмущением и обидой. Все двинулись к парковке, – Я тоже хочу поехать! Она моя подруга, самая лучшая! Я не могу просто так сидеть дома и ждать!

– Нет!

Громко и чётко, почти хором, сказали Илья и Игорь. Они переглянулись на секунду, и в глазах Ильи мелькнуло удивление, что они совпали, но он тут же нахмурился, а Игорь лишь едва заметно усмехнулся.

– Ещё чего, – Илья недовольно посмотрел на Царёва, –

Ещё одной девицы в беде нам не хватает. Ты дома сиди, жди. Мы вечером, если всё будет хорошо, привезём пропажу в целости и сохранности.

– Аксёнов! – Стеша топнула ногой, её лицо покраснело от ярости. – Ты же сам всегда орал, что не будешь никого спасать, что это не твои проблемы! Что «каждый сам за себя»? А сейчас что? Героем решил прикинуться?

– Я и не буду спасать, – буркнул Илья, насупившись и отводя взгляд. Его щёки слегка порозовели. – Просто подстрахую. А пусть героем, который будет вытаскивать её престелный зад из передраги, будет наш благородный Костёр. У него мотивы, я смотрю, более... возвышенные.

– Как благородно с твоей стороны, – язвительно бросила Стеша, но в её глазах читалась неподдельная тревога. – А если вас самих побьют? Или того хуже? Кто мне тогда будет говорить, что я идиотка?

– Кому мы нужны? – отмахнулся Илья, но его поза была напряжённой. – Мы же просто посмотрим. Разведка боем, так сказать.

Максим уже садился на свой мотоцикл, заводил его. Рев двигателя разорвал вечернюю тишину, заставляя некоторых оставшихся во дворе учеников оборачиваться. Он проверил зеркало, затем прикрепил телефон Стеши к держателю на руле.

– Стеша — домой. Точка. Илья — за мной. – его команды звучали чётко, без права на обсуждение.

– Есть, босс, – саркастически ответила девушка, скрестив руки на груди, но её нижняя губа предательски дрожала. Она сделала шаг вперёд и схватила Максима за рукав. – Парни... пожалуйста... аккуратно там. Обещайте.

– Обещаем, – тихо сказал Максим, и в его глазах на мгновение мелькнуло что-то мягкое, прежде чем снова стать сталью. Он кивнул.

Илья тем временем, уже сидя на своём мотоцикле и заводя его, бросил взгляд на Игоря, который стоял в стороне, наблюдая за всей сценой с тем же отстранённым, но внимательным видом.

– Эй, ты, – крикнул Илья, перекрывая шум двигателей. – Царь. От сестры моей подальше держись, понял?

В ответ Игорь лишь рассмеялся – коротким, глухим смешком, который звучал скорее устало, чем зло.

– Не могу ничего обещать, – произнёс он, и его взгляд скользнул по Стеше, задержавшись на её лице чуть дольше, чем нужно. В его глазах что-то мелькнуло – что-то более сложное, почти нежное. Аксёнов лишь нахмурился.

Максим дал газу, и его мотоцикл рванул с места, выезжая со школьной парковки. Илья, бросив последний взгляд на сестру и Игоря, последовал за ним. Два ревущих силуэта быстро растворились в густеющих вечерних сумерках, оставив за собой лишь запах выхлопа и тишину, которая снова опустилась на двор.

Стеша стояла, сжимая в руках рюкзак Алисы, который ей

передал Илья. Она смотрела в темноту, куда скрылись огни мотоциклов, и её плечи слегка подрагивали.

– Илья, ты идиот! – крикнула она вдогонку, но её голос звучал уже не сердито, а тоскливо и испуганно.

– ЗНАЮ! – донеслось издалека, едва слышно из-за шума ветра и удаляющегося рёва двигателей.

И вот они остались вдвоём – Стеша и Игорь. Осенний вечер окончательно вступил в свои права: небо стало тёмно-синим, почти чёрным на востоке, где уже зажглись первые звёзды, а на западе ещё тлела узкая полоска багрового заката. Воздух резко похолодел, заставляя Стешу ёжиться в своей лёгкой куртке. Школьный двор опустел, только ветер гонял по асфальту сухие листья, и в этой внезапной, звенящей тишине каждый звук казался преувеличенно громким.

Она медленно обернулась, чтобы взять вещи брата и друга, брошенные возле парковки, и увидела, что Игорь уже держит в руках три из четырёх её сумок, включая её розовый рюкзак с брелком в виде совы. Его фигура в тёмной толстовке и накинутой поверх ветровке казалась монолитной, почти пугающей в сгущающихся сумерках, но в жесте, которым он подхватил её вещи, было что-то до странности заботливое.

– Не слушай его, – неожиданно, тихо сказала Стеша, глядя себе под ноги, на потрескавшийся асфальт, исчерченный меловыми рисунками младшекласников. Её голос прозвучал хрипловато от слёз, которые она пыталась сдержать, сжать в кулак где-то в груди, не дать им пролиться.

– Да я и не собирался, – ответил Игорь так же тихо, без тени прежней насмешки. Он пожал плечами, и это движение вышло каким-то усталым, обречённым. – Твой брат повторяет это как мантру с прошлого года. Я уже привык.

Он сделал шаг к выходу со школьной территории, и его длинная тень метнулась по стене, искажаясь в свете фонаря.

– Пошли

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.